

Министерство образования Республики Беларусь

УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«ГРОДНЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ ЯНКИ КУПАЛЫ»

Н.С.Гребенщикова

ИСТОРИЯ РУССКОГО ПРИВЕТСТВИЯ

(НА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ)

Монография

Гродно 2004

УДК 81:39:811.161.1

ББК 81.411.2

Г79

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. каф. рус. языкознания Таврич. нац. ун-та им. В.И. Вернадского А.Н. Рудяков;

д-р филол. наук, проф. каф. общ. языкознания Минск. гос. лингв. ун-та Е.Г. Задворная;

канд. филол. наук, доц. каф. бел. яз. ГрГУ им. Я. Купалы И.С. Лисовская

Рекомендовано Советом УО «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы».

Гребенщикова Н. С.

Г79 История русского приветствия (на восточнославянском фоне):
Монография / Н.С. Гребенщикова. – Гродно: ГрГУ, 2004. – 306 с.

ISBN 985-417-575-8.

В монографии проводится исследование русского речетикетного тезауруса с точки зрения генезиса, семантической и структурной трансформации первичных приветственных стереотипов, особенностей функционирования приветственных формул, специфики выражения приветствия в русском, украинском и белорусском языках, начиная с общевосточнославянского периода.

Адресована специалистам по истории языка, этнолингвистике, лингвокультурологии, а также широкому кругу читателей, интересующихся историей русской (и восточнославянской в целом) культуры.

УДК 81:39:811.161.1

ББК 81.411.2

ISBN 985-417-575-8

© Гребенщикова Н. С., 2004

Введение.

КОММУНИКАТИВНАЯ СПЕЦИФИКА ПРИВЕТСТВИЯ

Приветствие, как неперменный ритуал повседневного общения, именно по причинам своей повторяемости и тривиальности предстаёт языковому (и филологическому) сознанию статичным и достаточно заурядным для того, чтобы наблюдать в нем эволюцию (если её и отмечают, то как своего рода замену стереотипов-слагаемых, не приводящую к изменению общего смысла).

Долгое время приветствие не представлялось исследователям интересным, тем более, что этикет отвергает всякую оригинальность в речевом оформлении ситуации встречи. Нередко письма выдающихся людей публиковались в препарированном виде, без начальных и конечных этикетных формул, которые отсекались как информативно и эстетически бесполезные для исследователя.

В обыденном смысле *приветствие* – это доброжелательные слова, обычно произносимые при встрече или начинающие бытовое (или полуофициальное) письмо.

При таком определении, с одной стороны, статус приветствия могут получить вербальные показатели доброжелательности и уважения, такие, как обращение (по имени-отчеству или ласкательное), этикетное прилагательное, сообщение о собственной радости по поводу встречи: – *Пров Иванович, драгоценнейший?! да как я рад! – завосклицал старичок, протянув обе ручки – полные и белые, – как всё в доме, – навстречу моему спутнику. Пров Иванович нагнулся, и они облобызались* (Минцлов С. «За мертвыми душами»).

С другой стороны, слова, непосредственно начинающие общение, способны восприниматься как приветствие – в силу их контактоустанавливающей – хотя и окказиональной – роли в интеракции: *Иду. Повертываю ключ. Снимаю с двери цепочку. – А Василию Ивановичу-то в Художественном театре в морду плюнули. – Этой фразой здоровается Литовцева* (жена В.И. Качалова. – Н.Г.). *Такое приветствие не явилось для меня неожиданным. Наша подруга имела обыкновение брать быка за рога и говорить прямыми словами о том, что происходит в мире.* (Мариенгоф А. «Мой век, мои друзья и подруги»).

В узком, специальном, смысле приветствиями называются только речезыкетные формулы (РЭФ), начинающие общение, на-

пример, рус. *Здравствуй(те)!*, укр. *Здоров був!*, бел. *Здароў!*, *Здарова!* По-разному рассматриваются вопросительные обороты типа рус. *Как живешь?* бел. *Як маешся?* Иногда их называют «выражениями, сопровождающими приветствие» [Формановская, Шевцова, с. 18], чаще квалифицируют как приветствия-осведомления. Благопожелания типа *Поди здорово!* определяют как «выражения, замещающие отсутствующие приветствия» [Плешакова, с. 9].

С появлением специальной области лингвистического знания – речевого этикета (сам термин вошел в обиход во 2-й пол. 1960-х гг.) – возник интерес к «избитым» фразам, которые до этого довольно бессистемно включались в структуру лексикографических справочников, словарей и до изобретения термина «речезыкетная формула» получали интерпретацию разнородного характера. Так, например, самое распространенное русское приветствие *Здравствуй(те)* 1) толкуется как отдельная лексема с характеристикой «Употребляется как приветствие при встрече» [Ож., с. 198], 2) представлено как застывшая форма повелительного наклонения глагола в статье «Здравствовать» [РУКРС, с. 232; ТСУ, I, с. 1096; ССРЛЯ, 4, с. 1179-1180]; аналогично украинское *Здрастуй* отмечается как «вітання при зустрічі» в статье *Здрастувати* [СУМ, III, с. 549], 3) вообще отсутствует – как, например, в «Русско-белорусском словаре». Это тем более парадоксально, что в том же словаре *Прощай* подается как отдельная лексема и приравнивается к белорусскому «междометию» *Бывай* [РБС, 2, с. 262].

Этикетные стереотипы, обслуживающие ситуацию встречи, могут быть представлены в толковых словарях не только как лексемы или застывшие словоформы, но и как фразеологизмы или клишированные конструкции: *Бог в помощь, Добро пожаловать, Честь имею кланяться, Здравия желаю, Приветствую вас, Примите мой сердечный привет*, бел. *Здрастуйце вам у хату*, укр. *Здоров був, Здоровенькі були* и др.

Особенностями лексикографического описания восточнославянских приветственных стереотипов в толковых словарях являются:

1. Плеонастичность толкования. Сема 'встреча' заложена в семантическую структуру лексемы «приветствие», тем не менее, этот элемент довольно последовательно включается в словарное толкование. Так, оборот *Здравствуй(те)* трактуется как «приветствие при встрече» [ТСУ, I, с. 1096; ССРЛЯ, 4, с. 1179-1180]. Аналогично в украинском словаре: *Здоров (здорова, здорові) [був, була, були, будь, будьте...]* з неділю (з понеділком, у хату...) – «усталена фор-

мула вітання при зустрічі» [СУМ, III, с. 546], *Здрастуйце* – «вітання при зустрічі» [СУМ, III, с. 549]. Соответственно о белорусском *Здароў* сообщается, что оно «ўжываецца як прывітанне пры сустрэчы» [ТСБМ, 2, с. 459].

2. Противоречивость толкования. Несмотря на то, что приветствие определяется (опять-таки) как «обращение при встрече», в словарях наличествуют характеристики «прощальное приветствие», «приветствие при прощании» и под.: *До свидания* – «прощальное приветствие» [ТСУ, 4, с. 88]; *Прощай(те)* – «прощальное приветствие» [СлРЯ, III, с. 548]; *Честь имею кланяться* – «приветствие при прощании» [ТСУ, 1, с. 1364]; *Прощай(те)* – «прощальное приветствие» [СлРЯ, III, с. 548].

Украинский и белорусский словари в этом случае всё-таки более логичны, поскольку для прощальных формул содержат особые выражения: бел. «развітальны выраз» (относительно *Ідзіце здаровы!* [ТСБМ, 2, с. 564], «развітальнае пажаданне» (*Будзь (Бывай) здароў!* [ТСБМ, 1, с. 432], «ввічліве побажання при прощанні» – об укр. *Будь здоров!* [СУМ, I, с. 265], «усталена форма прощання» – о *Бувай здоров!* [СУМ, I, с. 246].

3. Отсутствие единообразия в интерпретации РЭФ. Одни формулы именуются приветствиями: *С легким паром!* – «приветствие тому, кто только что вымылся в бане» [Ож., с. 274], другие – пожеланиями: *Покойной ночи* – «пожелание на ночь» [Ож., с. 475]; *Счастливого пути!* – «пожелание уезжающему, уходящему» [Ож., с. 550], третьи приводятся без комментариев: *Мир кому (чему)!* – «Пусть спокойно живет, покоится». С примером *Мир тебе!* – без комментария [Ож., с. 304]; *Как здоровьечко?* – в статье *Здоровье* [Ож., с. 198], без комментария; *Будь здрав!* – в статье *Здравый* [ССРЛЯ, 4, с. 1181], без комментария).

4. Нередко вольное (произвольное) определение обслуживаемой оборотом фазы интеракции. Подаются как приветствия только при прощании *Доброго здоровья* [Ож., с. 145]; *Честь имею кланяться* [Ож., с. 762; ТСУ, 1, с. 1364]. Относительно выражения *Мое почтение* утверждается: «Приветствие при встрече или (реже) (? – Н.Г.) при расставании с кем-либо» [ТСУ, 3, с. 680].

Вызванный к жизни прагматическими потребностями преподавания русского языка как иностранного, РЭ больше занимался функциональной стороной этикетных стереотипов, нежели их происхождением и динамикой. Определено и описано функционально-семантическое поле вежливости (ФСВ), выявлены коммуникативно-семантические группы (КСГ), выделены и исследованы

речевые этикетные ситуации просьбы, благодарности, приветствия, прощания, представления и т. д. К настоящему времени определен приветственный тезаурус – приблизительно 50 единиц. Описаны и исследованы специализированные речевые этикетные приветственные формулы, обусловленные ситуацией (временем суток, праздничным или рабочим днём, встречей в дороге или при входе в дом... и т. д.), социальным и возрастным статусом коммуникантов, их полом, степенью официальности общения. Обращаясь к истории, видят в первоначальном приветствии благопожелание, восходящее к заклинанию [Востоchnослав. ф-р., с. 280-281], некий магический ритуал дарообмена (причем магическая функция приветствия объявляется первичной), отмечают движение от благопожелательного значения непосредственно к этикетному [Агапкина, Виноградова, с. 175], включают приветствие в обиход так называемых «социальных поглаживаний» [Формановская 1998, с. 250-251].

Делается акцент на контактоустанавливающей функции приветствия, хотя нет ясности, почему одни обороты способны выполнять обе функции (контактоустанавливающую и контакторазмыкающую: *Привет!*), другие утрачивают эту способность (начальное *Будь здоров!* или прощальное *Здравствуй!*) или вообще ею не обладают (*Здорово!* – всегда в начале контакта, *Бывай!* – всегда при расставании).

История формирования категории приветствия остается на уровне догадок, неподтвержденных гипотез, что – по аналогии с народной этимологией – можно поименовать народным толкованием. К примеру, *Здравствуй* интерпретируется как усеченный перформатив *Здравствую* (*Здравствуй – у*) → *Здравствуй* (Соболевский, Фасмер, за ними Шанский), приветствие *Здоров!*, бел. *Здароў!* обычно возводится к благопожеланию *Будь здоров!* (далее будет доказано, что это не так).

При первом же приближении к теме возникают вопросы такого рода:

1. Так ли уж безусловна отнесенность приветствия к началу интеракции?

2. Почему самое распространенное русское приветствие (проникшее, впрочем, в украинский и белорусский речевой этикет) *Здравствуй(те)!* закрепилось в невостоchnославянской огласовке? Появившись с распространением христианства, оно, очевидно, вытеснило какое-то дохристианское приветствие. Какое?

3. Почему этикетный термин, «обслуживающий» ситуацию встречи и восходящий к *привет: *приветствие*, бел. (*пры*)*вітанне*, укр. (*при*)*вітанне*, принят только у восточных славян?

4. По каким причинам пожелание доброго времени суток (широко распространенное в современном речевом этикете) совершенно неизвестно русскому фольклору, а в белорусском и украинском языках *Добры дзень!*, *Добридень!* – излюбленные речезыкетные стереотипы?

5. С чем связана способность некоторых стереотипов оформлять как начальную, так и конечную стадию интеракции (*Привет!*, *Мое почтение!*, *Будь здоров!*), в то время как другие лишены этой особенности (*Здоров!*, *Здорово!* – употребляются только при установлении контакта)?

6. И, наконец, вопрос глобального характера: почему вообще люди приветствуют друг друга при встрече?

Требуют уточнения некоторые достаточно общие места теоретической интерпретации приветствия: определение и типы приветствия, заложенная в нем интенция говорящего, (не)информативность.

Помимо приветствий-осведомлений, выделяют собственно приветствия и приветствия-благопожелания (что представляется не вполне логичным, поскольку *Здравствуй* или *Добры дзень*, обороты, квалифицируемые как собственно приветствия, одновременно являются и благопожеланиями; к тому же неясно, куда, согласно этой классификации, следует отнести обороты типа *Поклон!*, бел. *Маё шанаванне!*, укр. *Чолом!*).

(Не)информативность приветствия. Приветствие, контактоустанавливающий речевой акт, традиционно относится к неинформативным (нам встретился даже любопытный термин «неинформативное сообщение» [Нац. – культ. специф. реч. общ., с. 55]): «Обмен репликами служит не для обмена информацией, а для установления контакта между собеседниками либо для обозначения того, что между ними имеются определенные социальные отношения. Таковы, например, расспросы о здоровье при встрече < ... >. Лингвистической особенностью таких актов является использование стандартизированных речевых формул (типа *Как дела?* – *Ничего*; *Как здоровье?* – *Помаленьку*)» [Гак, с. 562].

Не оспаривая это положение в целом, заметим только, что фатическое общение превращается в информационный обмен при неординарных или экстраординарных обстоятельствах (Ср. *Как дела?* – *Нормально!* и *Как дела?* – *В отпуск иду*; *Как дела?* – *Вторую неделю на больничном*). Таким образом, взаимное приветствие – даже и семантически опустошенное – является-таки источником информации о состоянии дел (нормальном, обычном) коммуникан-

тов. Уточним также сам термин «информация», который многозначен: мы можем говорить об отсутствии в речевых формулах когнитивной разновидности информации; между тем они содержат индексальную информацию [Белл, с. 102-103] – нередко не осознаваемую говорящим, но воспринимаемую собеседником и важную для собеседника, поскольку она сообщает об эмоциональном состоянии, психологическом складе и социальном статусе личности говорящего, от чего не в малой степени зависит успех интеракции (Р.Белл, кроме того, выделяет и третий тип информации – *interaction management information*, регулятивную, организующую коммуникативное взаимодействие [Белл, с. 103]).

О благопожелании и заклинании. Приветствия обычно квалифицируются (с учетом интенции говорящего) как благопожелания (речевые формулы, представляющие собой пожелания здоровья, мира, Божьей помощи, счастья, успеха и т. п., используемые в повседневном общении по тому или иному поводу).

Толкование приветствия исключительно как благопожелания является достаточно распространенным (можно объяснить этот факт экстраполяцией широко употребляемых современных приветственных формул *Здравствуйте!*, *Добрый день!*, которые, действительно, являются пожеланиями). Однако вербализованные жесты (*Поклон тебе!*, *Целую!*, *Кланяйтесь брату!*), обороты типа *Привет всем!* не встраиваются в систему благопожеланий. Кстати, по этой причине долгое время не получало удовлетворительного толкования древнее славянское приветствие *Гой еси*: форму 2-го л. ед. ч. настоящего времени *еси* 'ты есть' (здоров), подгоняя под стереотипное представление о приветствии, пытались перевести императивом 'Здоровей!', 'Будь здоров!' (Фасмер, за ним Попов, Шанский и др.).

Что касается семантики заклинания, якобы изначально присутствующей в приветствии (о первоначальной ритуально-магической функции приветственных стереотипов говорится, например, в [Нац. – культ. специф. реч. общ., с. 50; Восточнослав. ф-р, с. 281]), то заметим: если видеть в приветствии ритуализованное заклинание, следует допустить, что оно (приветствие) есть нечто привнесенное в человеческие отношения и на каком-то этапе существования человека не свойственное им. Современные лингвисты, которые все чаще обращаются к этологии, отмечают: «Человеческие индивиды обнаруживают поведение, подобное поведению многих животных, у которых «коммуникативные системы» состоят из множества готовых «высказываний», используемых в определенных

ситуациях» [Лайонз, с. 441]. В свою очередь, этологи обнаруживают общие для человека и животных элементы поведения. Крупнейший зоолог, лауреат Нобелевской премии Нико Тинберген приходит к выводу: «Уникальность нашего вида во многом базируется на развитии свойств наших далеких предков: наши «новые» качества уходят своими корнями в царство животных» [Тинберген, с. 176]. По наблюдениям Тинбергена, животные приветствуют друг друга при встрече, причем приветственный ритуал у них обнаруживает явное сходство с человеческим. В мире животных демонстрация успокаивающих сигнальных телодвижений, «умиротворяющих» поз имеет целью устранение агрессивности при встрече. В частности, рыбы прижимают к телу плавники (угрожая или нападая – растопыривают их). Видеть в приветствии реликты изначальной «ритуально-магической функции» [Востоchnослав. ф-р, с. 281] – значит подозревать в магических действиях, например, собаку, которая виляет хвостом и радостно лает при виде другой собаки. Очевидно, есть основания предположить, что виляние хвостом – аналог человеческого приветственного жеста (поклона или снятия головного убора), а взаимное обнюхивание имеет ту же цель, что и взаимное осведомление коммуникантов о здоровье и положении дел. Более того, можно предположить, что в доисторические времена приветственный вопрос не был собственно приветствием и выполнял функцию, аналогичную обнюхиванию у животных: получение сведений о физическом состоянии встреченного, а возможно, и о его агрессивных или мирных намерениях. «Обнюхивание» из осведомления о состоянии и намерениях встреченного, подвергаясь ритуализации, с течением времени в человеческом обществе превращается в сигнал: «Я тебя замечаю, я тебя выделяю из окружения и тем самым демонстрирую свое хорошее отношение к тебе».

Это наше заключение не отвергает возможности рассматривать историю приветствия как историю дальнейшего его «нагружения» функциями дарообмена, заклинания и т. д., подчеркнем только, что эти функции являются у приветствия вторичными по отношению к первичной, биологической функции манифестации расположения.

Обращаясь к толковым словарям, отмечаем ещё одну особенность толкования РЭФ: иногда они трактуются как пожелания блага, иногда – как приветственные формулы, ср. бел. *Будзь (бывай здароў)* – «развітальнае пажаданне аставацца здаровым» [ТСБМ, 1, с. 432] – и укр. *Бувай [здоров]* – «усталена форма прощання» [СУМ, I, с. 245]. То же наблюдаем в словаре Носовича: *Добраночь* –

«желание доброй ночи», *Добрывечерь* – «вечернее приветствие» [Насович, с. 135]. Двойная лексикографическая интерпретация приветственных формул натолкнула на необходимость введения понятия интенции двух уровней: коммуникативное намерение говорящего можно характеризовать как выражение добрых чувств, расположения (собственно приветствие) – на первом интенциональном уровне – и магическое заклинание, пожелание здоровья, многолетия, принижение себя перед адресатом и т. п. (на втором уровне).

Терминология исторического исследования. Некоторые термины современного речевого этикета «не работают» при диахроническом описании и требуют коррекции или замены. Прежде всего, приходится отказаться от терминологического сочетания «**ситуация приветствия**». В современной теории РЭ ситуация установления контакта (именуемая ситуацией приветствия) противопоставляется ситуации прекращения контакта (прощания). Рассматривая вербальные приветствия в ретроспективе как речевые стереотипы, произносимые в любой стадии интеракции (что далее будет доказано фактографически), мы вынуждены вместо устоявшегося терминологического сочетания «ситуация приветствия» употреблять выражение «**ситуация встречи**» (хотя этот термин не вполне удачен для эпистолярного жанра, где следовало бы вести речь о «инициальной ситуации», однако это прилагательное получает иное терминологическое значение в нашей работе: «инициальный» 'имеющий отношение к инициатору приветствия, присутствующий инициатору приветствия').

В отличие от «лестницы» (предполагающей возможность восхождения индивида по ступеням), считаем целесообразным ввести в исследовательский инструментарий термин «**этикетная вертикаль**». Это связано с особенностями проявления категории вежливости в древнерусском обществе.

В современной этикете **вежливость** – отведение собеседнику места не ниже того, какое ему полагается по статусу; применительно к речевой области – «такое речевое поведение адресанта, которое отводит адресату роль не ниже той, которая ему отводится в социуме» [Формановская 1989, с. 49], или «на которую он претендует» [Формановская 1998, с. 61]. Представляет интерес также понятие **вертикального равноправия** как принципа современного вежливого общения [Стернин, с. 51].

Средневековый взгляд на вежливость отражен во французском выражении, приписываемом Людовику XVIII: *L'exactitude est la politesse des rois: Аккуратность (точность) – вежливость коро-*

лей, то есть: для короля (и вышестоящего индивида вообще) при коммуникации достаточно соблюдения некоторых элементарных формальностей, относящихся к регулятивной стороне общения.

Древнерусское *вежество* – это этимологически 'знание'. В таком значении употребляет это слово в конце XVI в. автор грамматики Лаврентий Зизаний: *Грамматика есть известное вѣжество, еже благоголати и писати* [1596 г. Лавр. Зиз. грам., с. 182]. *Вѣжи* (церковнослав. *вѣжды*) 'знающие', противопоставляются *невѣжам* (*невѣждам*), 'незнающим'. Размежевание семантики у лексем *невежа* и *невежда* – явление позднейшего времени. Существует принципиальная разница между галлицизмом *la politesse*, *политес*, 'полировка, устранение шероховатостей, грубостей', изменение личности – и *вежеством*, которое представляет собой знание и конъюнктурное использование правил, соблюдаемых равными коммуникантами или низшими по отношению к высшим. Говорить о *вежестве*, направленном сверху вниз, не приходится. Обычно *вежество*, *вежливый* – это слова, приложимые к социально незначительным субъектам. В Домострое говорится о необходимости учить вежеству детей: *Ино имѣти попечение отцу и матери о чадех своих, снабдити и воспитати в добре наказании и учити их страху Божию, и вѣжству, и всякому благочинию...* [Дом., с. 84]. В памятниках языка обычно упоминаются *вѣжливой слуга*, *вѣжливые робята*, *крестьяне-вѣжи* и *крестьяне-невѣжи*, то есть лица, расположенные у подножья этикетной вертикали.

Вместо термина «вежливость» применительно к феодальному древнерусскому обществу вполне можно было бы употребить термин «**величание**», понимая под этим словом **отведение адресату, обладающему равным или большим социальным статусом, места на этикетной вертикали выше того, которое занимает говорящий**. Симметрия коммуникантов в таком общении невозможна. Глагол величати указывает не только (не столько) на увеличение объема, сколько на увеличение размера в высоту, то есть на движение вверх по вертикали (в древнерусской гомилетике величание себя именовалось «пороком превозношения»).

Общение с адресатом, обладающим меньшим социальным статусом, вообще не регламентировалось – если не считать декларируемого церковнославянской литературой христианского принципа равенства людей перед Богом, равноуважительного отношения к людям: так, Владимир Мономах (XI в.) призывает сыновей относиться с почтением к человеку, независимо от того, обладает ли тот высоким социальным статусом или не обладает таковым, «добръ» он или «простъ» [Л. – С., с. 73].

Положение личности в средневековом социуме определяется по вертикали, что находит отражение в языке: *величать, возвеличивать, вышестоящий, снисхождение, снисходить, подчиняться, власть над всем; находиться под властью, подвластный, унижать. Великий* – составная часть титула (*великий князь, государь*), *величество* (титул, употребляемый с XV в.); *низвержение* – лишение сана, *низити себя* – принижать; *низкое колено рода* – [ДРС, 11, с. 371] – о менее знатном происхождении; *высокие и нижние офицеры* [1626 г. ДРС, 11, с. 367] – о чинах; *сидеть на пиру выше и ниже* – о более и менее почетных местах. Высокие, *высоци*, противопоставляются *нижним*: *Господь богатитъ и убожитъ, выситъ и низитъ* [XVI в. Сл. мт. Дан., с. 98; ДРС, 11, с. 371]. Пейоративный в целом характер этикета в обществе социального неравенства требовал принижающих адресанта самоназваний (*нижайший слуга, холоп, раб*), соответствующей жестикюляции (поклон, челобитие, снятие головного убора), её вербальных эквивалентов (*Бью челом, Кланяюсь низко*).

Из исследовательского инструментария следует также изъять термины *благоволение, неблаговоление* – или, по крайней мере, ограничить их употребление, поскольку они обозначают коммуникативные намерения, направленные по этикетной вертикали в одну сторону, а именно сверху вниз. *Воля* представляется феодальному сознанию желанием властного субъекта, и испытывать *благоволение*, проявлять добрую волю, мог только вышестоящий по отношению к нижестоящему. *Своя воля* не поощрялась общественной моралью, что и находит отражение в современных выражениях с отрицательной коннотацией *своевольно, самовольный* и т. п. [Гребенщикова 1998, с. 51-60]. Поэтому будем пользоваться термином «расположение» как наиболее приемлемым.

Относительно нередко употребляемого в трудах по РЭ термина «социальное поглаживание» хотелось бы заметить следующее: он не является удачным и для современного исследователя речевого этикета, поскольку своей внутренней формой ориентирован на общение человека и животных и как бы вторичен в биологическом смысле. Если им пользоваться, то можно предположить, что до появления между человеком и животным отношений, допускающих поглаживание (то есть до приручения животных человеком) акт приветствия не осуществлялся. Разумеется, это не вполне серьезное допущение. Но, в отвлечении от сферы общения человека с животным, трудно представить себе приветствие-поглаживание (пусть и в фигуральном смысле), даже в такой склонной к физическому контакту культуре, как восточнославянская.

Лексикографическая интерпретация приветствия. Словарные толкования лексемы *приветствие* таковы:

– обращение к кому-нибудь при встрече с выражением дружелюбия, доброжелательства [ТСУ, 3, с. 771];

– обращение к кому-нибудь с приветом, речь с выражением привета [Ож., с. 508];

– слова или знаки, обращенные к кому-либо при встрече с выражением дружбы, доброжелательства [ССРЛЯ, 11, с. 369-370];

– принятое обращение (слова, жест, движение) при встрече [СлРЯ, III, с. 395];

– бел. *прывітанне* (и *прывет*) – слова, рух, жэст, звернутыя да каго-н. пры сустрэчы, як знак добразычлівасці, дружалюбнасці [ТСБМ, 4, с. 413-414];

– укр. *вітання, привітання* – слова або жести, звернені до когонебудь під час зустрічі на знак прихильного ставлення, доброзичливості і т. ін. [СУМ, I, с. 686].

Общими чертами этих определений являются:

- 1) сема 'обращение';
- 2) наличие семы адресата: кто-либо, кто-нибудь;
- 3) более или менее ясное указание на возможность вербального и невербального исполнения приветствия;
- 4) однотипность в описании характера интенции: выражение привета, понимаемого как чувство личной приязни, солидарности, дружелюбия, доброжелательства (доброе пожелание), дружбы.

Можно оспорить только наличие семы 'солидарность' (*солидарность* – единомыслие, единокордие, общность интересов, совместная ответственность). Очевидно, такое толкование в словаре Ожегова является данью времени, когда слово *привет* воспринималось как неперемнная составляющая часть лозунгов агитационно-пропагандистского характера типа «*Пламенный привет защитникам Родины*» [Ож., с. 508]; «*Шлем пламенный пролетарский привет борцам за свободу в странах капитала*» [ТСУ, 3, с. 771];

5) что же касается семы 'встреча' ('зустріча', 'сустрэча'), то её выделяют практически все словари, за исключением словаря Ожегова.

Итак, согласно большинству толкований, *приветствие* – это слова, произносимые при встрече. В таком случае, чем можно объяснить упомянутый ранее факт, что многие речетикетные формулы толкуются как «приветствия при встрече»? Почему сема встречи неизменно дублируется в толковании? С другой стороны, как уже отмечалось, статус приветствия в тех же словарях получают РФФ,

произносимые при расставании (так называемые «приветствия при прощании»).

Противоречие такого рода находим в лингвистических трудах, даже и посвященных вопросам семантики. В частности, Ю.Д. Апресян, с одной стороны, называет слова *здороваться* и *приветствие, приветствовать* «супплетивными лексическими синонимами» и утверждает, что они «имеют одинаковый перевод на семантический язык» [Апресян, с. 43, с. 174], таким образом, *здороваться* по семантическому объему оказывается равным *приветствовать*. С другой стороны в той же работе слова *здороваться* и *прощаться* (антонимы) толкуются оба через глагол *приветствовать*: *А здороваётся с В 'А приветствует В, когда А встречается с В', А прощается с В 'А приветствует В, когда А расстается с В'* [Там же, с. 284]. Возникает противоречие: *здороваться* = *приветствовать* = *прощаться*, антонимы *здороваться* и *прощаться* оказываются в то же время и синонимами. Это говорит о том, что в наше время лексема *приветствие* находится в стадии дальнейшей специализации. На первой стадии произошло распадение единой семантики на *приветствие1* – невербальное и вербальное поведение, призванное манифестировать добрые намерения по отношению к адресату в начальной и конечной фазах общения, и *приветствие2* – одобрение адресата – безотносительно к фазе коммуникации. В дальнейшем можно прогнозировать окончательное сопряжение лексемы *приветствие* с ситуацией встречи и её отрыв от ситуации прощания.

Хотелось бы развить еще одну мысль, навеянную вышеприведенными наблюдениями: приветствие (здорованье) и прощание предстают современному сознанию симметричными актами в общении, хотя исторически их роль в интеракции была неодинакова, а появление соответствующих стереотипов относится к различным эпохам и связано с различными причинами. Если приветствие-здорованье имеет биологические корни, то ситуация расставания сугубо человеческая: в животном мире ритуал прощания не наблюдается. Особые формулы прощания фиксируются в памятниках несколькими столетиями позже, нежели приветственные (в широком смысле), они несут в себе идею хорошего будущего (*Счастливо!*, бел. *Дабранач!*), идею христианского прощания грехов друг другу (*Прощай!*, укр. *Прощай! Прощевай!*), содержат перспективу встречи (*До свиданья!*, бел. *Да пабачення! Да хуткага спаткання!*). Всё это коренным образом отличается от приветственного вопроса (обнюхивания) и прочих вербальных способов начала обще-

ния, которым можно найти аналогию у животных в виде помахи-вания хвостом.

Антонимические отношения оборотов типа *Здравствуй – Прощай* оформились в народном сознании относительно недавно, примеры такого рода содержатся в паремийниках XIX в.: *Богаты, так здравствуйте, а убоги, так прощайте!* [Д. I, с. 57]; (укр.) *Як багатий, так «Здоров був!»*, а як бідний – «*Бувай здоров!*» [Зоз., с. 493]. Ранее противопоставление такого рода было невозможно, поскольку одни и те же обороты могли обслуживать и инициальную, и финальную стадии общения, более того, те же формулы использовались в других этикетных ситуациях: поздравление, здравница (тост), одобрение; поводом для иронического приветствия могло послужить даже неприятное событие: укр. *Здоров був, кулика вбивши (при случайном падении)* [Номис, с. 129]; рус. *Здорово без коровы. Здравствуй без шапки (кафтана и пр.), шутят над тем, у кого вещь пропала* [Д. II, с. 72].

Наиболее логичен в этом смысле белорусский язык, в котором русскому термину *приветствие* соответствуют два: *(пры)вітанне* и *развітанне*.

Для выявления и описания в ретроспективе восточнославянского приветственного этикетного тезауруса необходимо было подвергнуть анализу все речевые стереотипы, способные «и начинать интеракцию» (то есть, помимо употребления в качестве событийных благожеланий или заклинаний – для одобрения, поздравления, просьбы и т. д., способные выступать с контактоустанавливающей функцией). За пределами нашего внимания остались собственно прощальные формулы.

Потребовалось произвести этимологическое и семантическое исследование компонентов приветственных формул, установить, каким образом формировался концептуальный спектр приветствия, какие общечеловеческие ценности фигурировали в нем в качестве объектов благожелания и интереса.

Было необходимо проанализировать развитие у речезыкетных формул, манифестирующих расположение к адресату, контактоустанавливающей функции и их специализацию в этой функции, а также установить причины смены РЭФ; выявить все вербальные способы и средства, оформляющие ситуацию встречи (опосредованной – в эпистолярном этикете), особенности вербализации приветственных жестов.

Специфика приветствия у восточных славян. О важности ситуации встречи в русском этикете и сложности приветственного

ритуала пишет побывавший в Московском государстве в начале XVI в. австрийский дипломат барон Сигизмунд Герберштейн: «В каждом доме и жилище, на более почетном месте, у них имеются образа святых, нарисованные или литые, и когда один приходит к другому, то, войдя в жилище, он тотчас обнажает голову и оглядывается кругом, ища, где образ. Увидев его, он трижды осеняет себя знамением креста и, наклоняя голову, говорит: *Господи, помилуй*. Затем приветствует хозяина следующими словами: *Дай Бог здоровья*. Потом они тотчас протягивают друг другу руки, взаимно целуются и кланяются. Затем немедленно один смотрит на другого, именно чтобы узнать, кто из двух ниже поклонился и согнулся, и таким образом они наклоняют голову попеременно три или четыре раза и до известной степени состязаются друг с другом в оказании взаимного почета. После этого они садятся, и, по окончании своего дела, гость выходит прямо на середину помещения, обратив лицо к образу, и снова осеняет себя трижды знамением креста и повторяет, наклоняя голову, прежние слова. Наконец, п о с л е о б м е н а п р и в е т с т в и я м и в п р е ж н и х в ы р а ж е н и я х [разрядка наша. – Н.Г.], гость уходит. Если это – человек, имеющий какое-нибудь значение, то хозяин следует за ним до ступенек; если же это – человек, еще более знатный, то хозяин провожает его и дальше» [Герб., с. 86-87].

В былинах, древнейшем фольклорном жанре, существует особое клише, связанное с одной из главных добродетелей героя, умением поздороваться, продемонстрировав свое «вежество»: *Крест кладет по-писаному, поклон ведет по-ученому*:

Идет Михайла Потык сын Иванович. <... >,

Отворяет он дверь на пяту,

Крест кладет по-писаному,

Поклон ведет по-ученому,

Здравствует князя со княгинею:

«Здравствуешь, Владимир стольнокиевский

Со своей со княгиней со Опраксией!» («Илья, Ермак и Калинин-царь» [Былины, с. 139]);

Ставают молодцы да со добрых коней,

Да мецют коней своих невязаных. <... >,

Да лазят во гриденку во светлую,

Да крест-от кладут-де по-писаному,

Поклон-от ведут да по-ученому,

Молитву творят да все Иисусову,

Они бьют челом на вси чотири стороны,

А князю с княгиней на особинку... («Олеша Попович, Еким паробок и Тугарин» [Добр. и Ал., с. 179]);

*И зашел Дюк во высок терем,
Крест кладет по-писаному,
Поклон ведет по-ученому;
На все стороны Дюк поклоняется
Желтыми кудрями до сырой земли* («Дюк» [Б-2, с. 214]).

Фольклорные стереотипы позволяют заметить, что вежливое поведение при встрече состоит прежде всего в соответствующей жестикуляции: крестное знаменье, совершенное «по-писаному», серия низких, «до сырой земли», поклонов всем присутствующим («на все четыре стороны»), особо уважительные поклоны («на особину») – князю и княгине.

Варианты «Повести о Горе-Злочастии» сообщают, что безвестный молодец получил достойное место на пиру только благодаря тому, что был *горазд крестится* и *по поклончикам* производил хорошее впечатление:

*Пришел молодец на честен пир,
крестил он лицо свое белое,
поклонился чудным образам,
бил челом он добрым людем
на все четыре стороны.
А что видят молотца люди добрые,
что горазд он крестится,
ведет он все по писанному учению, –
емлют его люди добрые под руки,
посадили ево за дубовой стол...* [Пов. о Г. – Зл., с. 9];

*Надевал он тулупец розоженный,
Опоясывал по подольчику опоясочкой,
И лапотки обувает липовы;
И пошел на почестен пир.
Он крест кладет по писаному,
Поклон ведет по ученому,
На все на три на четыре сторонушки.
И все глядят многи добры людишки:
По кресту дородний добрый молодец
Ученога он отца-матери,
И по поклончикам дородний добрый молодец
Разумнаго роду-племени...* («Горюшко и упав молодец» [Пов. о Г. – Зл., с. 50]).

Русские величальные песни отмечают в числе прочих достоинств человека умение поздороваться:

(Величание священнику)

*У нас батюшка хорошенький,
У нас батюшка пригоженький.*

*< ... > Да придет в церковь – помолится,
Да всем прихожанам поклонится* [ЛРС, с. 356];

*Как у меня жена умная,
Она умная, разумная,
Она тихо смиренная.
Она умеет сойтись, съехаться,
На дороге **поздороваться,**
Челом низко поклонится* [ЛРС, с. 394].

В украинской думе «Хмельницький та Барабаш» этикетное исполнение приветствия описывается следующим образом:

От тогді-то слуга, повірений Хмельницького,
Добре дбав,
На доброго коня сідав,
До города Черкаського скорим часом, пильною годиною прибував,

До пані Барабашевої у двір уїжджав,
У сіни ввійшов – шличок із себе скидав,
У світлицю ввійшов – низький поклон послав... [Зоз., с. 147].

Вандровий лях, персонаж старой украинской песни, страдает за невежливость, проявленную по отношению к встречным:

*Да йшов ляшок мановиком, Ой, став ляшок гадати,
Надбав жінку с чоловіком. Щоби ему сказати.*

Помагайбо не дав Да гадав ляшок до півдня,

И шапочки не здоняв. Прійшов нішком до плуга.

Мужик его привитав, Бодай здоров, ляшку, був,

За чуприну вихитав. Помагай Бог чем забув?

От так, ляшку, добре знай, Да подай, хлопче, батога,

Помагай Бог давай. Буду вчити ляшка я.

Да пшов ляшок понад Бугом, **Помагай Бог давати**

Аж там оре мужик плугом. **И шапочку знимати...**

[Анон. п., с. 532].

Отрицательный персонаж именно отсутствием приветствия выражает свои агрессивные намерения по отношению к былинным героям:

*Собака Тугарин был Змеевич-от;
Да Богу собака не молитче,
Да князю с княгиной он не кланетче,
Князьям и боярам он челом не бьет...* («Олеша Попович, Еким паробок и Тугарин» [Добр. и Ал., с. 180]);

*Слезает собака [Тугарин] сы добра своего коня,
Ни к чему своо коня не привязывает,
Он входит в палаты в белокаменные,
Чудесным образам Богу не молится,
Князей-то, бояр сам не здравствует...* («Змей Тугарин и княгиня Омельфа» [Добр. и Ал., с. 187]).

Человек, не входящий в социум, противопоставивший себя обществу, манифестирует это тем, что ни с кем не здоровается (упоминание об этом факте является обязательным элементом сюжета о сыне Стеньки Разина в исторических песнях):

*Во славным во городе во Астрахани
Проявился тут детинушка, незнамой человек.
Чисто, щепетко по Астрахани похаживает,
На ним черной бархатной кафтаньчик,
Зелен сафьян сапожки,
Черна шляпа со репьем и рукавички с серебром.
Он со штатами и с офицерами не кланится... [П. Кир. 1, с. 93];
Идет городом детинушка – не кланятся ни с кем,
Он ни с князем, ни с боярином челом, братцы, не бьет... [Там же, с. 94-95];*

*Шел он... городом он Страханью,... разудалый молодец...
Шел он... городом он Страханью,... черну шляпу да он не ломал...* [П. и ск. Пушк. м., с. 24].

В сюжете «Царь судит стрельцов» стрелецкий атаман проявляет строптивость и непослушание царю, демонстративно не приветствуя царских слуг:

*Возъезжает он во матушку каменну Москву,
Приезжает ко дворечушкы ко судареву.
Караульщикова он не спрашивал,
Приворотничкам не бил челом [ИП-ХVIII, № 36].*

Иностраннный правитель (царица Крымская, литовский король), пожелавший напасть на Русь, напутствует посла не здороваться в палатах русского царя:

*Ты ступай, молодой посол,
Как ко Грозному царю Ивану Васильевичу,*

*А ступай во палаты белокаменны.
Ступай – Богу не кланяйся,
Да здоровья не дей-ка ты
Со Грозным царем Иваном Васильевичем,
А прямо ступай во почестен во большой угол («Кострюк и
царица Крымская» [Б-1, с. 486-487]);*

*Бери свово коня Бахмута,
Поезжай во батюшку во Опсков град:
Во город въезжай – не спрашивай,
Ко двору подъезжай – не докладывай,
Во палаты восходи – не бей челом,
Клади ярлыки на дубовы столы [П. Кир. 1, с. 81].*

Упоминание об отсутствии приветствия выступает в фольклорном тексте в качестве превентивной отрицательной оценки персонажа, что и определяет дальнейшую судьбу этого персонажа. Так, былина «Илья Муромец и дочь его» повествует об удалой полянчище, богатырке, которая не поприветствовала встреченных богатырей:

*А й то через эту славную московскую-то заставу
Едет полянчища удалая <... >
Ёна ехала, собака, насмеялася,
Не сказала Божьей помочи богатырям,
Она едет прямоезжею дорожкой да к стольнѣ-Киеву... [Был.,
с. 144].*

Это упоминание не является случайным: из дальнейшего повествования мы узнаем, что богатырка, хотя и оказалась дочерью Ильи Муромца, однако впоследствии проявляет свои неблагодарность и коварство и в конце былины погибает от руки отца.

Отвергнутый жених задумал убийство девушки, и единственным свидетельством предосудительного характера посольства является жестовое поведение (точнее, отсутствие приветственного жеста) в ситуации встречи:

*Уж как первый посол он на двор взошел,
И он шляпы не скинул, не поклонился:
Вы пожалуйте, Домна Фалалеевна,
Ко нашей ко Олене Степановне
Хлеба-соли к ней кушати [П. Кир. 1, с. 166].*

Распространенным песенным эпизодом является просьба молодой женщины передать привет (поклон) всем родственникам, за

исключением матери (иногда и отца), которые выдали дочь замуж за нелюбимого:

*Вы свезите-ко, братья, всему роду по поклону <... >,
Всему роду по поклону, еще – батюшке родному,
Вы забудьте-ко одной – моей маменьке родной <... >.
Вы за то ее забудьте – просватала, отдала,
Просватала, отдала
Не за милого дружка [Трад. ф-р Новг. обл., с. 97];*

*Вы ступайте, братья, к дому <... >,
Эх, вы скажите всему роду <... >
Эх, всему роду по поклону,
А батюшке ни, ни «здорова» <... >,
А матушке ни, ни «спасиба» [П. и ск. Пушк. м., с. 46].*

Отсутствие приветствия при встрече или прощании является способом выражения отрицательного отношения к человеку: гнева, обиды. Не приветствует былинный герой провинившегося товарища: *Заходит [Добрыня] в дом, крест кладет по писаному, поклоны по-уценому, а солнышку Владимиру во особинку, а Олеше целом не бьё* («Добрыня женится» [Добр. и Ал., с. 305]). Тот же Добрыня, придя в гости к волшебнице Маринке, в знак неприязненного отношения к ней не исполняет обычного приветственного ритуала:

*Буде во палате белокаменной,
Не крестит Добрыня лица бела своего,
И не молится Добрыня чудну образу... («Добрыня и Маринка» [Б-1, с. 65]).*

Молодой человек по отсутствию приветствия понимает, что его «сударушка» сердится:

*На малодчика нисчастьица пришло,
Што нисчастьица – сударушка гнивна;
(О)на гнивным-гнивна, **ни кланилась** са мной,
Пакланилась за ниделю яднова [П. Кир. 2-Я, с. 28].*

Выбор приветствия нередко зависел от времени суток, от того, будний ли день или праздничный, от рода занятий коммуникантов, от многих других факторов. К примеру, исследователь украинского народного быта В.П. Милорадович в очерке «Житьё-бытьё лубенского крестьянина» замечает: «Местные приветствия таковы: утром – *Добрыдень*, днем – *Боже, поможы; помага-би; з постом; прыкончением посту; з ниделюю; з празныком будьте здорови!* Но работающего в праздник нельзя поздравить с праздни-

ком, а следует сказать, как и в будень: *Боже, поможы*. Иногда разнообразят приветствия: *Здрастуйте вам! А чы ради вы нам? А хоч ради, хоч не ради, то спасыби вам* [Українці, с. 310].

Недоумение, обиду адресата или комический эффект может вызвать не только отсутствие приветствия, но и несоответствие типа приветствия характеру ситуации. Об этом свидетельствует приведенная М. Номисом украинская народная шутка: *Дай, Боже, на пожиток (як колють кабана. «Один дурень сказав: Боже помози, так сміялись з ёго, поки й вмер – не забули!»)* [Номис, с. 7].

Причиной коммуникативной неудачи могла быть замена религиозного приветствия оборотом светского характера, что для верующего человека являлось нарушением нормы: *Так, первым рассказом его было, как он довел до слез в больнице сердобольную барыню, пришедшую к нему в комнату после пасхальной заутрени поздравить его со словами: «Христос воскрес». Вместо обычного «воистину воскрес», – говорил Введенский, – я сказал ей: «Покорно вас благодарю». Озадаченная сердобольная назвала меня безбожником* [Фет, с. 125]; – *Боже наш, помилуй нас! – раздается в сенах надтреснутый бас. – Войдите! – Аминь* нужно сказать, а не *войдите*; или вы некрещеные? (1911 г. Пришвин М. «Заворошка. Сборная улица»).

Обычным приветственным жестом в восточнославянском этикете был поклон. В зависимости от социального статуса адресата приветствия и от степени выражения почтения поклоны варьировались. Самым уважительным был «большой поклон» (до земли): – *Здравствуйте, панове! помогай Бог вам! Вот где увиделись!* – сказал кузнец, подошедши близко и *отвесивши поклон до земли* (Гоголь Н.В. «Ночь перед Рождеством»); *Молотов обратился к старшей. – Тетушка! – крикнул он. Бабы оглянулись, отвесили по низкому поклону, в полспины, как обыкновенно делают деревенские простолюдины, встречая всякого одетого по-барски* (1860 г. Помяловский Н.Г. «Мещанское счастье»).

Обратившись к белорусскому этикету, отмечаем, что приветствие в нем также занимает важное место: ценится умение быстро поздороваться («дать ручку» первым), ниже всех склонить голову в поклоне, уметь спросить о здоровье, снять шапку:

Разумнае дзіця Колечка,

Здалёку ехаў, каня ўняў.

К варотам прыехаў, шапку зняў,

Цераз коніка ручку падаў,

Пра здароўечка папытаў:

– Ці жыва-здарава цешча мая? [Вяс. 4, с. 82];

(о молодом)

...Што яе Колік харошы.

Да харошы, харашэй усіх,

Кланяе галоўку ніжэй усіх,

Да здымае шапачку вышэй усіх [Вяс. 4, с. 98].

В белорусской песне девушка просит у матери научить её, как угождать свекру, «як свёкарку гадзіць», и получает совет:

– Гадзі, дзіцятачка, гадзі, радное,

Як роднаму татачку.

Раненька ўстань, да добры дзень аддай... [Вяс. 5, с. 239].

Свекровь порицает невестку за то, что

«Шчэ ж наша завала не ўставала,

Белага лічыка не ўмывала,

Добры дзень у хату не казала» [ЛБВ, с. 290].

Порицание вызывает зять, который не спешит поздороваться с новой родней:

Да стаіць пры парозе,

Шапачкі не здымае,

Галоўкі не скланяе.

Як пень пры дарозе.

– Да ці твая спіна

Цвікамі збіта,

Да ці твая шапачка

К галаве прыбіта,

Ці табе не гадзіцца

Нам пакланіцца?

[Вяс. 4, с. 425].

Следует отметить, что в белорусском и в украинском этикете «вежество» связывается в первую очередь с рукопожатием и с шапкой. Кстати, упоминание о рукопожатии, столь обычное в белорусском фольклоре, совершенно не свойственно русскому этикету. Русские люди знали один способ приветствия – поклон, тогда как украинцы и белорусы «ручкались»:

– Скажу табе, дзевачка, добрую весць,

Што твой суджанька на дварэ есць.

Яшчэ з коніка не ссядаў,

А ўжо цесцятку ручку даў,

На здароўе папытаў... [Вяс. 4, с. 64];

– А ты ж, дваранін, сам вінават:

Было ж табе дзевак не чапаць,

Здалёку ехаці – шапку зняць,

Блізка прыехаці – ручку даць [П. нар. св., с. 61].

В белорусском этикете существует ограничение для рукопожатия: *Можна і не рукаціца, але прывітаціца* [БППФ, с. 68]; *Не з кожым за руку вітайся, у людзей распытайся* [БППФ, с. 252].

Русскому человеку приветствие-рукопожатие долгое время кажется необычным: *Чем смотреть на сфинксы и обелиски, мне лучше нравится простоять целый час на перекрестке и смотреть, как встретятся два англичанина, сначала попробуют оторвать друг у друга руку, потом осведомятся взаимно о здоровье и пожелают один другому всякого благополучия, смотреть их походку или какую-то иноходь, и эту важность до комизма на лице, выражение глубокого уважения к самому себе, некоторого презрения, или по крайней мере холодности к другому, но благоговения к толпе, то есть к обществу* (1853 г. Гончаров И.А. «Фрегат «Паллада»). Английское *shake hands* «рукопожатие» появляется в русской беллетристике XIX в., этот варваризм употребляет И.С. Тургенев, описывая встречу Павла Петровича и Аркадия Кирсановых («Отцы и дети»): *Совершив предварительно европейское shake hands, он три раза, по-русски, поцеловался с ним, то есть три раза прикоснулся своими душистыми усами до его щек и проговорил: «Добро пожаловать».* См. также у М.Е. Салтыкова-Щедрина: *Он [Подхалимов] знал поименно не только всех половых, но поварят и кухонных мужиков; разговаривал по душе с швейцаром, буфетчику делал shake hands, смотрел на плавающих в сажалке стерлядей <... >, и вообще старался показать, что он у Палкина как дома* (1885 г. «Пестрые письма»).

Белорусские фольклорные произведения постоянно используют клише *шапку снять, ручку дать* или *шапку снять, поклониться*. В белорусском языке есть специальный глагол, этимологически отсылающий к шапке: *Шапкаваць*. «Вітацца, знімаючы шапку // перан. залішне слугаваць каму-н.; падхалімнічаць перад кім-н.» [ТСБМ, 5, с. 350]; *Чапковаць*. «Снявши шапку, мяць ее предь кнмь; перен. Унижаться предь кнмь» [Насовіч, с. 695]:

Полям едзець – поле лялеець ад яго.

Садам едзець – сад расцвітаець ад яго.

Ён дваром едзець – двор распіраюць перад ім,

Ён сялом едзець – мужы шапкуюць перад ім [Вяс. 1, с. 269].

«Українська-беларускі слоўнік» приводит украинский глагол *шапкувати* с толкованием 'здымаць шапку (перад кім); кланяцца (каму); прасіць – яшчэ: біць паклоны' [УБС, с. 665].

Надо сказать, что в период, следовавший за революцией 1917 года, была сделана попытка вообще отказаться от приветствия,

которое воспринималось сторонниками новой идеологии как «отрыжка старого режима». Можно вспомнить существовавшее в первые годы советской власти общество «Долой рукопожатие» (преследовавшее не только гигиенические цели). В пьесе «Клоп» В. Маяковский, сторонник и пропагандист новаций такого рода, показывает людей будущего, которым, по его прогнозу, рукопожатие будет незнакомо:

Присыпкин (обжимает окружающим руки и бросается в дверь).

Доктора окружают профессора.

Хором:

Это что он такое руками делал? Совал и тряс, тряс и совал...

Профессор:

В древности был такой антисанитарный обычай.

Шесть врачей и профессор вдумчиво мнут руки.

Итак, основная цель приветствия – манифестация расположения к адресату. Выразить хорошее отношение можно различными способами: демонстрацией интереса к состоянию собеседника, демонстрацией более высокого статуса собеседника по отношению к инициатору приветствия, демонстративным приближением (словесным или физическим) к собеседнику, допуском его на свою территорию или физическим контактом (поцелуй, пожатие руки), желанием благ адресату приветствия.

В соответствии с характером выражения приязни к адресату (интенцией второго уровня) можно выделить в восточнославянском этикете 4 типа словесного приветствия.

1. Приветствие-осведомление (приветственный вопрос).
2. Приветствие-благопожелание.
3. Приветствие – вербализованный жест.
4. Приветствие-вербализованное «движение души».

Приветствия-осведомления (по многим признакам, более ранние по времени возникновения, нежели другие стереотипы) употреблялись исключительно в начальный момент общения (при встрече). Классическим образцом этого рода является английское *How do you do (?)*, в русском этикете – *Здорово живешь(?)*, в украинском *Здоров був(?)*, *Здоров(?)*, в белорусском языке – *Здароў(?)*, *Як маешся?* Целью этикетного вопроса была демонстрация расположения к собеседнику путем проявления интереса к его физическому состоянию, благополучию вообще.

Приветствия 2 – 4-го типа функционировали равным образом как при установлении, так и при размыкании контакта. Больше того, эти же словесные формулы способны были принимать семантику поздравления, одобрения и т.д.

Благопожелание (2) – это пожелание собеседнику физического, духовного и социального благополучия: здоровья, спасения души, мира, радости и под.: *Здравствуй! Будь здоров! Радуйся! Мир тебе! Спаси Бог! Здравия желаю!* бел. *Бывай здароў! Добры дзень!* укр. *Будь здоров! День добрый! Добри вечір!* и др. Именно в этом типе приветствия можно обнаружить реликтовое значение заклинания: этикетные формулы типа *Дай Бог здоровья! Бог помочи!*, укр. *Бодай здоров! Помагайбі!*, бел. *Бог табе ў помач! Памажы Божа!* – представляют собой не столько прямые обращения к Богу, сколько пожелания, призывания помощи Бога, его расположения или присутствия.

Вербализованный жест (3) демонстрировал расположение в его проекции на этикетную вертикаль: говорящий принижал себя перед вышестоящим или равным адресатом: *Кланяюсь (тебе)! Поклон (тебе) (от...)! Челом бью!*, укр. *Чолом!*, бел. *Чалом!*

Приветствие христианского характера (целование о Христе) или западноевропейского (рукопожатие, объятие) несло идею уважения, признания равенства себя и собеседника в христианском или общественном смысле: *Целую! Обнимаю! Жму руку!*

Что же касается «**движения души**» (4), – это условное название выражения благорасположения путем словесного приближения, привлечения адресата: *Привет (тебе)! Приветствую! Благоприятствую!*

Особо следует сказать о приветственной формуле *Мое (вам) почтение!* Оно не входит ни в одну из вышеперечисленных групп и является простой констатацией уважения к собеседнику. Это чуждая восточнославянскому речевому этикету модель, а среди инославянских она находит соответствие в польском речевом этикете, в обороте *Cześć!* (см. также бел. заимств. *Маё вам шанаванне!* и *Чэсьць!*, укр. заимств. *Моє шанування!*)

Глава 1.

«ПРИВЕТ» КАК КЛЮЧЕВОЕ ПОНЯТИЕ ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОГО ЭТИКЕТА

1.1. Понятие «привет» в языковом сознании восточных славян

В понятии «привет» заключена своего рода квинтэссенция этикета восточных славян. Достаточно вспомнить, что общим наименованием для речевых стереотипов, например, в разговорниках является именно словоформа *приветствия* (бел. *прывет*, *прывітанне*, *вітанне* – *развітанне*, укр. *вітання* содержат тот же этимологический корень * *vht-*).

В славянских языках южной и западной групп идея речевых формул реализуется как болг., серб. *поздрав*, чеш. *pozdravy*, пол. *pozdrawienia*. Видно, что генетически все эти слова являются отсылками к этикетному пожеланию здоровья, свойственному всем индоевропейским языкам. Можно сделать вывод, что в инославянской ментальности идея приветствия сосредоточена главным образом на пожелании блага (здоровья), то есть на интенции первого порядка, тогда как в восточнославянском этикете она связана прежде всего с интенцией второго порядка: намерением говорящего сообщить собеседнику о своем расположении к нему.

В корне *вет-* содержится идея речевого действия (М. Фасмер сопоставляет это слово с древнепрусским *waitiamai* 'мы говорим', *waitiat* 'говорить'. Сюда же он относит пол. *witać*, в. – луж. *witas*, н. – луж. *witas* 'приветствовать' [Фасмер, III, с. 305]. Ср. *завет*, *совет*, *ответ* и др. Глагол *вѣщати*, *вещать* семантически богаче глагола *говорить* (выражаясь современным языком, «говорить плюс»: говорить особо значимыми словами, говорить хорошо, прощелачивать, говорить, убеждать (нацеленность на адресата подчеркивается, например, в лексеме *вѣтии*, *вития* – не просто «говорящий», а 'хорошо говорящий', 'оратор, краснобай', а также в термине *радиовещание*).

По мысли Н.Г. Костомарова, «*вит* было слово, означавшее вообще достоинство природы человеческой: отсюда *вितязь*, *вितязество*, *zwycięstwo* (победа), *вития* (красноречивый, мудрый); там и корень слов *ответ*, *привет*, *вещать*, *вещий*» [Кост. Сл. миф.,

с.10]. (Костомаров приводит корень *вht-* в украинской огласовке: *h* в русском и белорусском языках перешло в *е*, в украинском – в *і*).

Идея оптимизации контакта путем сокращения дистанции общения содержится в приставке приближения *при-*. Характеризуя дистанции общения, подходящие для различных коммуникативных ситуаций (от сверхинтимной до публичной), специфичной именно для русского общения специалисты по этикету считают «недопустимо маленькую» с точки зрения многих народов Европы и американцев «интимную дистанцию» – «15 – 50 см, расстояние вытянутой руки; на этой дистанции общаются друг с другом близкие друзья, между которыми существует эмоциональный контакт и эмоциональное взаимопонимание <... >. Для иностранцев оптимальным является расстояние 1 м и более. Соответственно «персональная дистанция» (общение с коллегами, хорошо знакомыми людьми) составляет «у нас» 50 – 100 см, «у них» – до 150 см» [Стернин 1996, с. 50-51].

Для восточнославянской ментальности принципиально важно приблизить к себе собеседника, не случайно в речезыкетной сфере развернулись приставочные образования: *привет, привечать, приветствие*, бел. *прывет, прывітанне, прывітаць, прывячаць, прыветнік...*, укр. *привіт, привітати...*

Значение слова *привет*, проявившееся в фольклоре, менее связано с речевым этикетом и больше – с этикетом, человеческими взаимоотношениями вообще. Выдавая дочь замуж, мать причитает:

*А жить тебе, дочка,
У лютотог свекора, у лютой свекрови,
Хлеба-соли много у них,
Всего довольно
И довольно, привольно,
Но привету тебе нету* [Ворон. п., с. 61].

Привет в народном сознании ассоциируется с ласковым словом:

*Бражинька, бражинька медовая!
Кому эту бражиньку спивать будет
Без милого дружка, без надежи,
Без ласкового словечка, без привета?* [П. Кир. 1-Я, с. 44].

Сходную семантику получает слово *привет* в белорусской песне:

*А ёсць нам што есці,
А ёсць нам што піці,*

*А толькі нам нету
Ад свата **прывету**,
Ад сваці дагляду:
Каля прыпечку трэцца –
К гасцям не хінецца [ЛБВ, с. 518].*

М. Петренко, автор известной украинской песни «Дивлюсь я на небо», употребляет слово *привіт* в таком же значении 'хоршее отношение':

*Кохуюся з лихом, **привіту** не знаю
І гірко, і марно свій вік коротаю,
І в горі спізнав я, що тільки одна –
Далекеє небо – моя сторона [Зоз., с. 383].*

С аналогичной семантикой выступает в украинском языке глагол *привітати*:

(о бездетных стариках)
*Хто ж їх старість **привітає**,
За дитину стане?
Хто заплаче, поховає,
Хто душу спомяне? (Т.Г. Шевченко «Наймичка»).*

Итак, *привет* – это прежде всего теплое, ласковое отношение, *привечать, привітати* – выказывать расположение, сокращая дистанцию общения, допуская на свою территорию. Так, в повторяющемся эпизоде русской песни глаголу *приветить* синонимически соответствуют *принять, приглубить, приласкать* (характерно, что все глаголы содержат приставку *при-*):

*– Душа, душа, красная девица.
Прими, прими ясного сокола,
Ясного сокола залетного,
Добраго молодца приезжаго!
– Государь, родной батюшка!
Я бы рада **приветила** его,
Ретиво сердце испужалось... [П. Кир. 2-Я, с. 204];*

*«Ты дитя ли моё, дитяtko,
Ты **приветь-ка** ясна сокола,
Ясна сокола залетного,
Да добра молодца приезжего».
«Ох, родима моя маменька,
Да я бы рада – **приглубила** его...» [ЛРС, с. 128];*

*Уж ты родно мое дитятко,
Да приласкай ясного сокола к себе...* [Трад. ф-р Новг. обл.,
с. 152].

Аналогично в вариантах украинской «Думы про казака Саву» варьируются глаголы с приставкой *при-*, имеющие семантику «принимать гостя»:

*Здоров, здоров, пане Саво!
Якъ ся собѣ маешъ?
Добрыхъ гостей собѣ маешъ:
Чѣмъ ихъ **привѣтаешъ**?
Ой чи медом, ой чи виномъ,
Ой чи горѣлкою?* [Максимович, с. 35];

*Чолом, чолом, пане Саво, гараздъ намъ ся маешъ?
Далекии госто маешъ, чимъ же ихъ **пріймаешъ**?
«**Пріймавъ** бы мѣ васъ виномъ, пивомъ, не будете пити,
Либонь вы ся, Козаченьки, **пріхали бити**?»* [Головацкий, с. 19].

См. также в белорусской песне:
*Лепей табе, мой Віцечка, чымся мне:
Ты ж прыехаў у сваю хатачку, а я не.
А хто ж мяне ў чужой хатачцы **прыхіне**,
А хто ж мяне родным дзіцяткам назаве?* [Вяс. 5, с. 28].

В украинском языке как синонимы употребляются слова *непрывитныця* и *непрыхильныця*, обозначающие не любящую новых родственников и нелюбимую ими невестку:

*Пишов диверко невесткы будыть:
«Уставай, невестко, неробитныця,
До нашого роду **непрывитныця!**»;*

*Ходыть свекруха по городу,
Будыть свою невесточку <... >:
«Уставай, невестко, неробитныце,
Та до моёго дила не кукибныце,
Та до мого серця не **прыхильныце**»* [Милорадович, «Житье...»],
с. 324].

Соответственно *прыветнік*, *прыветніца* в белорусском языке связаны с гостеприимством, хлебосольством:

(Залоўкі) Куды ні пойдучь – нявестку ганюць:

«Наша нявестка не работніца,
К нашаму двору непраходніца,
нашаму скату непраглядніца,
Нашым гасцём **непрыветніца**».

(Дзівярр) Куды ні пойдучь – нявестку хвалюць <... >:

«Нашым гасцём **прыветніца**» [БФ, с. 140-141];

(хрэсьбінныя прыгаворкі) Кум ад сябе і ад кумы адказвае:
«Наш хрэснік – **прыветнік**, не устаў узрасці, – вялеў кашу нясці,
гасцей частаваць, добра нажываць» [БФ, с. 230-231].

Тем не менее, в украинском и белорусском языках мы наблюдаем ослабление семантики приближения в образованиях с корнем *вет-*, *вит-*, имеющих отношение непосредственно к приветствию при встрече. Приставка в этом случае может отсутствовать (бел. *вітаць*, *вітацца*, укр. *вітати*). Можно предположить, что в данном случае сказалось влияние польского и вообще западнославянских языков, народное сознание которых, в свою очередь, этимологизировало это образование как производное от латинского *vita* 'жизнь' и переосмыслило *vitati как 'поздравлять, желать здоровья при встрече'. Интересно сопоставить современное белорусское *Вітаю!* (этимологически расшифровывается как 'Приветствую!') и польское *Witaj!* 'Здравствуй!' [БПРС, с. 1148], воспринимаемое как 'Живи! Будь здоров! Здравствуй!'

Оборот *Витай!* – в поздравительно-приветственном значении – встречаем уже в «Евфонии веселобрмачой» XVI – XVII вв., посвященной вступлению Петра Могилы на Киевскую митрополию:

О, Петре, здавна гостю пожаданий!

Витай, Росції на утѣху даный! [Давн. укр. л., с. 194]

Глаголы *витать*, *витаться* в староукраинском и старобелорусском языках употребляются с несомненной семантикой 'приветствовать при встрече', 'взаимно приветствовать при встрече':

(Староукр.) С л у г а п е р в о й ц е с а р с к и й.

Далей отсюда, далее поступаймо,

От того еще жебрака спытаймо. <... >

*Буд здоров, старче! Так тебе **витаем**.*

Скажи нам, о чом тебе запытаем... (1673-1674 гг. «Драма про Олексія чоловіка Божого» [Давн. укр. л., с. 301]);

(Старобел.) *И тое королевну Алжиту [Альжбету] корол молодьи Жикгимонт Август стрѣтил почтиво с великим штом от*

Кракова полмили; на том мѣсте и шатры были разбиты, и там ся витали, и в Краков поѣхали, и на завтра в неделю коруноцѣя была, а в понедельник покладание было (О браке короля Сигизмунда с Барбарой Радзивилл. Евреиновск. л. под 1548 г. [ЛБЛ, с. 237]).

Глагол *витаться* встречается и в документах Посольского приказа Московской Руси, где он используется для описания западноевропейской церемонии приветствия: *Генералнои поритчикъ Кримвел из Ирлянскои земли счасливо сюды приѣхал и здѣсь еми велми ради и генераль Фауерфаксъ с Кромвеломъ дрижно **вита-лис** и совѣтовав с соемными людьми готовяща с воисками в северные мѣста идти [1650 г. В-К I, № 51, л. 248].*

И позже в белорусском фольклоре:

*А свашачкі-свашкі,
Дзе ж кавалеры вашы?
Аднаго прывезлі,
І ў таго штаны злезлі.
Ён ходзіць па вуліцы,
У яго ногі, як у курыцы,
З карман ручак не вымае,
Нашых дзевак не **вітае** [ЛБВ, с.386];*

*Яшчэ ехаць чатыры мілі барамі,
А пятую да паненку ў двор сватамі.
Каб мы яе на падвор'і засталі,
Каб мы яе на русай касе пазналі,
Каб мы яе правай ручкай **віталі**,
Каб мы с нею залаты пярсцёнак мянялі [Вяс. 1, с. 425];*

*Ты, братка прыездны,
Чаму з намі не **вітаешся**,
Пра здароўе не пытаешся? [Вяс. 4, с. 194].*

В белорусском и украинском языках глаголы соответственно бел. *прывітаць*, *вітаць* и укр. *привітати*, *вітати* – по причине неперменного сопряжения встречи (гостей) с потчеванием, угощением – нередко получают устойчивую семантику 'угощать':

(бел.) *Поконд злапаюць, то **аброкам вітаюць**, а як зловяць, то не даюць аброку, але кіем па боку [Піп, 1, с. 365];*

*Уз'ехаў на двор ён, пра Манечку пытаець,
Яго цешча салодкім півам вітаець.
А ён жа яе вітанейка не прыняў,
А ён сваіх вараных коней не ўдзяржаў* [ЛБВ, с. 47];

*Выйдзі, матухна, проці нас,
Прывітай чарачкай усіх нас* [Вяс. 3, с. 345];

(укр.) *От-тим борцем* [жена] *хотела козака приветати...*
[Кост. Сл. миф., с. 619];

*Тогді стали його вітати
Медом шклянкою І горілки чаркою* («Козак Нетяга Фесько
Ганджа Андибер» [Зоз., с. 145]).

В белорусском фольклоре даже и само слово *привет* может, таким образом, оказаться синонимичным словам *кубак*, *чара*:

*Не пі, Івасю, первага прывету,
Бо першы прывет ліхі.
Дай старшаму свату, роднаму брату,
Ой, няхай вылье коніку на гріву...* [Вяс. 1, с. 223].

(Ср. там же:

*Будзець цябе, Іванька, цешча вітаці,
Ой, не пі, Іванька, першае чары...).*

Другие приставки, помимо *при-*, также способны были придавать основе семантику благожелательности, расположения. Положительной семантикой обладали и *сoвѣтѣ* и *qвѣтѣ*. Церковнославянское *сѣвѣцати* А.М. Селищев характеризует как 'быть согласным (собственно 'звучать согласнo'), договариваться' [Селищев, II, с. 46]. Можно вспомнить общепринятое благопожелание новобрачным *Совет да любовь!*, а также шутовую поговорку о несогласных супругах: *Советно – что кошка с собакою* [Герм., с. 51], где энантиосемичное *советно* употребляется в значении 'недружно', 'несогласно'.

См. также функционирование лексемы *совет* в песенном фольклоре:

*Чем же славушку примать,
Лучше молодца любить,
Во совете с ним пожить,
Во совете, во любви,
Во ласковых словах* [П.Кир. 1-Я, с. 49];

*У меня с милым дружкой
Совета не стало, любовь перестала.
Совета не стало от лютого свёкра...* [Ворон. п., № 97].

В Житии Феодора Студита прилагательное *оувһтьливъ* находим в перечне добродетелей святого: *вбыч#~мь оукрашьнь. тихъ. оувһтьливъ. кроткъ. негнһвльивъ. съмһрень* [Выг. сб., л. 163]. Об *оувһтьливых устах* говорится в «Слове Даниила Заточника»: *А члвь языкъ, и многолиствено срдце, увһтливьы уста, яко [в рукоп. ясно] струя рһчньы быстрины* [Бусл. Христ., 619. XV в. – ДРС, 9, с. 205]. Патриарх Иоаким назвал свое сочинение, призванное уговорить, успокоить волнующийся во время стрелецкого бунта народ, «Увет духовный»: *Того ради написахом книгу «Увет духовный», ея же увещаваем люди божия не мудрствовать нижних и вышних...* (1682 г. Грам. патриарха Иоакима царям [Восст. 1682г., № 112]). Впоследствии основа *увет-* редуцирует сему говорения, тогда как значение расположения в ней сохраняется: *И тут прилетели птички; думаю, наверное райские, вот какие хорошенькие петушки и курочки, вот какие ласковые и уветливые* (Пришвин М. «Старухин рай»).

Можно также предположить, что такая семантика присутствовала имплицитно в самом корне: отрицательным приращением смысла среди приставочных образований от корня *вет-* обладают только *извет, навет*, приобретшие эту коннотацию относительно поздно (ср. лишенный такой семантики глагол *извещать*. *Извет* – первоначально отвлеченное наименование действия по глаголу *извещать*).

Судя по пословице *Одному вред, другому в навет* [Снег., с. 308], существительное *навет* «намок» первоначально тоже не содержало негативной семантики.

В современном русском языке у слова *привет* отмечаются два метонимически связанных значения: 1) 'расположение, дружеское отношение к кому-либо' (*глаза засветились приветом*) и 2) 'выражение такого отношения' (*прими ж привет мой благодарный*) [ССРЛЯ, 11, с. 366].

Функциональная роль лексемы *привет* – 1) обозначать этикетное действие (*послать привет, передать привет*) и 2) являться речевым эквивалентом такого действия, выражением благорасположения при встрече, прощании, а также выражением благорасположения отсутствующему 3-му лицу и от отсутствующего 3-го лица (*Привет! Привет домашним! Привет тебе от... !*).

Можно говорить о существовании в диахронии двух словообразовательных гнезд:

– собственно русского: *привет, привечать, приветный, приветливый*;

– церковнославянского: *приветство, приветствовать, приветствие, приветственный*. То же с префиксоидом *благо-*: *благоприветствовать, благоприветственный* и т. д.

Следует отметить, что на первый взгляд «привет» – не слишком частотный концепт для древнерусского языка, однако обращают на себя внимание два момента:

1. Очень рано, уже в XI – XII вв., отмечаются два случая появления лексем указанной семантики: *привѣтливь* и *привѣчати*:

– в тексте Изборника 1076 г.: И [н]рав боуди и истиннь. съмѣренъ кроткъ покоровь. долоу понич# оумъ же къ н[е]-б[е]си простира": оумилень къ Б[ог]оу и къ чел[о]в[х]комъ привѣтливь [Изб. 1076 г., л. 61];

– в «Поучении» Владимира Мономаха 1117 г.:...и члвка не минѣте, не привѣчавше. добро слово ~му дадите [Л. – С., с. 73]. И.И. Срезневский видит в этом контексте у глагола *привѣчати* семантику «приветствовать» [Срезн., III, с.1388]; в переводе Д.С. Лихачева этот отрывок выглядит следующим образом: «Не пропустите человека, *не поприветствовав* его и доброе слово ему молвите» [Изборник, с. 63]. Мы видим, что в оригинальном тексте соединительное *и* отсутствует, так что часть добро слово ~му дадите можно посчитать растолкованием этикетного действия *привѣчати*. Таким образом мы вправе определить это значение (не) *привѣчавше* и как '(не) выразив ему словесно расположения при встрече'.

2. Обе лексемы маркированы как русизмы, особенно характерным является *ч* на месте *tj в *привѣчати*. При сопоставлении с этимологическим рядом *завет, обет* (из *ob- vhtь), *ответ, совет* видно, что современный русский язык сохранил по преимуществу церковнославянскую огласовку корня (**вещ-**, а не **веч-**): *вещать, веций, завещать, извещать, обещать, совещать(ся), увещевание* – за исключением *вече, отвечать*). Однако церковнославянизм *привѣчати* очень неохотно употребляется древнерусскими авторами и переводчиками, судя по малому количеству примеров (в частности, у Срезневского приведен отрывок из «Минеи» 1096 г.: *радоуи#, привѣщающе...* [Срезн., I, с. 1389]).

Тот факт, что лексема *привет* воспринимается как не книжный вариант церковнославянского *привѣтство*, препятствует её

употреблению в древнерусской литературе позднейшего периода. Случаи её употребления единичны. Так, вслед за Срезневским отмечаем наличие этого слова в летописном повествовании о Куликовской битве: *Они жь, безумни суще, возрадовашеся о суетнемъ семъ **привѣтѣ** Мамаеве* (Никон. л. под 1380 г. [Срезн., II, с. 1388]). Автор повести сообщает о том, что князья Олег Рязанский и Ольгерд Литовский отправили к Мамаю послов с предложением напасть на Русь: *Послы же възвратившеся от царя къ своимъ княземъ и сказаши имъ, яко: «Царь Мамаи **здравитъ** и велми вамъ за хвалу вашу великую, добръ глаголь глаголетъ». Они же скудни умомъ возрадовашася о суетнѣмъ **привѣтѣ** безбожнаго царя...* (XVI в. Ск. о М. поб. Осн. ред. [Ск. и пов. о К.б., с. 28]).

Очевидно, толкование Срезневского *привѣтъ* ‘обращение’ [Срезн., II, с. 1388] не полностью покрывает смысла слова *привѣтъ*, так как в данном случае имеется в виду приветствие в классическом смысле этого понятия: выражение благопожелания (*здравитъ*) и расположения, одобрения (*добръ глаголь глаголетъ*). В переводе В.В. Колесова, *здравитъ* и *добръ глаголь глаголетъ* – «желает здоровья и благорасположен» [Там же, с. 152].

В позднейшей редакции на месте лексемы *привѣтъ* находим *совѣтъ*: *Послы же ихъ возвратившася к нему и сказае [так!], яко: «Царь **здравит** вельми вамъ и **захвали** по велику». Они же скудниши умомъ возрадовашася о суетномъ **совѣтѣ**...* (К. XVII в. Ск. о Мам. поб. Распростр. ред. [Ск. и пов. о К. б., с. 76]). Перевод О.П. Лихачевой: «Приветствует вас и очень хвалит. <... > Они же, по своему скудоумию, обрадовались этой *похвале* и *привету*» [Там же, с. 201]. Мы видим, что переводчица не отказывается от лексемы *привет*, и это тем более справедливо, поскольку выше обращалось внимание на изначально заложенную в слове *совет* коннотацию благорасположения.

Наблюдающаяся потом – вплоть до XIX в. – лакуна в употреблении лексемы *привет* не противоречит теории диглоссийной фазы в древнерусском литературном языке (Б.А. Успенский). Когда диглоссия переходит в церковнославянско-русское двуязычие, получившая русскую маркировку лексема исчезает из литературного языка. Может быть, по этой причине редакторы XVII века в «Повести о Мамаевом побоище» заменяют *привет* славянизмом *совет* (церковнославянской приметой в этом слове является прояснение слабого редуцированного в приставке: *сѣвѣтъ* → *совѣтъ*).

Только в редакции XVIII в. в повествовании эта лексема снова появляется: *Послы же възратишася вспяты к нимъ и сказаши,*

яко царь **здравит** их и велми хвалит. Они же возрадовашася скудным умом своим о честнем ево **привете**... (XVIII в. Ск. о М. поб. Осн. ред., печ. вар. [Ск. и пов. о К. б., с. 105]). В переводе О.П. Лихачевой: «Послы возвратились обратно и сказали им, что царь их приветствует и очень хвалит. Они же, по своему скудоумию, обрадовались этой похвале и привету» [Там же, с. 230].

Приветство, церковнославянское соответствие русскому *привет*, появляется в произведениях торжественного стиля как заглавие стихотворений «по случаю» (с актуализацией поздравительной семы и редукцией собственно приветственной):

Заглавие приветствия Кариона Истомина царевне Софье Алексеевне: *Книга желателно привѣтство мидрости*... [Хрест. Ив., с. 401];

Заглавие стихотворения, посвященного вселению царя во дворец в Коломенском: *Приветство благочестивейшему, тишайшему, самодержавнейшему великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу <...> о вселении его благополучном в дом...* (1671 г. С. Полоцкий [ДРЛ, с. 365]);

Заглавие стихотворения И.С. Баркова: *Его сиятельству графу Григорию Григорьевичу Орлову <...> всеусердное приветствие* [1762 – 1768 гг., П XVIII в, 1, с. 187].

В XVIII в. (1702 г.) автор пьесы «Страшное изображение второго пришествия» (по мнению комментаторов, учитель-украинец Московской академии) не склонен воспринимать слово *привет* как табуированное для высокой риторики. Оно появляется в сцене суда над грешной душою, от которой требуют ответа:

*Почто послуша змиина совета,
Не возгнушаша лестнаго привета,
Убо да терпит в веки между злыми
Огнь нестерпимый* [РРД-3, с. 97].

Как можно заметить, автор не вполне компетентен в церковнославянских канонах (по крайней мере, форму аориста от *возгнушати* он образует неправильно, в 3-м л. ед ч. следовало бы *возгнушаша*; *возгнушаша* – это форма 3-го л. мн. ч.). Он вполне мог не почувствовать неуместности появления в этом тексте слова *привет*, тем более, что украинский язык соответствующее *привіт* в это время употреблял без стилистического ограничения. К примеру, оно содержится в письме архиепископа Полоцкого М. Смотрицкого Могилевскому братству: *Братъ вашъ, а мой возлюбленный въ духу*

сынъ, панъ Андрей Кузьминичъ Ребровичъ именовъ всѣхъ вась поклоненіе ми отдалъ и привѣтъ; а я вамъ черезъ тогожъ пресылаю благодареніе и всяческое ѡчлованіе... [1629 г. АЮЗ, с. 78].

Тем не менее, русскими поэтами XVIII в. слово *привет* осознается как не книжное и может появиться только в произведении, стилизованном под фольклорное, например, в сочиненной М.И. Поповым песне:

*И не силой нас с тобою обручали –
Дружба наша и любовь нас обручили;
И совет наш увенчали не обеты –*

*Увенчали твои ласковы **приветы** (1772 г. М.И. Попов. «Не голубушка в чистом поле воркует...» [П XVIII в., 1, с. 542]).*

1.2.оборот *Приветствую!*

Начиная с XVII в., в эпистолярных документах появляются речевые обороты *Приветствую*, *Благоприятствую (кого)* (иногда – *кому*), *Кто (благо)приятствует кому* (иногда *кому*) – в начальной или конечной части письма: *Во Хрстѣ млстиво хранимоми а моему гсдю млсрдоми Степани Самоиловичю при всѣхъ благополчннншихъ поведѣнннхъ **привѣтствию** радоватися и са прежняя твоя ко мнѣ млстивая блгодѣнння блгодаренння воздая с нижаишимъ многократнымъ поклоненннмъ рабски челомъ бью (Г. Тарлыков – С.С. Лисовскому [Гр., № 314]); Его курфирстская пресвѣтлость <...> **благоприятствуетъ** при томъ усердно его царскому величеству всежелаемое счастье и благополучие и благословение [1699 г. ПСЗ. III, 604. ДРС, 1, с. 212].*

Моделями для этих речевых формул послужили известные еще по ранним новгородским берестяным грамотам вербализованные поклоны *Кланяюсь тебе, N тебе кланяется*.

Контексты показывают наличие в этом выражении прежде всего приветственной в широком смысле семантики, которая не всегда отграничена от поздравительной:

***Приветствуем** от сердца со собою нами,
Петра, императора Второго, устнами (1728 г. «Образ победоносия» [РРД-3, с. 363]);*

(По др. спискам: от сердца днес со обою нами).

К о р о л е в н а <...>.

Ныне изволь на престоле сидети

И над всеми полную власть имети.

К о р о л ь н о в о й.
Благодарю всевышняго Бога,
Что явился милость многа.
С радостью ты целую

И благодарственно **приветствую** («Действие о короле Гишпанском» [РРД-5, с. 75]);

От всего сердца благодарю вас, любезнейший Петр Андреевич, за милое ваше письмо и взаимно **приветствую** вас с достижением не только нового года, но и нового звания (1833 г. И.И. Дмитриев – П.А. Вяземскому [Дм., с. 412]); **Приветствую** вас с продолжающимся праздником, искренно желаю по следам ваших предков всесемейно провести его благополучно, и между тем с совершенным почтением и преданностью имея честь быть, милостивый государь, вашим покорнейшим слугою Иван Дмитриев (10 апр. 1835 г. И.И. Дмитриев – А.С. Пушкину [Дм., с. 419]).

Своеобразие этого оборота состоит в том, что при наличии поздравительного значения он может быть структурно организован как собственно приветственный: не только **Приветствую** с чем, но и **Приветствую что** (это уже явление довольно позднее, отмечается с конца XIX века): *Любезнейший благоприятель Илья Ефимович! **Приветствую** большой и несомненный успех Ваших произведений. На выставке нет ничего лучше «Св. Николая» и портрета Глазунова (1889 г. Н.С. Лесков – И.Е. Репину [Леск., XI, с. 417]); **Приветствуем** первую в театре Станиславского **постановку** подлинного художника. Товарищи петербуржцы Головин, Мейерхольд, Лукомский, Шервашидзе, Толстой (1909 г. Телеграмма Вс. Мейерхольда и др. театральному художнику М. Добужинскому [ПМ, с. 128]).*

В русской поэзии XIX в. формула **Приветствую** получает особый смысл. Обычно она является своеобразным способом (чтобы не сказать «поэтическим клише») изображения пейзажа и активизирует внимание читателя на его деталях. Так, в XIX в. в качестве объекта поэтического приветствия выступают солнце, горы, сад, деревья, море, скалы и т. д.:

Приветствую тебя, мое светило!

Я славил твой небесный лик... (1825 г. А.С. Пушкин «Андрей Шенья»);

Синие горы Кавказа!
Приветствую вас!

Вы взлелеяли детство мое... (1832 г. М. Ю. Лермонтов «Синие горы Кавказа...»);

***Приветствую** тебя, мой добрый, старый сад,
Цветущих лет цветущее наследство!
С улыбкой горькою я пью твой аромат,
Которым некогда мое дышало детство (1854 г. А.А. Фет «В саду»);*

***Приветствую** тебя, опустошенный дом,
Завядшие дубы, лежащие кругом,
И море синее, и вас, крутые скалы,
И пышный прежде сад – глухой и одичалый! (А.К. Толстой «Крымские очерки»).*

Обычно этот оборот располагается в начале стихотворения, хотя способен и перемещаться в его конец, сохраняя при этом семантику начала контакта:

Ищу стихий других, земли жилец усталый.

***Приветствую** тебя, свободный океан (А.С. Пушкин «Завидую тебе, питомец моря смелый...»).*

В художественной литературе оборот *Приветствую* организует особо торжественное приветствие: *Человек над оркестром отвернулся от него и поклонился низко, широко разбросив руки, и Маргарита, улыбаясь, помахала ему рукой. – Нет, мало, мало, – зашептал Коровьев, – он не будет спать всю ночь. Крикните ему: «**Приветствую вас, король вальсов!**» (Булгаков М. «Мастер и Маргарита»); Пусть / гибнущий быт / обывателю / бедствие! / Всем пафосом / стихотворного рыка / Я славлю всю, / трублЮ / и **приветствую** / Тебя – / производственная непрерывка (1929 г. Маяковский В. «Голосуем за непрерывку»).*

Возвращаясь к эпистолярному жанру XX века, можно заметить, что оборот *Приветствую* способен употребляться в качестве контакторазмыкающего: (Окончание) *Сердечно **приветствую** и очень прошу Вас – приезжайте. А. Пешков (1918 г. А.М. Горький – В. Ходасевич. Ходасевич Вал. «Портреты словами»).*

Собственно приветственная сема в обороте *Приветствую* часто уступает семе одобрения: *Директором Института фольклора избран В.П. Петров, который несомненно будет и академиком. Очень **приветствую** это мудрое и правильное решение (1941 г. М.К. Азадовский – К.А. Копержинскому [ИИРФ, с. 272]).*

Следует также отметить, что глагол *приветствовать* сохранил и даже усилил семантику расположения, что сделало его многозначным (*приветствовать* 'здороваться' и *приветствовать* 'одобрять'): *Всё мещанство возликовало по этому поводу и преисполнилось надежд. Оно **приветствовало** энп буйно, захлебываясь от восторга* (Чуковский Ник. «Литературные воспоминания»). Примеры из СМИ: *Правительство Ирана **приветствовало** ослабление экономических санкций против Тегерана*; *Глава МВФ **приветствовал** введение евро*. Здесь *приветствовать* – 'одобрять, выражать свое расположение'.

Соответственно, *не приветствовать* – 'не одобрять, относиться с осуждением': *Деликатным напоминанием гостям о том, что хозяева **не приветствуют** курение во время обеда, служит отсутствие на столе до подачи кофе пепельниц* (Матвеев В., Панов А. «В мире вежливости»).

В церковной сфере выражение *Приветствую* сохраняет поздравительный смысл, сочетая его с собственно приветственным: ***Приветствую** вас с праздником! **Приветствую** вас сердечно с воскресным днем!* (Таким образом нередко начинает свою проповедь православный священник).

В конце XX в. это приветствие активизируется в российских СМИ. Оно способно

– как непосредственно начинать контакт, предшествуя еще одной приветственной формуле: *Всех **приветствую** и всем **желаю** доброго утра! С вами Елена Эстрина* (22.10.99. Радио «Юность», Россия); *В эфире «Маяк». Вас **приветствует** ведущая Наталья Белая и звукооператор Ирина Борисова. **Здравствуйте!*** (01.06.00. Радио «Юность», Россия),

– так и занимать неосновную позицию в приветственной формуле (после *Здравствуйте, Доброе утро*): ***Здравствуйте!** В студии Юрий Строев. Я всех вас **приветствую**. (Гостям): Я **приветствую** вас в нашей студии* (26.01.99. «Радио-1», Россия); ***Здравствуйте!** Я **приветствую** всех слушателей «Молодежного канала!»* (21.05.99. Радио «Юность», Россия); ***Доброе утро!** Я **приветствую** всех тех, чьи приемники настроены на волну «Радио-1!» У микрофона Инна Фатеева* (13.04.00. Радио-1», Россия).

В современном русском этикете формула *Приветствую вас!* является подчеркнуто официальной [Земская, с. 219].

Из других стереотипов, включающих глагол *приветствовать*, можно упомянуть:

1. Собственно приветственные обороты:

– **Позвольте приветствовать:** – Вот тебе, Никифор Гаврилыч, новый адепт! – представил меня Глумов. – Очень рад! очень рад! Мы немного знакомы, но на почве музыки покуда еще не встречались... **Позвольте приветствовать!** – Он протянул мне свои длинные руки и так сжал мои в своих костлявых пальцах, что мне показалось, словно я попал в передел к самому «каменному гостю» (Салтыков-Щедрин М.Е. «Неоконченные беседы»);

– **Рад приветствовать:** Несмотря на все катаклизмы, **рада вас приветствовать** на волнах «Молодежного канала» (02.07.99. Радио «Юность», Россия);

– **Приветствие (кому):** **Приветствие** всем друзьям (P.S. к письму. 1906 г. М.А. Кузмин – В.Э. Мейерхольду [ПМ, с. 81]); **Девять утра в Москве – и приветствие** всем, кто настроился на волну «Молодежного канала» (03.12.99. Радио «Юность», Россия).

2. Одобрительные – неодобрительные обороты и клише с семантикой одобрения-неодобрения: **Не могу не приветствовать, можно приветствовать** и т. п.: Он проявил гражданское мужество, лично подал в отставку. **Я не могу этого не приветствовать** (08.09.99. С. Кургинян о генерале Николаеве, «Радио-1», Россия); **Когда тысячи детей брошены родителями, усыновление их иностранцами можно только приветствовать** (1997 г. Радио «Свобода»); **Нужно быть критичным к самому себе – и если у Ельцина есть это качество, это нужно только приветствовать** (13.10.99. А. Бовин, «Радио-1», Россия).

1.3. Оборот *Привет!*

Чтобы понять, какого рода семантика была присуща слову *привет* в русской языковой ситуации XIX в., когда оно активно вошло в речевой этикет в составе приветственной формулы *Привет (мой) (тебе)!*, необходимо прибегнуть к специальным приемам, поскольку современное сознание содержит уже семантически трансформированный концепт. Прежде всего выясним, что русскому языковому сознанию представляется антиподом *привета*. Для этого проанализируем особенности антонимических отношений, в которые вступает это слово.

1. *Привет* – *брань*: *Смола не вода, брань не привет* [Д, II, с. 207]. (*Брань* – вербальное выражение нерасположения, следовательно, *привет* – вербальное выражение расположения).

2. *Привет – холод:*
Вкусивший по дороге краткой
Всё, что любовь дает украдкой,
Отраву ласки и клевет,
Разлуки гнет, часы свиданий,
Шум славы, гром рукоплесканий,
*Насмешку, **холод** и **привет**...*

Спи с миром, юноша-поэт! (1887 г. Я.П. Полонский «Памяти С.Я. Надсона»).

(*Холод* в человеческих отношениях – нерасположение, отстраненность, следовательно, *привет* – тепло, расположение).

3. *Привет – укор:*

Я не унижусь пред тобою;
*Ни твой **привет**, ни твой **укор***
Не властны над моей душою (1837 г. М.Ю. Лермонтов «К *»).

(*Укор* – вербально выраженное неодобрение, следовательно, *привет* – вербально выраженное одобрение).

Таким образом, исследуя антонимические построения с этой лексемой, можно сделать вывод, что *привет* – это выраженное (чаще вербально) расположение, одобрение.

Образцом для вербализации этикетного действия (движения души) послужило французское приветствие *Salut!*

До внедрения в непосредственную речевую практику оборот *Привет!* выступает в качестве поэтического приема. При этом иногда мы имеем дело с прямой реминисценцией, как в стихотворении без названия Каролины Павловой (1854 г.), начинающемся:

Ты, уцелевший в сердце нищем,
***Привет** тебе, мой грустный стих!*

Эпиграфом к этому стихотворению служит цитата из А. Мюссе: «*Salut, salut, consolatrice!*» («Привет, привет, утешительница!»).

Галлицизмы *Салют* или *Же ву салю* (франц. «Я вас приветствую») могут появиться в русском тексте и непереверденными: *Только что общество наше вышло на площадку, оно повстречалось с тремя ухарскими франтами, из которых средний, атлет страшного роста, косая сажень в плечах, с усами a la Napoleon III, выпятив вперед высоко поднятый локоть левой руки, сорвал с себя шляпу и, сделав Полиньке гримасу, сказал: – **Же ву салю**, мадам* (Лесков Н.С. «Некуда»); *М о н а с т ы р с к и й. <... > Здравствуйте, Татьяна Тимофеевна, здравствуйте, Полина Ивановна. П р е л е с т н о в. **Салют**, мадам* (Андреев Л. «Милые призраки»); – ***Салют**, мессир*, – прокричала неугомонная парочка, и Бегемот замахал семгой (Булгаков М. «Мастер и Маргарита»).

Утверждению в русском этикете оборота *Привет!* способствует наличие модели: традиционной русской формулы *Поклон!*

Не случайно речезыкетная формула *Привет (мой, тебе)!* была востребована прежде всего в поэзии: этому способствовало отсутствие социальной маркировки, закрепленной за различными типами русского приветствия, поэтому таким образом можно было обращаться к солнцу, родине, лесам и подобным адресатам, не участвующим в социально-иерархических отношениях:

...Летят станицей журавли.

От криков их на небе дальном

Как будто благовест идет –

Привет лесам патриархальным,

Привет знакомым плесам вод! (1855 г. А.Н. Майков «Журавли»);

Привет мой, весна!.. Я с тобою

Опять, как дитя, заживу

Всей жизни моей полнотою... (1846, 1851 гг. Н.Ф. Щербина «Природа»);

Пускай вдали пылает лживый храм,

Где я теням молился и словам,

Привет тебе, о родина святая!

Влюбленные, пытайте рок, и вам

Блеснет сиянье розового рая (Н.Гумилев «Баллада»);

Привет, земля, любовных нег

Очаровательное место! (1912 г. Н. Гумилев «Дон Жуан в Египте»).

В конце XIX – нач. XX в. в общении равных и хорошо знакомых людей появляется эпистолярная формула *Привет!* Её внедрение в речевую практику было в известной степени революцией в русском речевом этикете, поскольку вместо феодальных отношений доминирования и подчинения (доминирования – адресата, подчинения – инициатора приветствия) этот приветственный стереотип нес идею вертикального равноправия коммуникантов. Нередко он включал определения-распространители, манифестирующие усиленное расположение к адресату: *большой, сердечный, душевный, дружеский, нежный привет.*

Оборот *Привет!* выступал в роли:

– начального приветствия: **Привет! привет!** *Вот я опять блуждаю у моря...* (1899 г. В. Брюсов – И. Бунину [ПБр., с. 445]); **Привет!** (1903 г. Открытка И. Бунина из Константинополя Н. Телешову [ПБ, с. 552]); **Привет!** (1907 г. Открытка И. Бунина из Дамаска З.И. Гржебину [ПБ, с. 211]); **Привет, дорогой Всеволод!** (1931 г. Мейерхольд – Вс. Вишневскому [ПМ, с. 315]);

– прощальной формулы: *Глубокоуважаемый Борис Львович... <... >. Письма тщательно подобраны, написаны весьма четко <... > и переплетены.* **Привет.** *Уважающий Вас М. Азадовский* (1916 г. М. Азадовский – Б.Л. Модзалевскому [ИИРФ, с. 201]); *Прошу сдать эту самую корректуру О.М.Брику.* **Большой привет** (1927 г. В. Маяковский – О.М. Бескину [Маяк., 12, с. 187]); *Если договориться, обсудить тобой предварительно, хорошая пьеса выйдет.* **Привет** (1928 г. Телеграмма В. Маяковского Мейерхольду [ПМ, с. 283]);

– приветствия третьему лицу. (В окончаниях писем)... *Видел и Ваши коллекции. Засим крепко жму руку. Ваш М. Азадовский.* **Привет** *Иннокентию Павловичу Толмачеву, Ив.А. Лопатину* (1922 г. М. Азадовский – В.К. Арсеньеву [ИИРФ, с. 202]); *Крепко жму Вашу руку. Целую Вас.* **Привет** *всему Вашему дому. Особый привет Марии Петровне.* **Нежный привет** *Вашей внучке, которая тронула меня до слез своей чуткостью ко мне при расспросах моих о Вас* (1938 г. Мейерхольд – К.С. Станиславскому [ПМ, с. 349]).

В этом случае нередко сопрягаются *привет* и *поклон*, однако формализации такого приветствия не происходит: *К Святой буду еще писать, а пока будь здорова. Папаше, мамаше и всем живущим у нас поклон и привет.* *Если Мария Тимофеевна у нас, то делаю ей реверанс* (1898 г. А.П. Чехов – М.П. Чеховой [ПЧ, с. 510]); *Всем поклон, привет* (1898 г. А.П. Чехов – А.Л. Вишневскому [ПЧ, с. 553]); *Лидии Ивановне и Яше сердечный привет и поклон; Желаю им всего хорошего* (1899 г. А.П. Чехов – М.О. Меншикову [ПЧ, с. 607]).

В качестве приветствия третьему лицу или от третьего лица может выступать глагольное сочетание *Шлю привет, Скажите привет* и подобные: **Скажите мой дружеский привет** *нашим друзьям Лицея...* (1840 г. И.И. Пущин – Е.А. Энгельгардту [ДП, 1, с. 274]); *Мать, которая и теперь со мною в Москве, шлет Вам свой привет* (1899 г. А.П. Чехов – С.И. Шаховскому [ПЧ, с. 613]); *Затем передайте мой сердечный привет вашим домочадцам и прощайте* (1882 г. Салтыков-Щедрин М.Е. «Письма к тетеньке»).

Иногда глагольные сочетания типа *Шлю привет* или *Примите привет* выступают в роли приветствия, обращенного ко второму лицу (непосредственно к собеседнику):

(Староукр.) С о л д а т (д о г л я д а ч і в):

<... > *Не було ль тутечки здѣсь солдат?*

С ними времечко правести я **рад**;

Но как оных здѣсечка тут **нѣт**,

То примить, гаспада, мой привѣт (XVIII в. «Вертепна драма» [Давн. укр. л., с. 507]);

Маничка Норк! где бы ни была ты теперь, восхитительное дитя Васильевского острова, по какой бы далекой земле ни ступали нынче твои маленькие, слабые ножки, какое бы солнце ни грело твоё хрустальное тело – всюду я шлю тебе мой душевный привет и мой поклон до земли (Лесков Н.С. «Островитяне»);

И ты, мой юный, мой печальный,

Уходишь прочь!

Привет тебе, привет прощальный

Шлю в эту ночь (А. Блок «31 декабря 1900 года»).

В 20-е годы XX века стереотип *Привет!* специализируется именно как приветствие в начале – конце контакта. Отсутствие социальной окрашенности делает эту речезыкетную формулу распространенной в советское время: *И в а н И в а н о в и ч: Привет! Наше вам и вашим достижениям* (1929 г. Маяковский В. «Баня»); *В эту минуту от толпы гуляющих отделился молодой человек в прекрасных сандалиях на босу ногу. Он салютовал Зосе поднятием руки. – Привет, привет, – сказал он. – У меня две контрамарки в кино. Хотите? Только моментально* (Ильф И., Петров Е. «Золотой теленок»).

Ильф и Петров пародируют и ставшее штампом приветствие митингового характера: – **Привет первому черноморцу!** – крикнул Остап, когда машина с тракторным грохотом проносилась мимо Корейко... («Золотой теленок»). Толковые словари советского времени содержат большое количество клишированных выражений типа **Пламенный привет защитникам Родины** [Ож., с. 508]; **Шлем пламенный пролетарский привет борцам за свободу в странах капитала** [ТСУ, 3, с. 771].

Поэтические произведения этого времени, содержащие оборот *привет*, нередко представляют собой стилизованные письма. Иногда (в частности, у С. Есенина) они непосредственно именуется письмами:

Ты жива еще, моя старушка?
*Жив и я. **Привет тебе, привет!*** (1924 г. С. Есенин «Письмо матери»);

Привет, сестра!
Привет! Привет!
Крестьянин я иль не крестьянин?!
Ну как теперь ухаживает дед
За вишнями у нас, в Рязани? (1925 г. С. Есенин «Письмо к сестре»)

Во 2-й половине XX в., когда возрождается внимание к этикету, в качестве общепринятого приветствия утверждается *Здравствуй(те)* – несмотря на его церковнославянскую огласовку – как наиболее нейтральное и лишенное дополнительных коннотаций.оборот *Привет* снабжается в толковых словарях пометой «разговорное». Только в постсоветское время, в связи с либерализацией языка радио и телевидения, он попадает в СМИ:

– *Я звоню из Москвы, меня зовут Оксана.*
– ***Привет, Оксана!***
– ***Привет, Павел!***
<... > – *Ну, ладно, Оксана, тебе **привет!**... Спасибо, Оксана, **привет** большой!*
(09.06.99. «Радио-1», Россия).

Получившее широкое распространение именно в речи молодежи, контактоустанавливающее *Привет!* может выступать равным образом в качестве инициального и ответного приветствия: – *Максим, **привет!** Скажи, ты любишь футбол?;* – *Максим, добрый день! Как дела? – **Привет!** Классно* (Интервью с лидером популярной группы, «Комсом. правда» № 96, 30.06.2003 г., с. 24).

Энантисемический процесс приводит к тому, что лексема *привет*, сигнализируя окончание контакта, получает как бы смещенную коннотативность (неодобрение – по отношению не к собеседнику, адресату приветствия, а к описываемому процессу, явлению (точнее, к его внезапному нарушению, прекращению): *Ведь все основные контрольные блоки у него в голове, и они еще как следует не притерлись друг к другу. Соскочит какая-нибудь шестеренка, и **привет!*** (Тенн У. «Шутник». Пер. с англ. Ю.Эстрина); (О шахтерах) *Я всегда говорю: мужики, холода – это к деньгам <... >. Начинается май месяц – всё, **привет**, животы греть* (05.05.99. А. Тулеев, «Радио – 1», Россия); (Об аттракционе «Американский прыжок») *Привязывают тебе к ногам длинную резин-*

ку, считаешь до трех – и **привет горячий!** (Новиченко А. «Непередаваемое ощущение»).

Исследователи отмечают, что в современном речевом этикете оборот *Привет* (чаще без обращения) распространен в речи лиц, которые обращаются друг к другу по имени, и особенно характерен для молодежи. В качестве формулы прощания это выражение также «частотно, особенно у молодежи» [Рус. разг. речь, с. 303]. Здесь стоит отметить, что за почти 25-летний период, отделяющий современное состояние языка от времени появления сборника текстов «Русская разговорная речь» (1978 г.), контакторазмыкающая функция оборота *Привет!* почти полностью была вытеснена контактоустанавливающей. Об этом свидетельствуют данные анкетирования 300 студентов, из которых большинство (75 %) определили начальное *Привет!* как основной стереотип, тогда как прощальную формулу *Привет!* назвали в качестве возможной для себя всего лишь 5 человек (менее 2 %).

Глава 2.

РЕЧЕЭТИКЕТНЫЕ ФОРМУЛЫ ЗДОРОВАНИЯ У ВОСТОЧНЫХ СЛАВЯН

Основные документы Всемирной организации здравоохранения констатируют: «Здоровье является состоянием полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствием болезней и физических дефектов» [Устав ВОЗ, с. 5]. Здоровье является абсолютной ценностью человеческой жизни. Не случайно и в древнерусском, и в современных восточнославянских языках абсолютное большинство приветственных оборотов – это формулы здорования. *Здорование* в нашем понимании – выражение расположения к собеседнику по какому-либо этикетному поводу (встреча, знаменательное событие, благодарность, похвала, расставание и т. д.) путем упоминания о его здоровье, о здоровье третьего лица, о собственном здоровье. Так, в старорусском речевом этикете можно выделить следующие функциональные разновидности оборотов здорования: 1) осведомление о здоровье (приветственный вопрос): *Здоров ли? Здорово живешь? Здорово пришел?* и т. п.; 2) императивное пожелание здоровья адресату: *Здравствуй, Будь здоров* и т. д.; 3) перформативное пожелание здоровья типа *Желаю здоровья, Поздравляю*; 4) обращенная к Богу просьба с пожеланием здоровья адресату или третьему лицу: *Дай Бог здоровья*; 5) просьба сообщить о здоровье адресата или третьего лица типа: *Прикажи писать о твоём здоровье*; 6) благодарность адресату за извещение о здоровье его и третьих лиц: *Челом бью, что извещаешь о своём здоровье*; 7) сообщение о своем желании знать о здоровье адресата: *А я о твоём здоровье желаю слышать всякий час*; 8) сообщение о радости по поводу хорошего здоровья адресата: *А я о твоём здоровье слышать рад*; 9) сообщение о собственном здоровье и здоровье своих близких: *А я (мы) дал Бог здорово*. Эта последняя разновидность может не содержать этимологического корня *здоров-* (*здрав-*) и оформляться с помощью корня *жив-*: *Жив до воли Божией, Дал Бог жив, Посреди живущих обретаюсь* и т. п.

Эпистолярные памятники свидетельствуют о необычайно широком распространении здорования в старорусский период. В частности, образцовое письмо, приведенное в «Азбуке-прописи времен царя Михаила Феодоровича» содержит несколько формул здорования (в круглых скобках указана разновидность здорования-

ной формулы согласно нашей классификации): *Госу)д(а)рю моему, тому и тому именемъ, тот і тот именемъ, челом бьет. Пожалуй, г(осу)д(а)рь, вели ко мнѣ писать о своемъ многолѣтнемъ здоров(ь)е (5), какъ тебя, г(осу)д(а)ря моего, Вл(а)д(ы)ко Хр(и)ст(о)съ м(ил)л(о)стию своею хранить. О мнѣ же, аще восхоиши вѣдати, и я на Вологде, июня въ 24 д(е)нь, дал Б(о)гъ живѣ (9), і впрѣд(ь) уповаю на его ж(е) Вѣсещедрого, въ Тро(и)цы славимага Б(о)га н(а)ш(е)го м(ил)л(о)сть. После того писат(ь) что скажут, а сверших, – а я тебѣ, г(о)с(у)д(а)рю своему, много челом бью. Здравь, г(о)с(у)дарь мои, буди (2), а меня по своей м(ил)л(о)сти не забуді [Азб. 1643 г., с. 10-11].*

Примеры реальных писем XVII в.: *Гсдрю моему милосердому боярину кнзю Василью Василевичю по всегдашней раб милости твои Гришка Титовъ челомъ бьетъ /Многолѣтнѣно гсдрь мои милостивыи и благополучно здравѣствуи на множество лѣтъ (2) /А только гсдрь мои милостивои изволиши обо мнѣ убогомъ припомънить и человѣколюбивы гсдрь бгъ акаянству моему терпит на службѣ великого гсдря въ Чигиринѣ септѣврия по день девятый на десять посреде живущими обретаюс (9) /Млсти у тебя гсдря прошу сотвори надо мъною рабомъ сваим милость прикажи отписать ко мнѣ про свое многолѣтнее здоровье (5) а я о твоемъ гсдря моего здоровии желаю слышати по всякъ часъ (7) а за семъ гсдрь мои милостивы здравѣствуи на множество лѣтъ (2) (Г. Титов – В.В. Голицыну [Гр., № 273]); Гсдрю моему кнзю Василью Василевичю Ивашко Стрешнев челомъ бью буди гсдрь мои здорово на многие лѣта (2) а изволиши гсдрь мои спросить про здорovie матери своей гсдрни моеи кнгни Татияны Ивановны и про меня и мат твоя гсдрни моя кнгня Татияна Ивановна со кнгнею Овдотьей Ивановною и з дѣтками на Москвѣ сентября въ В день дал бгъ здоровъ (9) а # по се же число и с Настасьею жив до воли бжии (9) а впрѣди упование свое полагаю на его ж всещедраго влди млсть да пожалуй гсдрь мои кнзъ Василей Василевичъ пиши ко мнѣ про свое многолѣтнее здорovie (5) да отпиши гсдрь кнзъ Василей Василевичъ ко мнѣ подлинно в которых ты нне городех чтоб мнѣ про твое здорovie было вѣдомо (5) по том тебѣ гсдрю моему челомъ бью (1677 г. И.Ф. Стрешнев – В.В. Голицыну [МДБП, № 29]).*

Кроме неоднократного упоминания о здорovie, сам адресат нередко получал наименование *твое, (ваше) здорovie*. Некоторое время в старорусском языке и даже в современном русском просторечии бытовало это особо почтительное обращение: *А подячми*

веленъ взять скаски у старосты твоегъ за рукою что та ли межа и всякие признаки и я гсдрь скаски такои не вѣлел давать без **твоегъ здвровья** (З.З. Кишкину от неуст. л. [Гр., № 61]); Да послала я **хъ твоему здаровю** двѣ сорочки да двои порты два полотенца пят платочков да пояс (М.П. Салтыкову от жены [Гр., № 84]); – Да у вас, батюшка Константин Федорович, весь пойдет в дело. Уж такого умного человека во всем свете нельзя сыскать. **Ваше здорovie** всяку вещь в место поставит (Гоголь Н.В. «Мертвые души»); (Ирон.) Занято подворье без **вашего здорovia** [Д.И., с. 184]; Извозчик, выкрикнув отчаянно: – Эх, **ваше здорovie**, погибать, что ли? – пустил клячу карьером, и всё исчезло за углом (Булгаков М. «Дьяволиада»);

*Добрый молодец, воротися,
Твоя сужена стосковалась,
Из окошка в окошко металась,
Твое здорovie дожидалась* [РСРС, с. 100].

Прежде всего, нас будут интересовать приветственные стереотипы, способные реализовать контактоустанавливающую функцию языка при устном общении (пункты 1 – 4 нашего перечня).

2.1. Вопрос о здорovie как основной тип приветствия

2.1.1. Индоевропейские истоки

Осведомление о здорovie – древнейший общеиндоевропейский тип приветствия. Об этом, в частности, свидетельствуют памятники, созданные на санскрите.

Характерной особенностью культуры Индии является сохранение в неприкосновенности древней литературы. Несмотря на то, что древнеиндийские письменные памятники, материал которых был непрочен (пальмовые листья, кора деревьев), в большинстве своем утрачены и до наших дней дошли лишь более поздние тексты, относящиеся к первому тысячелетию нашей эры, можно сказать, что эти тексты практически без изменений сохраняют черты, унаследованные от гораздо более древней эпохи: «На протяжении исторического периода произошли огромные изменения, не прекращающиеся в течение всего этого времени. Но эти изменения и эволюция лишь в незначительной степени захватили санскрит.

С самого начала, то есть со времени составления ведических гимнов и зарождения общепризнанного литературного языка, среди брахманов, хранителей этой литературы и социально-религиозной системы, пришедшей с нею, наблюдалась упорная тенденция охранять язык от изменений. И это относилось не только к сохранению самих священных текстов, передававшихся со скрупулезной точностью путем устной традиции, или к сочинению литературных произведений по древним образцам, но также и к повседневной речи в среде брахманов и при царских дворах, с которыми они всегда были в тесном общении» [Барроу, с. 37] [разрядка наша. – Н.Г]. Учитывая все вышесказанное, можно с большой долей уверенности предположить, что приветственные обороты санскритских текстов были присущи так называемому «первоначальному индоевропейскому языку», под которым, согласно Т. Барроу, следует понимать «континуум родственных диалектов», занимавший обширную территорию в Европе до 2000 г. до н.э., то есть до периода великой миграции [Там же, с. 16-17].

В «Панчатантре», одном из наиболее ранних образцов индийской повествовательной литературы (III – IV вв.) дважды приводится ситуация, когда царь зверей Лев обращается с вопросом-приветствием – к шакалу: **Здоров ли ты? Почему тебя давно не видно?** [Панчат., с. 37]; – а потом к быку: **Здоров ли ты? Почему ты поселился в этом безлюдном лесу?** [Там же, с. 52]. (Цитируется перевод второй джайнской редакции к. XII в., выполненный А. Сыркиным). О том, что перед нами именно этикетный вопрос, свидетельствует судьба этих отрывков в переводах на другие языки. Из Индии «Панчатантра» попала в Иран, а оттуда – к арабам, где стала известна под названием «Калила и Димна». В дальнейшем эту книгу позаимствовали греки, и греческая версия «Стефанит и Ихнилат» в свою очередь является переводом с арабского, выполненным в XI в. Греческий текст уже не содержит вопроса о здоровье. В первом случае: *Ихнилат, отправившись ко Льву, поклонился ему. А тот спросил его, где он был столько времени* [Стеф. и Ихн., с. 118]; второму контексту соответствует ссылка на приветственный вопрос: *Увидев быка, царь принял его благосклонно и спросил, как он поживает* [Там же, с. 120]. Остается только предполагать, что в арабском тексте вопрос о здоровье опущен как не получивший реального ответа и как бы лишенный смысла.

Тибетская сутра VII в., восходящая, по мнению исследователей, к не сохранившемуся санскритскому тексту, также содержит описание приветственного вопроса о здоровье: *Отец девушки вышел из дома, они с брахманом осведомились друг у друга о здоровье, и брахман спросил: – Эта девушка – твоя дочь?* [Сутра о мудр. и гл., с. 152-153]; *Затем они [монахи] отправились к монахине по имени Удпалаварни. Придя к ней, они поклонились и, спросив о её здоровье, сказали...* [Там же, с. 168]. Можно заметить, что осведомление о здоровье еще не сложилось в это время в жесткую формулу и варьировалось в зависимости от конситуации: *Победоносный [земной будда], который долго не встречался с монахами, подумал о них в милосердии своем. Подняв длань <... >, он почтительно поклонился монахам и спросил: – Не болели ли вы? Достаточны ли были подаяния?* [Там же, с. 177]; *...Царь вышел встретить брахмана и спросил его: – Не устал ли ты в пути? Не измучился ли? Благополучно ли дошел?* [Там же, с. 228].

Книга пятая «Махабхараты» (энциклопедии древней Индии, по своей значимости считающейся пятой ведой), созданная за несколько столетий до наступления новой эры, содержит сведения по этикету, из которых мы узнаём, что приветственный вопрос высокого гостя начинал словесное общение: *И встретившись с сыновьями Панду, могучерукий Шалья принял воду для омовения ног и почетное питье и, как предписано обрядами, – дарственную корову. Спросив сперва о здоровье, царь мадров, тот сокрушитель врагов, исполненный великой радости, обнял затем Юдхиштхиру, Бхиму и Арджуну и обрадованных сыновей сестры своей – обоих близнецов. И когда Шалья уселся на сидении, он, обратившись к Партхе [Юдхиштхире. – Н.Г.], сказал ему: «Всё ли у тебя благополучно, о тигр среди царей, радующий род Куру?» («Сказание об усилиях царей» [Махабх. Удьюгапарва, с. 17]).*

Вопрос о здоровье был, согласно «Махабхарате», самым необходимым и общепринятым элементом вербального приветствия: *Ничего иного, кроме полного кувшина воды, ничего, кроме омовения ног и кроме вопросов о здоровье, – ничего иного (для себя) не пожелает Джанардана [прозвище Кришны. – Н.Г.]. Однако такое гостеприимство, которое будет наиболее приятно для благородного, достойного почестей (гостя), ему должно быть оказано, о царь, ибо заслуживает высоких почестей Джанардана («Сказание о посольстве Бхагавана» [Махабх. Удьюгапарва, с. 185]).*

У кашмирского поэта Сомадевы в сказочном эпосе «Океан сказаний» (XI в.) приветствие при встрече представлено следующим образом: *Заметил раджа приближавшегося [пророка] Ман-*

канаку, собиравшего хворост и траву для жертвоприношения, слез с коня, поклонился ему в ноги, осведомился о здоровье и себя назвал [Нарав., с. 59]; Когда возвестил о нем страж, стоявший в дверях, вошел и склонился лекарь перед царем, а тот осведомился о его здоровье [Там же, с. 148]; И приходит однажды к нему сын тества, брат Маданасундари. Все его радостно приняли, радовалась и Маданасундари – обняла она его. Был он спрошен родственниками о здоровье, а когда отдохнул, сообщил им вот что... [Нарав. дальн., с. 150]; Еще издали заметив друг друга, [царевичи] Сушена и Мриганкадатта спешили, бросились навстречу друг другу, и крепко обнялись, и осведомились друг у друга о здоровье, и, из любви друг к другу, встали они на одну колесницу и въехали в город [Там же, с. 290].

Из этих примеров явствует, что:

– осведомление о здоровье было обязательным – или, по крайней мере, чрезвычайно распространенным – элементом приветствия при встрече;

– такого рода осведомление было взаимным;

– вопрос о здоровье, обращенный снизу вверх по иерархической лестнице, представлял собой изъявление преданности, чинопочитания.

Можно отметить и тот факт, что такой вопрос довольно часто адресовался от высшего к низшему в иерархии, например, от царя к лекарю. Это дает основания заключить, что, поскольку любое приветствие является знаком расположения к собеседнику, осведомление о здоровье уже в древнейшие времена стало восприниматься как милость со стороны правителя, наставника, то есть вышестоящего лица. Иногда в памятнике содержится прямое указание на это: *В то время монахи вернулись с летней аскезы, пришли к Победоносному, поклонились ему и осведомились о его здоровье. – Не измучились ли вы? – обратился он к монахам, породив жар сердечного милосердия* [Сутра о мудр. и гл., с. 279].

2.1.2. Этикетные функции вопроса о здоровье

С. Герберштейн описывает ситуацию, когда царь обращается с вопросом о здоровье в знак благодарности и похвалы человеку, проявившему воинскую доблесть: «Когда также подошел другой немец, Иоанн, который прогнал Татар от Рязанской крепости, выстрелив в них внезапно из орудий, Василий сказал ему: **Здоров ли ты? Бог дал нам жизнь, а ты снова сохранил её нам; велика будет наша милость к тебе**» [Герб., с. 151].

Памятники XVI – XVII вв. неоднократно сообщают о таком знаке царского расположения, как предоставление руки для поцелуя и вопрос о здоровье: *И государь царь <... > бояр и воевод <... > жаловаль, звал к руке и о здоровье спрашивал* [1591 г. Разр. кн., с. 450].

Переписка В.В. Голицына свидетельствует о том, как беспокоило его отсутствие царского посланника «со здоровьем [с царским вопросом о здоровье] и похвалою» за службу. Его корреспонденты постоянно сообщают ему, что эта награда ожидается в скором будущем: *А здес свѣт мои поговаривают что х кнзь Григорю ходят [так!] посылат со здоровьем и с милостивым словом и я свѣт мои хожу и о тебѣ о том же* (1677 г. Т.И. Голицына – В.В. Голицыну [МДБП, № 20]); *А что боярской приговор в службѣ вашей повѣз к влликому гсдрю в троецкой поход Лариинн Иванов и Василья Тяпъкина указал гсдрь взят в поход а ково гсдрь укажет к тебѣ со здаровемь и с похвалою послат того еще не вѣдомо а въ [!] кнзь Григорю Григоревичю сказывают что пошлют Тяпъкина со здаровем и с похвалою* (М. Боев – В.В. Голицыну [Гр., № 241]); *И о здорове спрашивают вас пошлют вскоре чаю велят и отпустит вскоре* (П. Одинцов – В.В. Голицыну [Гр., № 265]). См. также Гр., № 240, № 242, № 247.

В дипломатическом церемониале с древнейших времен был обязательным вопрос о здоровье государя. Так, в «Махабхарате» царь Дхритараштра напутствует посла: *Посланный мною, отправляйся скорее на колеснице к войску царя панчалов. Явившись, ты должен спросить Аджаташатру о его здоровье. Снова и снова должен ты обращаться к нему с приветственными словами. Ты должен также встретиться с Джанарданой, о сын мой, выдающимся среди храбрейших и благородным. Ты должен от моего имени спросить его о благополучии и сказать, что Дхритараштра желает мира с пандавами* («Сказание о посольстве Санджайи» [Махабх. Удъйогапарва, с. 43]).

Обращаясь к «Океану сказаний» Сомадевы, встречаем описание приема посла царем: *Отправился посол в Уджайини и, когда имя его было провозглашено пратихарой [пратихара – придворный чин, церемониймейстер], вошел в блистательный дворец, подходы к которому были заполнены прекрасными конями и слонами, и увидел самого царя Кармасену, восседающего на троне, осведомился, здоров ли он, и приветствовал его, и после этого Сувиграха вручил царю послание* [Нарав. дальн., с. 280].

Одно из ранних древнерусских сообщений подобного рода содержится под 1147 г. в Московском летописном своде к. XV в.:

Придоша к нему [Святославу] послы ис Половецъ, въпрашающе здорвьа его [ДРС, 5, с. 365]. (Буквально: «Пришли к нему половецкие послы, спрашивая о его здоровье»). Возможно, текст отредактирован в духе времени, ибо именно в конце XV в. начинается экспансия здорванья в русском этикете, хотя сам факт такого приветствия возможен и в более раннее время).

Представление русскому царю, содержащее неоднократное упоминание о здоровье государей и участников церемонии, описано Герберштейном: «...Выслушав приветствие до самого конца, он [Василий III] спросил: *Брат наш Карл, избранный Римский Император и наивысший Король, здоров ли?* <... > Затем он подзывал по порядку к себе и другого из нас к себе и говорил: *дай мне руку*. Взяв ее, он прибавлял: *По здорову ли ты ехал?* На это тот и другой из нас, согласно их обычаю, отвечали: *Дай Бог тебе здравия на многие лета. Я же по благости Божией и твоей милости здоров*» [Герб., с. 202].

В статейном списке Г.И. Микулина приводятся слова английской королевы с благодарностью русскому царю за то, <... > *что он великий государь не забвенную мя учинил, прислал ко мне тебя, посланника своего, государство свое обестити, и про свое царское здорвьа сказать, и мое, сестры своей, здорвьа видеть...* [1600 – 1601 гг. ПРП, с. 167].

Старорусские писатели, изображая даже вымышленные события, следовали реально существовавшему протоколу. Так, в «Повести о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне» описана церемония здорванья кабардинского царя Темрюка и послов русского царя: *Исходит мурза Теврюг Юнгичъ и спрашивает о царево здравии. Воеводы же повѣдаша, яко: «Здравъ есть государь нашъ, грозный и сильный царь Иван Васильевичъ, и царствуетъ в радости велицей»* [ПЛДР XVII в. 2, с. 9]. И далее: *Придоша же посланнии въ Казань к архиепископу послание царево въдавшие и благословение от него приемше. Онъ же вопроси ихъ о царево здравии. И прочеть писание и, яко же лепо, порадовася. И посла по началных града, – и приидоша, прочеть пред ними послание царево. Они же, слышавше, падоша на землю, отздравствоваша царю и архиепископу* [Там же, с. 12].

В статье, озаглавленной «Росказание какъ графа Волд[емара] на Москвѣхъ приняли» (о встрече датского королевича, предполагаемого жениха царевны Ирины Михайловны) сообщается: *А какъ онъ за две версты от Москвы приххалъ и его де со мног... [утрачено] добрѣ почтеною встрѣчею великого князя снѣ князъ Олекей*

встрѣтил и его и принял и до Москвы проводил а в во[ро]тех самъ великие княз парсѹною сво[ею] на лошади ждал и его о здорове спросиль и до вышгорода проводиль... [1644 г. В-К II, № 78, л. 485-486].

Церемония встречи стольника Одинцова, царского посланного к гетману, и гетмана Ивана Самойловича в 1684 г. в описании С.М. Соловьева выглядит следующим образом: «Войдя в светлицу, стольник от имени великих государей спрашивал гетмана о здоровье, хвалил его службу и подал грамоту. Самойлович, взявши грамоту, поцеловал в печать и на государской милости бил челом, спрашивал о здравии великих государей. Потом стольник спросил о здоровье генеральную старшину, и те били челом на государской милости» [Соловьев, VII, с. 375].

Такого рода обмен вопросами был знаком особо добрых отношений «сильных мира сего». Нарушения этой нормы фиксировались в посольских отчетах: *И папа поминок и грамоты принялъ самъ; а против Государевы речи папа не встал и о здоровьѣ про Государя не воспросиль, а говорилъ Якову: «тому есми добрѣ радъ, что тебя Великий Государь, князь Великій Московскій, прислалъ ко мнѣ мое здоровье видѣти, а свое сказати...»* (1582-1583 гг. Статейный список Я. Молвянинова и Т. Васильева [Л. – С., с. 203]).

В свадебном церемониале, да и вообще в бытовом этикете вопрос о здоровье следует трактовать расширительно: это и приветствие при встрече, и поздравление с событием, и знак внимания. *Спросить о здорově* может быть понято как 'приветствовать', 'поздравить', 'навестить': *Да идут в другіе хоромы к теци, а с нею боярыни, и теца спрашивает отца женихова о здорově* [Чин свад., с. 174]; *А как повмѣстятъ, свекоръ выходит, да и приѣжжие бояре, и кланяются свекрови и тутошним боярыням, и спрашивают ихъ о здорově, и целуются...* [Там же, с. 194]; *Да [П]авел митраполит какъ приехал с Украины і он присылал сна боярскова о зд[о]ровье спрашивать* (М. Онтипьев и Ив. Ларионов – А.И. Безобразову [Пам. Без., № 130]). Особенно интересна в этом смысле рекомендация из «Женам наказа о пьянстве», содержащаяся в «Домострое»: *Аще приидуть отколе жены о здорověи спросить, тѣмъ питія пьяного не давать* [Дом., с. 118]. Речь идет о том, что хозяйке дома не следует угощать вином женщин, пришедших с визитом вежливости. В данном случае, впрочем, речь может идти и о пришедших передать привет от 3-го лица. По крайней мере, именно в таком значении встречается выражение *спросить о здорově* в письмах царя Алексея Михайловича стольнику А.И. Матюшкину: *Да*

спрош" и от мен" о здоровь" «Уль" ны Собакиной да сестры своей Онисьи... [1646 г. Хрест. Ив., с. 375]; Нар" дись въ издвое платье да съхзди к сестрам битто ты от мен" прихаль да спрош" и о здоровье да скожи што " биди в воскресень" .... [Там же, с. 375]

Этикетный вопрос с его разновидностями отмечает Даль как обычный для XIX века: *Здорово живешь, можешь; какво поживаешь, можаешь? Все ли подобру – поздорову? [Д. II, с. 209]; Здорово ль парился? (Идущему из бани) [Д. II, с. 212].*

В эпистолярном этикете осведомление о здоровье было обязательным элементом вежливого письма. Самый ранний случай такого рода отмечен в новгородской берестяной грамоте № 424 от Гюргия к отцу и матери, стратиграфически датированной XII в.: *Идите же снмо смольньску ли кыеву ли: дешевети хлебе: а ли не идете а присьте ми граматичу сторовы ли есте [Хрест. Ив., с. 29]. То есть «...Если не придете, пришлите мне грамотку, здорово ли вы».*

Авторы писем в разнообразной форме призывают адресатов сообщать о своем здоровье: *А тыбь ко мнѣ и впередь о своемъ здоровьѣ отписывала и о своемъ здоровьѣ безъ вѣсти меня не держала и о своихъ болѣзняхъ отписывала, какъ тебя тамъ Богъ милуетъ, чтобы мнѣ про то было вѣдомо (М. 1526–1530 г. В. кн. Василий Иванович – жене Елене [Л. – С., с. 190]); А проше пилне: **рачте ми** васъ презъ писанье свое якъ **о добромъ здоровью**, такъ о поводзенью и о новинахъ, если бы якіе съ тыхъ краевъ были, ознайте. Пріязни ся вамъ залицаю (1605 г. Посл. Гедеона Балабана, Львовск. епископа, правосл. могилевцам [АСЗР, 2, с. 23]); Молю ваше царское благородие, да повелиши къ намъ писаньемъ почасту возвѣщати о своемъ царскомъ здравии [1619 г. Переп. Мих. Фед. 51. ДРС, 1, с. 215]; *Пожали и ичини о своемъ здравии известно (В. Семенов – А. И. Безобразову [Пам. Без., № 167]); Геи о здравии слышатъ желаю і благословения проши а у насъ все здорово (1689 г. Петр I – царице Наталье Кирилловне [Хрест. Ив., с. 408]).**

Памятники свидетельствуют, что обычай посылать к приезжему с приветственным вопросом о здоровье лицо низшего ранга был широко распространен в европейском этикете: *Еѣ королевино величество свѣнская свѣдала, что еѣ королевина мать вдова пришла из са моря в Свѣю в Далинской илздь и послала к неѣ навстрѣчю сна графа Гиставова и иныхъ многихъ дворян о еѣ здорове спрашивать [1648 г. В-К IV, № 4, л. 195];...И прислалъ комнѣ Грандмейстеръ камерера своего то есть покоеваго чловѣка*

веллѣ мя спроситъ мя о здорově и говоритъ отомъ буде естъ мнѣ до него какіе потребы... (1698 г. Путеш. стольника П.А. Толстого [Обн., Барх., с. 78]).

В белорусском фольклоре существует своеобразное клише, поддержанное рифмой (*прывітаці, вітаці – пра здароўе пытаці* или *прывітацца – пра здароўе пытацца*), свидетельствующее о том, что вопрос о здоровье являлся частым компонентом церемонии приветствия:

*Прыйшлі мы да пана як да багача,
Хочам пана да й **навітаць**,
Яго панскае здароўе спытаць:
Ці здароў пан, ці вясёл пан?
Ці здарова панская жонка?
Ці здаровы панскія дзеткі?* [БФ, с. 99-100];

*Брат сястру на пасад вядзе.
Вядзе, вядзе, да **вітаецца** (2),
Да **здароўейка пытаецца*** [ЛБВ, с. 197];

*Прыехалі да прыданачкі,
Пытаюцца навіваначкі [молодой]:
– Да дзе наша навіваначка? <... >
– Ні на моры вымываецца,
Ні ў каморы прыбіраецца.
Зараз прыйдзе **прывітаецца**,
Пра здароўе папытаецца* [ЛБВ, с. 513];

(О новобрачной)
*Дзе наша вітаўное?
Чаму ж з намі **не вітаецца**,
На здароўе не пытаецца?* [Вяс. 6, с. 253].

Фольклор сохраняет следы того, что *здоровье* в вопросе может пониматься расширительно, как «состояние дел вообще»:

*На Парашино окошко
Часто заглядывал (2).
Про Парашино здорově
Всё выспрашивал:
– Уж ты спишь, душа Параша,
Или так лежишь?* [Трад. ф-р Новг. обл., с. 79];

*Як у госці прыду, дык падкрадня,
Пагляджу ў ваконца, ці здарова мамка –
Калі не спіць, дык «дзень добры» дам,
А калі спіць, дык ціхонька пайду* [Вяс. 4, с. 280].

Следует отметить, что уже в XVIII в. приветствие-вопрос не одобрялось аристократией, перенимавшей западноевропейские галантные стереотипы. В связи с европеизацией русского этикета в петровскую и постпетровскую эпоху традиционная русская формула в образованных кругах общества начинает восприниматься иронически. Так герой Новикова «не понимает», почему его здоровье интересует собеседника: – *Все ли в добром здоровьи? – поклоняясь, хозяин спросил меня. – Слава Богу! – выговорил я с потупленными глазами. – Да вам какая нужда слышать о здоровьи или о смерти моей?* (1775 г. Новиков Н.И. «Живописец» [РП-ХVIII, I, с. 394]).

И.И. Дмитриев в письме П.А. Вяземскому оговаривается, что вопрос о здоровье задает не из этикетных побуждений: *Но мне совестно занимать вас такими пустяками* [разница в словах *новизна* и *новина*. – Н.Г.], *между тем как давно хочется спросить вас о здоровье Катерины Андреевны и её семейства. Ещё в ноябре поздравил их с двумя именинницами, но с тех пор ничего об них не слышу. Я, право, не привязчив к условиям этикета, а хочу только успокоить себя на счет здоровья Катерины Андреевны и её семейства* [1836 г. Дм., с. 421].

Осведомление о здоровье подчеркнуто трактуется в это время именно в медицинском смысле: *И Аглая едва может удержаться от смеху, когда интересный подойдет к ней с пошлым вопросом о здоровье. – Моё здоровье? Я ничего не чувствую, – отвечает она* (1842 г. Вельтман А.Ф. «Карьера»); *Ко мне заходит он только, если со мною Маша, заботливо спрашивает о моем здоровье, как будто я больна в самом деле* (1847 г. Дружинин А.В. «Полинька Сакс»).

Комический эффект в водевиле связан с тем, что проштрафившийся чиновник (по мнению начальника, повредившийся в рассудке) понимает недовольный вопрос о здоровье как этикетный знак расположения и отвечает обычной – этикетной же – формулой: *Он глядит на меня, разиня рот, и я смотрю на него. «Здоровы ль вы?» – говорит. Я говорю: «Слава Богу, ваше превосходительство. Как ваше здоровье?» – «Вы, верно, говорит, не выспались?»* (1845 г. Каратыгин П.А. «Вицмундир»).

Из разговора Ставрогина и Верховенского явствует, что собеседника может раздражать противоречие между формальным вы-

ражением интереса к здоровью – своему или 3-го лица – и реальным равнодушием к нему: – *Как, однако, здоровье Юлии Михайловны? – Какой это у вас у всех, однако, светский прием: вам до её здоровья всё равно, что до здоровья серой кошки, а между тем спрашиваете...* (1871 г. Достоевский Ф.М. «Бесы»).

Тем не менее вопросно-ответный комплекс функционирует в ситуации встречи в XIX веке: *При встрече с приятелями обыкновенно говорится: «Все ли вы в добром здоровье, здорова ли ваша супруга», – и тому подобное* (1845 г. Бутков Я.П. «Почтенный человек»).

При этом вопрос о здоровье обычно перемещается в позицию после основной приветственной формулы или жеста: *Произнеся это, длинный человек обратился ко всем: – Здравствуйте, господа! – Здравствуй, душа моя! здоров ли ты? – Здравствуйте! – раздавалось со всех сторон, и все подходили к длинному человеку и протягивали ему руки, и он всем приветливо улыбался* (1840 г. Панаев И.И. «Белая горячка»); *Мне тоже и дома знакомы. Когда я иду, каждый как будто забегают вперед меня на улицу, смотрят на меня во все окна и чуть не говорят: «Здравствуйте; как ваше здоровье?» и я, слава Богу, здоров, а ко мне в мае месяце прибавят этаж». Или: «Как ваше здоровье? а меня завтра в починку»* (Достоевский Ф.М. «Белые ночи»); *«– Напрасно трудились. Впрочем, я не забуду вашего внимания», – равнодушно говорит Федор Федорович и в свою очередь протягивает руку. Он делает это так естественно, как будто о бумажке тут нет и помину, а просто пожимается рука доброму знакомому при словах: «Моё почтение! как ваше здоровье?»* (1861 г. Никитин И.С. «Дневник семинариста»); *Выбежала худощекая, востроносая бабенка, в красном повойнике, с матежами по всему лицу, с животом, подернувшим синюю юбку, закланялась низко-низко, зачастила: – Здравствуйте, батюшка Данило Степаныч! Здоровьице-то ваше как... Отдохнуть коли желательно, я вам и стулик со спинкой вынесла бы...* (1913 г. Шмелев И. «Росстани»).

То, что вопрос о здоровье и в новейшее время является знаком расположения к адресату, подтверждается ответной благодарственной репликой: *Вы спрашиваете о моем здоровье. Благодарю вас. Самочувствие прекрасно <... >* (1897 г. А.П. Чехов – П.Ф.Иорданову [ПЧ, с. 188]). В радиоинтервью оперный режиссер Б.А. Покровский, говоря об отношении к нему артистов, описывает его изменение к лучшему, аргументируя следующим образом: *Они отдохнули... Сейчас они даже спрашивают, как мое здоровье – значит, они готовы репетировать* (08.03.98. РС, «Лицом к лицу»).

2.1.3. Оборот *Гой еси* – древнейшее восточнославянское приветствие

Принятое у восточных славян с глубокой древности упоминание о здоровье при встрече первоначально реализовалось в обороте *гой еси*, где элемент *гой* является родственным слову «жить».

Возникновение этого стереотипа можно с уверенностью отнести к древнерусскому периоду. Об этом свидетельствует как основа *гой-*, известная всем восточнославянским языкам, так и материально выраженная связка *~си* (как известно, пропуск связки возможен уже в XI в., например, на Тьмутараканском камне 1068 г.: глѣбъ кн#зъ мѣрилъ мо(ре) вместо мѣрилъ *~сть* море) [Хрест. Ив., с. 17]. В этимологических словарях этот оборот приводится в ряду этимонимов: лит. *gajus* 'легко вылечивающий', авест. *gaua* 'жизнь', 'время жизни', укр. *goiti* 'исцелять', пол. *goić* 1) 'лечить, заживлять', 2) 'лечить, исцелять', см. также пол. *goić się* 'заживать, заживляться'; србх. *gojiti*, чеш. *hojiti* 'залечивать', 'заживлять' и др.

В тексте украинской думы хорошо проиллюстрирована семантическая специфика глаголов этой группы на примере *изгоити*:

Слава ж Богу и царице, а покой гетману:

Изгоили в сердцах наших горячую рану! [Кост. Сл. миф., с. 636].

(*Изгоили* – излечили, заживили, сделали жизнеспособным).

Традиционно приветствие *гой еси* рассматривалось как благопожелание и связывалось с глаголом *гоити* (У М. Фасмера: *гой* «будь здоров!» [Фасмер, I, с.427]), см., напр. также толкование Р.Н. Попова: «Фразеологическое сращение *гой еси* (а в диалектной речи оно встречается и с другими архаичными глагольными формами: *гой есте, гой естя*) в литературном языке обычно используется с факультативными междометными и местоименными компонентами: *ох (ой) ты (вы) гой еси!* и предполагает обращение к кому-либо. Значение этого народнопоэтического устойчивого приветствия находит свое этимологическое объяснение в слове *гой* (повелительной форме от глагола *гоить* – «здороветь», «хорошо жить», «здравствовать»), т.е. буквально – «здоровей!», «будь здоров!» [Попов 1976, с. 113-114].

Императив глагола *гоити* видит в «гой» также Н.М. Шанский: «Слово *виват* «да здравствует» является междометием той же различной структуры, что и *здравствуй, салют, будь здоров...*, а также устаревшее *гой* «будь здоров» (бывшая форма повелительного на-

клонения глагола *гоить* «жить, здравствовать», родственного слову *жить...*» [Шанский, с.191].

Есть ли основания считать *гой* формой повелительного наклонения глагола *гоити*? Грамматическая аналогия этого полностью не отрицает (ср. *гноить – гнои*), хотя логичней предположить, что мы имеем дело с парой *жити – гой*, организованной по той же схеме, что *бить – бой*, *слить – слой*, *гнуть – гной*, и *гой* – это отглагольное имя (существительное или прилагательное).

В языке сохранилось префиксальное образование *изгой* (от *изжити*). Очевидно, это субстантивное образование той же модели.

Что же означало в таком случае это отглагольное имя *гой*? Для ответа на этот вопрос нам придется обратиться к значению родственного слова *изгой*. «Человек, оторвавшийся от своего сословия» [ДРС, 6, с. 138]; «человек, выбывший по тем или иным причинам из своей социальной среды» [СДР, III, с. 495] – так осторожно объясняют семантику слова *изгой* авторы словарных статей, опираясь на немногие известные памятники языка, включающие эту лексему. (Для сравнения приведем определение, базирующееся на довольно распространенном мнении: «Изгоем в Древней Руси называли человека, выбитого из жизни, отпавшего от своего сословия, потерявшего с ним связь, изгнанника». [Сапунов, с. 74-75]; далее тот же автор говорит об изгоях как о людях, «потерпевших неудачу на жизненном пути» [Там же, с. 75].

По мнению В.В. Колесова, «древнейшим обозначением родовой патриархальной общины было слово *гой*. Оно и теперь сохранилось в слове *изгой* 'отвергнутый член общины'» [Колесов, с. 228]. «Изгой – отщепенец, лишенный рода насильно» [Там же, с. 174]. И далее там же: «...*Изгой* означает буквально: лишенный жизненной силы рода, традиции, а значит права на жизнь». Для подтверждения своей гипотезы автор приводит цитату из Ф.П. Филина, окончательно дискредитирующую понятие древневосточнославянского изгойства: «*Изгой* же не имел рода, родства и Родины».

Рассмотрим самый прозрачный контекст с этой лексемой, отрывок из «Устава новгородского князя Всеволода Мстиславовича о церковных судах» по списку середины XV в.: *изгой трви: поповъ с[ы]нъ грамоты не оумнеть, холопъ из холопства выкупитс#, коупнцъ вдолжаеть. А се четвертое изгойство w себе приложимъ: аще кн[#]зь wсиротеть. то люди ц[e]рк[o]вныи, б[o]гадлныи. Или митрополить, или еп[и]ск[o]пъ тыи вѣдаютъ между ими соуд, или wбиду... [Церк. устав Всеволода, с. 157].*

Мы видим, что, согласно уставу князя Всеволода, под патронат церкви поступали люди, оторвавшиеся от своего сословия – **но не обязательно спустившиеся вниз по социальной лестнице**. Так, наряду с разорившимся купцом и потерявшим княжество князем в разряд изгоев попадал выкупившийся из холопства холоп.

Наиболее близка к такому пониманию изгойства семантика однокоренных *выжить*, *изжить* (*его выжили из отдела; недостатки изжиты*), но лишенная страдательного значения: не люди *выжили* изгоя, а сам он себя *выжил* (кстати, представляет интерес многозначность глагола *выжить* – 'избавиться от кого-то' и 'несмотря на препятствия, остаться живым'), перешел в другое состояние – и не столько волевым актом, сколько в результате развертывания жизненного процесса. Сказанное же нашими авторами более применимо к слову *изгой* в его современном значении, поскольку в русском языковом сознании *изгой* сблизилось с *изгнать* и, в силу народной этимологии, развило в результате семантику 'человек, испытывающий неприятие окружающих, отринутый, отторгнутый ими'.

Интересные наблюдения над лексемой *изгой* принадлежат Б.А. Ларину, который указывает причину постоянного обращения к этому термину историков и лингвистов: «Для лингвистов оставались загадкой и состав слова, и его происхождение; историкам была неясна социально-экономическая природа термина. <... > Со времени Срезневского к анализу слова привлекают материалы южнославянских языков. Если выделить корень *гой-* – 'живой, жизнь', то выходит, что *изгой* – 'человек вне жизни, кому не житье на белом свете (изгнанник, отвергнутый своей общиной)'. Если с морфологической стороны такой анализ слова допустим, то объяснение его значения никуда не годится. Приставка *из-* едва ли обозначала изгнание, осуждение. **Раз эта социальная категория все время деградировала, то нужно искать в исторической перспективе не отрицательное, а положительное значение термина** [выделено нами. – Н.Г.]. Слово *изгой* надо сопоставлять с *гой* – 'община, мир'. Тогда *изгой* будет означать 'чужак, выходец из другой общины'. Становится понятным, почему в Новгороде было много изгоев. Это объясняется разложением патриархальной общины и сложностью, разноплеменностью населения Новгорода; изгой потом становились купцами, дружинниками.

Возможно, толкование слова *изгой* еще изменится. Но совершенно бесспорно то, что на протяжении раннефеодальной эпохи история этой социальной категории прошла ряд этапов. И это от-

разилось и на значении слова: от выходца из патриархальной общины до шатающегося по свету бобыля» [Ларин 1975, с. 77-78].

Признавая справедливым тезис Б.А. Ларина о деградации изгойства и о развитии отрицательной коннотации у термина *изгой* в русском языке, считаем спорными его дальнейшие рассуждения. Трудно объяснить, каким образом *goi = 'община, мир' послужило исходным для *изгой* 'чужак, выходец из другой общины'. С точки зрения словообразования, лексема *изгой* связана не с именем, а с глаголом, см. подобным образом организованные слова извергъ (от извергати): 1) 'выкидыш', 2) 'отверженный'; изродъ (от изродити): 'дитя', 'порождение, потомок'.

В толковании слова *изгой* историками тоже нет единомыслия. Однако в трудах М.Н. Тихомирова, одного из авторитетнейших советских исследователей, мы находим подтверждение мысли Б.А. Ларина об отсутствии первоначальной отрицательной коннотации в термине *изгой*: «Но жадность феодалов не ограничивается только захватом земель, они «прилагают» дом к дому и села к селам, порабащают изгоев и сябров.

Кто же эти изгой и сябры? Краткая редакция «Русской правды» не оставляет сомнения в том, что в начале XI в. **изгойи еще были свободными людьми, за убийство которых полагалось платить по 40 гривен, как за убийство «мужей»** (выделено нами. – Н.Г.). Из других источников мы узнаем о существовании сел, населенных изгойями. <... > «Если кто берет деньги на изгоевых детях, то оказывается продающим кровь неповинную», энергично восклицает один из проповедников» [Тихомиров 1975, с. 65].

Попробуем найти объяснение двойственности понятия *изгой*, о которой пишет Б.А. Ларин: «Материалы «Русской правды» показывают, что за убийство изгоя князья требовали уплаты такого же выкупа, что и за убийство дружинника (*ябедника, мечника*), т.е. лиц, близких к князю... Новгородские изгойи – примерно та же социальная группа, которая позже стала называться *бобылями*, вошла в состав посадских людей. Это люди лично свободные, но не владеющие землей.

Они энергично участвовали в военных, завоевательных походах князей, иногда служили защитой князя, но они же оказывали влияние на перевороты, на смену князей.

Сельские изгойи – это люди, не имевшие «ни кола, ни двора», деклассированные крестьяне» [Ларин 1975, с. 77].

Вероятно, в городах люди, «выпавшие» из собственного им социума, – это выкупившиеся холопы, «осиротевшие» князья и т.

д., то есть люди довольно влиятельные. В деревнях же изгоями оказывались обнищавшие крестьяне.

Согласимся со значением *изгой* – 'человек, оторвавшийся от своего социума'. Антонимичное *гой*, таким образом, явится характеристикой человека, благополучно обитающего в свойственной ему социальной среде.

Рассматривать ли *гой* как повелительное наклонение от глагола *гойти* и переводить его «здоровей!» или считать его именным образованием, аналогичным *здоров*, *цел*, перевода «Будь здоров!» – приходится признать непонятной и необъяснимой роль связки *еси* (бытийного глагола, обозначающего «ты сейчас, в данный момент, есть»). Прежде всего, еще раз обратим внимание на то, что эта связка не позволяет считать *гой* глагольной формой (что, собственно, означает «ты становись здоровым есть» или «ты здоровей есть?»). Связочные образования нередки в восточнославянских этикетных формулах: *Будь здоров! Будьте счастливы!* (рус.), *Бывайце здоровы!* (бел.), *Бувай здоров!* (укр.) – но только со связкой в форме императива, отсылающей к будущему, что соответствует идее благопожелания.

Трудно согласиться и с этимологической «расшифровкой» В.В. Колесова, который, связывая оборот *Гой еси* с системой кровного родства, утверждает, что *Ой, ты гой еси, добрый молодец!* буквально значит: «Ты есть наш, наших кровей!» [Колесов, с. 228]. Нечто подобное такому приветствию мы находим в «Книге джунглей» Р. Киплинга: «Мы с вами одной крови – вы и я!», тем не менее, констатация как тип приветствия не свойственна восточным славянам. Непонятна и логика понимаемого таким образом приветствия: к кому обращено это «Ты наш»? К любому встреченному человеку (таким образом, априорно включаемому в систему кровного родства) – или только к члену своей общины?

Остановимся на том, что *гой еси* – это все-таки именное образование семантики 'ты (есть) здоров'. Это выражение перестает быть бессмысленным, если признать, что перед нами редуцированный вопрос, и первоначально *Ты гой еси?* представляло собой такое же этикетное осведомление, как впоследствии *Здорово живешь? Здоров ли ты?* и под. Таким образом, форма настоящего времени изъявительного наклонения вспомогательного глагола *еси* заставляет предположить в этом обороте редуцированный вопрос *Здоров ли ты? Благополучен ли ты?* – что вполне сообразуется с семантикой ('здоровье') и структурой (вопросительная конструкция) восточнославянского вопросно-ответного приветствия. Не случайно и посто-

янное сопровождение формулы *гой еси* разного рода компонентами (*Уж ты гой еси, А ты гой еси*), усиливающими вопросительную семантику.

В качестве доказательства нашей мысли приведем и тот факт, что русский фольклор (и, очевидно, общенародный язык) не сразу принимает книжное императивное приветствие *Здравствуй!* и производит попытку представить его в виде привычной вопросительной конструкции. Такие обороты, правда, уже со «съеденным» вопросом, нередко встречаются в былинах:

Он во грядню идет – да Богу молится,

А кормилице-матенке поклоняется:

*«Уж ты **здравствуешь**, родна матушка!» –*

*«Уж ты **здравствуешь**, млады Соловей,*

А и младый Соловей Будимерович!» («Соловей Будимирович»

[Б-2, с. 187]).

Следует отметить, что оборот *Гой еси* никогда не встречается в былинах и исторических песнях в качестве прощального приветствия (ср. *Здравствуй! Дай Бог здоровья! Будь здоров!* и другие приветствия-благопожелания, одинаково способные начинать и завершать общение), то есть ведет себя как обычный этикетный вопрос о здоровье в начале устного или письменного контакта.

Оборот *Гой еси* сохранился только в фольклорной традиции. Его письменную фиксацию мы встречаем в к. XVII в.: *Гой еси казаки добрые молодцы...* [Аз. пов. ДРС, 4, с. 59], – причем, очевидно, что он подвергся фразеологизации (иначе было бы «гой есте», т.е. имя и глагол приняли бы формы мн. ч.). Составители «Словаря русского языка XI – XVII вв.» квалифицируют *гой* как междометие (очевидно, как разновидность *ой* – по аналогии с *гей*, *эй* – или гибридное между *гей* и *ой*). Судя по всему, в исторический период самостоятельного лексического значения слово *гой* уже не имело, и об этом свидетельствуют как застывшие формы ед.ч. мужского рода в приветствии, обращенном к женщине, к группе лиц, так и вариации, наблюдаемые в былинах: *Уж ты ой еси, Вой еси, Ой же ты, Ой еси...* и т.д.:

Возговорил еси князь Саур сын Ванидович:

*«О **вы гой еси**, старики сорочинские!*

Дайте мне коня доброго

И сбрую богатырскую» [П. Кир., с. 1.17];

*– Уж **вы гой еси**, дружиннушка де Васькина!*

Ай вас продал-то ведь Васька не за копеечку...

«Василий Буслаевич» [Новг. был., с. 15];

*А и гой вы еси, мужики новгородские,
Примите меня во братишину Никольшину,
А и я вам сыть плачу немалую («Садко-богатой гость» [К. Дан.,
с. 145].*

В вышеприведенных примерах нарушено согласование в числе (ожидалось бы *гой вы есте*).

Лишенное смысла *гой* превращается в междометное восклицание. При этом происходит затемнение его словообразовательной структуры:

*Ой еси, князья, боярюшки,
Главнейшие московские сенаторушки... [П.Кир. I, с. 324];
Уж вы ой еси вы, нянюшки, вы, манюшки,
Уж вы верные мои служаночки!
«Князь Роман и Марья Юрьевна» [Б-2, с. 110];
– **Вы ой есь**, мужики новгороджана!
«Василий Буслаев в Новгороде» [Новг. был., с. 68];
Уж **вы ой**, молодцы новгороджаны!
Ицэ хто со мной бьется о велик заклад...
«Василий Буслаев» [Новг. был., с. 69];
Да ай же ты, Добрынюшка Микитиниц!
А не стрели меня, черна ворона... («Добрыня и Алеша» [Добр.
и Ал., с. 252]).*

Вышедшее из речевого обихода, это приветствие стало подвергаться разного рода искажениям при передаче песенных сюжетов. При этом нередко исчезает самая идея приветствия:

*«Ой вы **гоясы** да ребятушки, а вы донски...
А вы донские козачки!» [ИП-ХVIII, № 143];*

*Молодая ханша крепко испугалася;
Кричит-то она, зычит своим нежным голосом:
«Уж вы **вояси** мои слуги верные,
Вы дайте, подайте мне, молодой ханше,
Перевезите меня на ту сторону...» [ИП-ХVIII, № 161];*

*Что кричит да зычит
Своим громким го... ой, голосом,
Своим княженецким: «Уж вы **воины** да
Вы мои служители! Да кто же из вас*

*Да из вас перевозчиком,
Да из вас перевоз держит»* [ИП-ХVIII, № 160].

Этот эпизод прекрасно демонстрирует, как сделавшееся непонятным *гой еси* (*гоясы*) заменяется совсем уже невнятным *воясы*, которое, в свою очередь, в одном из вариантов песни превращается в *воины*. На то, что *воины* – это искаженное *гой еси*, указывает содержащаяся в песне логическая несообразность: воин оказывается держащим перевоз, перевозчиком.

Тем не менее, в языковом сознании нередко сохраняется память о том, что *гой еси* – это возглас, связанный с ситуацией приветствия при встрече. Так, эпизод со стрелецким атаманом (песенный сюжет «Царь судит стрельцов») показывает, что на замену *гой еси* в более поздних вариантах является современная исполнителю приветственная формула:

*Возъезжает он во стрелецкую армянушку,
Воскричит-то он, возгаркнет громким голосом:
«Ох вы гой еси стрелецкие головушки!
Еще хочет нас православный царь всех жаловать,
Жаловать хоронами, хоронами высокими,
Двумя столбами дубовыми и петлями шелковыми!»...*

[П. Кир. 1, с. 36];

*Не дошовши он, наш атаманушка,
Во кругу он низко кланится:
«Вы здоровы, мои-та стрельцы-бойцы,
Раздобрыи мои молодцы?
Уж вы пьете, гуляете, ничего не знаете. <... >
Как перва-та нас православный царь
Любил-жаловал, золотую казноу нас даривал,
А теперь на нас православный царь распрогневался....»*

[ИП-ХVIII, № 42];

*Как увидел их с висока терема
Атаманушка,
Он подходит к ним,
Низко кланяется:
«Да и здравствуйте вы, ребятушки,
Вы, стрельцы-бойцы!
Да и что это у вас, у стрельцов-бойцов,
Да за круг собрат?»
«Собрал-то нас, стрельцов-бойцов,*

*Православный царь.
Он да прежде нас дарил жалованьем,
А теперь казнить велит...»* [ИП-ХVIII, № 43].

То же наблюдаем в сюжете «Майор с женой осуждены царем». Обращение майорской дочери к часовому так трансформируется в песенных вариантах:

*«Уж ты **гой еси** молодой казак,
Ты возьми-ка, возьми золотой казны,
Золотой казны пятьсот рублей,
Ты раскуй, раскуй моего батюшку,
Развяжи-ка родну матушку!»* [ИП-ХVIII, № 264];

*«Уж ты **гой еси**, часовой солдат,
Уж ты раскуй мово тятюшку,
Развяжи белы ручки матушки!»* [ИП-ХVIII, № 267];

*«Ну-ка **здравствуй, здравствуй** ты, млад донской казак,
Ой да млад донской казак, ох, малолеточек!
Ох, и ты пусти же, пусти родного батюшку,
Ах да мово батюшку с родной матушкой!»* [ИП-ХVIII, № 268].

Все вышеизложенное можно резюмировать следующим образом:

- генетически лексема *гой представляет собой имя, а не императивную форму глагола.
- семантика лексемы *гой – '[человек]', благополучно обитающий в своей среде'.
- изначально приветствие *Гой еси* представляло собой этикетный вопрос: «Здоров ли ты? Благополучен ли ты? Все ли у тебя в порядке?»

2.1.4.оборот Здоров ли?

На смену древнейшему восточнославянскому вопросительному приветствию гой еси пришел комплекс приветственных вопросов, базирующихся на образованиях от праславянской основы **sъdorv-*. Изменения в характере приветствия связаны с переменами в народном сознании. О новом идеале «лучшего человека» см. у С.М. Соловьева: «... История России, подобно истории других государств, начинается богатырским или героическим периодом, т.

е. <... > у нас вследствие появления варяго-русских князей и дружин их, темная, безразличная масса народонаселения потрясается, и происходит выдел из неё лучших людей по тогдашним понятиям, т.е. храбрейших, одаренных большою материальною силою и чувствующих потребность упражнять её. Старая русская песня очень хорошо определяет нам лучшего человека, богатыря, или героя: *Сила-то по жилочкам так живчиком и переливается, грузно от силушки, как от тяжелого бремени.* Это мужи, люди по преимуществу, тогда как остальные в глазах их остаются полулюдьми, маленькими людьми, мужиками» [Соловьев, VII, с. 11].

Итак, статика патриархально-общинного уклада столкнулась с динамикой феодализма, это привело к новому пониманию благополучия: не растительное существование, *прозябание* (не случайно это слово приобретает и усиливает со временем сему 'дискомфорт' [Гребенщикова 1996]), а мобильное состояние «хорошего дерева», крепости, боеготовности, воинской удачи.

Изменения коснулись прежде всего именной части приветствия: патриархальное гой, несущее идею благополучного, неизменного обитания в привычной среде, сменилось метафорическим в своей основе съдоровъ, *здоров* * 'хорошее дерево', 'из хорошего дерева').

Доказательством нашего предположения о вопросительном характере оборота гой ~си является в числе прочего и наличие приветственного выражения здоровъ (здравъ) ли ~си, структурно повторяющего схему вышедшего из употребления приветствия. Так, в уже цитированной новгородской берестяной грамоте № 424 от Гюргия к отцу и матери (XII в.) находим осведомление, имеющее все признаки этикетного: присъте [пришлите] ми граматичу сторовы ли есте [Хрест. Ив., с. 29].

В Успенском сборнике XII – XIII вв. находим съдравъ ли ~си, славянизированный вариант этого выражения: И приближи с# къ морю. и видѣ въ корабли дѣтищъ. и дѣва моужа велика. и ~гда поклонити с# хотѣ и рещи добрѣ ходите и добрѣ вы поуть боуди. тѣгда малыи дѣтищъ пьрѣвѣ~ рече къ агапию. агапие съдравъ ли ~си чѣто дѣ~ши съде въ лоукахъ сихъ морьскихъ. и не вѣси ли " ко звѣрь лють ~сть съде. и изхъстѣ т# (Сказание Агапия [Усп.сб., л. 288 б]). И далее: Въставъ же агапии прииде къ нимъ. и ~гда хотѣ поклонити с# рещи. добрѣ вы боуди поуть. тѣгда великыи моужь рече. съдравъ ли ~си агапи~. и чѣто ~сть поуть твои [Там же, л. 288 б].

Появление этого оборота в языке драматических произведений к. XVII – нач. XVIII в. свидетельствует о реальном бытовании приветственного вопроса о здоровье. Мы видим, что связочная часть вопроса в это время опускается, и приветствие получает вид *Здоров ли? Здоровы ли?* (В славянизированном тексте – *Здрав ли?*). Иногда происходит адвербиализация прилагательного *здоров* – это, очевидно, объясняется смешением по аналогии с оборотом *Здорово (живешь)*:

Француз. Слуга вашею, господине Панталон! Здрав ли ты? Панталон. *Здрав. А где мне сие напишат, что ты изволил мне такую честь сотворить и меня, бедного человека, посети-ти?* («Шутовская комедия» [РРД-3, с. 388]).

В русском фольклоре этот вопрос фигурирует в качестве приветствия наравне с *Здорово (живешь)*, *Здравствуешь* и *Здравствуй*. Так, в сборнике Зеленина в сказке «Иван-дурак» находим все эти приветственные формулы: *Разъехались на коне, подогнал к своему малахаю; то сказал: «Тпру! Здравствуешь, господин хозяин!» А хозяин отвечал: «Здорово, господин пастух!»; Во второй раз разъехались, подгоняет к малахаю: «Тпру! Здорово ли, хозяин?» – «Здравствуй, здравствуй, господин пастух!»; То как раз приезжает этот самый пастух домой. Подъезжает к поратному крыльцу и говорит: «Тпру! Здорово ли живешь, господин хозяин?» – «Здравствуй, господин пастух!» [Зелен., с. 363].*

Возможно также опущение частицы *ли* и редукция вопроса:

Константин [царевич] к нам приезжал:

Вы здоровы, мои дети,

Лейб-гвардейцы, егеря... [ИП-ХІХ, № 235];

Особенно часто такой оборот встречается в исторических песнях, при обращении командира к солдатам. Несомненно, это отголосок некогда реально существовавшего приветственного вопроса:

...Он, наш атаманушка,

Во кругу он низко кланится:

«Вы здоровы, мои-та стрельцы-бойцы,

Раздобрыи мои молодцы?» [ИП-ХVІІІ, № 42];

Граф Игнатъев разъезжает

Он по крутой по горе,

Да сам на вороном коне.

Шибко, громко прокричал,

Три словечушка сказал:

«Вы здоровы ли, ребята,

Военны матросы?» [ИП-ХІХ, № 373].

Вопрос *Здоров ли?* и в XIX в. способен выполнять функцию основного приветствия, занимая позицию №1: – *Хвилькин*, – *кликнул я, потому что он не замечал никого и многим не кланялся. Он подкакал ко мне крупной рысью <... >. Правда, он был бледен и, когда остановил свою лошадь, правой рукой вцепился в гриву, а левую протянул ко мне, со своей обычной равнодушной миной. – Ну что, **здоров ли?** – спросил он. – А ты? – Я ничего... здоров. – Ну, и я здоров (1850-е гг. Полонский Я.П. «Квартира в татарском квартале»), Он [Кузьма] встретил нас у ворот, держа одну руку над глазами и стараясь рассмотреть, кого Бог послал. – **Здоров ли, старик?** – приветствовала его матушка (Салтыков-Щедрин М.Е. «Пошехонская старина»).*

Однако чаще этот вопрос фигурирует как дополняющий основную приветственную формулу, занимая 2, 3, 4 позицию: – *Батюшка!* – *вскрикнул он [Асклипиодот]: насилу-то! **Здоровы ли?*** – *Слава Богу, здоров-с! вашими святыми молитвами съездил благополучно-с* (Салов И.А. «Грачевский крокодил»); *Здравствуй, Илья! Как я рад тебя видеть! Ну, что, как ты поживаешь? **Здоров ли?*** – *спросил Штольц* (Гончаров И.А. «Обломов»); *Х л е с т а к о в. Здравствуй, братец! Ну, что ты, здоров?* *С л у г а. Слава Богу* (Гоголь Н.В. «Ревизор»).

Это может быть и этикетное осведомление о здоровье третьего лица, третьих лиц: – *Вот уж не думал, не гадал с вами встретиться, матушка. Как ваше спасение? **Все ли у вас здоровы?*** – *Слава Богу, поколь Господь грехам терпит, – молвила Таисея <... >* (Мельников-Печерский П.И. «На горах»); – *Здравствуй, Филат Егорыч!* – *сказал Рукавичников, дав мужику окреститься. – Здравствуй, батюшка Петр Ананьич. – Как живешь-можешь?... – А! Да все сла те Богу живем. – **Дома всё ли здорово?** – Ничего будто, Петр Ананьич, ничего* (1863 г. Лесков Н.С. «Язвительный»);

Едут по дорожке – родитель стоит.

*Здорово, папаша, **здорова ль** семья?*

– *Семья – слава Богу, жена родила...* [Трад. ф-р Новг. обл., с. 17].

2.1.5. Обороты укр. *Здоров був*, бел. *Здароў (быў)*

В украинском и белорусском языках вопрос о здоровье развернулся в основную приветственную формулу, восходящую к конструкции со связкой в форме прошедшего времени («Здоров был?»): (Укр.) Я в а 2 3.

Циган. **Здоров був, Флиме!**
Клим. **Здоров був, цигане!** (XVIII в. «Вертепна драма» [Давн. укр. л., с. 517]);

Днвчино, кохана, здорова була,
Чи ще-жъ ты мене да й не забула? [Максимович, с. 88];

*Вінъ хотівъ її застрілить, а вона стрепенулась, стала панною да каже: – **Здоровъ бувъ** стрилець-молодець! Куди задумавъ ити?* («Юрза-Мурза и стрилець-молодець» [Малор. ск., с. 283]); – **Здорові були, дідусю!** – *Добре здоровье, сыну!* («Про того чоловіка, що Бог ёму подаровавъ стoлыкъ, козу и бубончыкы» [Малор. ск., с. 347]); **Здорові були и Богу милі** (як кого довго не бачили) [Номис, с. 231].

Видно, что это приветствие принимает разные формы рода и числа – в зависимости от пола и возраста адресата, от количества адресатов: *Здоров був* – к мужчине, *Здорова була* – к женщине, *Здорові були* – как *Вы*-форма, а также как приветствие нескольким лицам.

В какой мере этот оборот сохраняет вопросительный характер, например, в фольклоре XIX века? Ответную реплику иногда можно интерпретировать как ответ на вопрос: *Отъ вона зайшла у ту хатку, а тамъ дідъ седыть за столомъ такий старый, такий старый, що ажъ трусытьця. – **Здоровы, дідусю!** – **Здоровъ, дочко.** – *Чи не бачили, дідусю, мого чоловіка?* («Панычъ-птахъ» [Малор. ск., с. 477]); *Идуть мимо куменої хати. Жінка й кричить: – **Здорова була, кумасю!** Помагай-бі! – **Здорова!*** («Про те, що була зъ того, якъ въ семействі незгода» [Там же, с. 538]); – **Здоровъ бувъ** хозяинь? – **Здоровъ!** – *Пусти, спасибі тобі, переночувати!* – *Иди, ночуй, місця не багато займешъ* («Лихо» [Там же, с. 625]).*

В том случае, когда оборот *Здоров був* является ответной репликой, его уже трудно квалифицировать как вопрос: *Отъ иде стара биля ёго и каже: – **Добры вечор** тобі, малый. – **Здорова була, бабо.** А за чимъ ты, бабо, у такий порі у лісі ходышь* («Про стрильця» [Малор. ск., с. 187]); *От баба нарядила свою дочку и повела до пану. – **Здрастуй, бабушка!** – **Здорови були, добродію*** («Про дідову дочку та про золоту яблуньку» [Там же, с. 463]).

В большинстве случаев можно бесспорно говорить о полной потере вопросительной семантики: *Св. Петро и пошовъ. Прыходьте у ту хатку, ажъ тамъ така лежыть баба стара, стара. Вуынъ увійшовъ у хату:– **Здорови були!** Вона: – **Здоровъ, муый***

шыночку!... («Про Бога и св. Петра» [Малор. ск., с. 332]). (В данном случае ответом на вопрос было бы *Здорова*); *А пан кричить и зь кареты: – Здоровь бувь, дідусю! – Здорові, паночку!* («Про дідову дочку та про золоту яблуньку» [Там же, с. 463]).

В белорусском фольклоре примеры приветствия с материально выраженной связкой немногочисленны:

Зіма з летам сустракаецца,

– Ой, чалом, чалом, да цёплае лецейка!

– Ой, здорова была, да халодная зімачка! [БФ, с. 91].

С редуцией глагольной связки приветствие приобретает вид *Здоров, Здорова*; при этом вопросительный характер приветствия стирается, его можно принять за редуцированное благопожелание, чему, впрочем, мешает строго фиксированное место этого оборота именно в начале контакта.

(Укр.) *Я вітру не вірю,*

Сам сяду, поїду

До милої в гості.

Ой, здорова, мила,

З карима очима,

З чорними бровами,

З вірними словами [Мірн., Біл., с. 66-67];

Ох, аж приїхав цар турецький:

– Здоров, Байда молодецький!

Покинь, Байдо, пить-гуляти,

Бери мою дочку та йди царювати! [Мірн., Біл., с. 110];

... Изострели Лебеденка да три гайдамаки;

– Здоров, здоров, Лебеденку, здоров, батькив сыну.

Отдай, отдай, Лебеденку, гнедую кобылу [Кост. Сл. миф., с. 567].

Собственно приветственный и поздравительный смыслы этого оборота нередко сливаются:

...Пили та гуляли,

Із семи ядних пицалей грімали,

Кішку Саміла поздоровляли:

«Здоров, – кажуть, – здоров, Кішко Самілу,

Гетьмане запорозький!

Не загинув еси у неволі.

Не загинеш і з нами, козаками, по волі!» [Драгомиров, с. 196].

Украинский фольклор показывает, что это приветствие может быть произнесено как инициатором контакта, так и отвечающим: *Богъ... підыйшовъ до бідного. – Здоровъ, чоловіче! – Здоровъ! – Що це ты робышь?* («Два брата» [Малор. ск., с. 341]); *Жыве чоловик бидненко, надумав: пиду десь грошей розжывусь. Иде лисом, а проты ёго дид: «Здоров, чоловіче!» – «Здоров!» – «Куды ты идеи?»* [Милорадович, «Заметки...», с. 420];

Тай зустрив соловейко перепилку:

«Ой, здорова, здорова, сестрице перепилко».

–Здоров, здоров, брате соловейку [Кост. Сл. миф., с. 277].

В староукраинской «Драме про Алексея божьего человека» неоднократно встречается приветствие *Здоров!* в ситуации застолья:

С л у г а.

А вашмость щоб потѣху з своих дѣток мали,

Щоб они вас в старости кием подпирали!

Нехай ваши волики, козки, козенятка,

І ввес статочок здоров и егнятка!

З ними і вы здоровы! Того вам виншую,

А пью заздоровною до вашмости сию. < ... >

Ласкавы ж будте, уже сами ся частуйте:

Я мушу пойти к пану; прошу, не здивуйте!

М у ж и к.

И будемо и сами, коли есть що пити.

Здоров, Зннку, к тобѣ пью, щоб ты жив на свѣте!

Але ж добры напиток, щира малзамѣя! [мальвазия. – Н.Г.]

М у ж и к.

Чи диво ж у такого пана добродѣя?

Господи ж благослови! Ос и я скоштую:

Здоров, куме Свирид, к тобѣ охверую.

А не жартом, же добры зараз ся почувся.

На, да не духом пий, щобес не слынувся..

М у ж и к.

Да тамся, стары, що тобѣ приступило?

Напиток власне огон, а так жереш смѣло!

Ед зараз тебе кинет, що отсюл не трапиш.

От уж черга пришла: здоров! Що ся кватиш? [1673-1674 гг.

Давн. укр. л., с. 297-298].

На первый взгляд, данный оборот скорее генетически связан с приветствием-благопожеланием *Будь здоров*. Обычно так он и рассматривается в лингвистической литературе, посвященной

проблемам речевого этикета, например: «Этимологически с пожеланием здоровья связаны функционирующие в качестве приветствия слова *Здорово, Здоров* – бел. *Здароў, Здарова* < ... >. Эти формулы образовались из сочетаний *Будь здоров (здорова), Будь здоровы (здароў, здарова)*» [Савчук, с. 31]. Приходится оспорить это положение, поскольку благопожелание модели *Будь здоров* (высказанное, например, при прощании), ни в одном славянском языке не подвергается редукции *Будь здоров* → *Здоров*. Как нами установлено, неспособность выступать в качестве прощальной формулы является отличительным признаком именно приветственного вопроса.

На вопросительный в прошлом характер здравицы указывает также возможность её употребления вместе с глагольной связкой в форме прошедшего времени: *Здорови пили! Здоров пивши, ніс утопивши* [Номис, с. 243]. У М. Номиса приведен также народный украинский анекдот о Литвине, который спрятался на дереве, но не удержался от того, чтобы поздравствовать Татарина: *Здоров пив, Татарину! (Татарин пив, а Литвин на дереві сидів, та ото й каже – ёго и взяли)* [Там же, с. 243]. В сборниках Номиса и Илькевича приведены украинские здравицы с опущенной связкой: *Здоров, куме-Науме!* [Номис, с. 231]; *Здоров сволоче! коли ніхто не хоче. Здоров трам! выпью я и сам* [Илькевич, с. 36].

Приветственное *Здароў!* в белорусском языке то застывает в форме ед. ч. мужского рода: – *Здароў, чапля!* – *Здароў, жораў!* – *Ці не пойдзеш, чапля, за мяне замуж?* («Жораў і чапля» [БФ, с. 331]);

У хатку вайшоў – чалом даў,

– Ай, чалом, чалом, здароў, цешчанька.

Ці дома мая Кулінка? [Вяс. 4, с. 49];

– Дзень добры, здароў, сваточки.

Ці ўюцца ў вас раёчкі... [Вяс. 6, с. 260];

– то способно к изменению по родам и числам:

Здаровы, сваты здаровы,

Мы ждалі доўга вас з дарогі [ЛБВ, с. 384];

– Здарова, цешча, здарова,

– Гдзе ж мая Валечка, Валечка?

– Тваей Валечкі дома нет... [Вяс. 4, с. 73].

Аналогичное явление можно отметить и в украинском фольклоре:

Запорожец. *А, здорова, шинкарко, / Здорова, полтавко, Як я тебе давно бачыв!* (Киевск. вертеп [Маркевич, с. 90]); *Вона [баба] прибїгла до тихъ пастухївъ. – Здорови, хлопці! – Здорова!* («Про вовчика-братика и лисичку-сестричку» [Малор. ск., с. 114]).

В виде *Ці здароў, Ці здарова* приветственный вопрос перемещается во вторую позицию, после основного приветствия (*Дзень добры, Нех бэндзе пахвалёны!* и под.):

Дзень добры, свату, у хату!
Дзень добры табе, свацейка!
Ці вясёла твая хацінка,
Ці здарова твая сямейка,
Ці стаіць на стале гарэлка? [ЛБВ, с. 480];

– *Нех бэндзе пахвалёны (2).*
Ці жывы, ці здаровы?
Ці весела хатачка,
Ці здарова мамачка? [ЛБВ, с. 481];

Па шырокаму гасцінцу
Вялікі абоз ідзе,
Дачка матцы гасцінчык шле,
Невялікі гасцінчык –
Віннае яблычка,
На тым яблычку
Тры слоўца напісана:
Першае слова: Добры дзень, матачка,
*А другое слова: **Ці жыва, здарова?***
А трэцяе слова: Бывай, мама, здарова [БФ, с. 199-200];

А ў сені ўвайшоў да віток даў.
– *Вітком віты, цесцюхна, первы раз,*
Ці здарова Валечка да мая ў вас?
Вітком віты, цесцюхна, другі раз.
– *Да здарова Валечка твая ў нас* [Вяс. 4, с. 64];

Чалом, чалом, цесцюхна, я твой зяць,
Ці здарова Грачка мая ў вас? [Вяс. 4, с. 517].

В белорусском фольклоре этот оборот может субстантивироваться:

– Дурны мальчышка, неразумненькі,
Аднімі вароты ды ўз'едзь на двор,
Уз'едзь на двор, с каня далоў,
З каня далоў, ды цясю **здароў**,
Цясю **здароў**, а к ей у цяром [Вяс. 4, с. 36].

Субстантивное образование *здоров*, 'благодарственная песня', отмеченное писателем-этнографом С.В. Максимовым, составившим описание свадебного обряда на русском Севере, возможно, не связано с украинским и белорусским субстантивом и свидетельствует только о проявлении общей тенденции к унификации приветственной формулы: *Вставши с лавки из печного угла, она [невеста. – Н.Г.] идет давать отцу «здоров». «Здоров» этот подлиннее всех и поскладнее* (1859 г. Максимов С.В. «Год на Севере»).

Приветствие *Здоров!* известно и русскому просторечию: *Случилось одному ремесленнику поздним вечером ворочаться домой из чужой деревни, с веселой приятельской пирушки. Навстречу ему старинный приятель – лет с десятков тому, как помер. – «Здоров!» – «Здравствуй!» – говорит гуляка... [Афан. 3. № 353. Ск. 2, с. 430]; – **Здоров**, председатель, – гаркнул новоприбывший, протягивая лопатообразную ладонь. – Будем знакомы. Сын лейтенанта Шмидта (Ильф И., Петров Е. «Золотой теленок»).*

2.1.6. Оборот *Здорово живешь*

Изменения произошли и в глагольной связке приветствия, восходящего к гои ~си (ранее – не обладающее динамикой ~си, теперь же – глагол, обозначающий движение, процесс: живеши и под.). Замена связки имела следствием адвербиализацию именной части. Письменная фиксация приветствия *Здорово живешь* относится к XVI- XVII вв., хотя практически оно, очевидно, появилось значительно раньше: *Государь меня тотъ час к руке поставить велһль и слова милостивые говорилъ: «здорово ли, де, протопоп, живешь? Еще, де, видатца Богъ велһль!» [Ав. Ж., с. 376]; Судари мои свһты здороволи живете* («Комедия на Рождество Христово» [Обн., Барх., с. 61]).

В памятниках, имеющих украинское происхождение, именная часть может представлять собой образование, застывшее в фор-

ме мужского рода. Здесь сказывается влияние приветственной формулы *Здоров*: Пристав [попу] *Бачка, здоров живешии!* («Опера об Александре Македонском». Интерлюдииум [РРД-4, с. 545]).

Фольклорные памятники сохранили этот тип приветствия со всеми его особенностями: размытая семантика *здоровья*, структурная неопределенность (в одном ряду оказываются *Здорово живет*, *Здорова живет* и *Здорово ли*), вопросительный характер:

И спрашивает князь у тех старицей:

*«Вы давно ли, давно ли с моего двора,
С моего двора с княженецкого?» –*

*«Мы теперь, теперь да теперешенько
С твоего двора, да с княженецкого».*

*«А здорово ли **стоит** мой высок терем,*

*И здорово ли **живут** добры конюшки,*

*И здорово ли **живут** чайны чашечки,*

И здорово ли пьяны питьица,

*И здорово ли **живут** цветны платица,*

*И здорова ли **живет** молода жена?»* («Князь, княгиня и старицы» [Б-2, с. 310]);

И проговорит Добрыня Никитич млад:

– Здорово ты, матушка родимая,

Молодая Амельфа Тимофеевна!

*И здорово ты **живешь, здоровешенько?*** («Добрыня Никитич и отец его Никита Романович» [Добр. и Ал., с. 33]);

*Чтоб заехать ли ко своей сударушке в гости побывать,
Побывати у неё.*

*– Что здорово ли ты, моя любушка, **живешь-поживаешь,**
Поживаешь без меня?* [П. Кир. 2-Я, с. 193];

Я зайду ж к своей сударушке,

Зайду побываю:

– Што здорова ли ты, моя сударушка,

Здорова ли поживаешь? [П. Кир. 2-Я, с. 202]

Параллельно с адвербиализацией происходит редукция вопроса, которая привела к появлению приветственной формулы *Здорово!*: – *Здорово, брат!* – *Здорово!* – *Откуда ты?* – *Из Ростова* [П. Кир. 2-Я, с. 46].

Приветствие-вопрос, отмеченное у А.С. Пушкина, уже представляет в какой-то степени стилизацию языка XVIII в.:

Хвостов! старинный мой дружище!

Скажи, как время ты ведешь?

Здорово ль, весело ль живешь? («Тень Фонвизина»).

Тем не менее, судя по очерку Пришвина, относящемуся к 1907 г., приветствие-вопрос существовало на русском Севере еще в начале XX века: *От жениха стали приходиться дружки, торопиться. Бывало, придут: – Бог помощь, живитый здоруво, Петр Герасимович, Марья Ивановна, Степанида Максимовна, все крещенные. Как здоруво живете? – Просим милости, подьте, пожалуйста, проходите, садитесь* (1907 г. Пришвин М.. «В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края»).

В народной речи вопрос о здоровье занимает в приветствии позицию №1 (собственно приветственная реплика) и требует этикетного ответа: *Все подобру-поздорову; Слава Богу: Каждое утро братья проводывали друг друга: выйдет один брат утром из избышки да и крикнет: – Здорово ли, брате, поживаешь? – Ему на это другой крикнет: – Всё подобру-поздорову!* («Братья-богатые» [Сев. пред., с. 64]); *– Здоровенько ль поживаешь, Алексей Трифоньч? – сказала Фленушка, поравнявшись с ним. – Слава богу, живем помаленьку, – отвечал он, снимая шапку* (Мельников-Печерский П.И. «В лесах»). В.И. Даль также отмечает ответные стереотипы: *Вашими молитвами живем. Живы своими грехами, вашими молитвами. Живы, поколе Господь Бог грехам терпит* [Д. II, с. 210]; *Поколе Бог грехам терпит, да голова на плечах* [Д. I, с. 221].

Возможна и реплика, соответствующая внутренней форме приветствия (обычно при констатации какого-либо неблагополучия): *Утром старуха пошла к соседу за квасом. Приходит. – Здорово живете! – Да не особо здорово, дорогая соседюшка. – А что? – Да у нас лошадь увели* (Сказка А.Н. Корольковой «Ворожей» [Рус. сказочн., с. 178]).

Угасание вопросительной семантики в приветствии *Здорово живешь* приводит к изменению ответной реплики. Теперь это может быть не только ответ на вопрос, но и ответное приветствие: *Взошел в хату, Богу помолился, хозяевам поклонился: «Здорово живете, хозяин с хозяйской!» – «Добро жаловать, господин!»* («Барин и мужик» [Азад., с. 171]).

Энантисемичность этого оборота (смена расположения на неудовольствие) проявляется начиная с XIX века: *Вот тебе и здо-*

рово живешь! <... > Как! Неужели вы забыли, что хотели быть моей женой? (1833 г. Кони Ф.А. «Принц с хохлом, бельмом и горбом»).

«Девальвация» царской или «барской» милости такого рода, как приветственный вопрос, вызвала семантический сдвиг в этом обороте: *Здорово живешь* – 'просто так; ни с того ни с сего'. У Даля: **Здорово живешь**. Ни за что, ни про что [Д. I, с.117]; **Здорово живешь** – голову на плаху не кладут [Д. II, с. 97).

Примеры такого употребления в XIX – XX в.: – Да и у тех, которым доподлинно известно, что и как, – и у них осведомляться вам не советую. Пользы нет – вот в чем главное. Во-первых, на ваш вопрос вы рискуете получить в ответ: **здорово живешь!** – будете ли вы этим удовлетворены? (1878 г. Салтыков-Щедрин М.Е. «В среде умеренности и аккуратности»); – Я предлагаю, господа, устроить сейчас же общими силами скандалиссимус. – Какой, какой? – Переломать кости первому встречному. – Да за что же? – **Здорово живешь!** – Скандалиссимус был отвергнут большинством голосов (Помяловский Н.Г. «Молотов»); – Зачем я к нему пойду? – повторил Самойленко. – Не я его оскорбил, а он меня. Скажи на милость, за что он на меня набросился? Что я ему дурного сделал? Вхожу в гостиную и вдруг, **здорово живешь!**: шпион! Вот-те на! (Чехов А.П. «Дуэль»); А тут еще такой мелкоте деньги отваливай. Третью часть жалованья ему подавай. Так вот – **здорово живешь**. Да от этого прямо можно захворать (1926 г. Зощенко М. «Папаша»).

В современном русском языке этот оборот приобрел вид *За здорово живешь*: Банк обанкротился, и оказалось, что полгода я работал *за здорово живешь*... за спасибо... (08.09.98. Радиообозреватель П. Воцанов. «Радио-1», Россия). Фразеологический словарь дает этому выражению следующее толкование: **За здорово живешь**. Прост. Без всякой причины, без к. – л. оснований. **Здорово живешь** (Тж) [ФСМ, с. 157].

Наречие *здорово* в момент формирования приветственного оборота обладает расширенной семантикой, обозначая не только хорошее физическое состояние, но и благополучие вообще. Коннотация одобрения, генетически сопровождающая приветственный оборот, вызывает в современном русском языке появление омонима *здорово*, наречия, обозначающего признак действия, значительного по степени проявления: *Из железной трубы сыплются в дыме искры – здорово растопил Денис* (Шмелев И. «Лето Господне»); *Так вот, после приезда в Москву с Кавказа и нашей встречи на*

вокзале я поняла, что Владимир Владимирович очень **здорово** меня любит. Я была очень счастлива (Полонская В. «Воспоминания о Маяковском»). В записанной в 1956 г. сказке «Портупей-прапорщик» встречаем и вообще парадоксальный оборот *здорово болел*, который свидетельствует о затухании в этом наречии семантики физического здоровья: *Пошли на охоту Гаврило с Василием. Гаврило спрашивает: «Ну, как, Василий, **здорово** вчера болел?» – «Да подходяще»* [Ск.2, с. 505].

2.1.7. Оборот типа *Здорово пришел*

Ситуационной разновидностью вопросительного приветствия является вопрос *Здорово пришел?*, обращенный к пришедшему, вернувшемуся из поездки, путешествия:

*Приезжали они во красен Киев-град,
Встречали их князи да думны бояра,
Да встречал их Владимир стольнокиевский
Да со той же княгинюшкой Опраксией:*

*«Уж вы **здорово** ездиле во чисто поле?*

Уж что вы там чули, что вы видели?»

– *«Уж мы **здорово** ведь **сьездили** во чисто поле»* («Бой Добрыни с Дунаем» [Былины, с. 74]).

На древность этого оборота указывает наличие в сербском языке аналогичной модели приветствия *Добро дошао!* семантики «Добро пожаловать» (*Добро дошли, мили гости!*), где *дошао, дошли* – это формы причастия на –л глагола *доћи* «прийти» [Толстой, с. 91, 712]. См. также болгарский оборот *Добре дошли* аналогичной семантики [Болг. – р. сл., с. 121]. Сербское и болгарское приветствия, в которых функционируют наречия *добро, добре*, соответствующие «нашему» *здорово (здорово)*, являются также подтверждением факта наличия расширенной семантики у наречия *здорово*, по крайней мере, уже в общевосточнославянском периоде.

Со временем специфичный характер приветствия перемещает его в позицию после приветствия-благопожелания:

Поклонились ему атаманы казачия:

«Здравствуй, Василей Буслаевич!

Здорово ли съездил в Ерусалим-град?» («Василей Буслаев молиться ездил» [К. Дан., с. 96]).

Изредка встречаем в фольклоре именную часть в форме ед. ч. мужского рода *Здоров (здрав) пришел*. Очевидно, это следствие

смещения двух приветственных формул: *Здоров (ли) (еси) и Здорово (ли) живешь*:

*Обернулса Василий ярым гоголем,
Выплывал-то он на крутой берег,
Тут-то дружина его проздравила:
– **Здрав ты шел**, Василий, со синя моря,
И здрав ты пришел в Ерусалим город.
– Спасибо, дружина, хоть проздравили,
Едва я попал на крутой берег («Про Василия Буслаевича»
[Новг. был., с. 135]).*

Можно заметить, что для староукраинского и старобелорусского языков обороты типа *Здоров приехал* были обычными уже в XVI в.: *Найяснній(ший) милостивый король и на меня ласкавыя паны братія! Выїхавши зь дому, Богу-мъ ся помолилъ, чтобы къ вамъ **здоровь прїхаль** да вашу милость здоровыхъ огледалъ, и привиталь* (1589 г. Речь Ив. Мелешка, каштеляна Смоленского, на Варшавск. сейме [АЮЗ, 2, с.188]).

Следующее «усовершенствование» вопросительного приветствия касается уточнения в нем времени суток (аналогично современным *Добрый день, Добрый вечер*), в результате чего утреннее приветствие получает вид *Здорово (ли) ночевал (почивал)*:

*И на все четыре стороны поклонился:
«Вы **здорова ли**, мои братцы, **спали-почевали?** [так!]
Один-то я, добрай молодец, не здоров спал:
Будто я хожу, добрай молодец, по край синя моря,
Я правую ногою в море оступился...»* [П. Кир. 1, с. 41];

*... Что зайду, зайду ко сударушки,
В гости побываю
Да спрошу, спрошу во сударушки
Об её здоровье:
– Что **здорова** ль ты, моя любезная,
Спала-почивала? [П. Кир. 1-Я, с. 38];*

*Я прибью-то, прибью твое личико к тесовой кровати,
Вечера-то я буду спать ложиться – с тобой прощусь,
Поутру-то я встану, добрый молодец, поздороваюсь:
«Ты **здорова ли**, моя любезная, **ночевала?**»
«Плохо-то мое здоровьице без милова!*

*Вечёр-то моя кровать проста простояла,
И соболиное одеяльце в ногах пролежало...»* [П. Кир. 1-Я, с. 187].

В повести Толстого зафиксирован южнорусский тип приветствия, относящегося, очевидно, ко второй половине дня: **–Здорово дневали, добрые люди! Гей!** – обратился он [дядя Ерощка] к казакам тем же сильным и веселым голосом, без всякого усилия, но так же громко, как будто кричал кому-нибудь на другую сторону реки. – **Здорово, дядя! здорово!** – весело отозвались с разных сторон молодые голоса казаков (Толстой Л.Н. «Казак»).

2.1.8. Оборот *Здорово*

С редукцией глагола *живешь* этикетная формула *Здорово живешь* приобретает вид *Здорово*. Ранние примеры такого употребления относятся к XVII – нач. XVIII в.: *Егда-ж приехал* [Никон], *с нами, яко лись: челомъ да здорово. Вѣдает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помѣшка какова не учинилась* [1673 г. Ав. Ж., с. 359]; *Ты мнѣ не здорово а я тебѣ не челом* [Сим. Послов. 143. XVIII в. – ДРС, 5, с. 364].

Первоначально это приветствие социально не маркировано и употребляется в качестве разговорного:

Г а е р <... > *Еще здорово, мои други,
А мне пришли от блох великие недуги...* («Интермедии» [РРД-5, с. 694]);

*А, брат сват, сват, здорова!
Как ты суда зашел?* («Интермедии» [РРД-5, с. 696]);

Ф а м у с о в [Ч а ц к о м у] *Здорово, друг, здорово, брат,
здорово.*

Рассказывай... (А.С. Грибоедов «Горе от ума»);

*Здорово, русский снег, здорово!
Спасибо, что ты здесь напал,
Как будто бы родное слово
Ты сердцу русскому сказал* (Мятлев И. «Русский снег в Париже»);

Гляжу, богатейшая карета, новенькая, четвернею едет мне навстречу. Я было свернула в сторону, только слышу громко кто-

то мне из кареты кричит: «Радость моя, Таня, **здорово!**» Обернулась я, а это Пушкин (Цыганка Таня, в передаче Б.Маркевича [Пушк. в жизни, с. 253]).

Это приветствие может восприниматься как благопожелание; ответом в таком случае выступает благодарственная формула:

Придумал наконец и за соседом шлет.

Пришел сосед.

*«Притель дорогой, **здорово!**»*

«Челом вам бьем за ласковое слово» (И.А. Крылов «Откупщик и Сапожник»).

Иногда этот оборот выступает с поздравительной семантикой: *Подшедши к Жениху, сказал: «**Здорово, брат, женься!**»* (Аблесимов А. «Мнение козла о свадьбе старого мещанина» [П. XVIII в., 2, с. 13]); *С обновкой поздравляю. **Здорово носить!*** [Д. I, с. 235].

В благодарственных свадебных песнях этот оборот организует величание, аналогично *Здравствуйте*: «Затем невеста здоровается с сеньями (конечно, стихами же):

*Вы **здорово**, новы сени перёнья,*

Кругом светлыя окошка косесчатая,

Кругом белыя брусовыя лавочки...» (1859 г. Максимов С.В. «Год на Севере»).

В XIX веке это приветствие получает широкое распространение, о чем свидетельствуют приведенные В.И. Далем стереотипы: ***Здорово, сват – Прощай, брат!*** [Д. I, с. 185]; ***Брат, здорово, брату челом; челом да об руку*** [Д. II, с. 209]; ***Здорово, дед, на сто лет*** [Д. II, с. 211]; ***Старый знакомый, снова здорово!*** [Д. II, с. 212].

Эта формула появляется в обращениях «бар» к «народу» (крестьянам, слугам); вообще вышестоящих к нижестоящим: – ***Здорово, здорово, няня, – говорил он*** [Владимир Дубровский], *прижимая к сердцу добрую старуху, – что батюшка, где он? каков он?* (Пушкин А.С. «Дубровский»); (Городничий и антрепренер театра) – ***Здорово, любезный! Что это? афишка нового представления? – Никак нет, ваше высокоблагородие, просьбица!*** (Вельтман А.Ф. «Неистовый Роланд»); (Помещик и слуга) – ***Здорово, Евсей! – сказал он*** [Антон Иваныч], *садясь за стол и затыкая салфетку за галстук, – как поживаешь? – Здравствуйте, сударь. Что наше за житье? плохое-с* (1846 г. Гончаров И.А. «Обыкновенная история»); (Из главы «Шанхай», о китайском простонародье) *Вот обширная в глубину лавка, вся наполненная мужиками, и бабами тоже. Это харчевня. Ну, так и хочется сказать: «**Здорово, хлеб да соль!**» Народ группами сидит за отдельными столами, как и у нас* (1853

г. Гончаров И.А. «Фрегат «Паллада»); (Помещик и слуги) – **Здорово, ребята!** – крикнул Егор Николаевич, поравнявшись с тарантасом. – *Здравствуйте, батюшка Егор Николаевич!* – отозвались Никитушка и Марина Абрамовна, устремляясь поцеловать барскую руку (Лесков Н.С. «Некуда»); (Хозяин и работники) – **Здорово, братушки.** Ради не ради, принимайте хозяина. – Караульщики, умиленно улыбаясь, низко, подобострастно раскланялись: – *Милости просим, доброго здоровьяца, Иван Василич. В аккурат к самоварчику* (1926 г. Бунин И. «В саду»).

В армейском обиходе России вплоть до октября 1917 г. **Здорово** – обычное приветствие командира, военачальника солдатам:

Князь недолго одевался < ... >,

Ворона коня седлал,

Ко сенату подъезжал:

«Да вы здорово, часовые,

Сенаторски сторожа...» [ИП-ХІХ, № 226];

– **Здорово, ребята!** – вскричал он [гарнизонный командир. – Н.Г.], подходя к фронту. – *Здравия желаем!* – крикнули солдатики (1835 г. Вельтман А.Ф. «Неистовый Роланд»); – **Здорово, шестая!** – послышался густой, спокойный голос полковника. Солдаты громко и нестройно закричали с разных углов плаца: – *Здравия желаем, ваш-о-о-о!* Офицеры приложили руки к козырькам фуражек. – *Прошу продолжать занятия,* – сказал командир полка и подошел к ближайшему взводу (Куприн А. «Поединок»).

Очевидно, именно по причине долгого существования в армейском этикете приветствие **Здорово!** остается характерным преимущественно для мужской речи (см. [Рус. разг. речь, с. 303]), а его направленность сверху вниз по этикетной вертикали, зафиксированная в языковом сознании (точнее, подсознании) не позволяет включать его в зону вежливости из-за «оттенка грубоватости» в его семантике [Формановская 1998, с. 256; Земская, с. 219].

2.1.9. Оборот *Здравствуешь*

Былины, записанные в разных регионах России и относящиеся к разным циклам, сохранили уникальное приветствие, понять смысл которого можно только обратившись к культурному контексту эпохи. Это на первый взгляд необъяснимая форма изъясительного наклонения глагола *здравствовать* – *Здравствуешь!*

Оборот *Здравствуешь* отмечен уже Ф.И. Буслаевым в «Исторической грамматике»: «Вместо повелительного *здравствуй* в на-

родном языке употребляется наст. вр. изъявит. наклонения: *здравствуешь*; напр., в олон. былин. «*Здравствуешь, солнышко Владимир князь*», «*Уж ты здравствуешь, вдова ли, жена ль мужняя!*» < ... > Что же касается до выражения «здорово живешь!» – то это собственно вопрос, на который действительно и отвечают ответом «*слава Богу*»; потом вопрос перешел уже в приветствие. Вероятно, и народное *здравствуешь*, собственно и первоначально – тоже вопрос» [Буслаев, с. 370].

Приветственный вопрос в этикете «книжных людей» вытесняется приветствием-императивом *Здравствуй*. Очевидно, в течение какого-то периода народное языковое сознание пыталось трансформировать этот императив в традиционное осведомление. Возникает контаминированное приветствие *Здравствуешь*? Со временем происходит редукция вопроса:

*«Уи ты здрастуй, удалой да доброй молодець! «
«Уи ты здрастуйи, старой большой цоловек!»
«Непослушливый молодец» [Пов. о Г. – Зл., с. 57];
Забегат Добрынюшка в третий-де раз;
Пухову шляпу снимат, низко кланятыя:
«Здравствуешь, удалой добрый молодец,
По имени Василий сын Казимерской!»
«Василий Казимерской» [Добр. и Ал., с. 79)];*

*Он заходит во грынюшку столовую
Ко тому же ко князю да ко Владимиру:
– Уж ты здрастуйи, Владимир да стольнокиевской!* («Сва-
товство царя Гремина на сестре кн. Владимира» [Добр. и Ал., с. 322]);

*Он идет Садко по новой тогда горницы,
Как лежит-то на лавке царь морской ле тут:
«Уж ты здрастуйишь, Садко, купец богатыя!
Я прощу-то тебя да поиграть со мной
Да во те же во пешки, нынь во шахматы...»* («Садко» [Новг.
был., с. 207]).

Чаще всего этот тип приветствия встречается в былинах, значительно реже – в русских сказках: *Выходит молодица, большая его сестрица. – А, здравствуешь, родимый брателко! Каки тебя ветры принесли эта-ка?* («Иван царский сын Золотых кудрей» [Ск. о богат., с. 44]); *Конь подкакал и говорит: «Здравствуешь, мой старый хозяин!»* («Марфа-царевна и Иван крестьянский сын» [Зелен., с. 204]).

Иногда такой оборот наблюдается в песенном фольклоре (обычно в исторических песнях):

*Его француз не узнал,
На крылечко выбежал,
За белые руки брал,
За дубов стол посадил,
Рюмку водки наливал,
Купцынушкой называл:
«Уж ты **здравствуешь**, купець,
Ты московский молодець!»* [ИП-ХІХ, № 131].

Исследование динамики приветственного вопроса в восточнославянском речевом этикете позволяет сделать следующие выводы:

– С древнейших праиндоевропейских времен взаимное осведомление о здоровье представляло собой основной тип приветствия при встрече.

– В отличие от других приветственных формул вопрос о здоровье изначально не мог завершать общение.

– Направленный сверху вниз по этикетной вертикали, приветственный вопрос был знаком внимания к нижестоящему, одобрения, похвалы, благодарности. Поскольку он воспринимался как милость вышестоящего, то сам по себе являлся вознаграждением адресату за какие-либо его действия.

– В общении равных (прежде всего, в дипломатическом этикете) вопрос о здоровье манифестировал расположение, добрые намерения, приязнь коммуникантов.

– Так как контактоустанавливающая функция приветствия при встрече реализовалась путем жестикюляции, вопрос о здоровье мог в равной степени выступать не только в качестве приветствия при встрече, но и как поздравление с событием, здравица, знак внимания.

– Мы видим, что во всех восточнославянских языках эволюция в приветствии-осведомлении о здоровье сводится прежде всего к утрате вопросительного характера, редукции вопроса. (Надо сказать, движение это не было однонаправленным: некоторое время в русском языке существовало приветствие *Здравствуешь*, переработавшее в вопрос приветственное благопожелание-славянизм *Здравствуй*). Разговорные формулы украинское *Здоров був!*, белорусское *Здароў!* функционируют в современном речевом этикете как сигналы расположения, предназначенные для установления контакта коммуникантов. Аналогично русский приветственный

вопрос *Здорово живешь?* утрачивает вопросительный характер и свертывается в приветствие *Здорово!*

– Уход в разговорную речь и в просторечие оборотов типа *Здоров! Здорово!* объясняется вытеснением их церковнославянским императивом *Здравствуй!*, а также европеизмами типа *Добрый день!*

– Безусловным свидетельством вопросительного в прошлом характера этих оборотов является их абсолютная невозможность завершать общение, подобно прочим типам приветствия (*Привет! Будь здоров! Мое почтение! Честь имею кланяться!* и под.).

2.2. Приветствия – пожелания здоровья

2.2.1. Стереотип *Будь здоров*, его аналоги и варианты

Речевая формула *Будь здоров!* представляет собой благопожелание, произносимое в ситуациях застолья, величания, встречи, прощания и др.

Ситуация застолья. Зравица

Г. Лудольф отмечает оборот *Будь здоров* именно в качестве заздравице: *Буди здоровь, на твоє здоровіє. Propino tibi, in salutem tuam. (Я пью за тебя, на здоровье твое)* [1696 г. Л. – С., с. 229]. В таком употреблении находим это благопожелание в русских драматических произведениях раннего периода:

О л о ф е р н. *Будите здравы вы, воины мои, про здравие сей красавицы!*

В с и. *Благо да живет Олоферн с прекрасною своею!* (XVII в. «Комедия о Юдифи» [Гудз., с. 484]);

Л у п п. *Престаните ропота, пиво принимайте.*

Про здравие питателя купно испивайте.

У в с е х. *Будь здоров, наш Димитрий, прецедрый кормитель, Да даст ти вся благая всемогий Спаситель* («Венец Димитрию» [РРД-4, с 74]).

Это императивно организованное пожелание здоровья было активным в народном речевом этикете. В «Пословицах...» «В.И.Даля приводится шуточный тост: *Будь здорова, моя черноброва!* [Д.

II, с. 211]. См. также: *Будь здорова, как вода, богата, как земля, плодovitа, как свинья. Будь здорова, как корова, плодovitа, как свинья* [Д. II, с. 211]. У Л.Н. Толстого: *Лукашка достал чапуру, отер, налил вина и, сев на скамейку, поднес дяде. – Будь здоров! Отцу и Сыну! – сказал старик, с торжественностью принимая вино. – Чтобы тебе получить, что ты желаешь, чтоб тебе молодцом быть, крест выслужить!* (1863 г. «Кзаки»).

В украинском речевом этикете употребимы здравицы: *Будьте здорови, пивши* [Номис, с. 243]; *Будьмо (здорови)!* Украинский этнограф В.П. Милорадович, исследователь народного быта Полтавщины в конце XIX – нач. XX вв., отмечает, что на Рождество (*Ридзвяный день*) женщины пьют, приговаривая: *Будьмо здорови! Дай, Боже, на здоровья, на благополучия и нашим дитям и всёму мырови хрещеному* [Милорадович, «Житье...», с. 188].

Белорусские пословицы и здравицы также отсылают к ситуации застолья: *Які «здароў будзь», такі і «на здароўе»* [БППФ, с. 245]; *«Будзь здароў, будзь здароў» – ды з лаўкі далоў!* [БППФ, с. 338]; *Будзь здаровы (здаровенькі) на ўвесь год, як калядны лёд* [БППФ, с. 349]. И.Я. Лепешев отмечает в современном белорусском языке многозначный фразеологизм *Будзь здароў*, в одном из значений употребляемый как «застольны зварот з добрымі пажаданнямі» [Лепешаў, I, с. 135].

Здравица *Будь здоров* активно употребляется в настоящее время. См., напр., у В. Высоцкого:

– *Закури! – Извините, «Казбек» не курю.*

– *Тогда выпей... Давай, брат, посуду!*

Да пока принесут... Пей, кому говорю!

Будь здоров! – Обязательно буду! («В ресторане»)

Ситуация величания

Оборот *Будь здоров* может принимать семантику 'Да здравствуй!' при прославлении, величании: (Поклонение волхвов) *Царь 1. Здрав буди, царю, на веки!* (К. XVII – н. XVIII в. «Комедия Рождеству» [РРД-4, с. 179]); *Перска, Полска и Свейска склоняется выя./ Росийски Марс вещает: здрава будь, Россия!* (1724 г. Журовский Ф. «Слава Росийская» [РРД-3, с. 270]).

Этим благопожеланием обычно заканчиваются украинские и белорусские песни-щедровки, обращенные к хлебосольным хозяевам:

А тепер буд собн так велми здорова:

и товста, як яловая корова (К. XVII — нач. XVIII в. Климентій Зіновієв «Нищенский вѣрш» [Давн. укр. л., с. 246]);

Гаспадару
Будзь здароў як крынічная вада,
Будзь вясе́л, як хароша вясна,
Будзь багаты, як сырая зямля [БФ, с. 110].

Ситуация встречи. Приветствие

В к. XVII –н. XVIII в. оборот *Будь здоров* употребляется параллельно с *Здравствуй*, с теми же распространителями: *Здравствуй (будь, буди здоров, здрав) со всеми любящими тя на многие лета* – иногда одним и тем же автором, в письме одному и тому же адресату:

*Гсдрю моему Андрію Володимеровичю Софонко Болонин челом бьет **здравствуй** с маткою Устинею Афонасевною и з домом своим многа лѣта* (С. Болонин – Андрею Владимировичу [Гр., № 184]);

*Многолѣтно гсдрь **здравствуй** со всѣм своим праведным домом* (П. Окулов – К.П. Калмыкову [Гр., № 362]).

*Гсдрю моему Андрію Володимеровичю Софонко Болонин челомъ бьет **будь здрав** с маткою и з домомъ своим праведнымъ. 1687 г.* (С. Болонин – Андрею Владимировичу [Гр., № 185]);

*Многолѣтно **буди** гсдрь **здрав** со всѣм своим праведным домомъ* (П.Окулов – К.П. Калмыкову [Гр., № 360]);

Адекватность двух типов приветствия подтверждает В.И. Даль, объединяя сходные стереотипы: **Здравствуй, да не засти! Будь здоров, да отойди прочь!** [Д. II, с. 127].

В бытовой переписке старорусского периода полногласные и неполногласные варианты (*здоров, здрав*) употребляются как равноценные: *Приятел мои гсдрь братаецъ Федор Василевичъ **буди здоров на многие лѣта** а мое здорове худо по греху моими жены и меня не стало мая в с м числѣ вконецъ разорился и с кричины сокришился...* (А. Зыков – Ф.В. Бородину [Гр., № 23]); *Гсдрь Ефтѣеі Івановичъ **здрав на веки буди** со всеми твоіми...* (Н. Дружинин – Е.И. Суворову [Гр., № 39]). Принципиальной разницы в употреблении полногласных и неполногласных форм прилагательного не отмечено, следует отметить только, что стихотворные эпistolы предпочитают неполногласную форму. Так, стихотворное письмо к. XVII в. начинается:

*Очей моих преславному свѣту
И нелесному н[а]шему совѣту.*

Здрава буди д[у]ша моя во многия лѣта... [Обн., Барх., с. 5].

В соответствии с реальным ритуалом (поклон и словесное приветствие), оборот *Будь здоров* часто занимает в эпистолярной приветственной формуле позицию после челобития: *Гсдрю моему брату Михаилу Панфиловичю братишко твое Ванка Малыгин **челом бьет буди гсдрь мо** (так!) **сдоров на многие лета со всем своим благодатным домом** (И. Малыгин – М.П. Салтыкову [Гр., № 87]); *Гсдрю моему млстивому Вавилы Тихановичю искател твоеи гсдрь млсти Илюшка Земскои рабски пад на землю **челом бью биди гсдрь мои милостивои Вавила Тиханович **сдравь и многолѣтен со всѣми любящими тя на множество лѣт**** (1701 г. И. Земский – В.Т. Вындомскому [Гр., № 161]); *Гсдрю кнзю Василью Васильевичю работничиска твои **Петришка Ковелинъ челомъ бьетъ биди гсдрь **сдрав** бидичи на гсдрве службе...** (П. Ковелин – В.В. Голицыну [Гр., № 255]).***

В драматических произведениях, принадлежащих перу украинских авторов и выходцев с Украины, оборот *Будь здоров* отмечен в качестве фразеологизированного приветствия, употребляемого изолированно или с минимумом распространителей. Характерно, что такого рода приветствия появляются в тексте интермедий (вставленных между основными частями драм, язык которых представляет собой «плохой церковнославянский» или сильно славянизирован). Действующими лицами интермедий обычно являются представители простонародья, и говорят они народным языком, следовательно, можно говорить о реальном бытовании таких оборотов в живой украинской речи:

Р и ц к о. Здорови

Бут, та короткими слови

Кажси, о що питаємо!

Та, як те звати маємо? (1619г. Интермедія до драми Я. Гаватовича [Давн. укр. л., с. 215]);

С л у г а п е р в о й ц е с а р с к и й.

Далей отсюду, далей поступаймо,

От того еще жебрака спытаймо. < ... >

Буд здоров, старче! Так тебе витаем.

Скажи нам, о чом тебе запытаем... (1673 – 1674 гг. «Драма про Олексія чоловіка Божого» [Давн. укр. л., с. 301]);

(Выходит Чеорт, цыган ему поздравляет).
Цыган. **Здрав буди, братко!** («Интермедии» [РРД-5, с. 618]);

Свирид. **Здоров буд** пандяче: як собн маеш?
Гет за чим пришли, чому не питаеш? (Ив. Некрашевич «Замысл на попа» [Давн. укр. л., с. 602]).

Что же касается основного действия, то оно тоже может включать это приветствие – обычно в церковнославянской огласовке *Здрав буди*:

Пиролюбець съ други вечерь начинаетъ. До него же Лазарь приходитъ
Господине всеблагий, съ други си **здрав буди**,
Мене ница Лазарь# молю не забуди (К. XVII – н. XVIII в.
«Ужасная измена сластолюбиваго житія» [Обн., Барх., с. 66]);

Выходит Старец <...> Ксенофонт и Мария поклоняются.
Ксенофонт. **Здрав буди, друже наш и честный отче**
(«Комедия о Ксенофонте и Марии» [РРД-4, с. 213]);

Иполит. **Здрав буди, отче мой дражайший на веки!** («Комедия гишпанская о Ипалите и Жулии» [РРД-5, с. 478]).

В украинском языке этот оборот активно функционирует в качестве приветствия при встрече: «*Что ж делать? Чему быть, тому не миновать!*» – подумал про себя философ и, обратившись к козакам, произнес громко: – *Здравствуйте, братья-товарищи!* – **Будь здоров, пан философ!** – отвечали некоторые из козаков (Голь Н.В. «Вий»);

*То подем, погуляем,
Сусідоньки одвідаем:
– Будь здорова, сусідонько,
Люба моя дівчинонько!* [Мірн., Біл., с. 156];

*«Ой, здорова будь, матусю,
Я припхав по Ганнусю»* [Укр. п., с. 67].

Этот оборот равноупотребителен и как ежедневное приветствие, и как поздравление с праздником, точнее, как приветствие по случаю праздника. Ср.: **Будте здорови з сим днем** [Номис, с. 231]; **Будте здорови з колядою!** [Там же, с. 8]; **З святым днем будте здорови** [Там же, с. 231]. По наблюдениям В.П. Милорадовича, «На Крещение хозяин приветствует семью: *Добрывечир! Из постом будте здорови!*» [Милорадович, «Житье...», с. 188].

В «Интерлюдиях» нач. XVIII в. таким образом приветствует собеседника персонаж, именуемый *Литвин*:

Ох, какой хорошенький! Как моя дзедина!

Здоров будь, веселись [РРД-4, с. 465].

Для русского языка XIX в. это приветствие не слишком характерно. Литературные примеры такого рода немногочисленны: *Случайно встречаясь с ним [отцом], Федос обыкновенно подходил к нему «к ручке», но отец проворно прятал руки за спину и холодно произносил: «Ну, будь здоров! проходи, проходи!»* (Салтыков-Щедрин М.Е. «Пошехонская старина»); *А не лучше ли мне, на всякий раз, с старичком поздороваться?.. «Взял и сказал ему по-учтиво-му: – Помогай Господь тебе, дедушка! – Старик отвечает: – Будь и ты здоров, Какойто Какойтович, и скажи, как тебя зовут иначе?»* (1890 г. Лесков Н.С. «Час воли Божией»).

Ситуация прощания. Прощальное приветствие

В качестве прощального оборот *Будь здоров* функционирует в эпистолярном жанре с XVII в: *Ястребы не поспѣли [не обучены] а тебѣ от меня **будь здоров** да і сын и тебѣ вскоре будет я стану зват Никулаю. Писан на нашем стану...* (1646 г. Царь Алексей Михайлович – А.И. Матюшкину [Хрест. Ив., с. 374]); (Он же, ему же) *Да купить бы тебѣ одноконешно в р" ди коршыяка или осорью или орлока живыхъ да **бидь ты здоровъ** да отпиши ко мнѣ обо всем с тѣм ж" конюхомъ* [1646 – 1655 гг. Хрест. Ив., с. 375]; *За сем **буд здрав***. С. Болонин – Андрею Владимировичу [Гр., № 188]; *По сем гсдрь **буди здрав** на многие лѣта* (П. Окулов – К.П.Калмыкову [Гр., № 358]).

Эта прощальная формула широко распространяется в эпистолярном этикете. Возникает даже стихотворный стереотип (также с неполногласием): *Здрав буди, Только меня не забуди* (XVII в. «Послание сына, от наготы гневнаго, к отцу» [РДС, с. 40]); *По сем w Хрстѣ **здрав буди** і о чем пиши і проши не заби[ди] аминь* (Игумен Евфимий – В.В. Голицыну [Гр., № 251]).

Судя по «Вертепной драме» XVIII в., прощальная формула *Будь здоров* известна и староукраинскому языку:

За порожець (до глядачів)

*По сій мові **будьте здорові?***

*Мені **приходиться**, панове,*

З пісні слова не викидать.

А що було, барзо прошу

Об тому лихом не поминать.

*Пойду тепер собі в курінь
Віку доживать.
(Виходить) [Давн. укр. л., с. 516];*

*(Укр.) Та будь здорова, моя мила,
Бо я марширую,
Та приклонися до коника –
Най тя поцілую [Зоз., с. 244].*

В значении прощального оборот *Будь здоров, здрав* тоже обнаруживает адекватность с *Здравствуй*: (Дети Ксенофонта, погибая) *Но се уже зрим свою погибель пред очима, убо корабль разбивается, и воды наполнен сый, погружается. Здрав буди, любезнейший отче, здравствуй и ты, любезная мати, не узрите ны более, ниже мы ваю не насладимся протчее земных благ в дому, вкупе с вама* («Ком. о Ксенофонте и Марии» [РРД-4, с. 202]).

С конца XVIII в. это приветствие функционирует в русском языке только в русской огласовке (с полногласием): – *Ну, будь здорова. А к нам побываешь? Побывай: я лошадей тебе оставляю. Будь же здорова, Христос с тобою* (Лесков Н.С. «Некуда»); *Однако... вам бай-бай пора... Будемте здоровы... Супруге вашей...* (1885 г. Чехов А.П. «Гость»); *22 февраля. Телефон от В.А. Зоргенфрея <...> Последние слова: «Будьте здоровы, теперь, вероятно, долго не увидимся»* (1918 г. Блок А. Записные книжки, с. 389); *Мы расцеловались, и я вместе с хозяевами вышел на улицу проводить приятеля: – Ну, будь здоров! – проговорил с высоты брочки Пров Иванович и приподнял картуз* (1921 г. Минцлов С. «За мертвыми душами»).

[В окончании письма]: *Будьте здоровы и благополучны!* (Карамзин Н.М. «Письма русского путешественника» [РП-ХVIII, 2, с. 382]); *Будь здоров и люби – хоть немного – неизменно преданного тебе друга* (1878 г. Анна Керн – брату А.Н. Вульффу [ДП II, с. 241]); *Ну, будь здоров, это главное, и не тоскуй – бесплодно это. Набирайся сил на утеху человечеству* (1900 г. И.И. Левитан – А.П. Чехову [Левитан, с. 103]); *Будь здоров пока* (1900 г. И. Бунин – Н. Телешову [ПБ, с. 509]).

Славянская огласовка в к. XIX в. появляется только как шуточная стилизация под старину. Так, в письмах А.П. Чехова эта прощальная формула употребляется преимущественно с полногласием: *Здесь лето. Будьте здоровы. Жму руку и желаю всего хорошего. Ваш А. Чехов* (1898 г. А.П. Чехов – П.Ф. Иорданову [ПЧ, с. 507]); *Будьте здоровы и счастливы. Когда в Москву? Ваш А. Чехов*

(1898 г. А.П. Чехов – А.А. Хотяинцевой [ПЧ, с. 509]). Ср. шутили-вое: **Будь здоров и пиши почаще. Наталии Александровне низко кланяюсь и христосуюсь с ней. Детей заочно секу** (1893 г. А.П. Чехов – Ал. П. Чехову [ПЧ, с. 22]).

Относительно XIX в. можно отметить еще и такую особенность, как перемещение эпистолярной формулы *Будь здоров* в позицию № 2 в приветствии – после оборотов *Прощай, До свидания* и под. Таким образом оно из контакторазмыкающего знака превращается в пожелание, сопровождающее прощание: **Прости, друг сердечный. Будь здоров, благополучен, любви и не забывай меня** (1816 г. В.Л. Пушкин – Пушкину [ДП I, с.23]); **Прощай, будь здоров. Кланяйся няне** (1825 г. И.И. Пущин – Пушкину.[ДП I, с.153]); **Прощай, будь здоров и счастлив!** (1831 г. П.В. Нащокин – Пушкину [ДП II, с. 340]); **Еще раз повторяю мою просьбу о деньгах. Не заставь меня ссориться с тобой, топ cher. – Adieu, будь здоров. Поклонись от меня жене своей и маменьке** (1842 г. Панаев И.И. «Актеон»); **Прощай, будь здоров – и, если можешь, напиши что-нибудь для «Современника» и присылай к нам** (1857 г. И.И. Панаев – И.С. Тургеневу [Пан., с. 543]); **Ну, до свидания, ангел мой бесценный, будь здорова (и не снись мне по ночам, сделай одолжение)** (1875 г. Ф.М. Достоевский – А.Г. Достоевской [ПД, с. 192]); – **Ну, прощай, сестра, будь здорова** (Лесков Н.С. «Некуда»); **Сердечно обнимаю тебя, будь здоров и благополучен, дорогой друг** (1947 г. И. Бунин – Н. Телешову [ПБ, с. 637]).

В современном обороте *Будь здоров* преобладает семантика прощания: – **Вот сейчас тебя отрою – и будь здоров**, – в фильме «Белое солнце пустыни» говорит спасаемому красноармеец Сухов.

В украинском и белорусском языках оборот *Бувай здоров (Бувай здароў)* регулярно употребляется в качестве прощального приветствия:

(Укр.) **А вже зійшов місяць і зоря –
Бувай, бувай, дівчино, здорова!** [Мірн., Біл., с. 53];

**Бувайте здорові, соснові пороги,
А де походжали мої білі ноги.
Бувайте, бувайте, та не забувайте,
Мене, молодого, щораз споминайте** [Зоз., с. 374];

А мы с вами давай лучше добром здесь расстанемтесь; вот почеломкаемтесь, да и бывайте здоровы (1871 г. Лесков Н.С. «Загадочный человек»);

(Бел.) *Як Ясь з ложка ўскочыў,
Касі паклонам суліў:
Бывай, Кася, здарова,
Я – кавалер, ты – удова* [Тышк., с. 309];

*На тым яблычку
Тры слоўца напісана:
Першае слова: Добры дзень, матачка,
А другое слова: Ці жыва, здарова?
А трэцяе слова: Бывай, мама, здарова* [БФ, с. 199-200];

*Бывайце здаровы, мае вы абразы,
Як я вас убірала на тыдзень два разы.
Бывайце здаровы, мае белы сцены,
Як я вас бяліла напроціў нядзелі... и т.д.* [П. нар. св., с. 386].

Это обычное прощальное пожелание в колядных песнях:

(Укр.) *Та бувай же здоров та пан Миколаю,
З своїми синами та як з соколами* [Зоз., с. 24];

(Девушке) *Да бувай здорова зь батькомь зь матерью,
И зь милым Богомь, и зо всьмь родомь,
Иусомь Христомь, Святымь Рожествомь!* [Максимович, с. 178];

(Бел.) *Ды за тым словам да й бывай здароў,
Жыві ў радасці хоць да старасці,
Дэй з прыяцельмі з добрымі людзьмі!* [П. нар. св., с. 29].

В русском речевом этикете оборот *Бывай здоров!* ненормативен, тогда как в белорусском и украинском языке приветствие такого типа является широко распространенным и не нарушает нормы. Русско-белорусский словарь устанавливает равенство между современным белорусским *Бывай!* и русским *Прощай!* [РБС, 2, с. 262]. Дело в том, что *бывать* – итеративное образование от *быти* (итеративный глагол обозначает длительное и многократное действие), и в украинском и белорусском языках этот глагол, получив значение 'пробывать', подчеркивает длительность проявления желаемого качества, тогда как в русском языке в нем усилилась сема многократности, что даёт повод русскоязычным специалистам по культуре

речи снабжать это приветствие комментарием: «Странное пожелание быть здоровым время от времени» [Пастухова Л.С. Практический курс речевой культуры. – Симферополь, 1994, с. 8].

Попутно можем оспорить замечание (никак не аргументированное) в [ЭССЯ, 3, с. 158]: «Вряд ли верно считать *byvati удлинением закономерного **byv-* в глаголе на *-ati*». Нам представляется, что в данном случае налицо обычное для итеративных глаголов удлинение корневого элемента с помощью образования дифтонга с неслоговым *ı̆*: **bū-* → **būı̆-*.

Причина, по которой в украинском и белорусском языках появились варианты *Будь здоров!* и *Бывай здоров!* усматривается также и в стремлении разграничить формулу, начинающую общение (*Будь здоров!*), и формулу, прерывающую контакт (*Бывай здоров!*).

Прощальное приветствие в украинском и белорусском языках нередко включает полнознаменательный, ситуационно обусловленный глагол:

А) глагол движения – в прощальных формулах-благопожеланиях отъезжающему и под.:

(пастухи обращают к пролетающим по небу ангелам напутствие) *Лететі жь здоровенки, а мы поседімо...* (XVII в. «Комедия на Рождество Христово» [Обн., Барх., с. 63]);

С т а р е ц. *Прости, незабвенный в сердце мой господине.*

К с е н о ф о н т. *Иди, отче, здорово и моли о нас* («Ком. о Ксенофонте и Марии» [РРД-4, с. 214]);

Тілко моє серденько мре,

Що милая заміж іде.

– *Иди, іди, мила, здорова,*

Я тобі не скажу ні слова [Мірн., Біл., с. 60];

– *Нашто табе, дзіцятко, праваднічок?*

Па левым баку – клён, дубнік,

Па правым баку – чалавек,

А перад табою – дарога,

Едзь, маё дзіцятко, здорова! [П. нар. св., с. 387].

Надо сказать, что сема 'прощание' в этом обороте по своей активности несколько уступает семе благопожелания. Проиллюстрировать этот тезис можно белорусским контекстом, в котором благопожелание обращено не к отъезжающим, а к прибывающим гостям:

– *Бялі, мая дачушачка, бяленька,
Ужо ж твае заручнікі блізенькі.
– Да няхай жа едуць здаровы –
Ужо мае ручнікі гатовы* [ЛБВ, с. 53];

Б) глагол *зоставайся, заставайся, аставайся* и под. – как прощальное приветствие остающемуся:

Простите, родители, оставайтесь здоровы («Акт о Петре Златых Ключей» [РРД-4, с. 344]);

Е с ф и р ь. <... > *Идите прочь от мене, любезныя девы.
Д е в и ц а 1. Бог в помощь, царице, здрава оставайся...*
(«Ком. о Есфире» [РРД-4, с. 278]);

Ф е л ь т м а р ш а л <... >
*Оставайтесь здоровы, здесь пребывайте,
Во младости суше процветайте.*
(Ф е л ь т м а р ш а л о т х о д и т) («Ком. гишпанская о
Ипалите и Жулии» [РРД-5, с. 488]);

М у ж и к. *Ну-жо топере здраво оставайся.*
Ш а п о ш н и к. *Прости, прости, дядюшка, и впрет с нами
знайся* («Шапошник, Мужик, Мошенники. Комедия» [РРД-5, с. 556-
557]);

(укр.) *Зоставайся ти, мила, здорова –
Оце же мені на службу дорога* [Мірн., Біл., с. 80];

*Литить півень на сдало,
Каже: кукурґку!
Зоставайся, моя мила,
Здорова до вґку!* [Максимович, с. 62];

(бел.) – *Аставайся, мая матуля, здорова,
Ой, прыпала мне, маладзенькай, дарога* [ЛБВ, с. 414];

*Да стаіць конік у вароцечках, ножкай туп –
Заставайся, мая сястрычка, здорова тут* [ЛБВ, с. 538];

*Таткаў куточак,
Божы дамочак,*

Заставайся здароў,
Жыві багата [Тышк., с. 215].

(См. также серболужицкое *Wostań ztrowy!* [Слав. яз., с. 191]).

По наблюдениям белорусских исследователей, в современном белорусском этикете получили широкое распространение прощальные формулы с конкретизированным лексическим составом *Хадзі здароў!*, *Пайдзіце здаровы!*, *Бягай здарова!* (а также с уменьшительно-ласкательным суффиксом типа *Астайцеся здаровенькія!*) [Піваварчык, с. 201].

В украинском и белорусском языках нередко наблюдается редукция именной части приветствия, от которого остается только глагол (укр. *Зоставайся*, бел. *Заставайся*):

(укр.)

Свиснув козак на коня:

– **Зоставайся, молода!**

Я приїду, як не згину,

Через три года (С. Климовський. «Пхав козак за Дунай»);

(бел.) *Красная ды дзевачка*

Каля мамачкі ходзіць,

З мамачкай расцеца:

– **Заставайся, мамачка,**

З сынамі, з нявесткамі,

З блізкімі суседкамі [Вяс. 5, с. 192];

За сеньмі, за сеньячкамі

Развіталася Надзечка

З таварышкамі.

Каліну ламала,

Шчыпала арэшкі:

– **Заставайцеся,**

Мае таварышкі [Вяс. 5, с. 428-429].

У Г. Лудольфа отмечен стереотип прощания, обращенный к отправляющемуся спать: *Wпотчиваи здоравь* (*Dormi quiete*) [Л. – С., с. 228].

Оборот типа *Живи здоров* нередко принимает более или менее ярко выраженную семантику прощания, появляясь в заключитель-

ной части колядной песни или текста сходного жанра (поздравительной речи, величания):

(староукр.)

М у ж и к д р у г о й. *Я хлѣб тобѣ приношу, пане добродію,
А верещи* [речи. – Н.Г.] *болишей говорит не вмѣю.
А ты живи здоров с сыном и с приятелми всѣми!*

Дай Боже, щоб и сын твои был сенатор в Рыме! (1673 – 1674
гг. «Драма про Олексія чоловіка Божого» [Давн. укр. л., с. 296]);

(бел.) Г а с п а д а р у

...Ой, живі здароў і будзь багат

І з жаною маладою,

І з дзеткамі наймілейшымі... [БФ, с. 110];

Жыві здароў, будзь і багат,

Не трымай гасцей

Да дары бардзеі [Тышк., с. 285];

Жывіце здаровы парогі,

дзе хадзілі мае белыя ногі [ПріП, 2, с. 35].

Один случай такого рода отмечаем в русской комедии XVIII в. «Честный Изменник» (прощальная формула *Живи здорово*): *А р ц у г.
Еще прошу прощенья, что я с вами проститися принужден; буде
вам время долго покажется, можете идти, взяв за руку супругу
мою, гулять в огород; между сим живи здорово* (Отходит) [РЛ
XVIII в., с. 27].

С другими глаголами оборот теряет семантику приветствия в узком смысле и превращается в благопожелание к совершению действия (строго говоря, следовало бы их рассматривать в предыдущем разделе):

(староукр.)

(Окончание) *А вы козаки лук здоровы потягайте:*

й з огненних оружій сміле выпалайте.

Бог вам нехай побѣждат врагов помагаєт:

а вас от врагов в войсках й в домах сохрѣняет

І всѣм милостям вашим сердечно пріяю:

а пришедших з войска миле поздоровляю (К. XVII – нач.

XVIII в. Климентій Зіновієв «О стрѣльщиках, що стрѣлы козацкіє робят, и о козаках, Похвалное» [Давн. укр. л., с. 251]);

(В бігає циганя, син)

Син. *Йди, батько! Мати казала вечерять.*

Циган. *А що ж доброго ви там наварили?*

Син. *Казала мати – нічого.*

Циган. *А хліб же є?*

Син. *Де б то взявся? Нема.*

Циган. *Так дарма. Я тут с людьми добрими погарцюю,*

*А ви **вечеряйте** собі **здорові***

(Циган йде) [XVIII в. «Вертепна драма» [Давн. укр. л., с. 509)];

(укр.) «*Ой, перестань, Морозихо, по сині тужити,*

Ходи зь нами, Козаками, меду, вина пити!»

– «*Ой, **пійте** ви **здоровеньки**, та коли вам пьється,*

Коло моєї головоньки все лишенько вьється» [Головацкий, с. 5];

(бел.) – *Устань, мая дзевачка, годзе спаць,*

Да ўжо твае сватове на дварэ стаяць,

Пара табе падаркі падаваць.

– *Да **няхай жа стаяць здаровы**, –*

Ужо ж мае падарачкі гатовы [БФ, с. 143];

Купалка Івана на вулку звала:

«*Іван, Іванішча, хадзі на йгрышча».*

– ***Гуляй, Купалка, здаровенька,***

Некалі йгрышча мне гуляці... [П. нар. св., с. 136].

Особенно частым в белорусском фольклоре является пожелание, связанное с обновой, подарком: *Насі здароў (здарова)* – к лицу мужского пола, *Насі здарова (здаровенька)* – к лицу женского пола:

Вось і мой, мамачка, пярсцёнак –

Ад любага зяця падарунак. –

«*Да **насі**, дзіцятка, **здарова**,*

Не скажу табе ні слова» [П. нар. св., с. 193-194];

Сьшчам краўчыка са двару,

Пашые шубаньку да долу.

Кола вората золата,

Кола падола чорны шоўк,

Насі**, міленькі, ты **здароў [Вяс. 1, с. 470];

– Няхай мая шапачка тут паляжыць,
Пакуль мая Волечка прыбяжыць.
Яна маю шапачку падніме,
Яна мяне маладога абніме,
Яна мне на галоўку надзене.
– **Насі, мой Віцечка, здарова,**
Я на цябе маладога ні слова [Вяс. 4, с. 56];

*Харош, харош наш Колечка, шчэ й вялік,
Прывёз, прывёз ён Волечцы чаравік.
Прывёз, прывёз наш Колечка шчэ й двое,
Насі, насі здаровенька абое [Вяс. 4, с. 84];*

*З правае ручанькі персцень зняў,
Да твайму дзіцятку падараваў.
– **Насі, насі, Манечка, здарова,**
Да ўжо ж буду я твой да гроба [ЛБВ, с. 209].*

Следует отметить, что в русском языке конструкции с полнознаменательным глаголом не получили широкого распространения; можно, однако, усмотреть что-то подобное у Киреевского:

*Любил парень краснаю девку ды пары ён да время.
Нам приходя с табой пара-время с дружкой расставаца,
Нам с любезным расставаца, с кручины пращатца.
– Пращай, милинькай, навеки с русыми кудрями!
– **Иястайся, мая любезная, с чёрными бравями!** [П.Кир.*

1-Я, с. 267].

Впрочем, такой стереотип прощания отмечает и В.И. Даль: **Оставайся здорово, наживай друга много!** [Д. II, с. 228].

Видно, что полнознаменательный глагол повлиял на характер именной части стереотипа, вызвав её адвербиализацию (*здорово* вместо *здорова*).

Для белорусского и украинского языков характерны конструкции с прилагательными в форме мужского рода *здароў* (бел.), *здоров* (укр.), в славянизированных текстах – *здрав*:

(Староукр.) *Тыже любезный читателю трудъ нашъ добротною приими рукою и **здравъ суди*** (Поликарпов Ф. Лексикон трехязычный [Обн., Барх., с. 132]); *Вот тебѣ хлѣб, вот тебѣ сол, вотъ и калачи. / **Кушай старичок здоров, а на нас не ворчи...*** (XVII в. «Ком. на Рождество Христово» [Обн., Барх., с. 62]).

В белорусском: **Насі здароў, калі змалоў** [БППФ, с. 311]; *Наварыў піва, сам і **панівай здароў*** [БППФ, с. 345]. Иногда благожелательная семантика в таком пожелании заменяется неодобрительной вследствие энантиосемии: *Гавары **здароў*** [БППФ, с. 350].

В современном белорусском языке отмечен фразеологизм *Будзь здароў* в значениях «вельмі добра», «вельмі многа», «вельмі моцна»: *працуюць будзь здароў; рыбы вялося – будзь здароў* [Лепешаў, I, с. 134-135].

Эмоциональное переосмысление выражения *будь здоров* также возможно и в русском языке, и тогда оно (выражение) начинает употребляться для обозначения большого количества, высокого качества чего-либо: *Её* [киноактрису Джоди Фостер. – Н.Г.] *пугают заботы, связанные с содержанием большого дома. В этом плане она обычно острит и язвит в адрес своей соседки Мадонны, у которой ранчо в Калифорнии – будь здоров* (Радио «Юность», Россия. 19.11. 99); *В Канаде 98 % всех земель принадлежит частникам, а сельское хозяйство там – будь здоров* (Познер В. «Времена», ОРТ, 17. 03. 2002).

2.2.2. Оборот *Здравствуй*

Благопожелание *Здравствуй!* было известно уже древнерусскому книжному языку XI века. С точки зрения истории языка приходится говорить об отсутствии у этого оборота специализации начального контакта (приветствия при встрече, на письме – начальной приветственной формулы), поскольку это же выражение способно было сигнализировать также об окончании контакта, причем даже более активно. Один из первых случаев такого рода относится к 1057 г.: автор приписки к «Остромирову Евангелию» поместил поздравительную формулу в конец основного текста: *сдравъствоуйте же мънога лн̑[а]. сдръж#ще пороучение свое* [Л. – С., с. 114]. Оборот, обращенный к лицам, «стяжавшим» Евангелие (новгородскому посаднику Остромиру и членам его семьи) наделен сложной семантикой восхваления, благодарности, величания.

В посланиях торжественного характера оборот *Здравствуйте* является обычным завершением. Так, в заключительной части «Послания споддеомъ...», предваряющего «Граматику словенску» Лаврентия Зизания, находим: *Преч зависть и ненависть отложивши, мою малоую працоу любезно пріймѣте, и Богу хвалоу давши сами себе на болшоую подвигнѣте./ Здравствоуйте, но не болъзноюйте о друзи* [Лавр. Зиз. грам., с. 181]. Послание Александрийского патриарха Мелетия князю Вас. Острожскому и всем православным южнорусским людям заканчивается: *Здравствуйте о Господѣ, друзи любимии и Богом почтении* [1597 г. АЮЗ, с. 162].

В образце высокопарного слога, содержащемся в Азбуке-прописи времен царя Михаила Феодоровича, рекомендуется после основного текста заканчивать письмо этим оборотом: «писать о каком дhle надобет а свершить, – ты ж(е) въ м(и)л(о)сти въсем(и)л(о)стиваго Вл(а)д(ы)ки **здравствуй**; о мнѣ же бл(а)гоумне усердуі по своему ко мнѣ любител(ь)ному нраву» [Азб. 1643 г., с. 11].

Это приветствие завершает одно из стихотворений украинского литератора XVIII в. Г.С. Сковороды:

***Здравствуй**, мой милый покою! Вовѣки ты будешь мой.*

Добро мне быти с тобою: ты мой вѣк будь, а я твой [Давн. укр. л., с. 614].

Такое расположение здравицы долгое время сохраняется в фольклоре. Фольклорную приветственную формулу *Здравствуй* можно «перевести» на современный русский язык как *Будь здоров!* или как гипотетическое **Да здравствуй!* (ср. *Да здравствует!*), т.е. как величание по случаю (победы в военном походе, свадебной церемонии и под.). Историческая песня, повествующая о победе русской армии над шведскими полками, заканчивается прославлением русского царя:

*Ах затем, братцы, **здравствуй***

Наш благоверный царь

Всея России Петр Алексеевич

На всероссийском отеческом престоле

Со своими князьями и боярами

Со храбрыми людьми да генералами! [ИП-ХVIII, № 55].

Даже в XX веке в северных областях России (Мурманская, Архангельская) величальные свадебные песни содержат заключительные обороты-здравицы:

Полюбилаь красна девица

Разудалу добру молодцу:

Что бело лицо у девицы,

Бытто белой снег на улицы, < ... >

А черны брови у девицы,

Как у соболя сибирского.

*Затем **здравствуй**, красна девица,*

Аграфена свет Ивановна! [ЛРС, с. 14];

*Затем **здравствуй**, Ефим-молодец,*

Проздравляем, Васильевич,

С молодой женой, с Василисою,

Проздравляем тебя с Капитоновной [ЛРС, с. 142];

*Затем здравствуй, Иван-господин,
Что Иван свет Михайлович,
Проздравляем тебя с Марфушкою,
Ещё с Марфой свет Павловной* [ЛРС, с. 395].

(Последний пример взят из величальной женатому гостю, поэтому *проздравляем* в данном случае безусловно означает 'величаем вас с супругой, желаем вам здоровья').

В старорусских письмах-грамотках XVII в это приветствие активно употребляется самостоятельно или в сочетании с челобитием. В это время поздравительная формула способна употребляться равным образом в начале и в конце послания.

[Начало]: *Свѣти моему кнзь Василю Василевичю бид на тебѣ свѣт мои мльть бжия и мое грешное блгословение (!) отннѣ и до века здравствуй свѣт мои на многие лѣта...* (1677 г. Т.И. Голицына – В.В. Голицыну [МДБП, № 18]); *Милостивой гсдрне мои сестрице Федосе Павловне сестришка твоя Грунка Михаилова дочь челом бьет здравствуй о Христе* (Аграфена Михайловна – сестре Федосье Павловне [Гр., № 106]); *Государь мои милостивой княз Василей Васильевичь многолетно и благополучно здравствуй о Господе!* (Е.И. Украинцев – В.В. Голицыну [Восст. 1682 г., № 48]).

[Окончание]:... *И сукна все с конюшни привези с собою, да певчих старых и новых и малых. Да здравствуй* (1657 г. Ц. Алексей Михайлович – А.И. Матюшкину [Кож., с. 184]); *По том здравствуй о Хрсте а ко мнѣ пиши о своем здорове почасту* (В. Брехов – Ф.В. Бородину [Гр., № 7]); *По сем здравствуй гсдрь мои о Хрсте а я раб твои много челомъ бью* (1662 г. Р. Брехов – Ф.В. Бородину [Гр., № 19]); *За сем здравствуй [Ан]дреи Ларионовъ челом бьет* [А. Ларионов – брату Федору Васильевичу. [Гр., № 176)]; *А о семъ здравствиите о Хрстѣ* (Игумен Антоний – архимандриту Авраамию [Гр., № 506]); *По семъ здравствуй і спасаис# о Хрстѣ на вѣки вѣковъ* (1679 г. Чернец Герасим – архимандриту Авраамию [Гр., № 509]).

Иногда этот оборот обрамляет послание: (Начало) *Приятель мои гсдрь Вавила Тихановичь благополучно о гсде здравствию на веки <...>* (окончание)... *и ты пожалиши походи на митръполе дворе о моемъ деле и ко мне отпиши за семъ здравствию о Христе на веки.* (Л. Аничков – В.Т. Вындомскому [Гр., № 159]); (Начало) *Приятел мои Яков Петровичь здравствуй w гсде* [начало] <...> – (окончание)... *sa сем здравствуй w гсде а я тебе челомъ бью* [(Я.П. [Непейцыну] от неуст. лица [Гр., № 66]).

Письмо Петра I матери Наталье Кирилловне от 1693 г. оканчивается: *По семь радость моя зравствуй а я молитвами твоими жиць* [Обн., Барх., с. 84]. Он же в 1708 г. начинает письмо: *Тетка і matka сама друга (а скоро будешь і сама третья), здрафствуйте, а мы, слава Богу, здорово* (Петр I – А.К. Толстой и Екат. Алексеевне [Обн., Барх., с. 100]).

В более позднее время, в одном из пушкинских писем в окончании находим: *Здравствуйте; поклонение мое Анне Петровне, дружеское рукожатие баронессе etc.* (1828 г. А.С. Пушкин – А.Н. Вульф [ДП II, с. 201]).

Кстати, именно разноместность русского приветствия, а также его способность выражать одобрение, похвалу, явились причиной появления латинизма *vale* в начальной части здравицы, сочиненной Пушкиным – лицеистом:

*Апостол неги и прохлад,
Мой добрый Галич, vale!
Ты Эпикура младший брат,
Твоя душа в бокале,
Главу венками убери,
Будь нашим президентом,
И станут самые цари
Завидовать студентам!* (1814 г. «К студентам»)

(Следует отметить, что впоследствии Пушкин, обнаруживший свою ошибку, в числе достоинств Онегина назвал умение «**в конце письма** поставить *vale*»). В свою очередь, пушкинское *Здравствуйте* в окончании письма можно посчитать своеобразной калькой с латинского или стилизацией старорусского эпистолярного слога, поскольку для XIX в. уже не характерно заключительное приветствие такого рода.

Церковнославянский характер приветствия (неполногласие *-ра-*, суффикс *-ств-*) заставляет сделать вывод о его книжном происхождении. Более того, можно предположить, что как начальное приветствие оборот *Здравствуй* является византизмом и образован в подражание греческому приветствию χαίρε 'радуйся', что подтверждается и наличием калькированного управления: *Радуйся о Христе* → *Здравствуй о Христе: Братецъ Григорейи Никитичъ здрафствуйи о Хрстѣ на вѣки со всѣми нашими и своими* (А. Гомоницкий – брату Г.Н. Гомоницкому [Гр., № 142]).

Обычные распространители этого приветствия: (*Здравствуй*) (*с кем*) *о Христе, о Господе, многолетно, благополучно; на многие, неисчетные веки: Ефѣимѣи Івановичъ гсдрѣ здравствуйи на*

множество лет [Н. Дружинин – Е.И. Суворову [Гр., № 40]]; *Мои гсдрь Мартинъ Васильевичъ здравствуи множество лѣтъ со всѣмъ своимъ праведнымъ домомъ* (1707 г. П. Мещеринов – М.М. Голохвастову [Гр., № 134]); *Гсдрь мои млстивои Степан Самоиловичъ многолѣтно і блгополочно здравствиуи гсдрь мои в питешествиі со всѣм твоим праведнымъ домом* [И. Пермяков – С.С. Лисовскому [Гр., № 312]]; *Здравѣствуи о Хрстѣ во вѣки аминь* (М.К. Платуков – И. Сафонову [Гр., № 331]).

Окончательное превращение в этикетное слово и некоторая десемантизация сопровождаются освобождением этого оборота от распространителей: *Андреи Леонтьевичъ гсдрь мои здравствуи* (Д. Качарский – А.Л. [Лазареву [Гр., № 59]]; *Иван Савелевич здравствиуи* (Ивану Савельевичу от неуст. лица [Гр., № 295]); *Емельян Игнатъевич, здравстуй!* (1682 г. В.В. Голицын – Е.И. Украинцеву [Восст. 1682 г., № 40, № 42]).

Из письма царевны Софьи В.В. Голицыну явствует, что оборот *Здравстуй!* способен употребляться как с собственно приветственной, так и с поздравительной семантикой, причем оба эти значения не вполне вычлениаются в языковом сознании носителей языка: *Свет мой, братец Васенька! Здравстуй, батюшка мой, на многие лета! И паки здравстуй, Божиею и Пресвятые Богородицы милостию и твоим разумом и счастием победив агаряне!...* И в завершении: *Посем здравстуй, свет мой, на веки неисчетные* (Цит. по: [Соловьев, VII, с.407]).

В текстах XVIII в. довольно отчетливо выступает поздравительная семантика этого оборота:

(Покупка шапки)

М у ж и к. *Добро! Хош и дорого, да извол денги брать.*

Ш а п о ш н и к. *Ну топере, дядюшка, здравстуй с шапкой новой!*

М у ж и к. *Спасибо, что доставил, господин торговой!* («Шапошник, Мужик, Мошенники» [РРД-5, с. 556-557]).

Вплоть до начала XX века этот оборот способен оформлять ситуацию госта:

Г о ф м е й с т е р ш и р е ч ь

Ну, господин мой, на сие не погневайся,

Токмо сего пиття насладися.

Здравстуй, мой господин, про твое здравие сие выпиваю,

И вам всякого счастья желаю («Ком. о графе Фарсоне» [РРД-4, с. 378]);

Господь, значит, радость послал: это вы обнаружили! Очень это жולי с вашей стороны! За ваше здоровьице, здравствуйте! (1921 г. Минцлов С. «За мертвыми душами»).

Обычай произносить *Здравствуй!* при чихании свидетельствует о том, что в этой формуле сохраняется семантика пожелания здоровья: *А ныне сиди, сиди, все одна; да и того удовольствия не имею, когда чхну, чтоб кто говорил: здравствуй!* *А как муж будет свой, то какой бы насморк ни был, всё слышать буду: здравствуй, мой свет, здравствуй, моя душенька...* (Радищев А.Н. «Путеш. из Петербурга в Москву»); *К а т е р и н а. Что вы это? да я стану чихать!* Сыромолотный. *А я «здравствуй» скажу... ничего!* *К а т е р и н а. Бог знает, за что вы так любите этот табак...* (1841 г. Некрасов Н.А. «Феоклист Онуфрич Боб»); *Чи-их! чи-их! уж какую же только нонче пыль уродил Бог! – говорит пономарица. – Да, нонче пыль ничего, – отвечает дяконица и, немного помолчав, прибавляет: – Здравствуйте! и еще раз здравствуйте!* (1863 г. Салтыков-Щедрин М.Е. «Наша общественная жизнь»).

Возможно, влиянием оборота *Радоватися* объясняется и появление инфинитивного приветствия *Здравствовати*: *Гсдрю моему Афонасю Ивановичю здравствовати на лхта многа* (С. Федоров – А.И. Кроткову [Гр., № 180]).

В староукраинском языке приветствие *Здравствуй* воспринимается как явный русизм. По крайней мере, персонаж вертепной драмы XVIII в., именуемый «Солдат», «Москаль», говоря на ломаном русском языке, именно так репрезентирует себя:

А здрастуйте, честныи гаспада!

Не було ль тутечки здхсь солдат? [Давн. укр. л., с. 507].

В более позднее время это приветствие входит в речезыкетную систему повседневного общения украинцев. М. Номис приводит стереотипное украинское приветствие: *Здрастуйте! Чи крпккі, чи міцні?* [Номис, с. 231]. На Полтавщине к. XIX – нач. XX в. во время свадьбы приветствовали отца: *Зорастуй, тату наш! Идем до тебе на оченаш* [Милорадович, «Житье...», с. 195].

Примеры такого приветствия нередки в украинских сказках: *Покийный Савка йхав з ярмолку ничцю. Стрича ёго мужык и каже: «Здрастуйте! Пидвезить мене». Савци показується, мов сусида: «Сидайте, – каже, – пидвезу»* [Милорадович, «Заметки...», с. 419]; *Уходит чайный [чайкин сын] у хату и каже: – Здрастуй, бабка! – Здрастуй чайный! – Позволь намь переночувать!* («Про хлопців качиныхъ, чаіного сына и бабу-ягу» [Малор. ск., с. 37]); – *Ну, каже змій, здрастуй, що ты прыйшовъ?* («Про стрильця» [Малор. ск., с. 182]); *Війшли въ хату, ажь тамъ живе баба. – Здрас-*

туй, бабо. – Здорови, панове. – Пусти насъ ночувати («Про Сучченка» [Малор. ск., с. 257]).

То же явление вхождения русского приветствия в речезыкетную систему близкородственного языка наблюдается в колядках, щедровках, свадебных песнях, других фольклорных жанрах:

...Конопельки під стельки,

Льонок по поясок.

***Драстуйте**, будьте здорові,*

З праздником, з Новим годом! [Зоз., с. 48];

К о р о л ь: – ***Здрастуй**, дівко!*

Д і в ч и н а: – ***Здрастуй**.*

К о р о л ь: – *Чи любиш ти мене?*

Д і в ч и н а: – *Не люблю.*

– *Чи підеш ти за мене?*

– *Не піду... и т.д.* (Игровая песня «Король» [Зоз., с. 68]);

См. также в белорусском фольклоре: *Пад'язджае к яму Льюшка, ён* [Сокал] *і гавора: «Здрастуй, Льюшка, добры малоўца! Чаго ты сюды зайшоў»* («Лья») [БФ, с. 392]);

Чый гэта дамок, а ён новенькі.

Вясна красна на ўвесь свет!

А ён новенькі, ўвесь дубовенькі.

*А **здраства таму**, хто ў гэтым даму:*

Гаспадынячцы і гаспадару [П. нар. св., с. 100-101];

Ён пад ганак пад'язджаець, Марылька спатыкаець:

– ***Здраствуй**, мой харошы, **здраствуй**, мой прыгожы.*

Даўно цябе ждала, даўно паджыдала.

Даўно паджыдала, сталы засцілала,

Сталы засцілала, кубкі налівала,

Кубкі налівала, Яначку вятала [Вяс. 1, с. 347];

На двор уз'ехаў – двор заззяў,

А ў сенкі ўвайшоў – шапку зняў.

– *А **здраствуй**, **здраствуй**, цёшчанька,*

Ці дома мая Танечка? [Вяс. 4, с. 366].

По наблюдениям Т.Н. Савчук, в белорусских сказках приветствия *Здрастуй(це)*, *Здраствуй(це)*, *Здрастуй(це) табе (вам)* «занимают центральное место» [Савчук, с. 28].

Давно отмечена способность формул речевого этикета «развивать вторичные значения и функционировать в качестве средств экспрессивно-эмоционального выражения удивления или несогласия, отпора, противодействия» [Кручинина, с. 734]. оборот *Здравствуй*, как и многие другие этикетные формулы, способен перемещаться из этикетной сферы в сугубо эмоциональную. Попытаемся выяснить механизм такой семантической трансформации.

В современном приветствии *Здравствуй(те)* можно выделить следующие смысловые моменты:

– констатация встречи (причем, сегодня – впервые), на письме – сигнал начала контакта;

– благопожелание (конкретно – пожелание здоровья). Эта сема почти стерта. Уже в 1833 г. А.С. Пушкин вводит в стихотворную ткань это благопожелание в обращении к усопшему:

Прохожий!

*Мимо гробницы спеша, вымолви: **здравствуй**, Феон!* («Из Афеней»).

Точнее говоря, в данном случае не столько стирается сема благопожелания, сколько превращается в аморфную семантика глагола *здоровствоваться*.

Тем не менее сема пожелания здоровья в этом обороте – в силу прозрачности его внутренней формы – время от времени активизируется. Так, реклама компании NN начинается с призыва: *NN говорит Вам: **ЗДРАВСТВУЙТЕ!** Уникальная технология нашей фирмы дарит Вам телевизионный экран, который не просто перестал быть вредным для Вашего здоровья, но и приобрел фантастическую возможность благотворно влиять на всё живое вокруг себя* («Известия» 08.09.95). См. также у М. Булгакова: *Если ты ко мне, то почему же ты не поздоровался со мной, бывший сборщик податей? – заговорил Воланд сурово. Потому что я не хочу, чтобы ты **здоровствовал**, – ответил дерзко вошедший* («Мастер и Маргарита»);

– выражение расположения к адресату (не случайно фраза типа *Он со мной не здоровается*, по наблюдениям исследователей, означает, по существу, отсутствие, утрату такого расположения).

О том, что приветствие *Здравствуй* первоначально представляет собой благопожелание, не обязательно «привязанное» к ситуации встречи – прощания, свидетельствует семантика глаголов *здоровствовати*, *поздравствовати* в фольклорных текстах, сохранивших архаичные особенности:

*Сядемте, братцы, позавтракати,
По рюмочке мы выпьем – **поздравствуем**,
По другой мы выпьем – песни запоем...* [П. Кир. 1, с. 37];

*Я пивала – выпивала бражку сытенъкую,...
Я до капли выпивала, мужа **здравствовала**...
– Спасибо, жена, не забыла ты меня* [Трад. ф-р Новг. обл., с. 91].

Здесь *здравствовать* – произносить благопожелание во время застолья.

В значении 'произносить благопожелание по случаю...' глаголу *здравствовать* синонимичен глагол *поздравлять*: *За млсть твою моего гсдря і са подарокъ **поздравл"ю** і нижаишии поклонъ посылаю* (1700 г. Ф. Федосеев – С.С. Лисовскому [Гр., № 315]) (= Желаю здоровья в знак благодарности); *И тако Александр поезде из Франци в Цесарию. И егда приехал в Цесарию, тогда цесарцы **поздравляше** ему: **Виват** царю нашему, Александру!* [Ист. о Алекс., с. 320] (= приветствовали).

Иногда сам контекст подсказывает, что поздравление и приветствие – это одно и то же этикетное действие для говорящего:

Т и г р и н а. <... > *Музы, весело ныне воспевайте.* <... >
*ковалером честным вы днес **поздравляйте**.* <... >
*И вы днес преславно все банкетуйте,
славным ковалером верно **приветстуйте*** [Акт о К., с. 278];

*Николай наш государь –
Он по армиям гулял,
Своих детей **поздравлял**:
– Уж вы **здравстуйте**, ребята,
Удалые молодцы!
Хорошо ли вам, ребята,
На приступе стоять?* [П. Кир. 2-Я, с. 256];

*Разметало башни все угольчатые.
Стали **поздравляти** императора-царя:
Здравствуй, государь-император, с Азовом-городом!* [ИП-ХVIII, № 31].

В старорусских памятниках находим и оборот *Да здравствуешь!*, соответствующий современному *Да здравствует ...!*, но обращенный непосредственно к собеседнику:

Королевна. *Веселися, Гишпанская слава,
Яко зрю аз короля, грядуща здрава,
С победоносными лики аз торжествую
И вас, моего государя, с победою приветствую.
Да здравствуешь ныне навеки
С верными и подданными человеки!* («Действо о короле Гишпанском» [РРД-5, с. 80]).

Возможен двоякий «перевод» со старорусского на современный русский язык:

Поздравлять – 1) поздравлять, 2) приветствовать при встрече, говорить *Здравствуй*;

Здравствуй – 1) «Здравствуй» и 2) «Поздравляю».

Приветственную формулу *Здравствуй* в песенном фольклоре можно «перевести» на современный русский язык и как *Будь здорова!* и как *Да здравствуй!*, т.е. благопожелание по случаю (свадебной церемонии, победы в военном походе...).

Итак, для этикетных формул *Здравствуй* и *Поздравляю* исторически были актуальными два момента: благопожелание и выказывание расположения, приязни. Обратившись к внутренней форме синонимов, существующих в русском языке для выражения интенции расположения: *благоволение, доброжелательность, благожелательность, доброхотение, доброхотство* (все они, как видим, имеют исходную семантику 'желание добра, блага'), можно предположить, что на определенном этапе эти два момента существовали в виде нерасчлененной семы (назовем её 'доброжелательность'), и смысл приветствия заключался в демонстрации расположения путем пожелания добра, благопожелания.

Оба оборота, а также близкие к ним способны употребляться в значении, обычно квалифицируемом как ироническое поздравление по случаю неприятности. Поскольку такому поздравлению всегда сопутствует коннотация неодобрения, мы вправе рассматривать его как проявление энантиосемичности: *Здравствуй, женившись, да не с кем жить!* [Д.И., с. 122] (Восходит к былинному сюжету о несостоявшейся женитьбе на жене долгое время отсутствующего мужа:

«Гой еси, мой названной брат

Алеша Попович млад!

Здравствуй женивши, да не с ким спать!» («Добрыня Чудь покорил» [К. Дан., с. 110]);

Здравствуй в обнове, а скинь ея ноне! Здравствуй, плешивой, не жги волос! [Снег., с. 141]; *Здравствуй в ветоши – не заплюхи-*

вай, носи! [Д. I, с. 70]. *Здравствуй без шапки (без кафтана и пр.), шутя над тем, у кого вещь пропала* [Д. II, с. 72].

Междометное выражение *Вот те здравствуй!* впервые появляется в языке XIX в. как сигнал неодобрительного удивления: *Это всё ты виноват! – кричала Анфиса Ивановна на Потапыча. – Вот те здравствуй! Как это?* (1879 г. Салов И.А. «Грачевский крокодил»). В несколько «окультуренном» виде – *Вот тебе здравствуйте!* – оно известно современному просторечию: – *Это, говорит, в прежнее время избалованные дамы или там графини любили в своих будуарах такие сентиментальности. А я, говорит, плюю на таких мужчин, как вы. – Вот тебе, – говорю, – здравствуйте. Как, говорю, понимать ваши слова?* (Зоценко М. «Опасные связи»).

С переходом в междометие *Здравствуйте!* приобретает семантику неодобрения, неудовольствия: *На ручке двери он разглядел огромнейшую сургучную печать на веревке. «Здравствуйте! – рявкнул кто-то в голове у Степы. – Этого ещё недоставало!»* (Булгаков М. «Мастер и Маргарита»); *Сослуживец говорит: – Здравствуйте! Ещё не легче. Вот я сейчас с ней запишусь. Держите карман шире!* (Зоценко М. «Голубая книга»).

Иногда с такой же семантикой употребляется соединение двух этикетных формул *Здравствуйте* и *Пожалуйста*: – очевидно, по аналогии с междометными образованиями *Скажите пожалуйста! Смотрите пожалуйста!*: – *Здравствуйте, пожалуйста! У ней, кажется, куча ребятишек, а я на ней буду жениться. Тоже, знаете, нашли простачка* (Зоценко М. «Голубая книга»); *В самом деле – группа старейшин рассуждала так: мы ищем, жаждем ролей, мы, основоположники, рады были бы показать всё наше мастерство в современной пьесе и... здравствуйте пожалуйста! Приходит серый костюм и приносит пьесу, в которой действуют мальчишки!* (Булгаков М. «Театральный роман»).

Продуктом уже XX века является развернутое образование междометного характера, «нечленимое междометное предложение» (Л.Д. Чеснокова) *Здравствуйте, я ваша тетя!* (Судя по утратившемуся продолжению *Я буду у вас жить*, оно вошло в русский язык в период коммунальных квартир и «уплотнения» их жильцов): *В телеграмме было напечатано следующее: «Ялты Москву. Варьете. Сегодня половину двенадцатого угрозыск явился шатен ночной сорочке брюках без сапог психический назвался Лиходеевым директором варьете Молнируйте Ялтинский розыск где директор Лиходеев.» – Здравствуйте, я ваша тетя!* – воскликнул Римский и добавил: – *Ещё сюрприз!* (Булгаков М. «Мастер и Маргарита»).

Иногда междометный оборот теряет семантику нерасположения и обозначает только неожиданность действия или события: (О щенках) *А маленькая Анна Васильевна в это время была уже сама на бревне и вдруг – здравствуйте: перевалилась прямо к Дубцу за барьер* (Пришвин М. «Нерль»).

2.2.3. Стереотип *Желаю (доброго) здоровья* и его модификации: *Желаю здравствовать, Здравия желаю* и подобные

Благопожелательный оборот *Желаю здравия (здоровья)!* соответствует распространенной в западноевропейском этикете модели *Желаю (чего)* и сначала фиксируется в староукраинских посланиях: *Велебный, милостивый отче, владыка Володымерский, господине и приятелю мнѣ вельце ласкавый!... (Окончание) Прочее же, в здравии телесном и в душеспасительном пребывании **долго-денствовати** от Господа Бога вашей милости **желаю*** (1593 г. Посл. Киевского воеводы кн. Конст. Острожского Влад. и Брест. епископу Ипатию Потюю [АЗР, 4, № 45]).

Равноупотребимое в начале и конце послания приветствие-пожелание *Желаю (NN желает) здоровья (здоровья) здравствовать* появляется в документах Посольского приказа, в переводах западноевропейских речей и эпистолярных текстов XVII в.: *Мои млстивыи гсдрь **желает** виши королевскои величества полное и долговѣчное **здравие** и счасливое пребывание...* (1621 г. Перевод речи польского посла Георгиуса Оссолинского англ. королю [В-К I, № 6, л. 66]); (В окончании письма): *І по сем **желаю** вшему црѣскимъи величеству мнѣголтннѣ **здравие** и одолннѣ на враги* [1625 г. В-К I, № 8, л. 4].

В собственно русских посланиях оборот *Желаю...* может включать, помимо здоровья, целый перечень благ: *Блгодѣтел мои гсдрь Степанъ Самвилович **желая** от гсда бга мира **здравия** спасения і всѣх благ блгородию твоюи во многія лѣта, Юшка Шишкинъ челом бью (Ю. Шишкин – С.С. Лисовскому [Гр., № 320]); **Мира, здравия, и спасения, и многолетствія от господа бога вседержителя вашему преосвященству недостойный в епископах Исаия при-сно **желаю***** [Воссоед. Укр. с Рос. 1.27. 1622 г. ДРС, 9, с. 205]. (См. также белорусскую поговорку: ***Жадаю** табе разам трое: шчасця, долі і **дароў!*** [БППФ, с. 351]).

Вымышленная «эпистоля» от ассирийского царя иерусалимскому, ультиматум с требованием покориться начинается словами:

Царю иерусалимскому, Езекии, здравия желаю... (1728 г. «Образ победоносия» [РРД-3, с. 346]). Но это скорее всего отступление автора от принятых этикетных канонов. Вообще же заметна подчеркнутая сервильность этого приветствия. Многочисленные примеры из ранних драматических произведений показывают, что оно всегда направлено по этикетной вертикали снизу вверх:

(Купец первый поклонился)

Здравия тебе, царю, от бога желаем... («Акт о преславной палестинских стран царице... Дияне...» [РРД-5, с. 425]);

Иполит. *Дражайший мой отче! Здравия вам желаю*

И прозбу мою вам объявляю... («Ком. гишпанская о Ипалите и Жулии» [РРД-5, с. 474]);

Раб. *Велики Королю! здравия вам желаю,*

А о печали же вашей ныне же объявляю... <... >... («Ком. об Индрике и Меленде» [РРД-5, с. 513,]);

Вестник. *Королевское величество! здрава ты желаю быти. О сыне же вашем Индрике хочу объявити...* [Там же, с. 518]; (Начало интермедии)

Шляхта. *Вам, мои милостивые, желаю здравствовать, А вы за мой поклон изволите благодарствовать.*

Прошу вас, мои господа, милостивно прислушать,

Что я от печали перестал уже и кушать («Ком. о повреждении нравов» [РРД-5, с. 620]).

Сервильность формулы можно отметить и в переписке этого времени: *Млстивои мои гсдрь Терентеи Паткратъевич [!] дшевне и тѣлесне здравствовать ти со всѣмъ твоимъ блгодатнымъ домомъ и с любящими тя и тобою на вѣки желаю, ища млсти и любви твоєї к себѣ. Антон Гомоницкїи челомъ бьетъ* (А. Гомоницкий – Терентию Панкратъевичу [Гр., № 143]); *Гсдрю преподбнишему пречстнншему wtци и гсдни премлстивому монаху Веніамину здравия долгоденствия мира бжїя и любве егв і всѣхъ блгъ земныхъ привременныхъ и нбныхъ ихъ же получитьи я многогрубый рабъ прѣдбїя твоего Дениско Евдокимов усердно желаю* (1694 г. Д. Евдокимов – монаху Вениамину [Гр., № 475]).

Особенно активно этот оборот употребляется в письмах военных людей XVIII в., что связано с воинским приветствием, направленным снизу вверх по этикетной вертикали: *Благородному и почтенному господину войска Яицка старшине и походному атаману Мартемьяну Михайлавичу Борадину от господина полковника Дмитрия Степановича. Желаю я вам много лет здравствовать и с командою вашей* (1773 г. Полковник Д.С. Сергеев – старшине яиц-

ких казаков М.М. Бородину [ДСП, № 1076]); *Милостивый государь мой, Иван Степанович! Желаю вам всякого здравия и некончаемого благополучия на множество лет* (1774 г. Есаул М.Д. Чигвинцев – атаману И.С. Кузнецову [ДСП, № 308]); *Премногомилостивый и милосердый государь батюшка Андрей Ильич! Желаю вам, моему родителю, здравия и благополучия во веки нерушимо* (1773 г. Казак-повстанец А.А. Еремкин – отцу [ДСП, № 548]); *Братец, государь мой Петр Дмитриевич! Желаю вам всякого здравия и нескончаемого благополучия и во всех ваших происходящих делах счастливога успеху* (1774 г. Унтер-шихтмейстер А.О. Стадухин – писарю П.Д. Лутохину [ДСП, № 556]).

Веком позже это приветствие употребляется в устной речи «штатских» – причем, можно заметить, при не вполне официальном общении и часто с установкой на шутку: (Именины) *Госты за здравие Нимфодоры Михайловны с её супругом и всем семейством были повторяемы... И когда напенились бокалы и раздались гостям, все привстали, залпом произнесли: желаю здравия!* (Вельтман А. «Неистовый Роланд»); *Одевшись, подошел он к зеркалу и чихнул опять так громко, что подошедший в это время к окну индейский петух <... > заболтал ему что-то вдруг и весьма скоро на своем странном языке, вероятно, «желаю здравствовать», на что Чичиков сказал ему дурака Гоголь Н.В. «Мертвые души»); Он [Василий Иванович] заметил своего молодого гостя и, опершись на лопату, воскликнул: – **Здравия желаем!** Как почивать изволили? – Прекрасно, – отвечал Аркадий (Тургенев И.С. «Отцы и дети»);*

Рассудилось Машеньке лекаря привестъ.

Здравия желаю, как, Машенька, живешь? [П. Кир. 2-Я, с. 237].

Официальным это приветствие в XIX веке остается в армейском этикете и при любом общении по субординации:

[Смотритель] *поспешил фуражку снять:*

«Здравия желаю!

Что угодно приказать,

Водки или чаю?» (1867 г. Некрасов Н.А. «Генерал Топтыгин»);

К столу подошел, выйдя из буфета, командир первой роты капитан Осадчий. – Я слышу, что у вас разговор о поединках. Интересно послушать, – сказал он густым рыкающим басом, сразу покрывая все голоса. – Здравия желаю, господин подполковник. Здравствуйте, господа (1905 г. Куприн А. «Поединок»);

С к о р о х о д. <... > *А вотъ, почтеннѣйшии господа!*
Черезъ четверть часа
Явится князь Адольфа сюда.
(Т ѣ ж е и А д о л ь ф а)
А д о л ь ф а. *Здорово, ребята!*
В с ѣ. *Здравія желаемъ!* («Царь Максимьян» [Онч., с. 2]).

Если *Здравія желаю!* до сего дня остается армейским приветствием, то в русской огласовке – *Желаю здоровья!* – это обычное прощальное благопожелание в письме: *До свиданія, душа моя. Желаю тебе здоровья и всего хорошаго на свете* (1861 г. И.С. Тургенев- Я.П. Полонскому [ПТ, с. 329]); *Желаю тебе и Вере Николаевне здоровья, шлю сердечный привет!* (1947 г. Н. Телешов – И. Бунину [ПБ, 1, с. 635]).

Оборот, аналогичный русскому *Желаю добраго здоровья* первоначально мы находим в окончаниях староукраинских посланий: *При том и повторнѣ службы мои повольные в ласку вашей милости, моему милостивому пану, пильнѣ залѣцямъ, зычачи въ ласцѣ Божьей добраго здоровья съ фортуннымъ повоженъем на часы долгіе, яко господину и пастыру нашему* (1525 г. Ответ воеводы Феодора Скумина Киевскому митрополиту Мих. Рагозе [АЗР, 4, № 69]); *Затымъ вѣрности твоей зычимъ добраго здоровья. Писанъ у Варшавѣ* (1593 г. Грам. королевская Киевск. митрополиту Михаилу [АЗР, 4, № 44]); *Зычимъ притомъ в. м. здоровья добраго. Августа 20, року 1678, зъ табору.; О що в. м. жадаючи, зычимъ добраго отъ Господа Бога здоровья* (23 авг. 1678 г. Листы гетманские полковнику Новицкому [АЗР, 5, № 149]).

На то, что пожелание «добраго здоровья» известно русскому этикету, указывает фольклор, в котором встречаем выражение *сделал доброе здоровьице* с семантикой 'поздоровался':

*Тут взял Добрыня любиму семью,
Молодую Настасью дочь Никуличну,
Пошел к государыне родной матушке,
Тут сделал он доброе здоровьице* («Добрыня в отъезде» [Добр. и Ал., с. 236]).

Редуцированное пожелание *Добраго здоровья!* известно с XIX в. как приветствие при встрече: – *Здравствуйте, ребятаушки!* – *сказал я, сняв шапку. Мужики поклонились и прогудели: «Добраго здоровья!»* – *Накройте, ребята; холодно. – Ничего, – опять прогудели мужики. <.... > – Пожалуйста, покройте* (1863 г. Лесков Н.С. «Язвительный»);

Семен шапку снял, поклонился. – **Доброго**, – говорит, – **здоровья**, сосед. – Сосед поглядел на него сбоку. – **Здравствуй**, – говорит (Гаршин В.М. «Сигнал»); – **Здорово**, братушки. Ради не ради, принимайте хозяина. – Караульщики, умиленно улыбаясь, низко, подобострастно раскланялись. – **Милости просим, доброго здоровьяца**, Иван Василич. В аккурат к самоварчику (1926 г. Бунин И. «В саду»); Л у к а. **Доброго здоровья**, народ честной! (Горький А.М. «На дне»); П е т р у ш к а <...>. **Доброго здоровья**, господа почтенные! **Здравствуйте!** Я пришел к вам, господа, повеселиться, детей посмеишь и позабавить и вас всех с праздником поздравить! («Петрушка» [ФТ, с. 279]). Иногда – возможно, под влиянием *Здравия желаю!* – в фольклоре встречается неполногласный вариант приветствия: **Доброго здравия**, господа почтенные, **здравствуйте!** («Петр Иванович Уксусов» [ФТ, с. 294]);

И уже в XX веке (иногда трансформируясь в *Доброе здоровье!*): Снимая шапку, он [Жоржик. – Н.Г.] раскланивался. – **Доброго здоровья**, – восклицал он (Добычин Л. «Портрет»); – **Доброе здоровье**, Борис Федорович < ... >. – **Здравствуйте**, Анатолий. Садитесь. Побеседуем (Мариенгоф А. «Мой век, мои друзья и подруги»); **Доброго здоровьяца!** С вами Зинаида Углова (02.07.99. «Радио-1», Россия).

Приветственное значение может сопрягаться в этом обороте с благодарственным: *И вы у нас, мадам, раз купите, а второй раз сами прибежите, да будете нас спрашивать, да разыскивать, да за товар скажете не один раз спасибо, да хозяину доброго здоровья пожелаете!* («Красноречие русского торжка» [ИИРФ, с. 153]); *Дремавший в дальнем углу гардероба старичок воробышком запорхал вокруг них, стал подавать одежду, ненужно обмахивая щеточкой плечи, обдергивая вниз рукава и приговаривая при этом: – Отдохнули? Отдохнули, молодые люди? Это хорошо, с дороги-то это хорошо, в тепле без заботы, вот и отдохнули, спасибо, спасибо, благодарю душевно, доброго здоровьяца вам, доброго здоровьяца...* (Розинер Ф. «Некто Финкельмайер»).

Украинский фольклор свидетельствует о широком распространении этого приветствия, причем, поскольку оно всегда является ответным, можно сделать вывод о присутствии в нем благодарственной семантики: *Пішли вони – аж їде стрілець. – Здоровы були, люди добрі! – Доброго здоровья!* («Про Сучченка» [Малор. ск., с. 265]); – *Здорові були, дідусю! – Добре здоров'є, сьону!* («Про того чоловіка, що Бог йому подаровав стільць, козу и бубончыкы» [Малор. ск., с. 347]); – *Здоровы будьте, дідусю! – Доброго здоро-*

вья, небожъ, а куда ты йдешъ? («Про того чоловіка, що Бог ёму подаровавъ столыкъ, козу и бубончыкы» [Малор. ск., с. 348]).

Об аморфности семантики этого оборота в украинском языке говорит и его способность функционировать в качестве застольного благопожелания-тоста: *Доброго здоровья, пивши!* [Номис, с. 243].

Приветственное *Поздравляю*, представляющее собой свёрнутое пожелание здоровья, находим в «Интермедиях» XVIII в., генетически связанных с Украиной:

Поздравляю компании сей,

А я пришел сюда, шляхта Елисей [РРД-5, с. 685].

Однако чаще оборот *Поздравляю* или *Поздоровляю* употребляется в качестве поздравительного:

За то Иродушкѣ пришлось жестоко,

Как черти тащили в ад его глубоко.

Каковую вѣсть вам-ста собицаю

И вас Христовым Рождеством поздравляю (XVIII в. «Вертепна драма» [Давн. укр. л., с. 507];

(В окончании)

Сю виршу, панове,

Що празныка чытаю,

И святым Рождеством

Вас поздоровляю! («Різдвяни вірші» [Давн. укр. л., с. 536])

См. также русскую колядку:

Поздравляем мы хозяина

С хозяйушкой –

На долгие лета,

На долгие лета! [Трад. ф-р Новг. обл., с. 287].

2.2.4. Приветствие – апелляция к Богу *Дай Бог здоровья*

Если понимать под апелляцией обращение за поддержкой в высшую инстанцию, то наименование этого типа приветствия в очень большой степени условно, поскольку приводимые этикетные формулы представляют собой не столько прямые обращения к Богу, сколько пожелания помощи Бога, его расположения или присутствия, переводимые на современный язык как «Пусть Бог тебе даст», «Пусть Бог тебе поможет», «Пусть Бог будет с тобой». Действи-

тельно, в обороте *Дай Бог тебе здоровья* адресатом является собеседник, обозначенный местоимением *ты*. Первоначально *Дай* – это форма 3-го лица ед. числа повелительного наклонения, омонимичная форме 2-го лица. С её исчезновением произошло переосмысление выражения, вследствие чего понятое как форма 2-го лица *дай* потребовало преобразования именительного падежа *Бог* в вокатив *Боже*. Этим объясняется, почему формула *Дай Бог* предшествует по времени формуле *Дай Боже*. Надо сказать, что преобразование *Дай Бог* → *Дай Боже* осуществляется в довольно позднее время и особенно активно проявляется в украинском и белорусском языках.

Уже в приписке к Псковскому прологу, сделанной в XIV в., мы находим формулу *Дай Бог здоровья* с аморфным этикетным смыслом одобрения, похвалы, благодарности, адресованных «спонсору»: а кто давалъ куны на си " книги. дай б[ог]ъ ~му здоровь " и мзда сп[а]сена " ^ б[ог]а при " ти. и ^ с[вя]т[а]го петра пособи " [1383 г. Хрест. Ив., с. 127].

Именно с такой широкой семантикой эта формула дошла до наших дней. Так, радиослушатель обращает её к авторам понравившейся передачи: *Это интересная передача, дай Бог вам здоровья и всех благ!* (29.12.99. «Радио-1», Россия).

По свидетельству С. Герберштейна, этот оборот в XVI в. выполнял роль основной приветственной формулы при встрече и прощании. Приход гостя в дом, по Герберштейну, выглядит следующим образом: «Увидев его [образ], он трижды осеняет себя знамением креста и, наклоня голову, говорит: «Господи, помилуй». Затем приветствует хозяина следующими словами: *Дай Бог здоровья*. Потом они тотчас протягивают друг другу руки, взаимно целуются и кланяются. Наконец, после взаимного обмена приветствиями в прежних выражениях, гость уходит» [Герб., с. 86-87].

В старорусских письмах-грамотках формула *Дай Бог тебе здоровья* (с вариантами *Поддай Бог здоровья*, *Поддай Боже здравствовать* и под.) способна выполнять роль основного приветствия, употребляясь после челобития в начале письма: *Добропрятелю моему Федору Василевичю Васка Брехов челом быю. Поддай бгъ тебѣ доброе здорове со всѣми доброжелатели твоими на веки и пожалуи вели писати ко мнѣ вперед о своем здорове как тебя млсрдѣи влдо хранит* (В. Брехов – Ф.В. Бородину [Гр., № 12]).

(И всюду после начального челобития): *Поддай тебѣ гсдрю моему гсдѣ бгъ многолетное здравие и счастливое пребывание* (П. и М. Головины – В.В. Голицыну [Гр., № 246]); *Поддай гсдѣ бгъ*

тебѣ гсдрю многолетное здравие (К. Стаховский – В.В. Голицыну [Гр., № 272]); *Подаи бже тебѣ гсдрю здравствоват на службѣ великого гсдря со всѣмъ своимъ праведнымъ домомъ многа лѣта* (1702 г. Я. Лобашков – С.С. Лисовскому [Гр., № 310]); *Подаждь гсди бже тебѣ гсдрю многолѣтно и благополучно здравствовати и со всѣми любящими твои гсдря моего здаров"* . (О. Твердышев – Сидору Михайловичу [Гр., № 416]).

Подобными выражениями письмо-грамотка может оканчиваться: *По сем дай боже чтоб ты гсдрь здравь былъ и жив многа лѣта* (И. и С. Бабушкины К.П. Калмыкову [Гр., № 352]); *По сем дай господь здравия души и тѣли як же аз желаю аминь* (1689 г. Петр I – царице Наталье Кирилловне [Хрест. Ив., с. 408]).

Можно рассматривать этот оборот как прощальную формулу при отходе ко сну: *Но мы еще потолкуем. Засни, душа моя, и дай Бог тебе здоровья!* (Тургенев И.С. «Отцы и дети»).

Формула *Дай Бог здоровья!* может функционировать в качестве обрамления письма наряду с челобитием: (После челобития): *Дарии гсди бже тебѣ гсдрю и с праведнымъ твоимъ гсдрским домом здравствовати на множество лѣтъ*. <... > *За симъ гсдрь и с домомъ своимъ гсдрскимъ и праведнымъ здравствовати на множества лѣтъ даруи бже* (и челобитие) (1701 г. П. Горезин с товарищами – Осифу Стефановичу Гр., № 425)].

Эту же формулу – со значительными вариациями и расширением – наблюдаем в эпистолах, написанных торжественным слогом: *Милостивый отче митрополите Киевский! <... > С тым дай Пане Боже, абыхмо вашу милость врыхлѣ здорового оглѣдали* (1595 г. Посл. Литовск. епископов Киевск. митрополиту Михаилу Рагозе [АЗР, 4, № 66]); *А вшеми црскому величеству и всеи вшего црского величества доброй диме дай б[о]гъ мир и многолѣтное здраве аминь* (1626 г. В-К I, № 13, л. 10)]; *За сим бог всемогущий ваша государская сердца во все благое да управит и дарует мир царству вашему, здравие же и спасение на многа лета* (Грамм. патр. Иоакима царям [Восст. 1682 г., № 112]); *По семъ тебѣ гсдрю Стефану Самоиловичю да умножит гсдъ бгъ и з бгомъ данную своею матушкою и с супругою твоею и з дѣтушками твоими и со всѣмъ своимъ праведнымъ домомъ многия дни добраго твоего здравия на множество лѣтъ* (1702 г. Я. Лобашков – С.С. Лисовскому [Гр., № 310]).

Следы такого приветствия сохраняет восточнославянский фольклор:

(Жених приветствует невесту)
*Погодя-то маленько Степан приехал,
Погодя-то маленько Федарыч приехал <... >.
Во горницу узходить – Богу молитца:
– Здарова, здарова тебе и мне.
Еще дай Бог здоровья Катеринье маей!* [П. Кир. 1-Я, с. 215];

В белорусском свадебном фольклоре:
(Возвращение от венца)
*Здаровы, маладыя, звянчаўшыся!
Дай, Божа, здароўя яе ойчаньку!
Дай, Божа, здароўя яе матачцы!
Дай, Божа, здароўя яе брацейку!
Дай, Божа, здароўя яе сястрыцы!
Дай, Божа, здароўя яе ўсім родным!* [ЛБВ, с. 208].

В украинском фольклоре: *Иде та й иде* [Покатигорошек], *ажь здыбавь ёго якійсь чоловікь: – Помогай Бігъ. – Дай Бог здоровье. – Ты куды йдешь? – Иду щастья шукаты* («Покоты-горошко» [Малор. ск., с. 231]).

С подобным оборотом (меняющим существительное *здоровье* на славянизированный инфинитив *здравствовать*) обращаются друг к другу персонажи фольклорных пьес:

Я в а 2 5 (В х о д и т ь д я к).

Д я к. *Дай Бог здравствовать, Климе!*

К л и м. *А дай, Боже, пану бакаляру!* (XVIII в. «Вертепна драма» [Давн. укр.л., с. 518]);

Ц а р ь М а к с и м и л и а н.

Скорый и верный мой Скороход-маршал,

Поди скоро в мои белокаменны палаты,

Есть там древний Брамбеус-рыцарь,

Призови его сюда как можно поскорей.<... >

Брамбеус (подходит близко к трону, становится перед царем Максимилианом, ударяет копьем об пол, делает саблей на караул и говорит толстым голосом).

Дай Бог тебе, царь Максимилиан, столько лет здравствовать, сколько и я, древний рыцарь, на свете живу.

Зачем меня, сильного и древнего рыцаря Брамбеуса призываешь,

или что делать повелеваешь? (1896 г. «Царь Максимилиан» (1) [ФТ, с. 151]).

М. Номис отмечает среди украинских здравиц пожелания: *Дай, Боже, здрастувать! Дай, Боже, здоровья!* [Номис, с. 243].

В украинском языке появляется контаминированное приветствие, свернутое из *Дай Бог здоровья* и *Здоров був* → *Бодай здоров (був)*. Попытки такого свертывания отмечаем уже в староукраинских памятниках:

*Да гадав ляшок до п'вдня,
Прійшов нішком до плуга.*

Бодай здоров, ляшку, був,

Помагай Бог чем забув? («Пісн вандрового ляха з Варшави» [Анон. п., с. 532]);

Х в и л о н. **Оже дай здоров, Хвеско, що ты ярмаркуеш?**
що добре тут продаеш, або що купуеш? (1790 г. Иван Некрашевич «Ярмарок» [Давн. укр. л., с. 600]).

В украинском фольклоре XIX в. эта приветственная формула приобретает вид *Бодай здоров (здорова)*, сокращение пожелания *Бог дай, чтобы ты был здоров (была здорова)*. Можно также рассматривать этот оборот как контаминацию *Бог дай здоровья* и *Здоров був (Здорова була)*:

*Помай Биг, май Биг, три риболове,
Три риболови, паньски синове.*

Чи не стричали павляний винок?

– **Бодай здорова, кгречна панночко,**

Хоть и стричали, коли не знали... [Кост. Сл. миф., с. 303];

«Биг помогай, Биг, сив соколойко, –

Бодай здорова, красна дивойко...» [Кост. Сл. миф., с. 316].

Составители украинских паремийников отмечают ответное благодарственное приветствие, бытующее в XIX в.: *«Помагайбі! – Бодай здоров!»* [Номис, с. 231; *Помагайбог – Бодай здоров* [Илькевич, с. 77].

Ещё один способ свертывания пожелания в украинском и белорусском языках – обороты *Поздоров Боже* (укр.), *Паздароў Божа* (бел.):

(Укр.) *Як и стала чечоточка пити та гуляти,*

И просила вона Бога и молили за мужа свого,

Й за себе саму:

Поздоров, Господи, самого того,

Господина чечота й чечотку его [Кост. Сл. миф., с. 301];

(О жене) – *Вот тебе моя московка: баба добрая, жалеет меня: поздоров её Боже за это* (Лесков Н.С. «Некуда»).

В белорусском обороте можно заметить преобладание благодарственной семантики над собственно приветственной. Так, в песенном сюжете, посвященном встрече молодых в доме новобрачной после венчания, варианты песен содержат наряду с *Паздароў, Божа* и формулу *Дзякуй табе*:

Прыехала дзеванька з шлюбу,

Пакланілась з рутанькаю

перад сваёй мацёнкаю.

– *Мая мацёнка – рожка.*

Паздароў цябе Божа,

Што ты мяне нарадзіла

За добрага сем'яніна [Вяс. 3, с. 396];

Дзякуй табе, мая маманька,

Што ты мяне да ўрадзіла,

Што ты мяне да ўрадзіла,

Харошага сем'яніна [Вяс. 3, с. 396-397].

Эту же благодарственную семантику – иногда с ироническим подтекстом – отмечаем в белорусских поговорках: *Паздароў, Божа, паноў, што ў нас няма ні коней, ні кароў; цяпер нам добра пагуляць, бо нечага заганяць* [ПіріП, I, с. 314]; *Паздароў, Божа, гасцей, штоб ездзілі часцэй* [ПіріП, I, с. 388].

Приветственный смысл оборота *Дай Бог здароўя* угасает со временем во всех восточнославянских языках, однако это выражение продолжает активно употребляться в этикетных ситуациях похвалы и благодарности. Так, например, в украинской сказке «Багатий» мужик, которому дяк «прочитал» якобы написанное на саранче, *тогді втішився и каже: – Ну, дайже вамъ, Боже, здароўя, яку ви дуже велику науку посідаєте* [Малор. ск., с. 525]; – *Дай Боже тобі здароўя, паноче, и всему твоєму родо́ві, що ти насъ зъ матерью так наділивъ* («Бідна удова зъ синомъ-удовиченкомъ» [Малор. ск., с. 544]);

Семантика одобрения отчетливо реализуется у этого оборота в летописных похвалах, здравицах и под. Так, в Волынской краткой летописи под 1515 г. содержится похвала князю Константину Острожскому, одержавшему победу над войском в. кн. Василия Ивановича: *Побѣдившему недруга своего великого князя Васи́лиа московского, великославному господарю королю Жикгимонту Казимировичу буди честь и слава на вѣкы <... > а гетману его, вдатному князю Костянтину Ивановичу Острожскому дай боже здоро-*

вье и щастье вперед дншее как нын; побил силу великую московскую, абы так побивал сильную рать татарскую, проливаючи кров их бесурменьскую [ЛБЛ, с.127].

Показателен также перевод листов с вестями из Франкфурта на Майне, в котором выражение *Дай Бог здоровья* оказывается адекватным здравице *Вив ля Франс* «Да здравствует Франция!»: *В Шпанской землѣ в Неаполисе ремесленной члвкъ за то что он на Улице кричал виве ла Франсь. то есть дай бгъ здорове ФранцУжской землѣ. задавлен...* [1649 г. В-К IV, № 29, л. 52].

Еще примеры похвалы такого рода в текстах XIX – XX вв:

С к а л о з у б. *Да. чтоб чины добыть, есть многие каналы; Об них как истинный философ я сужу:*

Мне только бы досталось в генералы.

Ф а м у с о в. *И славно судите, дай Бог здоровье вам*

И генеральский чин... (А.С. Грибоедов «Горе от ума»).

Кому же и угождать мне, как не вам, барышня: вы у нас такое нещечко... Дай вам Господи доброго здравия да женишка хорошенького (Вельтман А.Ф. «Ольга»); *Что скажешь о сыне Сергея Львовича? Чудо и все тут. Его Воспоминания вскружили нам голову с Жуковским. Какая сила, точность в выражении, какая твердая и мастерская кисть в картинах. Дай Бог ему здоровья и учения и в нем прок и горе нам. Задавит, каналья!* (1816 г. П.А. Вяземский – К.Н. Батюшкову [ДП I, с. 389]);... *А Мотылек – вишь ты, дай Бог ему здоровья – взял да и подвел под эту дурацкую историю прочный идеологический фундамент...* (1923 г. Аверченко А. «Шутка Мецената»); *Знаю я про одного человека, очень резко пишет в книгах и по справедливости. И ума всеогромного, и взгляд строгий на портрете. Это граф Толстой! И имя ему Лев! Имя-то какое – Лев! Дай Бог ему здоровья. Он, конечно, у нас не бывает и не знает, что я его сочинения прочитал, какие мог по тесноте времени и Колюшка предлагал. Очень замечательные сочинения!* (1911 г. Шмелев И. «Человек из ресторана»).

Относительно самостоятельная сема «благодарность» вычленяется в выражении *Дай Бог здоровья* с конца XVII в.: *Поддай тебѣ бгъ гсдрю моему на многие лета и неизчетной векъ невредимое здорове и всякую блгодат на вес твои праведни дом излеи гсди за твою гсдря моего премногую млсть* (Л. Поплонский – А.И. Безобразову [Пам. Без., № 133]); (О нищем) *Он принимал все денежки и полушки, все куски и краюхи хлеба довольно равнодушно, но всегда сопровождая благодарность свою поклоном, крестяся и говоря к подающему: «Дай Бог тебе здоровья»* (Радищев А.Н. «Путеше-

ствие из Петербурга в Москву»); – Я кричала, плакала, бранила Дюндиковых, – говорила Клара Кашпаровна, – но это ни к чему не послужило, и я до сих пор сидела бы в проклятом селении этом, если б не послал мне бог доброго человека, цыгана, случайно тут проезжавшего, и который, **дай Боже ему здравствовать**, вывел меня из беды! (Ант. Погорельский «Монастырка»);...Нарочно просил его списать её в тетрадку. Ну, **дай Бог ему здоровья**, человек он был всегда добрый для меня, взял и списал (Гоголь Н.В. «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»); – Надумал, ваше превосходительство! – закричал он радостно, не своим голосом, влетая в кабинет к генералу. – Надумал, **дай Бог здоровья доктору! Овсов! Овсов фамилия акцизного!** (Чехов А.П. «Лошадиная фамилия»); – От деревни, батюшка, возьмешь вправо, берегом, и дойдешь до заводов. От Анапова версты три будет. – **Дай Бог здоровья**. А вы чего тут сидите? (Чехов А.П. «Мертвое тело»).

Иногда оборот *Дай Бог здоровья!* служит подкреплением основной благодарственной формулы: *Г о р о д н и ч и й* (К О с и п у). Так вот тебе пара целковиков на чай. О с и п (п р и н и м а я д е н ь г и). А **покорнейше благодарю**, сударь. **Дай Бог вам всякого здоровья!** бедный человек, помогли ему (Гоголь Н.В. «Ревизор»); *Еще раз приношу Вам сердечное спасибо за письмо, дай Вам Бог здоровья!* (1901 г. А.П. Чехов – Н.П. Кондакову.[ПЧ, с. 441]); *Спасибо немцам за то, что побили... [французов] Ей-богу, спасибо. Дай Бог им здоровья* (Чехов А.П. «На чужбине»).

Нередко приходится говорить о нерасчлененной семантике благодарственной похвалы в этом обороте. В «Горе от ума» А.С.Грибоедова, вспоминая о Загорецком, Хлестова произносит, казалось бы, сугубо благодарственную реплику:

...Мне и сестре Прасковье

Двоих арапченков на ярмарке достал:

Купил, он говорит, чай в карты сплутовал;

А мне подарочек, дай Бог ему здоровья –

– на что, однако, следует ремарка Чацкого, содержащая указание именно на хвалебное содержание оборота: *Не поздоровится от эдаких похвал...*

Такие случаи сохранения в выражении *Дай Бог здоровья* сложной семантики весьма многочисленны в XIX в.: – *Оттреплет этакий барин!* – говорил Захар. – *Такая добрая душа; да это золото – а не барин, дай Бог ему здоровья!* Я у него как в царствии небесном: ни нужды никакой не знаю, отроду дураком не назвал; живу в добре, в покое, ем с его стола, уйду, куда хочу, – вот что! (Гонча-

ров И.А. «Обломов»); *Из Саратова пишут, что по случаю упразднения откупов ожидали некоторых беспорядков, однако все обошлось мирно: народ пил дешевку и похваливал, приговаривая: «Дай Бог здоровья батюшке царю»* (1863 г. Салтыков-Щедрин М.Е. «Наша общественная жизнь»); – *Много добра сделал, дай ему Бог здоровья. Железную дорогу выхлопотал, Хохрюкова в нашем уезде увольнил...* (Чехов А.П. «Шило в мешке»).

В ряде случаев приходится говорить о наличии у выражения *Дай Бог здоровья* семантики 'благопожелания к случаю':

– при упоминании о государе, вообще о важном для говорящего лице: *И яз, холоп твои, говорил так: «Дасподи [Дай Господи. – Н.Г.], государи здоровы были на многие лета, а между б их, государей, была любовь и братство. Мы, холопи, о том Бога молим»* (1576 г. Вас. Грязной – Ивану IV [Л. – С., с. 198]); *Когда проезжали осенью через Диканьку, то прогостили, дай Боже вам всякого здоровья и долголетия, без малого два дни* (Гоголь Н.В. «Ночь перед Рождеством»); *Г а в р и л о. Господа веселы? И л ь я. Разгулялись, важно разгулялись, дай Бог на здоровье!* (Островский А.Н. «Бесприданница»); (О священнике) *«Кому это он мигает, дай Бог ему здоровья?» – думает лавочник* (Чехов А.П. «Панихида»);

– при сообщении о достойном поступке адресата или наличии у него высоких качеств: *От каждого гвард[ейского] полка командируют в Молдавию по 3 офицера, из финляндских едет Ванновский. Дай Бог ему здоровья и удач* (Дружинин А.Н. Дневник 1840 – 1850 гг. [Друж., с. 203]); *Дай Бог тебе здоровья, чтобы поддерживать ту неутомимую энергию, которой ты озарен свыше* (1901 г. И. Репин – В. Поленову. Репин И. Письма);

– в здравницах-тостах: *Дай Бог батюшке здоровья, а детки все в промыслу* [Д. I, с. 300]; *Дай Бог вам здоровье да капральский (генеральский) чин* [Д. I, с. 211];

– при совершении обрядов:

Вы сиротки, сиротки мои,

Помолитесь вы Богу обо мне,

Еще дай Боже, ещё дай Боже здравствовать! [Трад. ф-р Новг. обл., с. 185];

(Бел.) (Хрэсьбінныя прыгаворкі) *Кум ад сябе и ад кумы адказвае: «Наш хрэсник – прыветнік, не ўстаў ўзрасці, – вялеў кашу нясіці, гасцей частаваць, дабра нажываць. Дай, Божа, здароўя яму, быць вумнаму, разумнаму»* [БФ, с. 230-231].

В XIX-XX вв. эта формула способна выступать и как реальное пожелание физического здоровья, избавления от болезни: *Лю-*

безный мой дружок Алешечка! Дай Бог, чтоб ты был здоров; мне очень, очень было жаль, что я не был с тобою, когда ты был болен (1825 г. Ант. Погорельский – А.К. Толстому [Погор., с. 398]); (В ответ на: «Не знаю, в каком положении вы найдете Ольгу. Здоровье её день ото дня хуже: кашель не перестает, а к кашлю присоединились еще какие-то лихорадочные припадки» Н.И. Павлищев – Пушкину. 11 июля 1836 г. ДП I, с. 63]) *Кланяюсь Ольге; дай Бог ей здоровья – а нам хороших покупателей* (Авг. 1836 г. А.С. Пушкин – Н.И. Павлищеву [ДП I, с. 64]).

Нередко это выражение появляется с «профилактической» целью – не навлечь несчастья упоминанием о недомоганиях, смерти: *Заезжал к нему давеча; не принимает, нездоров, но богат, богат, имеет значение и ... дай ему Бог много лет здравствовать, но опять-таки Евгению Павлычу всё достанется/.* (Достоевский Ф.М. «Идиот»); *Вы мне можете быть полезны одним малюсеньким ответиком на вопрос: как вы хотите у нас застраховаться – на дожитие или с уплатой премии вашим близким после – дай вам Бог здоровья – вашей смерти?* Аверченко А. «Рыцарь индустрии»; *Ничто не вечно под луной – это касается и Бориса Николаевича, дай Бог ему здоровья!* (З. Углова (радиообозреватель) 21.05.99. «Радио-1», Россия.).

Наконец, формула *Дай Бог здоровья* может функционировать в качестве иронической похвалы, проявляя свою способность к энантиосемии: *...А мы только любоваться вами будем, господа... как бишь? – Нигилисты, – отчетливо проговорил Аркадий. – Vous avez changé tout cela* [Вы все это переменили – фр.], *дай Бог вам здоровья и генеральский чин* (Тургенев И.С. «Отцы и дети»); *Прекрасная была обстановка: пальмы, аурумы, бананы, щебечут и порхают птички, и она мечтает. О чем? Она мне сказала: «ищет Христа». <... > Эта дама, пошли ей Бог здоровья, – первая мне и объяснила тайну, как находить Христа...* (Лесков Н.С. «На краю света»).

Глава 3.

ПРИВЕТСТВИЯ-БЛАГОПОЖЕЛАНИЯ

Благопожелание – высказанное адресату по какому-либо поводу пожелание здоровья (см. главу 2), помощи Бога, спасения души, мира, радости, долголетия, стереотипизированное речевое действие, «приводящее к созданию коммуникативного комфорта» [Токарева, с. 148]. Поводом для благопожелания в числе прочих может послужить встреча (расставание), таким образом возникает особая группа приветствий-благопожеланий.

3.1. Приветствия – пожелания Божьей помощи

Варианты приветствия-пожелания адресату помощи Бога широко представлены в восточнославянских паремийниках. Так, у Даля: **Бог на помощь с силой! Бог помощь! Помогай Бог! Помогите Боже!** [Д. II, с. 209]; *Холостому помогай Боже, а женатому хозяйка поможет* [Д. I, с.28]; **Помогай Бог и нашим и вашим!** [Д. II, с. 212]. В белорусском фольклоре: **Божа, дапамажы, а ты, нябожжа, не ляжы!** [БППФ, с. 76]; **Памажы, Божа, але і ты не лялуйся, нябожжа** [БППФ, с. 93]; **Божа, памажы, а сам не ляжы** [ПіріП, 2, с.156]. Украинские (шутливые): **Боже, помози, отут и положи!** [Номис, с. 3]; **Помози, Боже, і нашим, і вашим; «Помогай Бі нашим!»** – «*А котрі же ваші?*» – «*Котрі подужають*» [Зоз., с. 467].

На первый взгляд, исследователю может представиться, что 1) перед нами два типа оборотов: заклинания типа *Бог в помощь*, обращенные к собеседнику, и непосредственные апелляции к Богу *Помогите (помогай) Боже (Бог)* и что 2) оборот *Помогите Боже* первичен по отношению к *Помогите Бог*, поскольку содержит звательную форму *Боже*, впоследствии утраченную языком. Следует, однако, учитывать наличествовавшую в древнерусском языке грамматическую омонимию: формы помози, помогаи могли обозначать не только 2-лицо (*ты*, собеседник), но и 3-е лицо (*он*, в нашем случае, Бог). Таким образом, обе эти разновидности генетически представляют собой ритуально-магическую формулу, непосредственно к Богу не обращенную. Это положение доказывается и с помощью фактического материала, в котором приветствия, включающие звательную форму, фиксируются позже и развернулись в особенности в

украинском и белорусском языках, что связано, очевидно, с затемнением внутренней формы оборота в народном языковом сознании и усилением у него собственно приветственного смысла.

Квалифицируя формулы типа *Бог помочь* как устаревшие выражения «пожелания успехов в труде, в какой-либо деятельности и т.п.», ФСМ не акцентирует внимания на их этикетно-ситуативном значении, хотя приводимые в словаре иллюстрации свидетельствуют о наличии семантики именно приветствия при встрече: *Завидев Алмазова, мужик остановился и отставил косу. – Бог помочь, – сказал, подходя, Алмазов. Соколов-Микитов. «На теплой земле»; Из чащи точно вынырнула высокая фигура мужика... – Помогай Бог! – сказал он глухим простуженным голосом и слегка приподнял картуз. Куприн. «Лесная глушь» [ФСМ, с. 340].*

Приветственный смысл этого оборота подтверждается наличием в фольклоре параллелей с синонимами. Так, у того же Даля находим шуточные приветствия, якобы позволяющие вывить «гулливых» женщин, «шатуний», включающие наряду с *Бог помочь!* приветствие *Здравствуйте! Бог на помощь добрым женам и гулливым! – а гулливая и скажется (т.е. забранится)* [Д. I, с. 240]; *Здравствуйте, тетки, здравствуй, лебедки, здравствуй, шатуны!* – а шатунья-то и выщется [Д. I, с. 241].

В вариантах украинской песни как синонимичные употребляются формулы *Помогай Биг, Здоров и Чолом*, причем для описания ситуации используется глагол *привітати*:

...Ускочили гайдамаки, стали привітати.

Помогай Бог, пане Саво, гаразд нам ся маєшь,

Сидишь себе у светлонце вино попиваєшь.

Здоров, здоров, пане Саво, гаразд нам ся маєшь... [Кост. Сл. Миф., с. 574];

– Помогай Бфгъ, пане Саво, гараздъ намъ ся маєшь?

Седишь собѣ у свѣтлонцѣ, вино попиваєшь?..

Чолом, чолом, пане Саво, гараздъ намъ ся маєшь?

Далекіи госто маєшь, чимъ же ихъ пріймаєшь?.. [Головацкий, с. 19].

В «Русской грамматике» Г. Лудольфа оборот приведен без комментариев, за исключением латинского эквивалента: *Богъ помочь. Deus te juvet* [Пусть Бог тебе поможет. – Н.Г.] [1696 г. Л. – С., с. 228].

В восточнославянском речевом этикете приветственное пожелание Божьей помощи обычно обращено к работающему:

*А уходила родная матушка да батюшка
А на ту ли да на работку на тяжелую,
А оставался Илья да единешенек <... >.
А Илья как стал владеть руками, ножками,
А в избушке ли сидеть ему тоскливо ли, –
Ай пошел на ты поля-луга зеленые,
А где его были родители сердечные;
А пришел он ко славной Непры-реки:
«**Бог вам помощь**, родная матушка,
А **Бог ти помощь**, родной батюшка!» [«Исцеление Ильи
Муромца» [Б-1, с. 123-125)];*

*Подъезжает стар казак да Илья Муромец:
«Уж вам **Бог помощь**, ребятушка; об чём бьетесь,
Вы об чем же бьетесь да об чём ратитесь?» («Бой Дуная с
Добрыней» [Б-1, с. 292]);*

*Ехал милый из Романовки с возам,
Воду черпала. – **Бог на помочь**, – сказал, –
Бог на помочь ненаглядная,
Почему ты не нарядная [Трад. ф-р Новг. обл., с. 113];*

*(Бел.) От раз зсыпае бѣдны ў кадушку жыто, якое слемазар-
нае Бог даў. Тольки ось падходзіць к яму якісь дзедок. – **Памагай
Бог!**– кажэ дзедок («Зависны багатыр» [Сержп., с. 38]);*

*А ў барку, у барку
Рабіў Змітрачок каморку.
А туды вядзець сцежачка,
Ей **Бог у помач**, Змітрачок!
Рабі каморку скоранька... [Чачот, с. 60];*

*(Укр.) Ой, у полї нивка, на ней материнка;
Тамь дівчина жито жала, сама чорнобривка.
Ишовь козакъ дорогою: **помогай Бфгъ**, женче!
Вона ёму одвечала: здоровь бувай, серце! [Максимович, с. 117];*

*Пошли воны всі три [дочки] сорочокъ прать на річку. <... >
Почув це царевычъ, пудьїхавъ да й каже: – Здоровы булы, дівчата!
Боже помози! – Здоровы, **спасибі!** («Песынський, жабынський,
сухынський и золотокудрый сыны цариці» [Малор. ск., с. 40-41]).*

Эта приветственная формула нередко разворачивается вправо, принимая вид: *Бог помочь что делать:*

*А идут скоморохи по дороги,
На гумни мужик горох молотит.
– Тобе **Бог поможь**, да те кресьянин,
На бело горох да молотити! <... >
А идут скоморохи по дороги,
А на стречю им идё мужык горшками торговати.
– Тобе **Бог поможь** да те кресьянин,
А-й тибе горшками торговати! («Вавило и скоморохи» [Новг.
б., с. 302-303]);*

*Ехал тут барин
Федор да Гагарин:
– **Бог помощь**, Дуняша,
Ткати рогожу! [Тр. ф-р Новг. обл., с. 122];*

*Ой, во поле-поле,
На высоком кургане...
Настасьюшка траву жала,
Тимофеевна шелковую...
Тихо ехал Викторушка,
Тихо ехал Никитич:
Эй, **Бог помочь**, Настасьюшка,
Эй, **Бог помочь**, Тимофеевна,
Ой, **Бог помочь, траву жать**,
Ой, **Бог помочь**, шелковую,
Да тем серпом серебряным,
Да той ручкой позолоченой [П. Кир. 1-Я, с. 69];*

*(Бел.) Пры дарозе пры шырокай <... >
Багатырачка лён палола.
Ишли дарогай два малойчыкі.
«**Памажы Божя**, багатырачка,
Табе, моладзе, **лён палоць**» [П. нар. св., с. 178].
Этот оборот широко варьируется. Например, в белорусском фольклоре он принимает вид: *Бог (табе) (ў) помач, Памагай Бог, Божя (табе) памажы, Божя, дапамажы, Няхай табе Бог памагае* и под.:*

*На гарэ стаіць шацёр навюсенькі,
А ў тым шатры тры крэўчыкі.
Туды ішоў малады Міхалка:
– **А Бог помач**, тры крэўчыкі! [Чачот, с. 60];*

*А ў барку, барку, пры крайку,
Рубіў Колечка каморку.
А туды вядзець сцежачка,
А туды ідзець Манечка:
– Бог табе ў помач, Колечка.
Рубі каморку шчыльненька... [ЛБВ, с. 318];*

*Ходзя Ілля на Васіля,
Нося пугу драцяную,
Драцяную, плеценую
Дзе пугаю махне –
Там жыта расце.<... >
**Няхай табе, дзядзечка,
Бог памагае!** [П. нар. св., с. 34];*

*–Хай цябе, дзіятка, Бог спаможа
Да ў той вялікай дарозе,< ... >
Да на тым першым парозе [Вяс. 4, с. 435].*

В беларуском свадебном фольклоре широко распространен сюжет о гордой девушке, которая занимается какой-либо крестьянской работой и не отвечает на приветствие парня:

*Ой, за лесам, лесам,
За борам, борам
Маладая дзяўчынка
Пианічку поле...
Тудой ехаў хлопец.
Ён ёй: – Дзень добры!
Яна яму – нічога.
Ён ёй: – **Памагай Бог!**
Яна яму – ні слова [Вяс.1, с. 160-161];*

*Ткала Аўдотачка красенцы...
–**Божжа табе памажы, Аўдотка.**
Аўдотка Пятрушку – ні слова [Там же, с. 161];*

*Маладая дзевачка
Да лянок палола.
Да тудэю ехаў
Малады дзяціна.
Ён ёй – **Памагай Бог.**
Яна яму – нічога [Там же, с. 161].*

Художественная литература XVIII-XIX вв. сохранила свидетельства того, что обращение *барина* к крестьянам нередко принимало вид приветствия-пожелания такого рода: – **Бог в помощь**, – *сказал я, подошед к пахарю <...> – Спасибо, барин* (1789 г. Радищев А.Н. «Путешествие из Петербурга в Москву»); *С каким удовольствием, когда скажу трудолюбивым поселянам, проходя мимо них: «Бог помочь, друзья!» – они отвечают мне: «Спасибо, добрый барин!»* (1790 г. Муравьев М.Н. «Обитатель предместья»); – **Бог помощь!** – *сказал барин, входя на двор* (Толстой Л.Н. «Утро помещика»).

Ситуационной разновидностью этого стереотипа является приветствие путникам: – **Бог в помощь!** – *раздается позади меня. – Не по дороге ли? Охотнее идти будет* (1862 г. Левитов А.И. «Степная дорога днем»).

Иногда это приветствие принимает вид *Бог вам на пути*:

«А здравствуй-ка ты ещё, дедушка!»

– *«А Бог вам на пути, добрым молодцам..»* («Михайло Пытык» [Б-2, с. 29]).

Приветствие-пожелание Божьей помощи активно употребляется в украинском языке, начиная со староукраинского периода, о чем свидетельствует его появление в драматических произведениях, особенно в интермедиях:

Д и н и с.

Ей, побратимове, стоїте,

Та що говору, почуйте!

Далек ідете! – кажите,

Та з субую ме везміте.

Помагай Бог вам (1619 г. «Інтермедіа до драми Я. Гаватовича» [Давн. укр. л., с. 215];

Доктор. *Ну уж поди, изготав клиштер старому Панталону, которой кашлем зело мучитца. Мне кажется, что уже слышу его, сюды идуца.* Панталон. **Боже помози тебе, господине Доктор!** («Шутовская комедия» [РРД-3, с. 374]).

Бытование по преимуществу в устной форме привело в украинском языке к разного рода свертываниям приветствия: *Пома(га)й-бо, Помагайбі, Помай Биг*:

Гей, пшиов ляшек дорогою,

Надибав бһлу гусь над водою,

Помагайбо, бһла гусь,

Навчила мене тая Русь [Анон. п., с. 533];

*Помай Биг, май Биг, три риболове,
Три риболови, паньски синове.
Чи не стричали павляний винок?* [Кост. Сл. миф., с. 303];

«Помагайбі! – Бодай здоров!» [Номис, с. 231].

Интересно, что в украинских вариантах этого оборота доминируют значения приветствия и благопожелания, тогда как ситуация, включающая работающего, не является обязательной. Так, у Н.И. Костомарова приведена колыдка, в которой девушка приветствует сидящего на калине сокола:

*На калинойцы сив соколойко,
А тов стежейков иде дивойка.*

«Биг помогай, Биг, сив соколойко», –

«Бодай здорова, красна дивойко...» [Кост. Сл. миф., с. 316];

В некоторых вариантах «Думы про казака Саву» с этими словами казаки обращаются к сидящему в горнице хозяину:

Кинулися Козаченьки Саву рабовати:

– Помогай Бфгъ, пане Саво, гараздъ намъ ся маєшь?

Седишь собн у свнтлонцѣ, вино попиваєшь?.. [Головацкий, с. 19].

Аналогично в более позднее время, в гоголевской повести, находим это приветствие, адресованное сидящим людям: *Теперь только разглядел он, что возле огня сидели люди, и такие смазливые рожки, что в другое время Бог знает чего бы не дал, лишь бы ускользнуть от этого знакомства. Но теперь, нечего делать, нужно было завязаться. Вот дед и отвесил им поклон мало не в пояс: «Помогай вам Бог, добрые люди!»* (Гоголь Н.В. «Пропавшая грамота»).

В русском речевом этикете, судя по фольклорным текстам и другим этнографическим материалам, тоже некоторое время существовала тенденция употребления этого оборота в широком приветственном смысле, вне зависимости от конституации:

Только шли-то прошли два салтанушки <... >

Ой пришли они ко Игнату под белой шатер <... >

Как Бог помощь-то тебе, Игнат-сударь,

Да Игнат-сударь, а ты ведь сын некрасовец,

Да давай-ка с тобой, Игнат-сударь, казачков делить [ИП-ХVIII, с. 147];

Заблудяща пава-павушка!

Заблудилась во тёмных ты лесах,

Приблудила ко павлиному гнезду.

*– Тебе **Бог в помощь**, павлин-сударь в гнезде!*

Выведи-ка из лесов

Ты, павлин-сударь, меня! [РСПС, с. 67-68];

*От жениха стали приходиться дружки, торопить. Бывало, придут: – **Бог помощь**, живитый здорую, Петр Герасимович, Марья Ивановна, Степанида Максимовна, все крещеные. Как здорую живете? – Просим милости, подьте, пожалуйста, проходите, садитесь* (1907 г. Пришвин М. «В краю непуганых птиц. Очерки Выговского края»).

Пушкинское стихотворение «19 октября 1827 г.» содержит выражение *Бог помощь*, употребленное в качестве начального приветствия:

Бог помощь вам, друзья мои,

В заботах жизни, царской службы,

И на пирах разгульной дружбы.

И в сладких таинствах любви!

Бог помощь вам, друзья мои,

И в бурях, и в житейском горе...

В силу аналогии с приветствиями типа *Дай Бог здоровья* оборот *Бог помощь* и варианты его оказываются способными к употреблению в ситуации прощания:

Е с ф и р ь <... > *Идите прочь от мене, любезныя девы.*

Д е в и ц а 1. **Бог в помощь**, царице, здрава оставайся («Ком. о Есфире» [РРД-4, с. 278]).

В эпистолярной практике XIX в. оборот типа *Бог в помощь!* может входить и в начальную, и в заключительную часть письма, совмещая функции приветствия и благопожелания. Так, в письмах Н.С.Лескова: (Ок.) **Помогай вам Бог на все доброе и достойное Вас и Ваших благородных и благомыслящих родине друзей. Ваш слуга Николай Лесков** (1870 г. Н.С. Лесков – С.А. Юрьеву [Леск., X, с. 283]); (Ок.) **Затем Бог вам в помощь** и сочувствие всех добрых людей. *Жму вашу руку. Лесков-Стебницкий* (1871 г. Н.С. Лесков – С.А. Юрьеву [Леск., X, с. 301]). А письмо художника Н.Н. Ге Л.Н. Толстому начинается с этого оборота: **Помогай вам Бог, дорогой и милый друг...** [1886 г. Ге, с. 127].

До сего дня варианты этой формулы бытуют в церковной риторике в качестве прощального благопожелания: *Здоровья всем вам, мира и помощи Божьей во всяком добром деле!* (09.05.99. Телеобращение митрополита Алексия II к верующим по случаю Дня По-

беды, ОРТ, Россия); **Бог вам на помощь!** (13.09.99. Окончание обращения митрополита Алексия к московским властям с просьбой защитить москвичей от террористов. ОРТ, Россия).

Выражение *Бог помочь* способно функционировать и как пожелание успеха в какой-нибудь деятельности – безотносительно к ситуации встречи (прощания):

*Да тут же блиско пруд меду. И тут всякъ пришед хотя ковшем или сътавцомъ, припадкою или горьстью, **Бог в помощь**, напивайся* [Ск. о роск. жит., с. 191]; **Бог помочь тебе хвастать** [Д. П., с. 197]; *С июля месяца зрительная твоя трубка помогает мне тебя отыскивать, навожу её на ваш департамент – и вижу вице-директора в полной деятельности. **Помогай тебе Бог** в этом новом деле...* (1852 г. И.И. Пущин – Ф.Ф. Матюшкину [ДП I, с. 295]); – *Тэк-с... Стало быть, ты по судебной части? Юриспрудент? – Да, я присяжный поверенный. – Так... **Помогай Бог...** Чин у тебя какой?* (Чехов А.П. «Святая простота»).

(Укр.) *Раби Христовы, на враги держайте, / **Бог вам помощник, силно побеждайте!*** («Борба Церкви с Дьяволом» [РРД-4, с. 156]); – *А шо, каже, бабуню, чи не знаєшь ты Білого-Палянина? <... > – А на що вінъ тобі? – Я хошу (!) взяти собі у нєго прекрасную Настасію собі за жону. – **Памагай тобі Боже*** («Про богатыра Сухобродзенка Івана и Настасію прекрасную» [Малор. ск., с. 313]).

Это благопожелание может относиться к 3-му лицу; в этом случае его приветственное значение не проявляется:

*А съезжались в чистом поле
Пожарской-боярин с татаринном.*

Помогай Бог князю Семену Романовичу Пожарскому! («Под Канатопом под городом» [К. Дан., с. 153]);

Помогай Бог
Молодцу дворянину русскому!

*Он отводит рогатину
Своей саблей вострою*

Что у Чуда поганова... («На литовском руближе» [К. Дан., с. 197]);

Не дошедши, граф Фермор, он рукой махнул:

«Помози, Боже, гранодерам с конанирами» [ИП-ХVIII, № 288];

(Укр.)

М у ж и к д р у г о й.
А що то за веселе Евфимиян чинит?
М у ж и к п е р в о й.
Алексія, милого сына свого, женить.
М у ж и к т р е т е й.

Боже ж е му помагай! Дай Боже час добрый! (1673-1674 гг.
«Драма про Олексія чоловіка Божого» [Давн. укр. л., с. 295]);

Помоги, Боже, чоловіку,
Щоб так орав поколь вику! [Кост. Сл. миф., с. 75];

– Прикрасная Настасія, прїїхавъ, каже, великій, славный
богатырь Сухобродзенко Иванъ и хоче тебе собі за жону вкрас-
ти! – **Боже,** каже, ёму **поможи,** я давно того сама хочу («Про
богатыра Сухобродзенка Івана и Настасію прекрасную» [Малор.
ск., с. 313]);

(Бел.)
(О женихе) **Памажы яму, Божа,**
Цесцеў двор зваяваці,
Сабе Марыльку ўзяці [Вяс. 1, с. 448];

Саколіку да на вылеце,
Дзяціначка да на выезде.
Памажы ж яму, Божа,
Ў пуці, ў дарозе, ў вялікім абозе [Вяс.1, с. 395];

Іванька з вайны едзець <... >.
Памажы яму, Божа,
А й цесця зваяваці,
А й цёшчу справаваці,
Галечку сабе ўзяці [Вяс.6, с. 56];

А ўзыйдзі, ясен місяц,
Асвяці тое поле,
асвяці тое поле,
Дзе мілы на рабоце.
Калі ён на рабоце,
Памажы ж яму, Божа,
Калі ён у дарозе,
Прынясі ж яго, Божа... [П. нар. св., с. 237].

В украинском и белорусском фольклоре отмечено и самопо-
желание Божьей помощи:

(Укр.) *Иде матери на лан жати разом и з дочкою,
Прийшли вони до ланочку: **Помогай нам, Боже,**
И святая неделенька велика Господже!* [Кост. Сл. миф., с. 601];

*Допоможи, Боже, на рушничку стати:
Тоді не розлучать ні батько, ні матери,
Ні чужая чужина,
Коли судилася дружина* [Зоз., с. 234];

(Бел.) *А **памажы Божа,**
Вясну красну клікаць
На ціхае лета,
На спелае жыта* («Веснавая» [П. нар. св., с. 68]);

*Памажы ж мне, Божа,
У гэтай новай хаце < ... >
Увесь век каратаць < ... >
І старых паважцаць* [Вяс. 6, с. 129-130].

Обычным ответом на приветствие-пожелание Божьей помощи является изъявление благодарности: *Видит* [Иван-Кобыльничков] – *на поляне стоить пень, круг пенька ходит человек. Надошел на этого человека и говорит: – **Бог помочь**, добрый молодец! – **Спасибо тебе**. – Чего ты ищешь? – А я, говорит – стрелу потерял* («Иван-Кобыльничков сын» [Азад., с. 225]); *Входит* [Никита Колтома] в кузницу, а в ней пятнадцать кузнецов железо куют, молотами постукивают. «**Бог помочь, братцы!**» – «**Спасибо, добрый человек!**» («Никита Колтома» [Ск. 2, с. 215]);

(Бел.) – ***Бог помач табе**, Ганулька, розу палоць.
– **Спасіба табе**, Іванька, за добрае слоўца* [Вяс. 4, с. 265];

*Пад дубком, дубком пад зялёненькім
Паўлінка лянок слаа.
Прыйшоў да яе Яначка яе.
«**Памагай Бог, Паўлінка!**»*

– *Да **дзякуй табе**, мой ты Яначка,
За добрае слоўца* [П. нар. св., с. 285];

*Бачаць ены [Петро и Илья], аж чалавiк ше грэчку. – От – кажэ Петро – давай папытаем, каго мужыкі больш любяць.
– Папытаймасо – маўляў Ілья. – **Памагай Бог!** – кажэ Петро.*

– **Дзякуваць**. – Скажы, добры чалавчэ, каго вы больш любіце, Петра ці Ілью? («Ілья і Петро» [Сержп., с. 17]); *От раз зсынае бідны ў кадушку жыто, якое слемазарнае Бог даў. Толькі ось падходзіць к яму якісь дзедок. – Памагай Бог!* – кажэ дзедок. – **Дзякуй, старэнькі**, – кажэ бідны («Зависны багатыр» [Сержп., с. 38]); (Укр.) *Пошлы воны всі три [дочки] сорочокъ прать на річку. <... > Почув це царевиць, пудьіхавъ да й каже: – Здоровы булы, дівчата! **Боже помози!** – Здоровы, **спасибі!*** («Песынський, жабынський, сухынський і золотокудрий сыны цариці» [Малор. ск., с. 40-41]).

Фольклорный материал показывает, что ответным на *Бог помочи!* нередко является другое приветствие (*Добро пожаловать, милости просим, Здравствуйте...*): *...И попался ему пастух с табуном лошадей. «Бог помочи тебе стадо пасту!» – говорит Василий-царевич. «Добро жаловать, Василий-царевич!»* («Царь-девица» [Ск. 2, с. 10-11]);

Ой, и выдёрнул тычинку, зашел к девке в огород,

Ой, лелю, сполелю, «Бог на помочи» отдает.

*«Тебе **Бог на помочи**, девица, тебе **капустой торговать**» <... >*,

*«**Добро пожаловать**, детинушка, капусту покупать...»*

[П. и ск. Пушк. м., с. 8)];

*И вот вынесет лукошко на улицу – у его светло в лукошке, а внесет в избу – у его темно станет. Вася приходит и говорит: «**Бог помочи тебе**». – «**Милости просим**»* («Про дураков» [Сибир. ск., с. 169]); – *Помоги Бог!* – сказал Иван Иванович. – *А! **здравствуйте**, Иван Иванович!* – отвечал голос из угла комнаты. Тогда только Иван Иванович заметил Ивана Никифоровича, лежащего на разостланном на полу ковре (Гоголь Н.В. «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»); *«А не лучше ли мне, на всякий раз, с старичком поздороваться?»* Взял и сказал ему по-учтивому: *«**Помогай Господь тебе, дедушка!**»* Старик отвечает: *«**Будь и ты здоров, Какойто Какойтович, и скажи, как тебя зовут иначе?**»* (1890 г. Лесков Н.С. «Час воли Божьей»);

(Укр.) *Ой, у полї нивка, на ней материнка;*

Тамъ дівчина жито жала, сама чорнобривка.

*Ишовъ козакъ дорогою: **помогай Бфгъ**, женче!*

*Вона ёму одвечала: **здоровъ бувай, серце!*** [Максимович, с. 117];

*Идутъ мимо куменої хати. Жінка й кричить: – Здорова була, кумасю? **Помагай-бі!** – **Здорова!*** («Про те, що бува зъ того, якъ въ семействі незгода» [Малор. ск., с. 538]).

В украинском языке ответом нередко является приветственная формула типа *Бодай здоров*, включающая в свою семантику элемент «благодарность»:

*Там ми лежить давно стежейка,
Ойшла ми нїв Бижяя мати,
А стричат ей свитле сонейка.
Биг помогай, Биг, Бижяя мати.*

Боже, дай здоровья, свитле сонейко [Кост. Сл. миф., с. 69].

Г. Илькевич приводит стереотипный обмен приветствиями: *Помагайбог – Бодай здоров* [Илькевич, с. 77]; *Здыбався хміль с цыбулею, перше ся позневажали, потфм ся повеличали: «Помагайбфг гфрка»*. – «*Бодай здоров шаленьий*». – «*Помагай Бфг смаковита*». – «*Бодай здоров весельий*» [Илькевич, с. 35].

Возможна ироническая или шуточная реакция на такое приветствие: (Бел.) *Памагай Бог! – Казаў Бог, каб і ты памог* [БППФ, с. 93]; *Рабі, нябожжа, то і Бог дапаможжа* [БППФ, с. 95]; (Укр.) «*Поможи Боже!*» – «*Роби, небожже, то й Бог допоможе!*» [Номис, с. 2]; «*Помагайбог Гриню*» – «*Копая пане глину*» [Илькевич, с. 77].

В украинском речевом этикете приветствие-пожелание Божьей помощи может быть также и ответным: *Увийшов в хату, перехрестывсь. Баба каже: Хай Бог помогае* [Милорадович, «Заметки...», с. 417]; *Идутъ. Вырныдубъ зъ дубами грається: то на сей бѣкъ поставыть, то на той бѣкъ. – Здоровъ, кажуть, брате! – Помагайбі, каже, трохі дубъ не вбывъ. Куды вы идете?* («Про Сучченка» [Малор. ск., с. 266]).

– *Ой, здоров був, Іване!*

– *Помагайбі, мосьпане.*

– *Куди їдеш, Іване?*

– *На ярмарок, мосьпане* [Мірн., Біл., с. 158].

Итак, подобно формуле *Дай Бог здоровья!*, обороты типа *Бог помочь!* пережили семантическую трансформацию из ритуально-магического заклинания «Бог тебе в помощь, на помощь», «Пусть Бог тебе поможет» в приветственное пожелание адресату, впоследствии принимающее вид, например, в белорусском языке *Памажы, Божа!*, в украинском – *Поможи Боже!*

Закрепление в белорусском и украинском языках элемента *Бог* по преимуществу в звательной форме приводит к парадоксальному наличию в выражениях типа *Помоги тебе Боже* двух адресатов: *ты* (собеседник) и *Боже* (Бог). В лингвистической литературе неоднократно обращалось внимание на этот факт, однако объясне-

ния он не получал. По нашему мнению, коммуникативная двунаправленность в оборотах такого типа связана с наличием в парадигме древнерусского глагола омонимичных форм 2-го и 3-го лица.

Обычно приветствие типа *Бог помочь!* произносилось инициатором контакта и предназначалось занятому трудовой деятельностью собеседнику. Отступления от этой закономерности наблюдаются в украинском речевом этикете: обороты *Помагайбі, Хай Біг допомагає* могут выступать в качестве ответного приветствия.

Движение от магического заклинания к собственно приветствию сказалось в изменении ответной реплики: появлению синонимичного приветствия вместо изъявления благодарности. Особенно сильно проявилась эта тенденция в украинском языке, где приветствие *Помагайбі* может быть обращено к человеку, непосредственно не занятому каким-либо трудом.

Контактоустанавливающая функция – в силу своеобразия семантики – очевидно, была изначально (или, по крайней мере, с очень давних времен) присуща этому обороту. Что же касается функции прекращения контакта, то, хотя она и развилась в качестве пожелания Божьей помощи в будущем, но выражена слабо; идея благопожелания явно преобладает в формуле *Бог помочь* по отношению к идее прощального приветствия.

3.2. Приветствия-миропожелания

3.2.1. Оборот *Мир вам*

Приветствие воскресшего Иисуса ученикам в Евангелии Матфея имеет вид *Радуйтесь!*: и се Ии[сц]сь српте #, гл[агол]#: радицитес# [Мф. XXXVIII, 9]. Этот же эпизод Иоанн и Лука передают следующим образом: (Иоанн) сищи же поздѣ въ день той во едину ^ субботѣ, и дверемъ затвореннымъ, идѣже б#хи оуч[е]н[и]ци (егw) собрани, страха ради иудейска, прииде Ии[сц]сь и ста посредѣ и гл[агол]а имъ: миръ вамъ [Ио. XX, 19-20]. И далее: прииде Ии[сц]сь дверемъ затвореннымъ, и ста посредѣ (ихъ) и рече: миръ вамъ! [Ио. XX, 26-27]. (Лука) Самъ Ии[сц]сь ста посредѣ ихъ и гл[агол]а имъ: миръ вамъ [Лк. XXIV, 36].

Перед нами два типа приветствия: древнееврейское *Мир вам* и *Радуйся*, его греческий функциональный эквивалент. Приветствие-гебраизм *Мир тебе, вам!* из текстов Св. Писания попадает в

литературный русский язык, а затем утверждается в православном этикете.

Мир, спокойствие, отсутствие разногласий представляют абсолютный приоритет в человеческих отношениях: *В мире жить – с миром жить* [Д. I, с. 207]. Не случайно в пословицах лексема *мир* часто употребляется в сочетании со словом *лад*, акцентируя такое качество мирной жизни, как гармоничность: *Мир да лад – божья благодать* [Д. I, с. 209]; *С кем мир да лад, тот мил и брат* [Д. II, с. 230]. Все значения многозначного существительного *мир* развились из одного, известного всем славянским языкам значения 'спокойствие'. Ср. родственные слова *смирный*, *смирение*, *помирить*.

«Летописец Переяславля Суздальского», составленный в начале XIII в. (по списку XV в.), излагая историю убийства князя Глеба, узнавшего о болезни отца и приплывшего в «крабице» (лодке, маленьком судне), сообщает, что Глеб надеялся «услышать мир» от отца и принять от него последнее целование: *С[вя]тѣи же Глебъ прииде въ ср[е]тѣнїи в крабици, чаа миръ слышати и целование от отца отходное...* [Переясл. лет., 39. – ДРС, 7, с. 402].

В значении 'проститься', 'простить' обычно употребляется выражение *дать мир*: *Братии мир давь, д[у]шю свою г[о]с[поде]-ви предасть* [Ж. Серг. Рад. Епиф. 83. XV – XVI вв. 1418. ДРС, 9, с. 167].

Не совсем точно описана семантика оборота *мир дать* в [ДРС, 9, с. 166-167]: 'дать благословение, пожелать благоденствия'. Давать благословение, благословлять – прерогатива духовных лиц по отношению к пастве или родителей по отношению к детям. В противоречии со словарным значением находятся примеры типа: *И сретоша его вси граждане со священным собором, со кресты и иконами <... >. Великий же князь мир дав им, и восприят стол и честь сана своего...* [Пов. о П. и Февр., с. 296]. Речь идет о прощении князем Петром ранее изгнавших его горожан, так что скорее можно интерпретировать это значение как 'простив, примирившись, закончив дело миром'. См. там же: *Велможя же страхом велиим одержим за укороение святыя и великия княгини Февронии, и припаде к ногам ея прощения прося. Она же мир даде ему и прости* [Пов. о П. и Февр., с. 297]. Пользуясь современной терминологией, можно сказать, что Феврония «установила доброжелательную тональность в отношениях с вельможей, примирившись с ним».

Выражение *мир сказать* в духовных стихах употребляется в значении 'приветствовать', в том числе 'передать привет от 3-го лица':

*Блажен имел Иаков дванадесять сынов,
Зело любил Иосипа Прикрасныва,
Иосифа Прикрасныва, меньшова сына.
Старшие братья на Фаворских горах,
На Фаворских горах стригли овец.
Пасылал сваво Иосипа Прикраснаго
Мир сказать от отца от Иакова*

Кы свайм кы старышым братьям [П. Кир. 1-Я, с. 222].

Обычно приветствие-миропожелание употребляется в судьбоносных ситуациях. Так, князь Дмитрий Иванович (Донской) перед решающей битвой на Куликовом поле обращается с ним к воинам: *Князь же великий... коемуждо полку рече: «Братиа моя милаа, сынове русскыа, от мала и до велика! Уже, братие, ночь приспѣ, и день грозный приближися – в сию ночь бдите и молитесь, мужайтесь и крѣпитесь, Господь с нами, силенъ въ бранех. <... > Уже бо гости наши приближаются, стоять на рецѣ Непрядвѣ, у поля Куликова оплѣчишася, утрѣ бо нам с ними пити общюю чашу <... >. Нынѣ, братья, уповайте на Бога жыва, **миръ вам буди о Христѣ**. Аще утрѣ ускорятъ на нас приити погании сыроядѣци»* (XVI в. Ск. о М. поб. Осн. ред. [Ск. и пов. о К. б., с. 39]).

Приветствие священнослужителя, сопрягаясь с благословением, приобретает вид *Мир и благословение*. Сергей Радонежский напутствует «пострадать за православное христианство» монахов-воинов Пересвета и Ослябю: *Князь же великий рече: «Дай ми, отче два въина от своего плѣку – Пересвѣта Александра и брата его Андрѣа Ослябю...» Старець же преподобный... дать их в руцѣ великому князю и рече: «Се ти мои оружници, а твои изволници». И рече имъ: «**Миръ вамъ**, братие моя, крѣпко постражите, яко добрии въини по вѣрѣ Христовѣ и по всем православном христианствѣ с погаными половци!» И дастъ Христово знамение всему воинству великого князя – **миръ и благословение**» [Там же, с. 31]).*

В свою очередь, перед решающей схваткой с печенегом и перед своей гибелью чернец Пересвет передает «мир и благословение» своему сыну: *Видѣвъ же его Александръ Пересвѣтъ, старецъ, иже бѣ в плѣку Владимера Вселодовича и, двигнувся ис плѣку, и рече: «Сей человекъ ищетъ подобна себѣ, азъ хощу с нимъ видѣтися!» <... > И рече: «Отци и братиа, простите мя грѣшнаго!*

Брате Андрій Ослебя, моли Бога за мя. Чаду моему Иакову – миръ и благословение». Напусти на печенѣга и рече: «Игумень Сергей, помогай ми молитвою!» Там же, с. 43].

Это приветствие равноупотребимо в начальном и конечном моментах контакта. Если в приведенном выше отрывке изображена ситуация прощания, то следующий контекст содержит эпистолярную формулу начального приветствия: ... *В то же время приидоша к нему книги от преподобнаго игумена Сергия, в них же бе написано: Дмитрею Ивановичю и всем руским князем и всему православному воинству мир и благословение!»* (XVI в. Ск. о М. поб. Распр. ред. [Ск. и пов. о К.б., с. 96-97]).

Сходную формулу употребляет патриарх Иоаким при обращении к царям: *Благочестивейшим в. г. ц. и в. к. Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, в. В. и М. и Б. Р. с. богомолец ваш Иоаким, патриарх Московский и всеа Росии благословение и мир дая, во Господе радоватися* (Грамота патриарха Иоакима царям [Восст. 1682 г., № 152]). В записанном в 1872 г. предании патриарх, обращаясь к царю Петру, пеняет ему: *«Царю! Почто ты не дождался окончания литургии и молебна; я бы, говорит, дал тебе мир и благословение, и был бы поход твой счастливой и благополучной»* [Сев. пред., с. 130].

Мир и благословение – обычное прощальное приветствие в общении иноков: *И посла к ней [Петр-Давид. – Н.Г.] в третие: «Госпоже моя сестро Ефросиние! Мир тебе и благословение. Уже бо ты не жду, уже бо хошу предъставитися»* [Пов. о П. и Февр., с. 302]; *И тако наказа [боярыня Морозова своих единомышленниц], и утеши, и прости я, и взаим у страдалиц простися: Мир и благословение, – рече, – буди на всех вас ныне и во вся веки, аминь* [Пов. о б. Мор., с. 205].

Общая положительная семантика этого оборота позволяет в позднейшее время употреблять его для выражения расположения к собеседнику, без актуализации семантики определенной фазы контакта (встреча, прощание, на письме – его начало и конец: *До 12 час. я говорил и спорил о Вас и внушал добрые к Вам чувства, находя в собственной душе моей для Вас мир и благословение* (1886 г. Н.С. Лесков – А.С. Суворину [Леск., XI, с. 310])).

В XVII в. эпистолярные приветствия *Мир тебе, Мир тебе о Господе, Мир тебе и благословение* употребляются в начале и конце письма, а также как обрамляющие: (Окончание вымышленного письма Ивана Грозного к будущей царице) *Сама же въ великую печаль не вдавайся, но радуйся паче, яко от царствия въ царствие*

идеи. *И по томъ миръ ти, любѣзньѣйшая моя* [Пов. о жен. Ив. Гр., с. 12]; *По семъ миръ тебѣ о гсдѣ і всему дому твоему и нше благословение с вами есть и бидет нне і во вѣки* (1687 г. Ивану Савиновичу от неуст. лица [Гр., № 216]); (обрамление) *Детем моим Петровым Якову и Федору Петровичам wt мен# вам мир и любов і вечное мое вам благословение буди над вами милость бжи# всегда і во веки амин <... > Sa сем вам wt мен# мир и любов и вечна мое вам благословение* (П. Непейцын детям Якову и Федору [Гр., № 65]).

В драматических произведениях к. XVII – нач. XVIII в., в духовных стихотворениях XIX в. приветствие *Мир тебе* появляется как подчеркнуто христианское:

Н е с т о р. *Мир тебе, господине! Что ти в сердца мнится?*

Д и м и т р и й. *Мое сердце о Бозе зело веселится* («Венец Димитрию» [РРД-4, с. 85]);

Приходит он кы старшим братьям:

– *Мир вам, братья!*

– *И где ж меньшей наш брат Иосип?* [П. Кир. 1-Я, с. 222].

В мирском, нецерковном обиходе появляются разновидности этого приветствия, закрепившиеся в народном языке. Все они связаны с началом контакта, обычно произносятся при входе в дом: *Мир вам, и я к вам* [Д. I, с. 208]; *Домна Платоновна вошла, помоллилась Богу, у самых дверей поклонилась на все стороны (хотя, кроме нас двух, в комнате никого и не было), положила на стол свой саквояж и сказала: – Ну вот, мир вам, и я к вам!* (Лесков Н.С. «Воительница»); *Подошел Василий Борисыч, снял шапку, низенько поклонился и молвил: – Мир честной беседе. – Просим милости на беседу, – приветно ответили ему и раздвинулись, давая место пришедшему собеседнику. П.И.Мельников-Печерский. «В лесах»; Восходит молодец: «Мир вам, гостям, на беседе!» – «Просим милости, добрый молодец!» («Спящая девица» [Азад., с. 141]).*

Употреблялся этот оборот и при встрече в пути, иногда приобретаемая вид *Мир доругой*: ... Увидал их Фомка и спрашивает: «Вы кто таковы?» – *Мир тебе, добрый человек! Мы – сильномогучие богатыри* («Фома Беренников» [Ск. 2, с. 172]); *И вот догоняют его два спутника: один такой молодой мужчина, а другой – старичок. – Мир доругой, – говорят, – солдатик. – Также и с вами мир, добрые люди* [РСС, с. 200]; *Живо Пётра-королевич надевал на себя окладную бороду, выходил на дорогу. Василий-королевич здоровался со стариком: «Мир доругой, старичок!» – сказал он. – Пётра-королевич сказал: «Здравствуешь, Василий-королевич!» («Пётра-королевич» [Зелен., с. 212]).*

В посланиях священнослужителей высшего ранга компонент *мир* выступает в сопровождении перечня других желаемых благ: *Василіе, милостію божією архієпископъ Новогорода священному епископу Феодору Гѣһрскому, еже о господѣ брату, благодать и миръ отъ бога отца вседержителя твоему священству и всему священному събору, игуменомъ, іереомъ и дѣтемъ твоимъ* (XIV в. Послание новгородского архиепископа Василия к тверскому епископу Федору о земном рае [Гудз., с. 163]); *Мелетій, милостію Божію папа и патріархъ великаго града Александріи, блюститель и судія вселенскій престола Константинопольскаго, православнымъ благочестивымъ братствамъ, иже в Росіи обрѣтающимся, православнымъ о Господѣ возлюбленнымъ сыномъ нашего смиренія, благодать, милость и миръ от Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа* (1597 г. Посл. александрийск. патриарха Мелетия к западнорусск. братствам [АЮЗ, 2, с. 198]).

Приветствия *Мир вам, Мир дому сему* и подобные приняты в христианском этикете вплоть до настоящего времени: *И яко епископ вниде в полату, царь же воста и первие цѣлова епископа и рече: «здрава тя приемиши, радуемся, честный отче!» Селивестръ же рече: «Мир тебе с небесе дастся и побѣда»* [Пов. о новг. б. кл., с. 204]; (О священнике) *Он вошел, разумеется, чудесно, как честь честью, и сказал: «Мир всем», и всех благословил, и хозяйку Маргариту Михайловну, и сестру её Ефросинью Михайловну, и слуг старших...* (1891 г. Лесков Н.С. «Полунощники»); – *Вот чайку-с...* – предлагал Нагибин. – *Оно очень облегчает, ежели кто водку принимает. А вон и поп Савел бредет, никак. – Мир дому сему, – крикнул поп Савел под окошком* (Мамин-Сибиряк Д.Н. «Приваловские миллионы»); *Мир вам, дорогие друзья! В эфире Русское христианское радио* (25.06.99, 28.08.99 и др. «Радио-1», Россия).

Первоначально попавшее в язык как контактоустанавливающее, приветствие *Мир вам* развивает семантику прощания. Именно так воспринимает латинское «*Rex vobiscum!*» герой Шмелева: *А вечером пошел [Илья. – Н.Г.] в маленькую старенькую церковку, на окраине, у мутного Тибра: чем-то она была похожа на его родную церковь. Часто выстаивал он там вечерню и любовался на стенное писание: «Последнее воскресение». Стоял перед богоматерью в нише, тоскующий и смятенный, и вопрошал: надо ли ему ехать? И услышал восклицание: «Rex vobiscum!». Слово это – мир вам! – принял Илья как отпуск. <... >. Собрал нажитое, что было, и в конце марта месяца – стояла весна цветущая – тронулся в путь-дорогу на корабле* (1918 г. Шмелев И. «Неупиваемая Чаша»).

Постоянно ощущаемая в народном сознании ассоциация *мир – смерть* (генетически эти слова родственны) приводит к возникновению приветствия усопшему *Мир праху*: **Мир праху, костям упокой!** [Д. I, с. 227]; *Хотя мне дали знать об опасной болезни Льва Сергеевича, но я не успел принести оному дружеского прощания... Мир праху твоему, дорогой Лев Сергеевич!* (Лорер Н.И. «Записки декабриста» [ДП I, с. 109]); *Замечательно храбрый и ленивый до беспечности, он ловко умел угодить всякому нужному человеку, но – мир бедному праху его!* – не буду рассуждать, а стану рассказывать всё мне о нем известное... [Фет, с. 244]; (ирон.) *Партнеры потрясающие – Токобанк и Инкомбанк – мир их праху!* (20.04.99. Леонтьев Мих. «Однако», ОРТ, Россия).

В поэтическом языке оборот *Мир тебе (вам)* обычно появляется, когда речь идет о умершем:

Се ты, младый Иснель, иноплеменных страх,

Днесь падиши на сраженье!

Мир, мир тебе, герой! (1817 г. К.Н. Батюшков «Мечта»);

Но он погиб далеко от друзей...

Мир сердцу твоему, мой милый Саша!

Покрытое землей чужих полей,

Пусть тихо спит оно, как дружба наша

В немом кладбище памяти моей (1839 г. М.Ю. Лермонтов «Памяти А.И. Одоевского»).

Иногда автор стихотворения употребляет это выражение как бы в переносном смысле, не столько «хороня», сколько отдаляя нечто недостойное, выключая его из сферы внимания:

Не подражателям холодным,

Не переводчикам голодным,

Не безответным рифмачам

Готовлю язвы эпиграмм!

Мир вам, несчастные поэты,

Мир вам, журнальные клеветы,

Мир вам, смиренные глупцы! (1825 г. А.С. Пушкин «О муза пламенной сатиры!»);

Пусть кретинам, как игрушка,

«Искра» тешит взор и дух...

Мир ей! – стих мой не хлопушка,

Чтоб им бить подобных мух (1868 г. Н.Ф. Щербина «Эпиграмма»).

Миропожелание часто встречается в поэтическом языке Сергея Есенина. В его понимании оно связано с утратой, прощанием. Не случайно поэтому оборот *Мир тебе (вам...)* занимает место в конце стихотворения:

*Но угасла та нежная дрема,
Всё истлело в дыму голубом.*

Мир тебе – полевая солома,

Мир тебе – деревянный дом! (1924 г. «Эта улица мне знакома...»);

*Принимаю – приди и явись,
Все явись, в чем есть боль и отрада...*

Мир тебе, отшумевшая жизнь.

Мир тебе, голубая прохлада (1925 г. «Синий май. Заревая теплынь»).

В поэтическом языке XX века этот оборот встречается и в собственнoprиветственном смысле. При этом теряются ассоциации со смертью, гибелью, печалью прощания; редуцируется в приветствии и сема 'примирение':

*И порой, омрачаясь, далеко на небе холодном,
Одиноко плыла, одиноко горела луна.*

*О, блаженство быть сильным, и гордым, и вечно свободным!
Одиночество! **Мир тебе!** Море, покой, тишина!* (1903 г.

К. Бальмонт «Альбатрос»);

*Каждый встречный на дороге
Говорит нам: «Добрый день!»*

Мир и вам, чужие люди

Из окрестных деревень! (1921 г. Саша Черный «Каждый встречный на дороге...»).

3.2.2. Оборот *С миром*

Следует отметить, что в самом глаголе *умереть* этимологически заложена идея мирной кончины: *u//e (мир-//мер-)* – обычное корневое чередование гласных. Таким образом, обороты *съ миромъ успн*, *съ миромъ престаи с "* в определенном смысле являются плеонастическими. В древнерусском тексте выражение типа *успнти съ миромъ* указывает на христианскую, со всей обрядностью, кончину: По томъ же вьсеволодь престаи с " съ мирьмъ. поживь добрн и оуправивь пороучено~ ~моу от г[оспод]а [Усп. сб., л. 22 г]; Блженны Федосии <... > съ мирьмъ оуспе [Усп.

сб., л. 33 б]; *Отрок же той поиде и пришет и видеши, яко князь Петр жити сего отиде, с миром успе, ко Господу отиде* [Пов. о П. и Февр., с. 315]; *Но прошу, создателю мой, да в небесныя обители **примеши душу мою с миром*** («Ком. о Ксенофонте и Марии» [РРД-4, с. 198]). В этом значении словоформа *с миром* попадает в фольклор: *Миром покрыт (т. е. помазан), с миром заспит* [Д. I, с. 226]; –

– и в художественную литературу (поэзия) – в оборотах *Спи с миром, Почивай с миром, Покойся с миром*:

Почивай себе с миром, с любовию!

Почивай! Бог тебе судия,

Что обрызгал ты грешною кровию

Неповинные наши поля! (1861 г. Н.А. Некрасов «Похороны»);

Спи с миром, юноша-поэт! (1887 г. Я. П. Полонский «Памяти С. Я. Надсона»).

Нередко значение этой словоформы связано с прощанием при расставании. («Съ миромъ – прощальное напутствие, пожелание благополучия» [ДРС, 9, с. 167]). Фразеологический словарь А.И. Молоткова определяет обороты типа *Поезжай с миром, Оставайся с миром* как «пожелание счастливого пути уходящему, уезжающему или пожелание добра остающемуся при прощании» [ФСМ, с. 250]: *И слышав сия, князь Петр подиви ся глаголу их, но потом умилися на них и рече им ити: «Шетие с миром, просите къ княгиню мою. Да аще она восхоцет возвратитися, то аз скоро возвращуся»* [Пов. о П. и Февр., с. 313]; *«Вем аз, како ты любиши образ владычцы нашае; остави ми его zde и **иди с миром**, и вем, яко она, помощница, возвратит тебе семо»* [Пов. о б. Мор., с. 141];

Вечность. *Идите убо с миром, доброты любезны, оплакавши российский случай ныне слезныи* (1725 г. «Слава печальная» [РРД-3, с. 307]);

«Ну, слушайте, сказал, теперь определенье:

По раковине вам дается во владенье,

Ступайте с миром по домам» (1826 г. А. Измайлов «Устрица и двое прохожих»).

Начиная с XVIII в., этот оборот адвербиализуется с широким значением 'благополучно, бесконфликтно' и расширяет круг глаголов, к которым он способен примыкать (*отходить, отпустить* и под.):

К а л е а н д р. *Аз от тя, отче, с миром отхождаю.*

А л к о б е л ь. *Прощения отческа вашего прошаяю.*

П о л и а р т е с. *Прощайте, чады мои предрагия, истинно изрядны и весма благая. Се вам в путь Фартуну и Славу вручаю, с миром же вас в пунт ваш тепер отпуцаю* [Акт о К., с. 220];

Говорю тебе: я высказалась – и оставь. **Отпусти** меня, ради Христа, **с миром**. Тарантас, чу, готов (Салтыков-Щедрин М.Е. «Господа Головлевы»).

В ситуации встречи этот оборот принимает значение «с добрыми намерениями»:

Ходит странник по трактирам,

Говорит, завидя сход:

«Я пришел к вам, братья, с миром,

Исцелить печаль забот...» (1916 г. С. Есенин «Ходит странник по дорогам...»).

3.2.3. Оборот Мира и... желаю (N желяет)

Компонент «мир» обычно присутствует в приветственном благопожелании торжественно-высокого стиля: *Благочестивому господару Василию, княжати Острожскому, и вслмъ православнымъ христіаномъ Малое Россіи, такъ духовнымъ яко и свѣцкимъ отъ вышшого стану и до конечнаго, благодать, милость, миръ и радость Духа Святаго въ сердца ваша свѣшше низпослатися вамъ отъ тревностаснаго божества, Отца и Сына и Святаго Духа, Иоаннъ мнихъ зъ Вышнн, отъ святыя Афонскія горы усердно желяетъ* (К. XVI в. Иван Вишенский. Посл. князю Вас. Острожскому [АЮЗ, 2, с. 205]); *Мира, здравія, и спасенія, и многолетствія отъ господа бога вседержителя вашему преосвященству недостойный в епископахъ Исаія присно желяю* [Воссоед. Укр. с Рос. 1.27. 1622 г. ДРС, 9, с. 205]; *С сим же нашим ведотворным писанием и мирным многолетным поздравлением к вашему ц. в. послася духовник наш игумен Ефрем м-ря Воздвиженского* (Грам. патр. Иоакима царям И.А., П.А. [Восст. 1682г., № 152]); *Гсдрю моему батюшки сценнвархимандрити Антвнию вт всецедрагв влдки спсителя гсда ншег Иуса Христа мира здравія тлѣснагв наипаче же дшевна спсенія желяю преподобію твоєму всеисерднв* (1699 г. Иеродьякон Софроний – архимандриту Антонию [Гр., № 454]);

С е н а т о р 1.

Здравствуйте, монарх наш, достигнувши трона,

Будь благословенна англинска карона. <... >

С е н а т о р 3.

*Виват, наш монарх, и я проздравляю,
Мира тишины и щастия желаю* («Акт ливерский» [РРД-5, с. 399]);

(Окончание передачи): *Радио «Юность» поздравляет своих слушателей со Светлым Христовым Воскресением. Мира и любви вам и вашим близким!* (10.04.99. Радио «Юность», Россия.).

3.2.4. Обороты *Дай Бог мир, Пошли Бог мир на душу..., Бог мира да будет с вами*

По аналогии с оборотами типа *Дай Бог здоровья* миропожелание может принимать вид *Дай Бог мир, Пошли Бог мир...* и под.: *А виши црскому величеству і всеи вишего црского величества доброй диме дай бгъ мир* и *многолѣтное здраве амин* (1626 г. Перевод письма Исаака Массы царю Мих. Федоровичу [В-К I, № 13, л.10]); (Обросимов) – *Извините меня великодушно, Егор Иваныч... Будьте уверены, я нисколько не претендую на вашу скрытность... есть такие чувства... – Да, да, есть такие чувства! – нетерпеливо и с заметной досадой перебил Молотов. – Ну, извините меня... Пошли вам Бог мир на душу...* (Помяловский Н.Г. «Мещанское счастье»).

Выражение церковнославянского характера *Бог мира да будет с вами* функционирует в посланиях и драматических произведениях в качестве прощального приветствия: *Б[о]гъже мира и пр[е]чстыя Б[огоро]д[и]цы м[о]л[и]твы ичюдотворца Кирилла биди совсѣми вами инами. аминь* (1573 г. Посл. ц. Ив. Грозного в Кир. – Белозерск. монастырь [Л. – С., с. 271]); (Ок.). *Возмогайте же въ благочестіи Православныя вѣры вашея, не оставляюще отчешкихъ преданій и Богъ мира буди зъ вами братіе. Аминь* (1605 г. Посл. Львовского правосл. братства – Могилевскому [АСЗР, 2, с. 25]); *По семь бгъ мира да бидеть с вами днес и на вѣки и з добротворящими к вамъ члвки здравствуйте* (1708 г. Г. Попов – отцу М.Е. Попову [Гр., № 207]); (Отец прощается с детьми перед смертью) *К с е н о ф о н т <... > Чадца, заповеди господня и моя сохраните. / Бог же мира буди с вами* («Ком. о Ксенофонте и Марии» [РРД- 4, с. 200]).

Совершенно не отразилось приветствие *Мир тебе (вам, дому сему* и под.) на украинской и белорусской речезыкетных системах. Правда, исследователи отмечают такое своеобразное явление на Украине XVII-XVIII вв, как *міркачі*, бродячие студенты Киевской академии, мелкие клирики, кормившиеся, читая по домам поздра-

вительные вирши. Это название образовано от первого слова приветствия («вітальної промови») *Мир вам!* (См. об этом: [Давн. укр. л., с. 533]). В украинском фольклоре, однако, никаких следов такого приветствия не осталось.

Что касается церковнославянского языка украинской редакции, можно заметить конкуренцию в нем лексем *мир* и *покой*. Так, в переводах практически одновременных посланий александрийского патриарха Мелетия на Украину традиционный набор благожеланий в одном случае предстает как *благодать, милость и мир*, в другом – *ласка, милосердие и покой*:

Мелетій, милостію Божією папа и патріархъ великого града Александріи и судія вселенскій. Благодетивѣйшимъ и православнымъ братіямъ съ прочими православными, иже въ Рогатинѣ обрѣтаючимся христіаномъ, священного же каталогга и мірского чина, съ женами и чады, сыномъ о Господѣ възлюбленнымъ, благодать, милость и миръ отъ Господа и Бога и Спаса нашего Іисуса Христа (1601 г. Авг. 5. Посл. патр. Мелетия правосл. жителям Рогатина [АСЗР, 2, с. 19]);

Мелетій, зъ ласки Божое папа и патріархъ великого мѣста Александріи и судія повшехный, найдуючимся во Львовѣ православнымъ братіямъ, сыномъ покорности нашею о Господѣ намильшимъ, ласки, милосердія и покою отъ Господа Бога Збавителя нашего Іисуса Христа жичимо (1601 г. Авг. 9. Посл. патр. Мелетия Львовскому правосл. братству [АСЗР, 2, с. 18-19]).

3.3. Приветственные формулы и клише с семами 'спасение', 'сохранение'

Своеобразным доказательством того факта, что старорусское *Здравствуй* означало не столько 'будь физически здоров', сколько 'процветай, будь благополучен', является этикетное правило, согласно которому с этим приветствием не полагалось обращаться к монаху, человеку, принявшему иноческий чин, ушедшему от мирского довольства. В главе «Прием гостей. Обращение» Н.И. Костомаров пишет: «... приветствуя светских особ, спрашивали о здоровье, а монахов о спасении» [Костомаров, с. 159].

Спасение – знаковое слово в тезаурусе православия. Не случайно, русское наименование одной из Божественных ипостасей – *Спаситель*, *Спас*, калька греческого Σωτήρ 'спаситель', этимологическая расшифровка имени *Иисус*: Родить же с[ы]на, и наре-

чеши им# еми Ии[су]сь: той бо сп[а]сеть люди сво# ^ грѣхъ ихъ [Мф. I, 21] В пер. о. Л. Лутковского:... «Она родит тебе Сына, и ты назовешь Его именем Иисус, ибо он избавит народ Свой от грехов его» [Ев. Мф. пер., с. 100] (Примечание переводчика: «Иисус – в пер. с арамейского: *Господь Спаситель*» [Там же, с. 137]).

Б.А. Ларин отмечает изменение в народном языковом сознании, связанное с христианизацией: «В языческой религии славян отношение божества к человеку сводилось либо к дарам, либо к казни. Теперь *спасение* – это избавление от казни, от мучений, от наказаний за преступления и грехи. Идея спасения появилась с христианством, и для её выражения был создан целый комплекс слов» [Ларин 1975, с. 116].

Спасаться, спасти душу уходили от мирской жизни в монастырь. Самый путь в монастырь именуется в русском фольклоре *спасенный путь*:

Памятует молодец спасенный путь,

и оттоле молодец в монастырь пошел постригаться... [Пов. о Г. – Зл., с. 16].

Ассоциация *монастырь – спасение* существовала в русском языковом сознании долгое время. Так, в 1845 г. А.В. Дружинин пишет в дневнике: *Мы начали разбирать мой старый проект об основании монастыря около Петербурга, буде надобно, с мощами и чудесами <... >. Успех казался мне несомненным: один рассказ о том, что десять офицеров одного полка гвардии <... > обратились к **спасению**, произведет эффект* [Друж., с. 109-110]. См. также: – *Я в монастырь пойду, Егор Иванович. – Зачем? – Спасаться буду... – Что за мысли, Елена Ильинична?* (Помяловский Н.Г. «Мещанское счастье»).

Соответственно, приветствие вступившему на путь спасения принимало вид *Спасайся, Спасай душу*. Так, сын, обращаясь к принявшему иночество отцу, пишет: *Гсдрю моими батюшки иноки Макарию Панфилевичю сынишко тво Ивашко благословения твоего к себе проши і челом бью спасаи в госпode праведнию свою дши **прикажи гсдрь мои писат в своем спасении...*** (Иноку Макарию Панфильевичу от сына Ивана [Гр., № 102]).

Вопросно-ответное приветствие в таких случаях трансформируется: так, в письме стольнику А.И. Магюшкину царь Алексей Михайлович, когда речь идет о приветствии архимандриту, выражение *спросить о спасении* употребляет в том же значении, что и *спросить о здоровье*: 'приветствовать, передать привет', ср.:

Да създи к Василью Сергѣви, да от мен" » **спроси о здорѣ**" » да отпиши ко мнѣ обо всемъ (1643 г. Ц. Алексей Михайлович – А.И. Матюшкину [Хрест. Ив., с. 374]);

Да сходи ко архимариту Чудовскому, да **спроси от меня о спасеньи**... (Ц. Ал. Мих. – А.И. Матюшкину [Кож., с. 185]);

Спрашиваем о твоём святительском **спасении**, как тебя света душевнаго нашего Бог сохраняет... (Царь Ал. Мих. – патриарху Никону [Кож., с. 185]).

При общении же с белым духовенством, а также с высшими духовными лицами поздравительные формулы не возбранялись: [Бог]... твою пресвятость на архиерейском фроне **здрава, весела, долгоденствующа и исправляюща слово истины соблюдет во многа лета**... (Царск. грамота патриарху Иоакиму с похвалой за его действия [Восст. 1682 г., № 55]) *И яко епископ вниде в полату, царь же воста и первые цѣлова епископа и рече: **здрава** ты приемиши, радуемся, честный отче!* [Пов. о новг. б. кл., с. 204]; **Здравствуй, божественный наш отче!** (1592 г. Посл. Львовского правосл. братства Константинопольск. патриарху Иеремии [АЗР, IV, с. 33]).

Обычно приветствие-призыв к спасению души (можно выделить в нем и сему благопожелания) занимает место в начале послания после именованя адресата, причем контекст недвусмысленно показывает превалирование этикетной семантики приветствия над реальным смыслом императивной формы: *Отцѣ Зоровавель **спасай души** по приказу отца архимарита были работники мои на плотях*... (Я. Румянцев – отцу Зоровавелу [Гр., № 455]).

Более высокая степень этикетности требует расширения этой формулы: *спасай душу (свою, праведную) о Господе, о Христе*; кроме того, в таком случае ей обычно предшествует челобитье: *Гсдрю святы архимариту Саватею Ярославля Спасова мнстыря Панфилец Салтыков челом бьет **спасай** гсдрь святыи архимарит **свою душу** да смилуися гсдрь надо мною i нат сынишкомъ моимъ Михаилом* (П. Салтыков – архимандриту Саватею [Гр № 81]); ***Спасай** гсдрь свою **праведнию души** о Христѣ* (Архим. Авраамий – Тарасию [Гр., № 505]); *Гсдрю святоми ѡтци архимандрити Авраамію по нижди страител старецъ Нифонтъ блгословения проши и челомъ бью **спасай** гсдрь **дишу** ѡ Христѣ*... (Старец Нифонт – архимандриту Авраамію [Гр., № 514]); (Вымышленное письмо царя митрополиту) *Пожалуй, великии и честный архиерею Гурие, сотвори наше повелнние и **спасайся о Господѣ*** [Пов. о жен. Ив. Гр., с. 12]).

Это приветствие может быть сопряжено с хайретизмом *радоватися*. При этом происходит его трансформация в инфинитив,

вызванная грамматической аналогией: *Пречеснеишему моему гсдрю отцу... Вениамину Афонасевичю о где радоватися і спасатися Ивашко челом бью* (Монаху В.А. Кирпичеву от Ивашки [Гр., № 459]); *Присному моему пречестному отцу <... >, государю моему, паче же и благоприятелю моему, **спастися и радоваться*** (XVII в. Послание сына, «от наготы гневнаго», к отцу [ПЛДР XVII в. 2, с. 239]).

Приветственная формула может также содержать и пожелание здоровья, причем обычно дифференцируются *спасение души*, с одной стороны, и *физическое здоровье* – с другой.

(Всюду после начального челобития): *Спасаи свою праведнюю души и телесно здравстви* (так!) *на многия лѣта* (Игумен Антоний – архимандриту Авраамию [Гр., № 506]); *Спасаи гсдрь душу о Хрстѣ а телесне здравствѣуи на многи# лѣта* (Дьякон Иосаф – архимандриту Авраамию [Гр., № 510]); *Буди гсдрь спасен и здрав на многие лета* (И.А. Безобразов – архимандриту Кирилу [Пам. Без., № 50]); *...И буди, государь, спасаеся и здравстеуя о Хрстѣ и нас во святых своих молитвах не забуди, яко и прежде* (Посл. Дм. Грека толмача новгородскому архиепископу Геннадию [Пов. о новг. б. кл., с. 200]).

Можно заметить, что эта приветственная формула не является вполне устойчивой, поскольку допускает варианты *Спасаеся, Буди спасен, Буди спасаеся, Спасатися* и др. Отмечаем также приветствия-благопожелания *Дай (подай) Бог спасение (спастися); Будь Богом храним в душеспасительном пребывании* и под.:

(всюду после челобития): *Подаи гсдрь бгъ тебѣ гсдрю дшевное спасение и телесное здравие* (Б. Юшков – архиепископу Гавриилу [Гр., № 444]); *Дай бже тебѣ гсдрю моими дшевнне спасение и телесное здравие* (1696 г. П. Львов – архиепископу Гавриилу [Гр., № 476]); *Подаи тебѣ [Бог. – Н.Г.] гсдрю ѡтци ѡ Хрстѣ спастися и ѡбо мнѣ помолися* [Чернец Игнатий – архимандриту Авраамию [Гр., № 508]); *Подаи тебѣ гсдрь бгъ дшеспасительное пребывание і тѣлесное здравие на многие і неисчетные лѣта* (1679 г. Чернец Герасим – архимандриту Авраамию [Гр., № 509]); *Будите гсдри мои бгом хранимы всегда в дшевном спасеніи и тѣлесном здравіи* (И. Волынский – архимандриту Авраамию и старцу Нифонту [Гр., № 520]).

Функционирование этих вариантов связано, очевидно, с необходимостью каким-то образом смягчить категоричность voluntативной формы и усилить семантику благопожелания. Кроме того, очевидно, «сработала» грамматическая аналогия с формулой *Дай Бог здоровья!*

В XVII в. появляется формула *Здравия и спасения желаю* – без челобитья, после наименования адресата в Д. п.: *Мира, здравия, и спасения, и многолетствия от господа бога вседержителя вашему преосвященству недостойный в епископах Исаия присно желаю* [Воссоед. Укр. с Рос. 1.27. 1622 г. ДРС, 9, с. 205]; *Гсдрю моеми батюшки сценнвархимандрити Антвнию wt всещедрагw влдки спсителя гсда ншег Ииса Хрста мира здравія тѣлеснагw наипаче же дешевна спсенія желаю преподобію твоєми всеисерднw* (1699 г. Иеродьякон Софроний – архимандриту Антонию [Гр., № 454]).

Полонизированный вариант этой формулы находим у Ивана Вишенского: *Честное и благоговѣной старицы Домникии Иоанн странник о Господѣ радоватися жаеат и спасения прагнет* (1605 г. Иван Вишенский «Послание к старице Домникии» [Давн. укр. л., с. 151]).

Благопожелание такого рода, однако, направленное «не по адресу», то есть не к духовным лицам, мы встречаем в пугачевском манифесте: *Желаем вам спасенья души и спокойной в свете жизни, для которой мы вкусили и претерпели от прописанных злодеев – дворян странствие и немалые бедствия* (1774 г. «Манифест во всенародное известие жителям Пензы и Пензенской провинции» Е. Пугачева [ДСП, № 41]).

Иногда приветственная формула представляет собой поздравление в чистом виде – малочисленность примеров не позволяет с достаточной долей уверенности говорить о том, имеем ли мы дело с нарушением традиции по причине слабого знания этикетных норм, или налицо более высокая степень раболепности обращения нижестоящего в иерархии к вышестоящему: (После начального челобития) *Здравствви гсдрь священноархимандрит на многия лѣта* (Чернец Игнатий – архимандриту Авраамию [Гр., № 516]).

В соответствии со светским эпистолярным этикетом (подобно тому, как письмо светского характера обычно включало формулу-просьбу *Пожалуй, государь, прикажи писать о своем здоровье*, фразу-самопожелание типа *А я о твоём здоровье всегда слышать радостен* – и вопрос *Как тебя Бог милует?*) письма к духовенству содержат просьбу писать о своем спасении, пожелание адресанта знать (слышать) о спасении адресата, а также вопрос – или только вопрос, – который также трансформируется: *Как тебя Бог сохраняет?* Знаменательно, что *милости Божьей*, которая в обыденном русском сознании нередко ассоциируется с материальными дарами, противопоставляется *спасение, сохранение: Прикажи гсдрь ко*

мнѣ отписат о своемъ многолѣтнемъ здорovie и о бабушкине спасенномъ блгопробываніи (Ф. Бородин – дяде Вас. Владимировичу [Гр., № 1]); *Прикажи гсдрѣ писат про спасенное блгопробывание гсдрни моеи бабишки великие старицы Синдилли Олекшевны и про свое гсдря моево многолѣтнее здорovie* (Он же, ему же [Гр., № 2]); *Пожалуй гсдрѣ блговоли ко мнѣ писат о своемъ бгохранимомъ пробываніи какъ тебя гсдѣ бгъ млстию своею хранит... <...> а #о твоёмъ спасеніи слышат по всякъ часъ со усердиемъ желаю* (Б. Юшков – архиепископу Гавриилу [Гр., № 444]); *Пожалии гсдрѣ прикажи ко мнѣ писат про домъ всемлстиваго спаса і о своемъ дшевномъ спасеніи и о своемъ здорovie какъ тебѣ бгъ сохраняет* (1651 г. И. Дашков – архимандриту Серапиону [Гр., № 456]); *Пожалии гсдрѣ вели ка мнѣ писат в своемъ дшевномъ спасеніи и в телесномъ здравіи какъ тебя гсдр# мвеові і в твоихъ праведныхъ і бгоподвижныхъ молитвахъ бгъ сохраняет* (Д. Львов – архиепископу Маркелу [Гр., № 461]); *И пожалуйте гсдри мои прикажите ко мнѣ писатъ в своемъ дшеспасительномъ пробываніи* (И. Вольнский – архимандриту Авраамію и старцу Нифонту [Гр., № 520]); *Какъ тебя гсдря моего Хрстось сохраняетъ в дховныхъ своихъ подвигахъ ко гсди бги* (Старец М. Стариченин архимандриту Авраамію [Гр., № 518]); *В своемъ дшевномъ спасеніи и о телесномъ здравіи ко мнѣ работнику своему прикажи отписат* (И. Кучецкий – архимандриту Авраамію [Гр., № 523]). Иногда так оформляется этикетный вопрос и к светскому лицу: *Какъ тебя гсдря моего гсдѣ бгъ сохраняетъ* (И. Колтовский – В.В. Голицыну [Гр., № 256]).

Окончание послания обычно представляет собой формулу, структурно не отличающуюся от начального приветствия. Иногда одинаковые формулировки повторяются в начале и конце письма, и в качестве сигнала прощания выступает подытоживающее наречное сочетание (*за сим, по сем, по том*): *По семь великии стлю бжии гсдемъ бгомъ спасен буди и нас грѣшныхъ во твоихъ стлскихъ млтвахъ не забиди* (Архиепископу Симону – от неуст. лица [Гр., № 467]); *А по семъ спаса спасен буди і здравъ ннѣ і во вѣки* (1694 г. Келарь Пафнутий – монаху Вениамину [Гр., № 474]); *За симъ здравъ гсдрѣ и спсень буди ннѣ і во вѣки* (1684 г. Д. Евдокимов – монаху Вениамину [Гр., № 475]); *...По семь здравствуй и спасаис#о Хрстѣ на вѣки вѣковъ* (1679 г. Чернец Герасим – архимандриту Авраамію [Гр., № 509]); *Здравстии гсдрѣ батюшко в дшеспасительныхъ своихъ подвигахъ на многая неищетенная лѣта* (Поп Федорище – архимандриту Авраамію [Гр., № 519]); *По томъ гсдрѣ мои спасаи свою дшю и здравстии на многая лѣта* (Дьякон Иоаким – ар-

химандриту Авраамию [Гр., № 512]); *За сим бог всемогущий ваша государская сердца во все благое да управит и дарует мир царству вашему, **здравие же и спасение** на многа лета...* (Грам. патриарха Иоакима царям [Восст. 1682 г., № 112]); *Тем же мы ни о чем тако пекущися, точно о благочестивом вашего царского величества многолетном **здравии и спасении** душевном...* (Грам. патриарха Иоакима царям [Восст. 1682 г., № 152]).

Подобного рода христианское приветствие мы встречаем в драматических произведениях к. XVII – нач. XVIII в.

Начальное:

Р а с к о л ь н и к [появляется в интермедии с этими словами]

Спасайте свою душу, светильники неугасимы,

А на нас приходят беды нестерпимы [РРД-5, с. 663];

Выходит Старец и говорит

Спасайте душу о Господе Бозе («Интермедии» [РРД-5, с. 697]);

– и конечное:

*Вы же, други наши, простите наю и **спаситесь*** («Ком. о Ксенофонте и Марии» [РРД-4, с. 203]);

Такое приветствие-прощание чаще всего исходит из уст священнослужителя:

П р е с е д а т е л ь

Отец мой, ради Бога,

Оставь меня!

С в я щ е н н и к

Спаси тебя Господь!

Прости, мой сын (1830 г. А.С. Пушкин «Пир во время чумы»).

Приветствие-пожелание спасения известно народному этикету XIX и начала XX в.: *И старик начал было рассказывать свои бесконечные истории, но Лукашка глянул в окно. – Вовсе светло, дядя, – перебил он его. – Пора, заходи когда. – **Спаси Христос**, а я к армейскому пойду...* (1863 г. Толстой Л.Н. «Казачьи»); *Рысью мы доезжаем до навеса, бежим укрыться. Дождь припускает пуще. Старушка монахиня приветливо говорит: – Перегодите дождичок-то, **спаси вас Господи*** (1930-1931 гг. Шмелев И. «Богомолье»).

Вопрос о спасении также бытовал в качестве устного приветствия (к монахам и старым людям вообще):

– Вот уж не думал, не гадал с вами встретиться, матушка.

Как ваше спасение? Все ли у вас здоровы? – Слава Богу, поколь Господь грехам терпит, – молвила Таусея <... > (Мельников-Печерский П.И. «На горах»). Прим. автора: «Иноков и инокинь не спрашивают о здоровье, а всегда о спасении»);

Ворон. *Ну, что, бабушка, как спасаешься?*
У тебя ль не рай, у тебя ль не мед?
Яга. *Ах, залетный гость! Издеваешься!*
Уж какой там мед – шкуру пес дерет! (1921 г. Бунин И. «Русская сказка»).

Помимо того, что выражение *Спаси Господи* функционирует как старообрядческое приветствие, этот оборот активно используется в современном православном этикете вообще: (Радиожурналист, завершая интервью) *Спасибо Вам, отец Павел, за то, что вы пришли к нам в студию!* (Православный священник) – *Спаси Господи, дорогие радиослушатели!* (02. 06. 99. Бел. радио, «Разговор по существу»).

3.4. Приветствия-хайретизмы в русской книжной традиции

Греческое приветствие χαῖρε 'радуйся' восходит к праиндоевропейскому корню, зафиксированному в санскритском haṛu 'быть довольным, веселым'. Т. Барроу приводит это прилагательное в списке старых ведических слов, не встречающихся более в классическом языке Индии [Барроу, с. 42]. Приветствие χαῖρε становится известным древнерусскому этикету благодаря текстам Нового Завета. Сложная семантика этого слова (включающего, помимо семы 'радость', семы 'восхваление' и 'благопожелание') позволяет переводить его трояким образом:

– **Здравствуй!**

И абіе пристипль ко Ис[ус]ови, рече: радийс#, равві... [Мф. XXVI, 49]. *И тотчас подошел к Иисусу и сказал: здравствуй, Равви! И поцеловал Его* [Ев. Мф. пер., с. 132].

– **Да здравствует! (Слава тебе!)**

И поклоньшес# на квллни пред нимъ, ригахис# еми, глаголюще: радийс#, ц[а]рю Іудейскій [Мф. XXVII, 29]...*И, преклоняя колени пред Ним, восклицали с насмешкой: да здравствует Царь Иудейский!* [Ев. Мф. пер., с. 135]; Начаша цѣловати и, гл[агол]юще: радоуис#, ц[а]рю Іюдейскъ [Мр. XV, 18. *И стали приветствовать Его: да здравствует Царь Иудейский!* [Ев. Мр. пер., с. 165];

– **Радуйся! (радуйтесь!)**

Егда же [жены] влѣд#стѣ възвѣстити оуч[е]н[и]комъ егв і се Ии[с]у[с]ь срѣте # гл[агол]#: радийтес#! [Мф. XXVIII, 9]. *Они же <... > побежали возвестить об этом ученикам Его, и тут Иисус встретил их и сказал: радуйтесь!* [Ев. Мф. пер., с. 137].

Л. Лутковский снабжает свой перевод примечанием: «Радуйтесь – это слово можно понимать и как обычное приветствие, и как призыв к радости о совершившемся событии» (Комментарии [Ев. Мф. пер., с. 141]). Этот комментарий можно дополнить дифференциацией обычного приветствия (срѣте # глагол#: радийтес#!) и приветствия-величания (радоуис#, царю Иудейск#).

Многочисленные хайретизмы (русские соответствия древнегреческому *хайрэ!* 'радуйся' в составе обращений-воззваний к деве Марии) содержатся в Богородичном акафисте Постной триоди:

*Радуйся, свѣт неизреченно родившая,
радуйся, еже како, ни единагоже научившая.*

*Радуйся, невидимых врагов мучение,
радуйся, райских дверей отвержение.*

Радуйся, воскресения образ облистаяющая,

радуйся, ангельское житие являющая... Цит. по: [Верещагин,

Вомперский, с. 74].

(Заметим, что традиционно под хайретизмом понимается строка из акафиста, представляющая собой обращение-воззвание, начинающееся с призыва *Радуйся!* Мы же употребляем этот термин шире, имея в виду русский аналог греческого приветствия вообще).

Русские книжники отчетливо воспринимали это выражение как приветственную формулу, о чем свидетельствует приведенный И.И. Срезневским отрывок из Златоустра XII века: ~же бо рещи, радоуис#, вбъще слово ~сть въсхъ цѣлоующихъ [Срезн., III, с. 1451]. Цѣлоующихъ – здесь: *всех здорающихся, приветствующих друг друга*.

Не случайно эквивалентом грецизма стал глагол *радоваться* – этому способствовала заключенная в нем светлая семантика. В списке этимонимов этого слова – *радеть, радушие* (из *радодушие), *ради*, возможно *радуга*. «Предполагают родство с англос. гут 'радостный, благородный', др. – исл. gytask 'проясняться, веселеть', англос. gutu ж. 'радость'» [Фасмер, III, с. 429]. Родственным этому слову является и др. – инд. gadhas 'милость, благословение' [Там же, с. 430].

Калькированное приветствие – хайретизм *Радуйся* содержитя прежде всего в цитатах из Св. Писания: Да еже цѣлованіе ар-

хангель дасть двѣици, будеть и граду сему. Къ оной бо: радуйся, обрадованная, Господь с тобою! Къ граду же: радуйся, благовѣрный граде, Господь с тобою! (Слово о законе и благодати митр. Илариона [Л. – С., с. 130]); Да пророчество Захаріино съвршится, еже рече о немь: радуйся зѣло дщи Сіоня! (Слово Кир. Туровского в нед. Цветоносную [Пам. К.К., с. 4]);

– в переводных произведениях: (О преставлении Нифонта) И паки просвьѣти с" лице ~го " ко и мълни" свѣтъла. и реч[е]. радоуйте с" с[в#]тїи w[тъ]ци. " ко придосте къ старьцю грѣшьноу. с[в#]тїи же афанаси вид#ше како цѣлюють с[в#]тїи Нифонта (Жит. св. Нифонта [Выг. сб., л. 32]); Радоуи с# слово крѣсти" нско~. тѣмъ же и паки рекоу крѣсте чѣстьныи Радоуи с#. " ко на тебѣ г[оспод]ь нашъ І[исус]съ Х[ристу]съ съмотрь слово въ н~мъ же соуть въс# съкровища. прѣмудрости разоума оута~на. Радоуи с# крѣсте чѣстьныи имъ же присно текоущи" радость на н[е]б[е]си и на земли дана быва~тъ... (Явл. честного креста [Усп. сб., л. 88 а]);

– в похвальных словах русским святым: Радуйтася, страсотерпца Христова! <... > Радуйтася, Борисе и Глѣбе бо[го]-м[уд]рая... (ПВЛ. Похвала Борису и Глебу [Прок., с. 24]); Мы же рѣчѣмъ к неи: радуйся, Руской земли познанье, къ Богу начатокъ примиренью быхомъ (ПВЛ под 969 г. Похвала кн. Ольге [Гудз., с. 93]); *Мы же по силе нашей да приложим хваление има. Радуйся, Петре, яко дана ти бысть от Бога власть убити летящаго свирепаго змия! Радуйся, Февроние, яко в женстѣи главе святых муж мудрость имела еси! Радуйся, Петре, яко струпы и язвы на теле своем нося, доблествене скорби претерпел еси! Радуйся, Февроние, яко от Бога имела еси дар в девѣственной юности недуги целити! Радуйся, славный Петре, яко заповеди ради божия самодержьства волею отступи, еже не остати супруги своея! Радуйся, дивная Февроние, яко твоим благословением во едину ноць малое древие велико возрасте и изнесоша ветви и листвие! Радуйтася, честная главо, яко во одержании ваю в смиренни, и молитвах, и в милостыни без гордости пожиста; тем же и Христос дасть вам благодать, яко и по смерти телеса ваю неразлучно во гробе лежаще, духом же предстоита владыце Христу!..* (Похвала святым Петру и Февронии [Пов. о П. и Февр., с. 222]); (об ап. Андрее) *И зшед на гору сию, и благослови, и помолися Богу, и постави крест. И оттуду иде к Новугороду, та же в Рим, в Пелионе же острове распят бысть за Христа от Анфипата. Чтем же вся вопием ему: Радуйся, святыи апостоле Андрей, освятившии зем-*

лю нашу, < ... > **Радуйся**, рассеявый учения вселенную всю, **радуйся**, ученик Христов и учителю наш... [XVII в. Пинежск. лет., с. 65].

Можно заметить, что в обращениях к святым в обороте *Радуйся* преобладает хвалебная сема. С точки зрения нашего современника, смысл этого приветствия – 'Слава вам!': *Радуйтася, преподобная и преблаженная, яко и по смерти исцеление с верою к вам приходящим невидимо подаете!* [Пов. о П. и Февр., с. 222]. В нашем переводе – «**Слава вам**, преподобные и присноблаженные, потому что и после смерти своей невидимо подаете исцеление приходящим к вам с верою!»

В таком же смысле употребляется этот оборот в «Сказании о Мамаевом побоище»: *Вси же князи и вьеводы, слышавшие, и скоро сунушася и падше на ногу его, глаголюще: «Радуйся, князю наш, дрѣвний Ярославъ, новый Александръ, побѣдитель врагомъ: сия же побѣды честь тобѣ довлѣть»* [Ск. и пов. о К.б., с. 46].

В оригинальных повествованиях приветствие *Радуйся* обычно появляется в специфическом контексте, связанном с сакральной сферой: *И се приде к ним от востока муж свѣтел стар во одежди святительской, великимъ же свѣтомъ сияя. И поклонися пред апостолы, глаголя: «Радуитесь, ученицы и апостолы господа нашего Иисуса Христа». И отвещаша ему апостолы: «Радуйся и ты, угодниче Христовъ Николае»* [Каз. ист., с. 498].

Что касается более позднего употребления этого оборота, можно отметить его в драматических произведениях религиозного содержания:

А г г е л.

Радуйся, Праскева, невесто Христова,

Аз ти доведу до его престола («Действо о страдании св. муч. Праскевии» [РРД-4, с. 229]);

– в торжественных приветствиях, кантах:

Радуйс# Роско земле 2

Ликуй веселис# 2

на камени толикомъ 2

" ко оутвердис#. (1702 г. Кант на взятие Шлиссельбурга [Обн., Барх., с.105]).

Место приветствия – хайретизма не является фиксированным. Это может быть как начало:

Радиися дѣво мѣри прежеланна

Свьше рѣссѣиски црстви дарованна (1683 г. Карион Истомин Приветствие царевне Софье Алексеевне [Хрест. Ив., с. 404]),

– так и завершение, например, канта:

Радуйся ныне, монархо светлейши,
радуйся, Петре, отче любезнейши,
Радуйся паки, новый император,
наш автократор! (1728 г. Канты к пьесе «Образ Победоно-
сия» [РРД-3, с.550]).

В частной переписке это приветствие встречается в виде *Ра-
дуйся о Господе Боге: Блгодѣтел мои гсдрь Клементеи
Прокофевичь упованием бидищих блгъ о гсдѣ бзѣ радиисъ* с пра-
ведным твоим домом и сыном твоимъ Михаилом Клементьевичем
(1699 г. К.П. Калмыкову от неуст. лица [Гр., № 377]); *Гсдрь мои
млстивои Клементеи Прокофевичь блгополчно упованием
бидищих блгъ о гсдѣ бзѣ радиисъ с праведным твоимъ домом*
(1700 г. М. Конищев – К.П. Калмыкову [Гр., № 386]).

В виде *Радоватися* желаем находим соответствующее при-
ветствие в Послании Львовского православногo братства Могилев-
скому, то есть в староукраинской редакции церковнославянского
языка: *Всѣмъ купно возлюбленнымъ еже о Христѣ братіи нашей,
братству храма Преображенія Христа Бога нашего, паномъ
мѣщаномъ всего мѣста Могилевскаго радоватися радостію не-
изглаголанною желаемъ* [1605 г. АСЗР, 2, с. 24].

Если говорить о староукраинских источниках, то можно замети-
ть частое внешнее следование форме приветствия при отсутствии
приветственно-поздравительной семантики:

И ты, океанское глубокое море,

Радуйся, выскакуй, прерадост взбійся взгоре.

И вы земле, каменьє, гойнои заживайте

Радости, горких смутков овшеки нехайте (1631 г. Иоаникий
Волкович «Размышлян'є о муцѣ Христа Спасителя нашего, при
тым веселая радость з триумфалного его воскресенія» [Давн. укр.
л., с. 208]).

В проповеди староукраинского грамматика и ритора Лазаря
Барановича, посвященной рождеству Богородицы, наглядно про-
слеживается трансформация приветствия в упоминание о вселен-
ской радости; достаточно сопоставить начало Богородичной молит-
вы: *Богородице, дево, радуйся, Яко Спаса родила...* – и зачин
проповеди Барановича:

*Рождество твое, Богородице дѣво, радость возвѣсти всей
вселеннѣй, церковь божественная воспѣвает в тропарѣ.*

Радость земле: *раждаетьбося яже породит сего, иже про-
клятую землю шествіем своим освятит, терніє еже аки прокля-
та породи, в вѣнец себѣ вземлет.*

Радость водѣ: породить бо сего, иже будет ходити по водам, и освятит воды...

Радость аггелом, родить бося, к ней же посланы архаггелы будут, радость Ей благовѣствующи: яко родит сего, о Егоже имени поклониться колѣно небесных (1674 г. Лазар Баранович «Слово третее на Рождество Пресвятыя Богородицы» [Давн. укр. л., с. 320]).

В светских литературных произведениях к. XVII – нач. XVIII вв., созданных под сильным влиянием староукраинской и старобелорусской литературы, наблюдается некоторое ослабление приветственной семантики – с реконструкцией значения 'испытывай и проявляй радость' (в синонимическом ряду *ликуй, веселись*), которое довлеет над этикетным смыслом:

Д е в и ц а. *Не знаю почто моя царице унывает, хотя и в царственной чести днесь сияет.*

Е с ф и р ь. *Хотя на лугах моих я с вами гуляю, жалость сердцу моему почто я не знаю.*

Д е в и ц а. *Радуйся, честнейшая царице благая: буди гуляй, печаль преодолевая.*

Идем на источники, в водах веселися, плодами сладчайшими с нами насладися («Ком. о Есфире царице» [РРД-4, с. 275]);

Слава во вышних Богу!

Паки себе получил радость многу.

Радуйся, моя полата, веселием богата («Ком. о графе Фарсоне» [РРД-4, с. 384]);

И какъ время приспе, оноі агарянинъ, пришедъ ко оному царевичю, глаголя: «радуися, пресветлыи славныи сыном своим ерополомъ царевичемъ, <... > и будетъ на земли долголетень» («Гист. о Ярополе цесаревиче» [Обн., Барх., с. 249]).

Возможна даже грамматическая перестройка формы (*радуемся* – как призыв к совместному действию):

С е н а т о р 1

Ликуй, король наш славны,

Днесь процветай на троне избранны <... >

С е н а т о р 2

Радуюмся днесь, вси наши други,

Король бо обещает милость за услуги («Действо о кор. Гишпанском» [РРД-5, с. 56]).

Веселье и радость нередко образуют плеонастические обороты:

*Монархо наш славнейшии, весть ваша держава,
Коль разспространенная везде твоя слава.
Веселися в радости, век долги желаем.*
Мы за тя во всем души свои полагаем («Ком. о Есфире царице» [РРД-4, с. 280-281]);
*Славой неба претосполны,
Вси языци претолыци.
Веселитесь, радуйтєся,
Яко с нами Бог* (Киевск. вертеп [Маркевич, с. 73]).

Разновидностью приветствия-хайретизма является инфинитивная форма *Радоватися* (о Господе): Судя по всему, степень категоричности инфинитива не достигала аналогичной степени повелительного склонения глагола (ср. современные формы побуждения *Сидите!* и *Сидеть!*, между которыми отношения противоположны), благодаря чему инфинитив выступает как «смягченный» императив – при абсолютной невозможности – по причинам этикетного характера – обращения к собеседнику в императивной форме. Можно видеть в изменении формы попытку разграничить приветствие в широком смысле, похвалу, прославление (*Радуйся*) и собственно приветствие при встрече, в начале контакта (*Радоватися*): *Пречестныя и великия обители <... > боголюбивому о Христе духовному брату Моисею иноку – первый во гршницихъ, послдний въ чловецѣхъ, многогршныи имярек с поклонною и изможденою главою, радоватися* [Посл. о хмеле, с. 244]; *Юзникъ темничной, гршныйъ диаконъ Феодор Иванов многострадальныйъ страстотерпицѣ Настасьѣ Марковнѣ радоватися о господѣ и здравствовати со всеблагодатнымъ домом, с любезными чады своими, и с добропокорливыми домочадцы* (1669 г. Федор Иванов «Письмо на Мезень» [ПЛДР XVII в. 2, с. 488]); *Подати бгъ тебѣ любителю моему и всемъ твоимъ благодатному дому вѣчно о Христе радоватис* (Р. Брехов – Ф.В. Бородину [Гр., № 18]); *Сестрице моеи Вассе Михайловнѣ о гсдѣ радоватис и многолтннѣ здравствоват сего желая брат твои Григорей челом бѣеть* (1708 г. [Гр., № 207]); *Во Христе млстиво хранимоми а моему гсдрю млсрдоми Степани Самоиловичю при всѣхъ блгополчннѣшихъ поведѣннѣхъ привѣтствію радоватися и са прежняя твоя ко мнѣ млстивая блгодѣнія блгодаренія воздая с низжайшимъ многократнымъ поклоненіемъ рабски челомъ бѣю* (Г.Тарлыков – С.С. Лисовскому [Гр., № 314]).

Иногда этот оборот употребляется вместе с другим приветствием подчеркнуто религиозного характера – *Спастися, Спасатися*:

Пречеснейшему моему гсдрю отцу... Вениамину Афонасевичю о гсде радоватис і спасатися Івашко челом бью (Монаху В.А. Кирпичеву от Ивашки [Гр., № 459]);

*Присному моему пречестному отцу,
приведшему душу мою ко общему творцу,
государю моему,
паче же и благоприятелю моему,*

спастися и радоватися (Послание сына, «от наготы гневнаго», к отцу [ПЛДР XVII в. 2, с. 239]).

Приветствие *Радоватися* утверждается в переписке «сильных мира сего» – как реальной, так и вымышленной старорусскими писателями – при обращении к высшим или равным по социальному статусу адресатам: *Слышавъ же то князь Олегъ Резанскый, яко Мамай кочюеть на Вороножѣ, а хоцеть ити на Русь, на великого князя Дмитриа Ивановича Московскаго. Скудость же бысть ума въ главѣ его, посла сына своего к безбожному Мамаю с великою честью и съ многыми дары и писа грамоты своя к нему сице: «Въсточному великому и волному, царемъ царю Мамаю – **радоватися!** Твой посаженникъ и присяжникъ Олегъ, князь резанскый, много тя молитъ». <... > А другаго же посла скоро своего вѣстника князь Олегъ Резанскый с своимъ написаниемъ, написание же таково в грамотах: «К великому князю Олгорду Литовьскому – **радоватися великою радостію!** Вѣдомо бо, яко издавна еси мыслилъ на великого князя Дмитриа Ивановича Московскаго, чтобы его згонити с Москвы...» (XVI в. Ск. о М. поб. Осн. ред. [Ск. и пов. о К.б., с. 26]); (вымышленное письмо царя архиепископу) *Написа же [царь] и грамоту къ Гурию, первосвятителю казаньскому, имѣюще писание сицево: От царя и в. кн. Ивана Васильевича <... > во градъ Казань Преосвященному Гурию, архиепископу казанскому, **радоватися** и молити за ны общаго нашего владыку и бога за спасение наше [Пов. о жен. Ив. Гр., с. 11-12]; (вымысл. письмо Ивана Грозного будущей царице) *Превысочайшей моей и любезнейшей, и величайшей царице и государынѣ всея великия Росии Марии **радоватися**, а о путном великомъ, животу прискорбномъ пути горести не имѣти: въ веселии безмѣрномъ царьствія моего **радоватися** со мною имаша во славе величій... [Там же, с. 12]; Црь ево с послушал и пишет к нему послание навстречю: «Пресвященному митрополиту Никону новгородскому и великолужскому и всеа Русии **радоватися**», и прочая... [Ав. Ж., 359]; *Благочестивейшим в. г. ц. и в. к. Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю, в. В. и М. и Б. Р. с. богомолецъ ваш Иоаким, патриарх Московский и всеа Росии благо-****

словение и мир дая, **во Госпoде радоватися** (Посл. патриарха Иоакима царям [Восст. 1682 г., № 152]); *Любезноми читателю w гсдѣ радоватисѣ* (1704 г. Ф. Поликарпов. Лексикон трезычный. Предисловие [Обн., Барх., с. 130]).

Приветствие-хайретизм возможно в торжественных документах XVIII века:... *И прочим духовнаго и мирскаго чина людем Сербии, Славонии, Македонии, Босны, Эрцеговины, а имянно, черногорцам, никшичам, баняном, пивлянном...и протчим... здравствовати и радоватъся* (1711 г. Грамота черногорскому народу [ИБП, 11.1, с. 117]).

Интересно появление этой формы, понятой как аналог *Здравия желаю!* в письме Емельяна Пугачева («императора Петра»): *Всеавгустейшей, державнейшей, великой государыне, императрице Устинье Петровне, любезнейшей супруге моей, радоватися желаю на нещѣтныя леты!* (1774 г. Е.И. Пугачев – жене [ДСП, № 559]).

Такое употребление отнюдь не было окказиональным; встречается приветствие *Радоватися желаю* и в эпистолиях, и в драматических произведениях XVII – XVIII вв.: *Честное и благоговѣйной старицы Домникии Иоанн странник о Господѣ радоватися желает и спасения прагнет* (1605 г. Иван Вишенский «Послание к старице Домникии» [Давн. укр. л., с. 151]); *Гсдрь мои Степанъ Самышиловичъ о Хрсте бже тебѣ моему гсдрю желаю радоватися і всегда пребывают не печалны* (1700 г. Ф. Федосеев – С.С. Лисовскому [Гр., № 315]);

Виват вам, господам, поздравляю

И в сей день радоватися желаю («Ком. о графе Фарсоне». Эпигос [РРД-4, с. 411]).

Однако по русским этикетным нормам приветствие *Желаю* могло быть адресовано только от нижестоящего вышестоящему (Ср. воен. *Здравия желаю!* в ответ на *Здравствуйте!* – даже в современном военном этикете оно направлено снизу вверх по иерархической вертикали), тогда как Пугачев адресует его «государыне Устинье Петровне», стоявшей ниже его в социальной иерархии.

Оборот *Радоватъся (мне бы, нам бы)* мог входить в состав эпистолярной приветственной формулы как этикетное пожелание адресанта самому себе: *А нам бы слыша твое здорове дяюшка і о Иванушкове w Хрстѣ радоватися* (И. Ковригин – П.Т. Салтыкову [Гр., № 76]); *Прикажи [гсдрь] про свое многолѣтнее здравие ко мнѣ убогому писат чтоб мнѣ убогому про твое многолѣтнее здравие слыша о Хрсте бжѣ радоватися* (1693 г. И. Комаров – Алек-

сею [Гр., № 221]; *Прикажи гсдрь мми писат к намъ про свое гсдрьское здорovie чтwb намъ слышит w тммъ радоватис# w госпode.* (У. Владыкин – Исидору Михайловичу [Гр., № 421]).

Кроме того, старорусский приветственный оборот *Радуюмся* мог представлять собой упоминание о собственной радости по поводу встречи, получения известия и т. п.: *И яко епископъ вниде в полату, царь же воста и первые цѣлова епископа и рече: «Здрава ты приемиши, радуюмся, честный отче!»* [Пов. о новг. б.кл., с. 204]; *Г о твоём гсдрь многолѣтном здорove слышав от Ивана Одинцова велми благодарственно радуюмся и молим творца всѣх да сподобимся очи твои в радости і во благоденств(виш) видет...* (Ф. Нарбеков – В.В. Голицыну [Гр., № 263]); *Послал я тебѣ с Москвы грамотку от Антона Василевича а ко мнѣ никакова писма ни одиной строчки нетъ толко радуюс что Антон к тебѣ писал со всеми своими і з детми в добром здорove і слыша веселюся* (С.С. Лисовскому от неустановл. лица [Гр., № 304]).

В художественной литературе переосмысление приветствия *Радуйся* первоначально сводится к пародированию. Так, в XVII в. появляется «Служба кабаку», представляющая собой «стихиры», построенные как прославление и начинающиеся традиционным призывом:

Радуйся, кабаке непотребный, несытая утроба, от всего добра отводителю, домовная пустота, неблагодарная нищета, чужая сторона от тебя неволею познавается. <... >.

Радуйся, корчмо несытая, людям обнажение велие в мале часе, а на опосле печали умножение. <... >.

Радуйся, кабаке веселый, с плачем людский губителю, приезжим гостям досада великая! [Сл. каб., с. 43-44].

Форма акафиста неоднократно становится объектом пародирования и в последующих веках. Так, поэт-эпиграмматист Н.Ф. Щербина дважды обращается к этой форме, высмеивая сначала писателя и публициста В.П. Боткина:

*Акафист блаженному борзописцу Василию (Боткину)
литературы ради юродивому*

*Радуйся, Испании невидание,
Радуйся, Испании описание,
Радуйся, живописи непонимание,
Радуйся, о живописи трактование, –
Радуйся, жандармов трепетание;
Радуйся, музыки неразумение,*

*Радуйся, о музыке рассуждение,
Радуйся, пустозвонных фраз строение,
Радуйся, жен омерзение,
Радуйся, гостинодворский Гидальго,
О плешивый чаепродавче, **радуйся!** (1852 г.);*

– а затем писательницу А.П. Глинку:
Акафист блаженной и нищелюбивой Евдокии (Глинке)

*...Радуйся, к мистицизму прилепление,
Радуйся, ханжества распространение,
Радуйся, бездарных книжиц сочинение,
Радуйся, здравого смысла поношение... – и т.д.*

(Не лишним будет отметить, что эти злые пародии были опубликованы при жизни автора с заголовками «Хвалебная песнь» – по соображениям цензуры). Заглавие «Акафист» появилось в печати только в советское время.

В очерке Н.С.Лескова «Печерские антики» приведен «акафист матери Кукурузе», сложенный студентами Киевской духовной академии «как протест против дурного стола и ежедневного почти появления на нем кукурузы в пору её созревания»: *Бысть послан комиссар (помощник эконома) на базар рыбы купити, узрев же тя, кукурузу сущу, возопи гласом велиим и рече: **Радуйся,** кукурузо, пище презельная и пресладкая, **радуйся,** кукурузо, отцом ректором николи же зримая, **радуйся,** и инспектором николи же ядомая... и т.д. [Леск., VII, с. 137].*

Интересно то преломление, которое получила поэтика Богородичного акафиста у поэтов позднейшего времени. Книга стихов К. Бальмонта «Зеленый вертоград» включает стихотворение «Радуйся», относящееся к 1909 г.:

Радуйся

*Радуйся – Сладим-река, Сладим-река течет,
Радуйся – в Сладим-реке, в Сладим-реке есть мед,
Радуйся – к Сладим-реке, к Сладим-реке прильнем,
Радуйся – с Сладим-рекой, с Сладим-рекой мы в рай войдем,
Радуйся – Сладим-река поит и кормит всех,
Радуйся – Сладим-река смывает всякий грех,
Радуйся – в Сладим-реке вещанье для души,
Радуйся – к Сладим-реке, к Сладим-реке спеши,*

*Радуйся – Сладим-река, Сладим-река есть рай,
Радуйся – в Сладим-реке Сладим-реку вбирай,
Радуйся – Сладим-река, Сладим-река есть мед,
Радуйся – Сладим-река, Сладим-река зовет.*

Мы видим, как в произведении, построенном по молитвенному канону, византийская, христианская символика (*душа, рай, грех*) переплетается с ощущением древнегреческого, языческого наслаждения (само название *Сладим-река*) жизнью.

Это не единственное «мирское» поэтическое воплощение сакрального призыва. Постоянным рефреном включается приветствие-обращение *Радуйся!* в ткань стихотворения Василия Каменского «Жить чудесно» (1909 г.), и мы как бы наблюдаем своеобразное поэтическое соревнование на заданную тему:

*Жить чудесно! Подумай:
Утром рано с песнями
Тебя разбудят птицы –
О, не жалея недовиденного сна –
И вытащат взглянуть
На розовое, солнечное утро.
Радуйся! Оно для тебя!
<... >. Семицветные звезды.
Ты долго смотри на них.
Долго смотри.
Они поднимут к себе,
Как подружку-звезду,
Твою вольную душу.
Они принесут тебе
Желанный сон о возлюбленной.
И споют звездным хором:
Радуйся! Жизнь для тебя.*

«Обыгрывает» форму акафиста и С. Есенин, причем в его стихах это приветствие выступает и как прямая цитация сакрального текста, и как общепозэтический призыв:

*Радуйся, Сионе,
Проливай свой свет!
Новый в небосклоне
Вызрел Назарет (1918 г. «Инония»);*

*Радуйтесь!
Земля предстала
Новой купели!*

*Догорели
Синие метели,
И змея потеряла
Жало* (1919 г. «Певущий зов»).

Таким образом, можно констатировать, что «этикетность» приветствия-хайретизма в поэтическом языке XIX–XX вв. совершенно угасла, зато обновился его древний этимологический смысл.

Восточнославянский фольклор практически не отразил этого приветствия, если не считать нескольких случаев (*Радуйся, пив вотку, а ныне и воды в честь!* («Азбука о голом и небогат. человеке» [ПЛДР XVII в. 2, с. 216-217]); *В людех – радуйся, царице, а дома – не рыдай мене мати* [Герм., с. 13])). При желании можно усмотреть реминисценцию Богородичного акафиста в повторяющемся *радуйся* (*не радуйся*) в белорусской песенной лирике:

*Ой, радуйся, зямля,
Што дробны дожджык ідзе.
Ой, радуйся, маці,
Што сын нявестку вязе.
Ой, радуйся вельмі –
Ужо нявехна перад дзвермі* [ЛБВ, с. 473];

*Не радуйся, клен да ясення,
Не к табе ідуць дзеўкі красныя <... >.
Ты радуйся, белая бяроза,
К табе ідуць дзеўкі красныя...* [БФ, с. 130];

*Радуйся, рандарачка,
Нясема табе падарачка.
Тонкага і беленькага.
Ад слёзак макрэнькага* [Вяс. 5, с. 49].

См. также украинскую колядку на рождество: *Ой, радуйся, земле, свите, веселься. / Сын Божий народывся!* [Милорадович, «Житье...», с. 209].

Тем не менее форма *радуйся* в этих контекстах сохраняет прямое значение 'испытывай чувство радости'.

Что же касается приветственных стереотипов *Радуйся, Радоваться*, то, судя по «Соборянам» Н.С. Лескова, этикетная формула *Радоваться* употреблялась в среде духовенства в качестве эпистолярного приветствия даже в XIX веке: *Еще немного спустя он* [дьякон Ахилла. – Н.Г.] *писал уже из Петербурга: «Прелюбезный друг*

мой и ваше высокопреподобие отец Савелий. **Радоватися.** Живу чудесно на подворье, которое будет вроде монастырька...». См. также у Шмелева: *Монах рассказывает, что отсюда, за десять верст до Троицы, какой-то святой послал поклон и благословение Преподобному, а Преподобный духом услышал и возгласил: «**Радуйся** и ты, брате!»* (Шмелев И. «Богомолье»).

Кстати, это же приветствие – с указанием на его архаичный характер – мы находим в письмах Н.К. Рериха И.Э. Грабарю (сер. XXв.): *Пошлем самые добрые мысли всем Твоим экспедициям. Пусть найдут они сокровища во благо великого народа русского. Елена Ивановна и мы все шлем Тебе и Твоим друзьям сердечный привет. **Радоваться тебе.** Н.Рерих (17.02.1947 г. [Рерих, с. 426]); Спасибо Тебе за добрые вести. Сердечно отвечаем Тебе тем же. По древнему, всегда новому обычаю: «**Радоваться тебе!**» Н.Рерих (02.04.1947 г. [Там же, с. 429]).*

3.5. Пожелание многолетия (приветственные формулы *Исполать* и *Многая лета*)

3.5.1. Семантическая трансформация грецизма *Исполать* в русском языковом сознании

Обращает на себя внимание некоторая разноречивость в трактовке архаичного фольклорного выражения *Исполать*. Отмечая его греческое происхождение, исследователи расходятся в толковании семантики, присутствующей в этом приветственном возгласе: *Исполать* – межд. 'слава тебе!' <... >, диал. *сполать* «спасибо», впервые в XVI в. <... >. Из греч. εις πολλα ετη 'многая лета' [Фасмер, II, с. 141; *Исполать* из греч. εις πολλα ετη 'на многие лета' [Преобр., I, с. 275]. «*Исполать* – хвала, слава, спасибо» (Пропп В.Я., Путилов Б.Н. Словарь [Б-1, с. 554]). Н.А. Мещерский характеризует *исполать* как «былинное пожелание добра» [Мещерский 1981, с. 81]. Некоторые исследователи квалифицируют это приветствие как «благодарственно-одобрительный возглас» [Селиванов 1988, с. 557]. В современном русском языке у этого архаизма исследователи выделяют семы 'одобрение', 'восхищение' [ССРЛЯ, 5, с. 491]. Судя по нижеприведенному примеру, это семантически сложное приветствие включает почти все отмеченные элементы значений (как далее будет показано, интерпретация Н.А. Мещерского не вполне адек-

ватна): *В передней комнате Академии, перед залом, Пушкина встретил Греч – с поклоном чуть ли не в ноги: – Батюшка, Александр Сергеевич, исполать вам! Что за прелесть вы подарили нам! – говорил с обычными ужимками Греч. – Ваша «Капитанская дочка» чудо как хороша!* (М. Семевский, со слов А.А. Краевского [Пушк. в жизни, с. 504]).

Займствование из греческого первоначально попало в древнерусский язык как элемент богослужения: «Характерно, что некоторые греческие фразы и до сего дня остались в церковной службе – при архиерейском служении (*Кирие елейсон* 'Господи, помилуй', *ис полла эти деспота* 'многая лета', *аксиос* 'достоин'); следует усматривать здесь отражение той ситуации, когда русской церковью управляли греческие иерархи... Показательно, что уже в древнейший период эти формы через посредство церковной службы дали рефлексы в народном языке (*куролесить* из *кирие елейсон*, *исполать* из *ис полла эти*)». [Успенский 1994, с. 19]. В словаре XVI в. «Толкование неудобь познаваемым в писаниих речем» содержится комментарий-перевод: «Исполати ти деспота, **многалтствуи** вл[а]д[ы]ка» [ДРС, 9, с. 205].

Оборот исполати, исполати может употребляться в текстах религиозного содержания и непереведенным: Гла^с бы^с ^ образа къ попови: **псполати**, **дхспода** [Сказ. Ант. Новг. б. Срезн., I, с. 1130]; «*И мало помолчав, третицею глас прииде: «Исполати деспота!»* *И яко услыша архиепископъ и вси сущии гласи сия слышавше, страха и радости наполънишася и рекоша: «Господи помилуй!»* [Пов. о новг. б. кл., с. 228] Комментарий Н.Н. Розова: «*Исполати деспота!* – греческое приветствие архиереям» [Там же, с. 591].

«Известие о начале патриаршества в России и о возведении на патриарший престол ростовского митрополита Филарета» содержит описание *чина* (церемонии) поставления его: *И певцы пели: Исполати тии деспота, сиречь «многа лет ти, владыко»* [1619 г. Изв. о патр. Чин пост., с. 213].

Гречи́зм *Исполать* выходит за пределы церковного богослужения. Он попадает в русский фольклор. Семантика этого приветствия не вполне расчленена: 'хвала, слава, спасибо':

Говорил тут ласковой Владимир-князь:

«Гой еси ты, удача доброй молодец <... >

Исполать тебе, добру молодцу,

Что служишь князю верою и правдою» («Михайло Казаринов» [К. Дан., с. 115]).

В семном наборе этого приветствия превалирует, однако, 'похвала': это явствует из семантики глагола, нередко вводящего прямую речь:

Похвалил ево царь-государь:

«Исполать тебе, молодцу,

Что чиста борешься!» («Мастрюк Темрюкович» [К. Дан., с. 31]);

Втапоры за то князь похвалил:

«Исполать тебе, доброй молодец,

Что служишь князю верою и правдою!» («Добрыня Чудь покори!» [К. Дан., с. 109]);

И набольший за это Ивана Богатого похвалил. Сказал ему:
«Исполать тебе, добру молодцу, за то, что соседа своего, Ивашку Бедного, не забываешь» (Салтыков-Щедрин М.Е. «Соседи»).

Генетическое пожелание долголетия, многих лет, в фольклорном *Исполать* не отмечается, судя по характеру ситуаций, в которых обычно появляется это слово:

– царь провозглашает *Исполать* разбойнику перед тем, как казнить его:

Как возговорит надёжа православный царь:

«Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын!

Умел ты воровать и умел ответ держать.

Я пожалую тебя хоромами,

Хоромцами некрытыми,

Об двух столбах с перекладинкой» [П. Кир. 1, с. 325];

Как и начал меня царь спрашивати:

«Ты скажи, скажи, детинушка,

Ты скажи, крестьянский сын,

С кем ты воровал, с кем разбой держал?»

«У меня было три товарища:

Как первый мой товарищ – мать темная ночь,

А другой мой товарищ – конь-добра лошадь,

Третий мой товарищ – сабля острая».

«Исполать тебе, детинушка,

Умел воровать, умел и ответ держать» [П. Кир. 1, с. 329];

– богатырь таким образом восхваляет татарина, превращенного им в орудие битвы:

Встал добрый молодец на резвы ноги

И взял татарина за ноги,

И побил всю силу неверную

С первого до последнего.

И сам дивуется татарину:

«Исполать тебе, татаринушка!

Крепок ты и гибок, ты не порвешься

И не изломимся; какова пальца боевая,

И та изгибается и ломается!» [П. Кир.1, с.16];

– Горе («Повесть о Горе-Злочастии») произносит это приветствие на могиле молодца:

Как зарыли добра молодца,

Пошло горе, поклонился, посмеялся:

Исполать тебе, добру молодцу!

Горзд добрый молодец с горем мыкаться [П. Кир. 2-Я, с.189].

Что касается семы 'благодарность', о ней не приходится говорить с большой долей вероятности: генетически *Спасибо* является формулой приветствия в самом широком смысле этого слова (приветствие – похвала – благодарность): *Спаси (тебя) Бог!* Тем не менее иногда эта сема выступает более отчетливо:

Будет стол во полустоле,

Говорил он, ласковой Владимир-князь:

«Исполать тебе, честна вдова многоразумная,

со своим сыном Дюком Степановым!

Уподчивала меня со всеми гостьми, со всеми людьми!» («Дюк Степанович» [К. Дан., с. 23]).

Вместе с тем отмечаем, что в ряде сюжетов приветствия *Исполать* и *Спасибо* взаимозаменяемы, так что логичнее было бы говорить о похвале в знак благодарности. Вышеприведенный эпизод из «Повести о Горе-Злочастии» в других версиях сюжета содержит формулу *Спасибо*:

И молодец-то со Горюшка да во синё море.

А й тут-то Горе село ведь на белую грудь,

И стало Горюшко да слезно плакати,

«И тебе спасибо добрый молодец,

И как умел на сём свети горя помыкати» («Горе»

[Пов. о Г. – Зл., с. 54]);

*Молодец от горя во сыру землю, –
За ним горе с лопатам идет.*

Перед им горе низко кланяется:

*«Ты **спасибо**, удача-добрый-молодец,*

Что носил горе, не кручинился и не печалился» («Стихи про удачу-доброе-молодца» [Пов. о Г. – Зл., с. 60-61]).

В.И. Даль приводит в одном ряду пословицы: *На добре – **спасибо**, а за грех – заплатись! За службу – **исполать**, за вину – по-тазать* [Д. I, с. 165] «Диал. *тазать* – бранить, бить. Цсл т#зати с#» [Фасмер, III, с. 343]. Ср. *истязать*. Таким образом провозглашение *Исполать!* выступает как действие, противоположное наказанию, поощрение, похвала, благодарность).

В сюжете исторической песни «Казачи встречают царя под Шлиссельбургом» слова царя, обращенные к казакам, варьируются таким образом:

Что взговорит наш батюшко православный царь:

*«Вам **спасибо** ли, робята, казаки донски,*

Что донские, гребенские, запорожские!

С осторожностью вы по реке Неве гуляете,

Своего царя вы защищаете» [ИП-ХVIII, № 51];

Ох, возговорит наш батюшко православный царь,

Ох, всея России, сам Петр сударь Алексеевич:

*«**Исполать** су вам донские братцы-казаки,*

Что опасно вы по Неве-реке гуляете,

Заправлявши свое ружье свинцом-порохом!» [ИП-ХVIII, с. 52].

В крыловской басне *спасибо*, *исполать* употребляются в одном ряду, следовательно, можно уже говорить о специализации значений (*спасибо* 'благодарность' и *исполать* 'хвала') для начала XIX в.:

Мужик работник был прямой.

Зато, кто мимо ни проходит,

*От всех ему: **спасибо**, **исполать!***

Мартышку это в зависть вводит –

Хвалы приманчивы, – как их не пожелать! (И.А. Крылов «Обезьяна»).

Тем не менее (хотя к стихотворному, ритмически организованному тексту следует относиться с осторожностью), можно все-таки отметить, что оба приветствия объединены у Крылова словом *хвалы*.

Если обратиться к русскому свадебному фольклору, то оборот *Исполать* в них означает похвалу, величание, воздаяние чести молодому и его родственникам:

*Съезжались
Сы Москвы гости,
Уж и тем кудрям
Дивовалиса:
Хорошо кудри
Завивалиса.
Исполать-спалать*

*Отцу с матерью,
Роду племени,
Братцу имянно!
а и хто ж у нас
Холостой ходит?
Да и Павел у нас
Неженат ходит*

[П. Кир. 1-Я, с. 174];

***Исполать** тебе, удал молодец,
Как Иван, сударь Николаевич,
Ты умел хорошо родиться,
Хорошо снарядится;
Со тонка высокошенек,
Со бела кудреватенек...*

*Ах, ты слышишь ли?
Мы те песню поем,
Тебе честь воздаем,
По имени называем,
По изотчеству величаем
[РСФС, с. 81-82].*

Большинство контекстов, однако, обнаруживает у этого выражения комплексное значение благодарственной похвалы с оттенком значения 'восхищение адресатом приветствия в связи с каким-либо его качеством или поступком':

*О! **исполать**, ребята,
Вам, русские солдаты!
Что вы неустрашимы,
Никем не победимы:
За здоровье ваше пьем.*

*Бессмертные герои,
Румянцов и Суворов!
...
О! **исполать**, красотки,
Вам, росски амазонки!*

...
*О! **исполать** вам, вои,*

(и т.д.) (1791; 1801гг. Г.Р. Державин «Заздравный орел»);

***Исполать** полатам, что выше печи! [Снег., с. 158];*

– *Послушайте!* – сказал я, – *да об чем же мы говорим! Представьте «адвокаты» – будет и правдоподобно, и без риску!* – *Ах, Бог ты мой! А мы-то разговариваем! Ну, батюшка, **исполать** вам! Представьте себе: ведь я уже давно догадался, что есть тут какая-то неловкость, и всё время, покуда корректуру правил – всё думал: чем бы этих нигилистов заменить? (Салтыков-Щедрин М.Е. «Господа Молчалины»).*

В памятниках украинского языка *Сполать*, *Осполать* отмечены исключительно с благодарственной семантикой (2 примера в нашем материале):

Д я к. *Панове парофіяне, просимо сѣдати;*

Когда в гости пришли, то будем витати.

О х р ђ м. *Та сполать, пандяче, за твою ласку!* (1798 г. Иван Некрашевич «Замысл на попа» [Давн. укр. л., с. 602]);

Пан сотник радується, как ангел хранитель,

Как появится вор или дѣвства губитель,

До свѣта еще прибѣжить атаман поспѣшно,

Как уже гдѣ есть ловка нибы что утѣшно,

Добродѣю, хлѣб, гдѣ, как Роман прокрався,

Да Иван Чечекало з дѣвкою попався,

Осполать *де тебѣ друг за такие вѣсти,*

Малой подай стул атаману сѣсти... (Сатиричний вірш «1764 года декабрь 23 дня К. Р.» [Давн. укр. л., с. 585-586]).

Кстати, в болгарском языке оборот *Сполай ти*, устаревающий, употребляется 1) как выражение благодарности (*спасибо большое*) и 2) как общее благопожелание типа *Всего наилучшего* (для современной городской речи не является характерным). Словарь С.Б. Бернштейна отмечает диалектную частицу *Сполай* с благодарственным значением [Болг.-р. сл., с. 627].

Обращает на себя внимание тот факт, что в русских былинах *Исполать* часто обращено к разбойнику, противнику в битве, отрицательному персонажу былины, исторической песни:

Возговорит сам батюшка Володимир-князь:

«Исполать тебе, Соловейко-разбойничек!

Как тея взял это Илья-Муромец?» («Первая поездка Ильи Муромца. Илья и Соловей-разбойник» [Б-1, с. 131]);

Левой рукой молодой драгун побарывал,

Правой рукой молодой драгун подхватывал:

Не пуцал царя на сыру землю.

Речь возговорил православный царь:

«Сполать тебе, драгун, боротися!» [ИП-ХVIII, № 219];

Исполать тебе, детинушка, крестьянский сын!

Ты горазд воровать, горазд разбой держать [П. Кир. 1, с. 327].

Возможно, объяснение этому следует искать в той особенности восточнославянской ментальности, которую еще ощущают русские писатели XVIII века: «Но то правда, что в старину силы телесные были в уважении и что силачи оные употребляли во зло».

(Радишев А.Н. «Путешествие из Петерб. в Москву»). Н.М. Карамзин говорил о средневековье, как о времени, «...когда люди всего более верили руке своей и – провидению; когда число побед бывало числом достоинств человека и когда в храбрости вмещалось понятие всех добродетелей» («Письма рус. путешественника»).

Эта мысль находит подтверждение в трудах позднейших историков, так, С.М. Соловьев, выделяя «богатырский, или героический период» в истории России, описывает его следующим образом: «... У нас вследствие появления варяго-русских князей и дружин их, темная, безразличная масса народонаселения потрясается, и происходит выдел из нее лучших людей по тогдашним понятиям, т.е. *храбрейших*, одаренных большою материальною силою, и чувствующих потребность упражнять её» [Соловьев, VII, с. 11].

Надо сказать, что со временем эта адресация негативному персонажу сказывается на коннотативности нашего приветствия: оно приобретает всё более отчетливый иронический, иногда даже неодобрительный характер. Б.А. Ларин, приводя пример из Русско-английско-латинского словаря Ричарда Джемса, отмечает, что уже в начале XVII в. (1618-1619 гг.) это выражение может употребляться с ироническим оттенком: «Л. 26: *Spolati tebea, derisor – You doe worthily* (насмешливо: 'вы достойно поступаете')» [Ларин 1977, с. 144].

Этот неодобрительный или иронический оттенок в дальнейшем способен усиливаться у *исполать*:

Повесил бы тебя на сосну за язык, –

Сказал один старик. –

*Ну, Павел, **исполать!** Как ты людей морочишь!*

Обманывал бы ты в Париже дураков,

Не земляков (1826 г. А. Измайлов «Лгун»);

*Вот бежит со двора Лутоня и спрашивает: – О чем вы кричите? / Они сказали, о чем: – Если бы мы тебя женили, да был бы у тебя сынок, и если бы он давеча сидел вот здесь, старуха убила бы его поленом? оно упало прямо сюда, да таково резко! / – Ну, – сказал Лутоня, – **исполать** вам! / Потом взял свою шапку в охапку и говорит: – Прощайте! Если я найду глупее вас, то приду к вам опять, а не найду – и не ждите меня! [РСС, с. 299-300];*

*Тут стоит вспомнить миллионера Брынцалова, который говорил, что подарил своей жене за ночь любви 20 000 долларов. **Исполать** тебе, добрый молодец! (29.08.97. Парамонов Б. Радиобеседа об А. Вампилове. РС).*

3.5.2. Оборот *Многая лета* и этикетные функции пожелания многолетия

Не без влияния греческого выражения в древнерусском языке появляется *многая лета*, поздравительная формула, которую можно рассматривать как кальку $\epsilon\iota\varsigma\ \lambda\omicron\lambda\lambda\alpha\ \epsilon\tau\eta$. Наличие дублетов – *Исполать* и *Многая лета* – связано с особенностями богослужения в православной церкви раннего периода, когда служба шла на двух языках: один клирос пел по-гречески, другой – по-церковнославянски. Видимо, это было технически неудобно; не случайно церковное пение во время утренней службы, при котором оба хора сходятся вместе на середине церкви, *катавасия*, сохранилось в языке с семантикой 'сумятица', 'неразбериха'. Возможно, именно по этой причине изменилась семантика оборота *исполать*: значение 'многолетие' закрепилось за калькированным выражением *Многая лета*, а в прямом заимствовании произошел семантический сдвиг. Кстати, подобное изменение семантики, сдвиг в сторону снижения пафоса испытало и *Кирие елейсон* (*куролесить*).

Многолѣтнее кликанье, многолѣтние становится обычным элементом службы (церковное песнопение о долголетьи государя, особ царского семейства, других лиц, пожелание долгих лет жизни и благополучия во время богослужения провозглашением слов *многая лета* с многократным их повторением): *Послѣ заутрени и литургии, или часовъ, и послѣ вечерни по отпуску, пѣти многолѣтние* [1598 г. ААЭ.2.5. ДРС, 9, с. 204]; *Многолѣтние кличетъ канархистъ... А по крылосамъ многолѣтние не поютъ* [1653 г. Арс. Сух. Проск. 55. ДРС, 9, с. 204].

Речезыкетные формулы, включающие пожелание многолетия, отмечаем уже в XI в., в тексте многократно изданной Приписки дьякона Григория к Остромирову Евангелию 1056-1057 гг., где они употребляются как обрамляющее благопожелание: *Мънога же лѣт[а]. дароуи б[о]гъ сът#жавъшоумоу еу[ан]г[е]лие се на оутѣшение мъногамъ д[у]шамъ кр[и]с[т]и" нъскамъ <... > съдравъствоуйте же мънога лѣт[а]. съдръж#ще пороучение свое [Л. – С., с. 114].*

В старорусский период пожелание многих лет выходит за пределы церкви. Например, «Казанская история», памятник XVI в., сообщает о встрече царя московскими горожанами после победы: *И видѣша самодержца своего идуща, яко пчелы матеръ свою, и возрадовашася зѣло, хваляще и славяще, и благодаряще его, и*

побѣдителя велика его нарицаючи, и многа лета ему восклицающе на долгъ великъ час, вси поклоняхуся ему до земли [Каз. ист., с. 546].

Позднее это выражение приобретает еще более светский характер. Оно, в частности, нередко фигурирует в театральных представлениях в XVII-XVIII вв., выступая в качестве начального или финального приветствия:

Цыган.

Щедры, забавные господа

Я то приехал суда

Скажу вам: виват, многа лета, долго жити,

Албо сколко кому хочетца («Интермедии» [РРД-5, с. 617]);

Обаче молим извольте простити,

А нас в милости господстей хранити,

За что хранени будете от Бога

В милости его на лета премнога (1678-1679 гг. Сим. Полоцкий «Ком. о блудн. сыне» [Гудз., с. 493]);

А ежели кто паки желяет сию историю смотрити.

Извольте, господа мои, завтра приходити:

Будем во вторые тую же историю объявляти,

А вам государем многа лета восклицати («Ком. о графе Фарсоне». «Эпигос» [РРД-4, с. 411]);

Эпилог

... А сие устроили на утешение ваше

Охотою своею собрание наше.

За сим просим прощения,

В чем имеем пред вами погрешения.

Живите в благополучии радости света,

Дарует вам бог многая лета!

(Кончится и трон закрыть) («Действие о кор. Гишпанском» [РРД-5, с. 81]).

О проникновении этого приветствия-благопожелания в общенародный язык свидетельствуют приводимые Далем крылатые выражения: *Многая лета, а многих уж и нету* [Д.І, с. 229]. *Празднику честному злат венец, а хозяину многая лета (доброто здорovia)* [Д.ІІ, с. 263].

Широкая направленность этого приветствия позволяет употреблять его в ситуации тоста «по случаю» – праздника, бракосочетания и т. п. (иногда в объединении с формулой здорования).

Н.И. Костомаров сообщает, что во время старорусского пира «при заздравных тостах пели *многая лета* тому, за чьё здоровье пили» [Костомаров, с. 177]. Примеры такого рода многочисленны в староукраинских драматических произведениях:

М у ж и к 1-й.

*Почни ж сам, паниченку, щоб и мы посмѣли
И лѣпшую охоту напитися мѣли.*

Слуга (мовит: «*Барзо добре!*»)

– Пану Евфимияну **нехай лѣта многа**, –
*Зычю его милости всѣх добр от Бога!
Дай Боже, щоб дочекал он з сына потомства
На помноження своего зацного домовства!*

М у ж и к.

*Да тямтеся, щос то вам нелапшое стало,
Коли ж еще напитокку вам гетого мало!*

М у ж и к.

*Мало, ой мало! були! Треба не зват было;
А келиш мнѣ цебер, ос еще напьюся.
Ой, хоч стар, да молотчал, не хутко звалюся.
За добре здорове пана Фимияна! **многа лѣта!**
Пойте всѣ: **многа лѣта!** пуйте, голоси(те).*

(*А ту всѣ рекут: «**Многа лѣта!**»*) (1673 – 1674 гг. «Драма про Олексія чоловіка Божого» [Давн. укр. л., с. 297-299]);

Те чаши испиваем мы за тебе, света.

Буди, государь наш, здрав на многа лета!

(*Зде, пивше, запоют «**на многа лета!**»*)

(1678-1679 гг. Сим. Полоцкий «Ком. о блудн. сыне» [Гудз., с. 490]).

[и далее, в «Интермедиях»]:

П ь я н и ц а. **Здрав, господине, буди многа лета!**

Испию до дна ради тебе, света [Там же, с. 495].

Обычай провозглашать многолетие во время застолья отмечен в XIX в.: *Садись с нами, мой прежний товарищ, налей стакан цимлянского и пожелай молодым счастья и – **многие лета!*** (1825 г. Ант. Погорельский «Лафертовская маковница»); *Профессора <... > стали есть и пить за здоровье Гоголя и кричать ему «**многие лета**»* (Лесков Н.С. «Нескладница о Гоголе и Костомарове» [Леск., XI, с. 209]).

Происходит карнавализация выражения *многая лета*. В «Соборьях» Н.С. Лескова под видом наблюдений протопопа Туберо-

зова описується реально бытовавша в ХІХ столітті мовна гра: *Но когда мы с причтом, окончив служение, проходили мимо бакалейной лавки братьев Лялиных, то один из поляков вышел со стаканом вина на крыльцо и, подражая голосом дьякону, возгласил: «Много ли это!» Я понял, что это посмеяние над многолетием...*

В старорусской драматургии изредка встречается непереуведенное *Исполать* в качестве здравиты:

Х е р л и к и н

Поднесу вам много <... >

(в ы п и в а е т и ж е н а)

Исполать и тебе!

Только будет ли что мне?

Пей-ка еще одну,

А ты другую («Интермедии» [РРД-5, с. 575]).

Пожелание многолетия «люду царскому, народу христианскому» является обычным завершением украинских дум:

Утверди, Боже, люду царського,

Народу християнського,

Війська Запорозького, Донського.

З усією черню дніпровою,

Низовою,

На многія літа,

До кінця віка! («Самійло Кішка» [Зоз., с. 135]);

Господи, утверди й поддержи

Люду царського,

Народу християнського

На многая літа («Козак Нетяга Фесько Ганджа Андйбер» [Зоз., с. 146]).

По аналогії з оборотами типу *Дай Бог здоровья, Пошли Бог здоровья* пожелание многолетия в думах, нередко сопрягаясь с пожеланием здоровья, приобретает вид *Даруй, Боже, на многі літа, Пошли, Боже, здравіє і многая літа...* и под.:

Дай же, Боже, щоб козаки пили та гуляли,

Хороші мислі мали,

Од мене більшу добычу брали

І неприятеля під нозі топтали!

Слава не вмере, не поляже

Од нині до віка!

Даруй, Боже, на многі літа! («Козак Голота» [Зоз., с. 124]);

*Слава про козаків, бідних невольників,
 Од нині до віка, а вам пошли, Боже, здоров'є і многая літа*
 («Плач невольника» [Зоз., с. 125]);
*Господи, утверди люду царського,
 Народу християнського,
 Всім слухаюцим,
 Всім православним християнам*
Пошли, Боже, много літ! («Хмельницький та Барабаш» [Зоз.,
 с. 149-150]).

3.5.3. Оборот *Многолетствуй*

Такою же широкою семантику, як *Многая лета*, має імператив *Многолетствуй*. К прикладу, в драматическому творі «О премудрой Іюдифе...» він представляє собою привітствие-благопожелание по випадку радісного події:

*В а г а в. Радуйся, прекрасная Іюдив, многа лет,
 Первая и честная в девах, прекрасный цвет! <... >*
 І ю д и ф. **Многолетствуй** ты, мой радостный вестник,
 А разрушился наш злобный враг и мстник («О премудрой Іюдифе, како Олоферну главу отсече Іюдив» [РРД-5, с. 459]).

Характерно, що таке привітствие з'являється в 3-ій редакції «Повести о Петре и Февронии», відносящійся к к. XVII – н. XVIII вв. (в більш ранніх редакціях цей оборот відсутній). Можна зробити висновок про те, що саме в цей час привітствие *Многолетствуй* «входить в моду»: *Егда же приближися благоверный князь Петр ко граду своему Мурому, уведаша граждане приход его, изыдоша абие в стретение его з женами и детми в дале поприще, дары ему приносяще и радостная глаголюще: «**Многолетствуй**, государю наш велики княже Петре и с любезнейшею своею сожителницею великою княгинею и нас, государи наши, жалуйте»* [Пов. о П. и Февр., с. 293].

Судя по епістолярним пам'ятникам цього часу, оборот *Многолетствуй* використовується в початку (або) кінці листа, виконуючи функції відповідно *здравствуй* і *прощай*: (Начало) *Гсдрю Панфилию Тимофеевичю борисоглебской поп Мартын бга молю и челом бью **многолѣтствию** гсдрь на многие лѣта со всѣм своим блгодатным домом* (П.Т. Салтыкову від попа Мартына [Гр., № 79]); ***Многолѣтствуи** гсдрь кнзь Василей Василевичь на многие лѣта и пиши ко мнѣ о своем здорове...* (1677 г. Неуст. лице – В.В. Голицыну [Гр., № 286]); (Окончание) *... а ты гсдрь мои бра-*

тец многолѣтстуй (Г.А. Воронину от сестры Прасковьи [1681 г. Гр., № 116]).

О взаимозаменяемости *Здравствуй* и *Многолетстуй* в ситуации встречи свидетельствует приводимая Далем шуточная поговорка: *Здравствуй ты, многолетстуй я, ночевать пусти к своей милости* [Д. II, с.212].

Тем не менее нельзя говорить об абсолютной «привязанности» этого оборота к ситуации встречи – прощания. Так, в письме, датированном 1-м сентября (началом нового года в допетровской России), основной текст содержит новогоднее поздравление: *Многолѣтстуй свѣт мои в ново[м?] годѣ з детками со кнзгнею и со мною* (1 сентября [1677 г.]. Т.И. Голицына – В.В. Голицыну [МДБП, № 19]).

Употребляется в старорусской переписке и приветствие контаминированного характера (пожелание здоровья и долголетия вместе) *Многолетно здравствуй: Гсдрю моему брату Вавиле Тихоновичю Марка Вындонскои челом бью многолѣтно братецъ здравствуйи на множество лет* (М. Вындомский – брату В.Т. Вындомскому [Гр., № 165]); *Гсдрь мои Андри Ильич многолѣтно здравствуйи челом бью на твоём жаловане что псал ко мнѣ о своем здравии* (В. Семенов – А.И. Безобразову [Пам. Без., № 167]); *Федор Леонтъевичъ, государь, многолетно здравствуй, в нынешнии настоящи и впредь идущи дни навеки!* (П.Ф. Оловянный – Ф.Л. Шакловитому [Восст. 1682 г. № 54]).

Обычно этот оборот выступает в качестве начального (вышеприведенные примеры) или конечного приветствия, может он и обрамлять послание: (окончание) *Ш семь Маремяна Ивановна многолѣтно здравствуйи* (Д.В. Михалков – М.И. Михалковой [МДБП, № 39]); (обрамление) *Гсдрь мои приятель Вавила Тихоновичъ многолѣтно здравствуйи на вѣки со всем своимъ правѣдным домомъ <... > А за сем гсдрь многолетенно здравствуйи на веки со всем правѣдным дом[омъ]*. (Л. Аничков – В.Т. Вындомскому [Гр., № 160]).

Не являясь в достаточной степени устойчивым, это приветствие допускает различные варианты: *Мои гсдрь Федор Василевич здравствуйи на множества лѣтъ прошу гсдрь у тебя млсти...*

(В.Е. Маслов – Ф.В. Бородину [Гр., № 24]); *Буди покровен десницею вышняго бга и здрав на многие лѣта* (Г. Родионов – И.В. Белину [Гр., № 115]); *Гсдрь мои млстивои Афонасеи Ивановичъ здравствуйи со всеми своими многа лѣта* (А. Степанов – А.И. Кроткову [Гр., № 179]); *Гсдрю моему Афонасю Ивановичю*

здравствовати на лѣта многа (С. Федоров – А.И. Кроткову [Гр., № 180]); *Здравствуй гсдрь і во мнаголѣтние радосно пребываи* (С. Ромодановский – В.В. Голицыну [Гр., № 269]). (Подробно о структуре формул здорования см. далее).

Выражение *многолетнее здорowie* становится стереотипным в составе обычной этикетной просьбы писать о себе: *Проши гсдрь млстивога твоего жалованья напаметии млсть свою к вечному своими работники прикажи гсдрь мои млстивои отписать про свое многолетное здорове* (А.И. Безобразов – Василию Васильевичу [Пам. Без., с. 21]); *Прикажи гсдрь дедишка Але/кхи Матвѣвич писать про свое многолетное здорове* (И. Шокуров – дедушке Алексею Матвеевичу [Гр., № 68]); *Пиши гсдрь о своем многолѣтном здорове...* (Г.А. Воронину от сестры Прасковьи [Гр., № 116]); *Извол гсдрь моі к нам убогим писат про свое многолетное здорове і деток своіхъ праведныхъ* (1697 г. Ф. Зиновьев – Ф.Т. Вындомскому [Гр., № 172;]) *А мы вашего многолетного здорovia жадны слышать* (М.О. Кровков – кн. П.И. Хованскому [Восст.1682 г., № 23]).

Упоминание о многолетном здорowie содержится в посланиях торжественного характера в составе еще менее стандартизированных оборотов начального или конечного благопожелания: *Мира, здравия, и спасения, и многолетствія от господа бога вседержителя вашему преосвященству недостойный в епископах Исаия присно желаю* [Воссоед. Укр. с Рос. 1.27. 1622 г. ДРС, 9, с. 205]; *И по сем молю бга о вшег црского величества многолѣтном здравии* (1627 г. Перевод писем Исаака Массы царю Мих. Федоровичу. [В-К I, № 19, л. 16]); <...> *С сим же нашим ведоторным писанием и мирным многолетным поздравлением к вашему ц. в. послася духовник наш игумен Ефрем м-ря Воздвиженского* (Грам. патриарха Иоакима царям Ивану Алексеевичу, Петру Алексеевичу [Восст. 1682г., № 152]).

Графаретность выражения заставляет употреблять его при любом этикетном упоминании о здорowie: *А дедушка гсдрь Иван Федорович и бабушка Настася Ивановна по се писание многолѣтно здравствуют да пожалуи гсдрь батюшка не держи без вести о своем многолѣтном здорове писавыи сншко твои Алешка блгословения [так!] прося и много челом бьет* (1672 г. А.В. Голицын – В.В. Голицыну [МДБП, № 27]).

Становясь штампом, этот оборот проникает и в лексикон челобитных, принимая участие в оформлении усиленной просьбы: *Пожалуй нас, сирот своих бедных и беспомошных, для своего цар-*

ского многолетнего здравия и всемирной радости, для государыни нашей царицы и в.к. Агафьи Семеновны... (1680 г. Челоб. вдов астраханцев [Разд., 4, № 180]); *Милосердые государи цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич* [титулы], *пожалуйте нас, холопей своих, для своих государских многолетних здравиев, не велите, государи, прежнего своего <... > указу нарушить...* (Челоб. тяглецов Казенной слободы [Восст. 1682 г., № 65]).

Благопожелание *Дай (подай) Бог многие лета* (и варианты) тоже встречается в ситуации приветствия – начального: *Гсдрю мвему Дементью Сергеевичю Любимка Никифоров рабски челом бью подаи гсдь бгъ тебѣ гсдрю мвему блгполочно и многолѣтно здравствоват* (Л. Никифоров – Дементию Сергеевичу [Гр., № 53]); *Добротпрятелю моему Федору Василевичю Васка Брехов челом бью. Подаи бгъ тебѣ многолѣтное здорове на веки со всѣми твоими доброжелатели* (В. Брехов – Ф.В. Бородину [Гр., № 74]); *Гсдрнѣ мои мѣстивои кормилице и матишке кнеинѣ Аринѣ Ивановне Мидка Михалков челом бьет подаи бгъ тебѣ гсдрня множество лѣтъ здравствоватъ з гсдрем моим кнзъ Семеном Андревичемъ* (Д.В. Михалков – А.И. Хованской [МДБП, № 42]);

– или завершающего общение: *А вшеми црскому величеству і всеи вшего црского величества доброй диме дай бгъ мир и многолѣтное здраве амин* (1626 г. Перевод писем Исаака Массы царю Мих. Федоровичу [В-К I, №13, л.10]);

Ну, дьячок, прощай, добрый человек!

Дай те Бог множество лет... («Интерлюдия» [РРД-4, с.484]).

Со временем оборот (*Дай Бог*) *много лет (здравствовать)* теряет способность выступать в качестве приветствия при встрече и прощании и остаётся собственно благопожеланием: *Какую Крылов выдержал операцию? Дай Бог ему многие лета!* (1825 г. А.С. Пушкин – А.А. Дельвигу [Кр. в восп. совр., с. 326]); *Б р и г а д и р. <... > Зажилась, греха много, нектати. Советник. Как нектати? Что ж ты и заправду, сватушка? Дай Бог ей многолетнее здоровье и долгие веки. С умом ли ты? Кому ты желалась смерти?* (Фонвизин Д.И. «Бригадир»);

– или совмещает семантику благопожелания и благодарности: *«Да дай Господи вечно доброе здоровье, а по смерти царство небесное жандармскому полковнику Альберту Казимировичу, что в те поры у нас по тайной полиции был <... >. Посмеялся надо мной, посмеялся, да и отпустил. Дай Бог ему много лет!»* – повторил ещё раз отец дьякон (Лесков Н.С. «Соборяне»); (Учительница и школьный сторож) Л о н и н а (даёт несколько мелочи).

Возьмите, пожалуйста, это вам для моего приезда. А к и м ы ч (б е р е т). Много лет здравствовать, ваше благородие (1879 г. Соловьев Н.Я. «На пороге к делу»).

3.6. Приветствия – пожелания доброе время суток

Общеввропейская модель приветствия, варьируемого в зависимости от времени суток, с давних пор известна украинскому и белорусскому языкам. На древность этого типа приветствия указывает его форма: не *Желаю доброго дня!* (благопожелание), а магическое управление делами адресата: **Пусть этот день будет добрым для тебя!* Переосмысление этого стереотипа как приветственного – очевидно, явление позднейшего времени.

Оборот добро утро дал Е.Ф. Карский отмечает уже в старобелорусском языке XV в. [Карский, с. 311], а в собственно украинском и белорусском языках такого рода приветствия с вариантами распространены исключительно широко. Прежде всего, это контактоустанавливающее приветствие – пожелание доброго дня: (укр.) *Добривдень – День добрий* [Номис, с. 231]; (бел.) *Добры дзень (і дзень добры), Добры вечар (і вечар добры)* [БППФ, с. 440].

И.И.Носович попытался «развести» по семантике с одной стороны, *День-добрый* – в знач. а) *Здравствуй* и б) приветственное слово [Насович, с. 732] и, с другой стороны, *Добрыдзень*, дневное приветствие доброго дня, и *Добры-дзень*, желание доброго дня [Там же, с. 135], на наш взгляд, такое разграничение выглядит несколько искусственно. Несмотря на наличие белорусской пословицы *Не спамыліца: каму – «дабрыдзень», а каму «дзень добры!»* [БППФ, с. 325], порядок следования элементов приветствия произволен. Возможно, в перестановке частей следует видеть нереализовавшуюся тенденцию отталкивания от полонизма *Dzień dobry* с жестким порядком следования частей или же тенденцию к разграничению инициального и ответного приветствия (ср. общемусульманское *Салом алейкум! – Ва алейкум ассалом!*).

Пожелание доброго дня обычно выступает в качестве инициального приветствия и чаще начинается с прилагательного:

(Староукр.) *Добри ден, панове мищане,
Так теж и вам, селяне!* («Пролог на Воскресение Христово» [Давн. укр. л., с. 543];

(укр.) *Прыйшов до корчмы: добрыдень, люде!
Прызнайтесь мени, перейма буде,
Перейма буде кварта горилкы,
Хто найде чипця моеи жинкы...* [Рыльский, с. 35];

(бел.) *Каго спаткаіць, у ножкі кланяіць: – Добры дзень!
Чы не відзелі майго татуюлку ў гэты дзень?* [ЛБВ, с. 231];

*Прыходзіць ён к свайму сялу, к сваёй хатцы. Уваходзіць у яе: –
Дзень добры! – кажа. – Ці жыва тут баба мая? – А жыва, дзя-
дулька! А ты ці жыў? – Я жыў-здараў («Жораваў кашалёк») [БФ,
с. 397].*

Соответственно вечернее приветствие принимало вид (укр.)
Добри вечір, (бел.) *Добры-вечерь, Добрывечерь* [Насовіч, с. 135] –
иногда с другим порядком следования частей:

(Укр.) *Добри вечір вам! чи ради ви нам (кажуть веселі гості
увіходячи)?... як ради будете, той горілочку купите, то й спасибі
вам.* [Номис, с. 231];

*Ой як скінче дрібних листів,
Та й спатоньки ляже,
А щось йому під віконцем
– Добрий вечір, – каже* [Зоз., с. 172];

*Ишов козак дорогою: «Добри вечір, женце!»
Дівка стала, одгадала: «Здоров, здоров, серце!»* [Мірн., Біл.,
с. 154];

*Добри вечір тобі, зелена діброво!
Переночуй хоч ніченьку мене, молодого!
– Не переночую, бо славоньку чую
А про твою, козаченьку, головку буйную* [Зоз., с. 312];

*Приїхали три козаки, да всі три однако;
Пытаються Марусенки, у которой хаті?
Одинъ стоить подъ оконцемъ, другій коня вяже,
Третій стоить подъ дверима: добри вечеръ! каже.
Добри-вечеръ, стара мати! Дай воды напиться,
Пусти дочку на улицу, ой хоть подивиться!* [Максимович,
с. 113];

(бел.) *Пад'яжджаіць да акенца:*
– **Вечар добры** паненца.
Дам табе гасцінчыка... [Вяс. 4, с. 260];

Добры вечар, пахвалёны,
Добры вечар, паненачка.
Ці спіш, ці ляжыш? [П. нар. св., с. 22].

Судя по приведенным примерам, порядок следования частей в этом обороте был также свободным, однако чаще оно начиналось прилагательным.

Это же приветствие выступает в качестве ночного (контекст содержит указание на позднее время): *Отъ иде стара бияя ёго и каже: – Добры вечор* тобі, малый. – *Здорова була, бабо. А за чимъ ты, бабо, у такой порі у лісі ходышь* («Про стрильця» [Малор. ск., с. 187]); *Пойшов той дурень, приходить до батька, ударивъ батькову могилу кыйкомъ и каже: – Добри-вечоръ, тату. – Здоровъ, здоровъ, каже той: а который це прыйшовъ, чи не дурень часомъ?* («Про трохъ бративъ що ходили до батька на могилу ночовать» [Малор. ск., с. 270]).

Белорусское приветствие-прощание *Дабранач*, широко распространённое в белорусском свадебном фольклоре, употребляется в качестве контакторазмыкающего в позднее время суток. Смысл его двоякий: это и обычное ночное прощание, и прощание (новобрачной с родительским домом) надолго, навсегда:

Дабранач, сваты, дабранач,
Паедзем ужо к нам нанач [ЛБВ, с. 450];

Давала дзеванька дабранач.
Не той дабранач, што на ноч,
Дай той дабранач, што навек... [Вяс. 5, с. 223].

Невеста по обычаю прощается с родным домом, полем, с родителями:

Да дабранач, сцены, лавы, сцены мае ды маляваныя... [П. нар. св., с. 384];

Дае дзяўчына роднаму полю дабранач:
– *Ой, дабранач, роднае поле, ад мяне!*
– *З Богам, з Богам, наша жнеечка, едзь сабе!*

Дае дзяўчына траве-мураве дабранач:
– *Ой, дабранач, трава-мурава, ад мяне!*
– *З Богам, з Богам, наша жнеечка, едзь сабе!* <... >
Дае дзяўчына роднай мамачцы дабранач:
– *З Богам, з Богам, мая служачка, едзь сабе!*.. [Вяс. 5, с. 322-323].

Типичные для украинского и белорусского фольклора обороты типа *дать добрыдень, дать добры вечар* можно рассматривать как свидетельство движения в приветственной формуле от семантики дарообмена к благопожелательной и, далее, к собственно этикетной: смысл речевого действия уже не сделать с помощью магического ритуала день собеседника добрым, а пожелать ему доброго дня или выразить ему свое расположение, поприветствовав его:

(бел.) *Ой, цешча, цешча, чом двор не весел?*
Як я прыехаў, то вяселей стала.
Музыкі граюць, сваткі сцяваюць,
Мне, маладзенькаму, добры дзень даюць [Вяс. 4, с. 513];

Я думала, што шэра вутка плывець,
Аж там мая родна мамка ідзець,
Здалеку добры дзень даець [ЛБВ, с. 548];

(укр.) *Учора звечора дівчина була,*
Сьогодні нема – засватаная.
Не жаль би мені, коли б зо сторони,
А то через двір – то ж товарищ мій.
По воду йде – добридень дає.
– *Здорова, здорова була, чужа – не моя!*
Мимо двір не йди, жалю не роби... [Мірн., Біл., с. 66].

Дать добрыдень – поступить так, как принято в обществе, в соответствии с нормами общения; об этом говорится в белорусских пословицах: *Дай добры дзень, шапку здзень – і расці чалавекам!*; *Дай дабрыдзень – не будзь злыдзень* [БППФ, с. 117].

Мысль о важности этого приветствия в человеческих взаимоотношениях подтверждается теми фольклорными текстами, в которых регламентируется поведение новобрачной в доме мужа:

Дзіцятка ад'язджае, маценька навучае:
Каб раненька ўставала,

*Каб «дзень добры» давала
І старому, і малому,
І свёкарку, і свякроўцы,
І дзеверу, і ятроўцы [Вяс.5., с. 240].*

Сохранилась любопытная белорусская пословица, согласно которой модель приветствия «пожелание доброго времени суток» представляет собой новацию, сменившую более древнее приветствие *Чалом: Як казалі «чалом», было хлеба на стале і пад сталом, а як сталі гаварыць «дабрыдзень», сталі бегаць з торбачкаю абыдзень* [БППФ, с. 106].

Представляет интерес непроницаемость русского речевого этикета, отмечаемая вплоть до XX в., для приветственных формул, представляющих собой пожелания доброго времени суток.

Немногочисленные примеры (все из художественной литературы) позволяют, тем не менее, вынести заключение, что в русском этикете приветствие-пожелание такого рода появилось под влиянием французского этикета, а не было непосредственно заимствовано из украинского или белорусского языков. Сначала такого рода приветствия появляются в литературном языке (нередко непереведенными): *Глинский < ... > подошел к ней, но, заметя краску и вспомнив вчерашнее происшествие, едва вымолвил свой bon jour...* (1831 – 1840 гг. Бестужев Н.А. «Русский в Париже 1814 года»). (Фр. *bon jour* – *Добрый день*); *Чувствительный сын его к нему прибегает, объедет его колена, желает ему доброго дня и просит извинения в долговременном своем отсутствии* (1790 г. Львов П.Ю. «Роза и Любим»);

Взойдет ли утро, ночи ль тень

На усыпленны холмы ляжет,

Ему красotka «добрый день»

И «добра ночь» приветно скажет (1824 г. Е.А. Баратынский «Эда»).

В комедии Грибоедова «Горе от ума» в реплике графини-внучки появляется галлицизм *Bon soir*:

Графиня внучка.

Eh! Bon soir! Vous voila!

Gamais trop diligente.

Vous nous donnez toujours le plaisir de l'attent.

(А! Добрый вечер! Наконец и вы! Вы никогда не торопитесь и всегда доставляете удовольствие ожидания).

В русских памятниках языка такие обороты отсутствуют. Фольклор для приветственных пожеланий доброго дня совершенно непроницаем. Только в 30-е г. XX в. собиратели фиксируют шуточную русскую поговорку: *Добрый вечер! Кормить нечем, были крошки, да съели кошки* (1923 – 1936 гг. Красноженова [ППЗ, с. 182]).

В речевой практике приветствие *Добрый день* становится обычным во 2-й половине XIX в., судя по участвовавшим примерам из художественной литературы. Стоит обратить внимание на личность говорящего: сначала это образованный человек, позже (20-е годы XX в.) социальное ограничение приветствия исчезает: – *Добрый день, – сказал он* [Владимир, революционер. – Н.Г.]. – *Здорово, – ответил мужик* (1851 – 1895 гг. Степняк-Кравчинский С.М. «Домик на Волге»); Астров (входит с картограммой). *Добрый день!* (Пожимает руку). А.П. Чехов. «Дядя Ваня»; ... (корнет обращается к гувернантке) *Закрываясь мохнатой простыней, по боковой дорожке торопливо шла фрейлен. – Купались? Добрый день* (1912 г. Шмелев И. «Пугливая тишина»); *Увидав, что я проснулся, Гамлет вошел в комнату. – С добрым утром-с, барин! – произнес он, забирая для чистки мое платье. – А мы уж сумлевались, все ли с вами благополучно?* 1921 г. Минцлов С. «За мертвыми душами»;

Каждый встречный на дороге

Говорит нам: «Добрый день!»

Мир и вам, чужие люди

Из окрестных деревень! (1921 г. Саша Черный «Каждый встречный на дороге»).

В современных СМИ такое приветствие становится обычным: *Доброе утро! Я приветствую всех тех, чьи приемники настроены на волну «Радио-1». У микрофона Инна Фатеева* (13. 04. 2000. «Радио-1», Россия); *Еще раз доброго вам дня, дорогие друзья!.. Мы начинаем нашу игру..* (08.11.2002. «Радио-Рокс», РБ). Вызывает интерес только нередкое обращение журналистов к внутренней форме такого оборота. Они как бы «забывают» о сущности приветствия (благопожелание) и воспринимают его как констатацию факта, с которой не соглашаются: (Комментатор) *Добрый вечер! Наверное, вечер нельзя назвать добрым...* (24.10.2002. «Вести», Россия); Диалог между слушателем и радиожурналистом: (Слушатель) – *Доброе утро!* (Радиожурналист) – *Я бы не сказал, что оно доброе* (25.10. 2002. Радио «Маяк», Россия).

«С появлением ночных радио- и телевизионных передач в русской и белорусской речи появилась формула *Доброй ночи (Доброй ночи)*, до сих пор использовавшаяся в значении прощания перед ночным сном» [Конюшкевич, с. 52]. Возможно, чужеродность модели (в особенности для «русскоговорящей языковой личности») явилась причиной подмены функции в первоначальном приветствии-прощании: с легкой руки ведущих ночного эфира оно превратилось в контактоустанавливающее (ср. с польским прощальным *Dobranoc!* «Доброй ночи!») [БПРС, с. 139].

Заметим также, что сейчас в русскоязычном Интернете обычное инициальное приветствие при интерактивном общении – *Доброе время суток!*

Глава 4.

Приветственные жесты и их вербализация

4.1. *Поклон* и этимонимы этого слова в речезтикетной системе восточных славян

4.1.1. Поклон

Поклонъ отъ **Н** къ **Н** — древнейшая формула письменного приветствия. Её фиксируют новгородские берестяные грамоты, стратиграфически датированные XI – XIII вв.: поклоно ^ Матви# ко Есифу ко Давидову [Л. – С., с. 27], – а также относящиеся к более позднему времени (XIVв.): поклонъ ^ потра к марьh; поклоно ^ вмросии ко степану [Л. – С., с. 139]; поклонъ ^ михаілі к осподину своему тимофию; поклоно ^ карпа к осподину моему Фоми [Л. – С., с. 140]. Исследователи отмечают 58 грамот на бересте с таким началом [Мещерский 1981, с. 67].

Трудно однозначно ответить на вопрос, какая из сем ('привет, приветствие' или 'просьба') преобладает в этом обороте. Вспомним, однако, замечание Д.С.Лихачева о том, что любое обращение низшего к высшему в системе средневековой корпоративности «приобретало форму просьбы, моления» [Лихачев 1973, с.149].

Эта же формула является обычной для начального приветствия не только в бытовом письме, но и в официальном послании, например, в договорной грамоте: поклонъ ^ кн#з# ^ михаила. къ втьцю ко вл[а]д[ы]цh (М. 1294 и 1301 г. Дог. тверск. кн. Мих. Ярославича с новгородцами [Л. – С., с. 142]; †поклонъ и благсвлhньне ^ ѡкова епискупа полотьского. бровстови. намhстньнику пискуплю и дhтемь моимь ратманомь (1309 г. Грам. полоцк. епископа Якова рижск. епископу и Риге [Хрест. Ив., с. 86]). По вышеприведенным примерам видно, что это приветствие было распространено среди светских лиц, а также могло быть направлено от духовного лица светскому и наоборот.

Написание крестика (†) в некоторых грамотах Н.А. Мещерский вслед за польским славистом В. Курашкевичем истолковывает как идеографическую замену слова *поклон*, считая «объединением трафаретных формул» употребление крестика, предшествующее лексеме *поклон* [Мещерский, там же]. Возможно, скорее следует видеть в кресте христианский символ; таким образом древнее приветствие поклонъ приобретало христианский ха-

рактер (ср. *Радуйся о Христе! Здравствуй о Христе!*) и может быть интерпретировано как 'христианский поклон'. В тех случаях, когда лексема *поклон* отсутствует, можно сделать предположение о включении семантики 'поклон' в идеографему †.

Символика этого жеста очевидна и сводится к выстраиванию этикетной вертикали, при которой адресат речи возвышается, *величается*, а говорящий принижает себя – физически и (или) словесно. Поскольку наличие этой вертикали необходимо при любой ситуации общения, лексема *поклонъ* ведет себя как многозначная уже в древнерусском языке – в соответствии с полифункциональностью реального жеста. Так, И.И. Срезневский отмечает 5 значений у этого слова для XI века: 1. 'Преклонение, поклон на молитве'; 2. 'Поклонение'; 3. 'Поклон, привет'; 4. 'Дар'; 5. 'Покорность' [Срезн., II, с. 1109]. Можно заметить, что различные значения иллюстрируются внешне очень сходными контекстами, например, *поклонъ* в словоформе с *поклономъ* интерпретируется как:

– 'поклон, привет': И бывшу ему у Коломны, срѣтоста и та брата княжича с поклоном (Лавр.л. под 1180 г.); Срѣтоша я на межахъ с поклономъ и с честию и даша дары многы (Лавр. л. под 1186 г.) При " ша и Новоторожъци съ поклономъ (Новг. 1 л. под 1196 г.);

– 'дар': Повѣдаша С[в#]тославу, " ко придоша Гръци с поклономъ (ПВЛ под 971 г.);

– 'покорность': Оже с# не отворите, ни выидете с поклономъ, то оузрите, завѣтра приступлю къ граду (Ип.л. под 1123 г. [Срезн., II, с. 1108-1109]).

Решающим для определения значения, как мы видим, является заданный контекстом тип этикетной ситуации: просьба, встреча, демонстрация подчинения и т.д.

Можно предположить, что развитие семантики лексемы *поклон* происходило следующим образом:

1. *Поклон* 'наклон, любое отклонение от вертикали', затем жест ('наклонение головы или спины'). Значение 'отклонение от вертикали' отмечается в XVI в.: *А у Болише Ушенки дуд [так!] кроковистъ а вверху поклон да вяз росоховат а на дубу и по вясу грани...* (1576 – 1577 гг. (Сп. XVI в.) Правая грам. кн. Ф. И. Хворостинина по челобитью < ... > на бортников [Пам. Ряз., № 83, с.5]). В пословице XVIII в. *поклон* – 'наклонение спины': *Ленивому гриб не стоит поклона* [Герм., с. 32].

Следует отметить, что чаще всего *поклон* не есть просто «наклонение», эта лексема обычно сопровождается этикетным при-

ращением смысла – даже когда акцент в высказывании сделан на реальное исполнение жеста: *С поклону голова не заболит. Поклоном поясницы не переломишь. Поклоном спины не насадишь, шею не свихнешь* [Д. П, с. 153]. Очевиден этикетный смысл этой серии пословиц: просьба, демонстративное подчеркивание собственной приниженности, покорности не требуют значительных физических усилий.

В древнерусских текстах лексема поклонъ употребляется со сложной семантикой 'наклонение туловища, действие, связанное с физическими усилиями и имеющее сакральный характер': повелѣ же и казнити епитѣть" ми. ли ^лоучени~мь. ли поклономъ толикъмь. (Житие Феод. Студита [Выг. сб., л. 80]). То же в фольклоре:

Падымайте иконы местныя,

Встрячайте маяво чаду милаво

Долеко во чистом поле.

Покланяйтесь по двенадцати земляных поклонов

За яво святое умоление, за вяликое притерпление! [П. Кир. 1-Я, с. 218-219].

2. Поклон 'приветствие'.

Исходя из контекста, можно – довольно условно – выделить у лексемы поклон специализированные значения 'приветствие при встрече' или 'приветствие при прощании'.

2а. Поклон 'приветствие при встрече':

А т и г р и н. *Силны цари, князи меня устретают и поклоны нискими всегда поздравляют* [1731 г. Акт о К., с. 131];

Приходит [Илья Муромец] к Володимеру князю во палаты,

Князю Володимеру поклон:

«Дай, князь Володимер,

Проезжемю доброму молодцу местечко» [П. Кир. 1, с. 43];

Не всем по именам, а всем по поклону [Снег., с. 265]; *Честному мужу честен и поклон* [Снег., с. 452]; *Прислуга доносила только, что старшая из дам называется «баронесса» и что обе они так горды, что никогда не отвечают на поклоны и не знают ни одного слова по-русски* (Лесков Н.С. «Колыванский муж»);

(бел.) – *Як будзеш, Верачка, к вянцу ехаць,*

Не забудзь, Верачка, мамулечку. < ... >

– *Вот тебе, мамачка, нізкі паклон,*

Нізкі паклон ад мяне маладое [Вяс. 3, с. 269].

26. *Поклон* 'приветствие при прощании':

Поклон им, *заперлась, и более ни слова* (1803 г. Дмитриев И.И. «Мышь, удалившаяся от света»); (Формула выпроваживания) *Поклон да и вон* [Д. П, с. 238]; *А теперь позвольте отдать вам наше низжайшее почтение, благодарить за посещение <... > Господа умные и глупцы, дворяне и купцы и купчихи краснощекие – всем вам мои поклоны глубокие <... >. Адью-с, ухожу-с!* (Гиляровский В.А. «Московские зазывалы» [ФТ, с. 409]).

Окончательное прощание с умершим, посмертная дань уважения обозначаются выражением *последний поклон*: «*Последний поклон великому человеку*» (такими словами 3 октября 1999 г. предварялся на Би-би-си материал о кончине Д.С. Лихачева).

В письмах к. XVII – нач. XVIII в. фраза *От меня тебе поклон* может выступать как начальное, конечное или обрамляющее (опять-таки в соответствии с жестом) приветствие в бытовом письме:

– от мужа – жене:

(начало) *От Петра Василева жене моеи Параскове Лукьяновне с любовию поклон здравствуи на многие лета дочери моеи Еффимии благословение* (П.В. Окулов – жене Прасковье Лукьяновне [Гр., № 398]).

(окончание) *вт Ондрия Илича женѣ моеи Ирине. <... > А от меня тебѣ поклон* (А.И. Безобразов – жене Ирине [Пам.Без., № 13, 14, 15, 16]); *А по семь от меня тебѣ Маремянушка великий поклонъ а Прокофьюшку биди млсть божия и от меня еми благословение отнне и до веки* (Д.В. Михалков – М.И. Михалковой [МДБП, № 40]);

(обрамление) *Вт Михаила Панфиловича жене моеи Авдоте от меня тебѣ з детми поклон <... >. А от мнѣ тебѣ дУша моя поклон а детушкам моим благословение...* (М.П. Салтыков – жене Авдотье [Гр., № 99]);

– от отца – сыну:

(обрамление) *Василѣи Иванови съоу моему Федору Василвичу о менѣ тебѣ поклонъ и благословение, иже с твоѣи с Анои Олекаднои и з дѣками своими <... > о мене тебѣ поконъ [так!] зрасву* (Василий Иванович – сыну Федору Васильевичу [Гр., № 191]).

Направленность приветствия свидетельствует об отсутствии у него сервильной коннотации: это речезыкетная формула, адресованная сверху вниз (ср. с обычным этикетным выражением этого времени *бью челом*). Письма от жены мужу, от детей отцу никогда не начинались оборотом *Поклон тебе*.

В нач. XX в. эпистолярная формула *Поклон* активизируется, причем она может сигнализировать равным образом о начале или окончании контакта, представляя собой приветствие в широком смысле. Так, в переписке И. Бунина: (Начало) **Поклон из Дамаска!** (1907 г. И. Бунин и В. Муромцева – Н. Телешову [ПБ, с. 561]). (Окончание) *Ужинаю и пью настоящую «житнивку» в настоящей Праге! Поклон! И.Б.* (1900 г. И. Бунин – Н. Телешову (открытка) [ПБ, с. 520]); *Чрезвычайно прошу вас как можно скорее выслать мне хотя несколько экземпляров «Листопада», как только выйдет. Очень буду благодарен. Поклон!* (1901 г. И. Бунин – В. Брюсову [ПБ, с. 455]).

См. также семантику лексемы *поклон* в поэтическом тексте, в которой не актуализирована сема начала или конца контакта, а значение можно интерпретировать как приветственное в широком смысле:

*В свои расселины вы приняли певца,
Граниты финские, граниты вековые,
Земли ледяного венца
Богатыри сторожевые.*

Он с лирой между вас. Поклон его, поклон

Громадам, миру современным... (1820 г. Е.А. Баратынский «Финляндия»).

3. *Поклон* 'приветствие 3-му лицу или от 3-го лица.' Формулы *Кому (мой, от меня) поклон; Тебе (вам) от кого поклон: Брату мой поклон* (1824 г. П.А. Вяземский – Пушкину [ДП I, с. 410]); *Григорию Никаноровичу мой поклон. Поцелуйте его за меня* (1828 г. И.А. Крылов – NN [Кр. в восп. совр., с. 83]); *Пока не успел писать к ним, усерднейший поклон почтенной Катерине Андреевне, милой Софье Николаевне и всему семейству <... >* (1832 г. И.И. Дмитриев – П.А. Вяземскому [Дм., с. 411]); *Всем поклон, привет* (1898 г. А.П. Чехов – А.Л. Вишневскому [ПЧ, с. 553]); *Михею, когда приедет, – поклон мой!* (1897 г. Н. Телешов – И. Бунину [ПБ, с. 479]); *Поклон мой Зинаиде Николаевне* (1926 г. В. Дмитриев – Мейерхольду [ПМ, с. 255]); *Г л а ф и р а <... > (Хочет идти) Мурзавецкий. Атанде! Поклон. Г л а ф и р а. От кого? Мурзавецкий. От Лыняева. Г л а ф и р а. Благодарю вас. Что это ему вздумалось?* (Островский А.Н. «Волки и овцы»).

Остальные значения лексемы *поклон* не реализуются в речевых стереотипах.

4. *Поклон* 'просьба'. Это значение широко представлено в поговорах: *На ряде не вырядишь, на поклонах не выкланяешь* [Д. II, с. 128]; *Поклон – что дуга, отказ – что шест* [Д. I, с. 184] см. также [Д. II, с. 153]; *Из поклонов не шубу шить* [МЖРФ, с. 97]; *Поклонами шубы не подшить, или С поклонов шубы не шьют* [Снег., с. 329].

Особенно часто в таком значении употребляется клишированное выражение (*ходить, прийти*) с *поклоном*: *Дядя думали, думали и пришли к племяннику с поклоном, чтоб он шел в море* [П. Кир. 1-Я, с. 224].

5. *Поклон* 'подарок' – вторичное значение, метонимически связанное с предыдущим:

Б о р и с ь. *О судар надобноли што **впоклон** понести, Штоб не велел якъ н[а]шъ кн[я]зь у шею вон вести.*

А г г л ь. *Г[оспо]дь в[а]шъ и б[о]гъ бл[а]гих ваших не требует, не хочет себѣ даровъ, но вн да дарует* (XVI в. «Ком. на Рождество Христово» [Обн., Барх, с. 64]);

*Секретарь <... > в дванадесятые праздники ездил развозить **поклоны** или принимал оные сам от челобитчиков (1766 – 1789 гг. Чулков М.Д. «Пригожая повариха» [РП-ХVIII, 2, с.165]); – А что, добрый человек городничий? – А Бог его знает, добрый или нет; добр, как с **поклоном** придешь* (1837 г. Вельтман А.Ф. «Ольга»);

(Бел.) *Малады Іллючок спазніўся,*

А яго цешчухна гардзянка.

– А я сваю цешчухну перапрашу,

*Чырвонца **наклон** палажу...* [Чачот, с. 82].

6. *Поклон* 'благодарность': *Тить голови Юрья Литохина ко мнѣ впят присылалъ и за послание спаси б[о]гъ с **поклономъ** большое сказал и бл[а]гословения себѣ и ц[а]р[и]цѣ и дѣтям прося молитца в себѣ приказал* [Жит. протоп. Аввакума Хрест. Ив., с. 398]; *Вечерник берет себе палицу, щит, копье, шлем, одел на себя, вылетат, как рыцарь, и **поклон** старику: – Благодарю за благодарительность* [«О трех богатырях – Вечернике, Полуношнике и Световике» [Ск. о богат., С. 69)]; *Операция кончилась, и наказанный, как ни в чем не бывало, встает, утирает слезы, подпоясывается, **отдает** по заведенному порядку своему наставнику низкий **поклон** – благодарность за поучение – и отправляется на место...* (1861 г. Никитин И.С. «Дневник семинариста»); *Попоют девушки – кончат. Невеста встанет с места, низким **поклоном** свою благодарность отдаст* (Максимов С.В. «Год на Севере»).

7. *Поклон* как свойство – в характеристиках человека угодливого, послушного или соблюдающего субординацию: *Протекцию, деньги, поклоны, пронырство, наущничество и тому подобные качества надобно иметь для того, чтобы добиться права на труд < ... >* (Помяловский Н.Г. «Мещанское счастье»).

Обычная для фольклора формулировка положительного качества – *голова с поклоном: Ножки с подходом, ручки с подносом, сердце с покором, голова с поклоном, язык с приговором* [Д. II, с. 136];

*Ай, сватьюшка молода,
Шапочка золота...
Ножечки с подходом,
Ручушки с подносом,
Буйная голова с поклоном,
Сахарны уста с приговором* [ЛРС, с. 172].

Эта семантика часто заключается в прилагательном *поклонный* и подобных:

Поклонны головы мечь не сечет, а покорно слово кость ломит [Дом., с. 122] (в пер. В.В. Колесова: *Повинную голову меч не сечет...* [Там же, 123]; *Поклонен, покорен, а в глазах искра есть* [Д. II, с. 139]; (Бел.) *Паклоннай галавы і меч не бярэць* [ПриП, 2, с. 329];

*Во чужой-то семье надо быть покорною,
Отцу с матерью быть поклонливой,
Как моя-то головушка непоклонлива,
Ретиво сердце непокорное* [РСФС, с. 39].

В словаре Носовича приводится белорусское прилагательное *уклонный* с семантикой «вежливый, каждому кланяющийся». *Хлопець змирный, уклонный* [Насовіч, с. 655].

Описание этикетного действия обычно производится с помощью словосочетаний *сотворить поклон* (церковнославянское), *править поклон*, что отражено и в речезыкетных формулах: *Рабскіи мои поклонъ тебѣ сотворяю* [1683 г. Карион Истомин Приветствие царевне Софье Алексеевне (окончание) [Хрест. Ив., с. 404]; *А дѣтемъ великого князя, князю Юрью и князю Дмитрею, и внуку великого князя правиль поклонъ же* [1494 г. ПДПЛ, с. 145-146]; «*Давай, – говорят, – деньги, а не то под мостом будешь, не успеешь-де родным и поклону справить*» (1854 г. Максимов С.В. «Извозчики»).

Уже в современном русском языке появляется выражение *сделать поклон*: *Гость сделал общий поклон, но особенно почтительно, даже с благоговением, он поклонился Надежде Игнатьевне,*

точно она была жена его начальника (Помяловский Н.Г. «Молотов»).

Для описания ситуации передачи приветствия, а также дистантного приветствия употребляются глагольные сочетания *послать поклон* (инициатором приветствия), *снести, свезти поклон* (исполнителем):

– *Слатъ, послать поклон:*

*Поклон послал Добрынюшка Микитинец,
Велел к тебе захватъ на широкий двор «Добрыня и Василий
Казимирович» [Добр. и Ал., с. 72];*

Милый письмецы не пишет

И поклоны мне не шлет... [ИП-ХVIII, № 388];

Две грамотки пишет,

Написав, дружок сердечный,

Поклон посылает,

Поклон, поклон посылает

Ко душе Наталье:

– Я совсем, я совсем

Скорейше буду... [Трад. ф-р Новг. обл., с. 182];

Тригорин. Вам шлют поклон ваши почитатели... (Чехов А.П. «Чайка»).

Можно заметить, что часто в паре выступают *поклон* и *привет*, в соответствии с этикетным оформлением реального приветствия при встрече: слова расположения и жест, причем, поскольку в практике общения порядок следования жеста и словесной формулы не определен, постольку и в речезыкетных стереотипах это не столь важно: *Маничка Норк! <... > Всюду я шлю тебе мой душевный привет и мой поклон до земли* (Лесков Н.С. «Островитяне»);

См. также в популярной песне советского времени:

Второй стрелковый храбрый взвод

Теперь моя семья.

Привет, поклон тебе он шлет,

Моя любимая (Евг. Долматовский «Моя любимая»).

– *Снести, принести поклон:*

Ты слетай в страну родную, на родиму сторону,

Ты снеси-ко, черный ворон, отцу-матери поклон [Трад. ф-р Новг. обл., с. 22];

*Снег! Быть может, в край родимый,
В стае южных облаков,
Занесешься ты, гонимый
Мощной прихотью ветров, –
Благодатью дождевою
Там пади на зелена,
И снеси поклон с собою*

Русским людям от меня... (1861 г. Н.Ф. Щербина «Hotel «La sirena» в Сорренто»);

*Ты... ты, стало быть, не спишь? А я тебе поклон принес.
Кланяется тебе этот... как его?... рыжий, что постоянно тебе
букеты подносит. Загвоздкин...* (Чехов А.П. «Mari d'elle»);

*(бел.) Не стой, маці, ды ў запечку,
А стань сабе у парозе:
Тваё дзіця ісці будзе,
Табе ўклоны нясці будзе,
Уклоны нізенькія, –
Слёзачкі дробненькія [П. нар. св., с. 367].*

– **Везти, свезти, привезти поклон:**

*Вы свезите-ко, братья, всему роду по поклону <... >,
Всему роду по поклону, еще – батюшке родному,
Вы забудьте-ко одной – моей маменьке родной...* [Трад. ф-р
Новг. обл., с. 97];

*Блеща средь полей широких,
Вон он льется!.. Здравствуй, Дон!
От сынов твоих далеких
Я привез тебе поклон* (1829 г. А.С. Пушкин «Дон»).

С развитием семантики *поклон* «реальный жест» → «символ приветствия» меняется сопровождающий эту лексему глагол. Теперь это глагол речевого действия – *сообщить, сказать, написать* и под.: *Более ж в суетности моей ничего за скоростию писать не нашел, а остаюсь благополучен. Однако, еже в живых всем родственникам и приятелям, кто б ни был, мой рабский поклон приписую и прошу прощения, естли пред кем погрешил* (1773 г. Казак-повстанец А.А. Еремкин – отцу [ДСП, № 548]; *Прошу вас также сообщить мой усердный поклон, приветствия с праздником двум новым министрам...* (1832 г. И.И. Дмитриев – П.А. Вяземскому [Дм., с. 411]);

— Ты, извощик маладой, ей,
Ни паедишь вапиред маво дамой?
Ты **скажи, скажи** маей любушки **паклон**, <... >
Што ни буду ж я ва всю зимушку дамой... [П. Кир. 2-Я, с. 29];

Палети-ка, сиз галубчик,
В этот город Ярослав!
Ты **скажи** мому милому
От меня низкой **паклон!** [П. Кир. 2-Я, с. 115];

Эх, вы **скажете** всему роду <... >
Эх, всему роду **по поклону**,
А батюшке ни «здорова»,
А матушке ни, ни «спасиба» [П. и ск. Пушкин, м., с. 46];
Усердно благодарю Екатерину Дмитриевну за **сказанный мне поклон** и низко кланяюсь (1878 г. Н.С. Лесков – Н.А. Любимову [Леск. X, с. 454]); **Скажите поклон мой милому Гольцеву** (1888 г. Н.С. Лесков – В.М. Лаврову [Леск., XI, с. 366]); Ну, пока прощай. Жена тебе просила **написать поклон** (1900 г. Н. Телешов – И. Бунину [ПБ, с. 510]);

Скажи поклоны князю и княгине.

Целую руку детскую твою... (1919 г. И. Бунин «Ты странствуешь, ты любишь, ты счастлива...»).

Выражение типа *ездить на поклон* первоначально имеет семантику 'воздавать почести святым, великим мира сего и т.д. (при этом обращаясь к ним с какой-либо просьбой)':

Князь же великий Дмитрий Иванович поимъ с собою брата своего, князя Владимира Андреевича, и вся князи русские, и **поеде** к Жывоначалной Троици **на поклон** къ отцу своему, преподобному старцу Сергию, благословения получитьи от святыа тоа обители (XVI в. Ск. о М. поб. Осн. ред. [Ск. и пов. о К.б., с. 30-31]);

Возжгу куреньи благовонны,

И буду **ездить на поклоны**,

Где только обитаешь ты... (1789 г. Г.Р. Державин. «На счастье»);

Его собственные крестьяне, окольные и заезжие, приходя в лавку, берут за деньги пряники, кому в какую цену угодно, **идут с ними на поклон** к помещику, которых он всех охотно до себя допуссал <... >. В отсутствие самого хозяина крестьяне с пряниками <... > приходят **на поклон** к его сожительнице, в небытность которых к дворецкому и так далее (1766 – 1789 гг. Чулков М.Д.

«Пересмешник или славенские сказки» [РП-ХVIII.2, с.152]); *Пустынник на поклон таскался к визирям* (1817 г. Батюшков К.Н. «Сон могольца»).

Позднее семантика этого оборота раздвоилась, и он выступает в значениях:

1) 'совершать визит в знак уважения' :

Я был в Музее, в Пантеоне,

У Бонапарте на поклоне,

Стоял близехонько к нему,

Не веря счастью моему (1808 г. И.И. Дмитриев. «Путешествие NN в Париж и Лондон, писанное за 3 дня до путешествия» [ДП I, с.32]);

Господа съезжаются к нему на поклон (Пушкин А.С. «Дубровский»); *Её очень почитали и ездили к ней издалека, не ради пышности и угощений, а «на поклон» – из уважения* (1888 г. Лесков Н.С. «Пресыщение знатностью» Леск., XI, с. 182); [Гумилев:] *Бросьте! Я ведь знаю, что вы к Блоку на поклон ходили и клялись, что я ему в подметки не гожусь* (Одоевцева И. «На берегах Невы»); *К Кубелику меня возили на поклон в Европейскую гостиницу, хотя я не играл на скрипке. <... > Он тревожно взмахнул ручкой, испугавшись, что мальчик играет на скрипке, но сейчас же успокоился и подарил свой автограф, что от него и требовалось* (Мандельштам О. «Шум времени»);

2) обращаться с униженной просьбой:

Княгиня.

Вот то-то детки:

Им бал, а батюшка таскайся на поклон;

Танцовщики ужасно стали редки (А.С. Грибоедов «Горе от ума»);

И опять, хамы такие, придут ко мне на поклон... Тут-то я и поиздеваюсь (1923 г. Аверченко А. «Шутка Мецената»).

«Европеизированное» выражение *дать поклон*, позднее *отдать поклон* появляется в петровскую эпоху – на смену устаревшему *бить челом*, ушедшему из языка вслед за тем, как царь Петр отменил ритуал челобития, вследствие чего и приветственная формула *бью челом* стала исчезать из эпистолярного обихода. На смену ей появляется новое приветствие *Отдаю поклон*.

Оборот *дать (отдать) поклон* развивает следующие значения:

1. *Дать, отдать поклон* 'поклониться, чтить как высшую силу, выражая это ритуальным действием' (это значение обычно реализуется в церковнославянской разновидности литературного языка, обычно в произведениях украинских авторов):

*Чаю тебе з[о]с[у]д[а]рь к кн[я]зямь послали
Штоб они великому ц[а]рю **поклон дали**... <... >*

*Близ Града вифлиема в вертепе глубоко
Ниць лежить всего міра ц[а]рь Прознамениты*

Там убо весельма ногама идһте,

Достойную ему ч[е]сть и поклон дадһте (XVI в. «Ком. на Рожд. Христово» [Обн., Барх., с. 64]);

И р о д <... >. Царие и друзи, куда шествие ваше?

И кому такие драгие дары и поклон приношаше?

Ц а р и, с о с м и р е н и е м:

*Ко Христу новорожденному идем **поклон отдати**,*

Дабы в милости его век свой пребывати («Киевский вертеп»

[Маркевич, с. 76]);

А мы люде, мы христиане,

Бога выхваляймо,

Матце чудовней – Почаевськей

*Усе **поклон отдаймо!*** [Кост. Сл. миф., с. 478].

2. Отдать поклон 'поздороваться':

Га е р в ы х о д и т и г о в о р и т

Изыдох семо аз вам поклон отдати

И о намерени нашем возвещати. («Действо о короле Гишпанском» [РРД-5, с. 55]);

(П р и х о д и т Ж у л и я и р е ч е т)

Здравствуй, отче мой честнейший!

*Придох к вам **отдать поклон** мой низжайший* («Ком. гишпанск. о Ипалите и Жулии» [РРД-5, с. 475]);

*И как вышла та мамка ис церкви, и подшел Фрол Скобеев к той мамке, и **отдал ей поклон** и просил её, что она объявила об нем Аннушке* (К. XVII в. «Пов. о Фроле Скобееве» [Кож., с. 226]);

(укр.) Поїду до свої

Матусі старої,

*Щоб **поклін віддати**,*

А до свої миленької,

Щоб поцілувати [Стрільц. п., с. 71];

*Ты взглянула. Я встретил смущенно и дерзко
Взор надменный и отдал поклон.* (1910 г. А. Блок «В рестора-
не»).

В солдатской речи существовало фразеологическое выраже-
ние **Ядрам поклоны отдавать** (*приседать, когда летит ядро,
трусить*) [Д. I, с. 213].

3. Помимо собственно приветственной семантики, отмечаем
у этого оборота и специализированное значение *отдать поклон*
'нанести визит': *И как отслушал церковное пение, то цесарь про-
сил к себе российского матроса. И обещал быть, его величеству
поклон отдать* («Гист. о Вас. Кориотском» [РП-ХVIII, 1, с. 31]).

4. *Отдать поклон* 'проститься': *За сим рабъ твои Конищев
отдаю поклон* (Е. Конищев – Е.И. Суворову [Гр., № 31]);...*При
сем остаю и служником твоим Евстафеи Конищев отдаю
нижайший поклон августа А дня* (Е. Конищев – Е.И. Суворову [Гр.,
№ 32]);

И давала ему матушка прощение и благословение

И давала плечочку шелковую.

Поклон Дюк отдал и прочь пошел («Дюк» [Б-2, с. 211-212]);

Отдал поклон, да и ступай вон! [Д. I, с. 102].

Значение прощания актуализируется в выражении *дать, от-
дать последний поклон* 'проститься с умершим'. Уже в XVII в. в
предсмертном письме гетмана Войска Запорожского П.К. Сагай-
дачного польскому королю Сигизмунду III содержится прощаль-
ная формула *отдаю остатній уклон: Самъ тежъ приближаючися
ко дверемъ гробнымъ, отдаю под ноги вашого найяснйшого ко-
ролевского величества найнижайший остатній уклонъ мой...*
[1622 г. АЮЗ. 2, с. 72]; (о смерти Петра I) **Последний поклон да-
дим россиску атланту** (1725 г. «Слава печальная» [РРД-3, с.301]);
*А мне, после сегодняшнего дня, после этих ощущений, остается
отдать вам последний поклон – и, хотя с печалью, но без зависти,
безо всяких темных чувств сказать в виду конца, в виду ожи-
дающего Бога: «Здравствуй, одинокая старость! Догорай, беспо-
лезная жизнь!»* (Тургенев И.С. «Дворянское гнездо»).

5. *Отдать поклон* 'передать привет': *Да пожалуй вели отдам
поклоны от моеи нищеты Евдоке Василевне, Анне Савелевне,
Марфе Тимофевне, а на особые б писма не погннвалис...* (Е. Ко-
нищев – Е.И. Суворову [Гр., № 320]).

С явным удовольствием употребляет этот оборот в своих письмах Петр I, стараясь с помощью различных распространителей придать приветствию неформальный характер: *Пожалуй, поклон отдай светейшему и прочимъ...* (1705 г. Ф.А. Головину [ПБП, 3, с. 411]); *Пожалуй, отдай поклоны сестри і прочимъ* (1706 г. Ему же [ПБП, 4, с. 434]); *Пожалуй, святейшему і прочимъ всмъ, а паче таварыщу, отдай поклонъ отъ меня* (1705 г. Ему же [ПБП, 3, с. 441]); *Пожалуй, всмъ знаемымъ нашимъ отдай поклонъ, какъ оружіе насыцимъ, такъ и иглу имнующимъ* (1706 г. А.Д. Меншикову [ПБП, 4, с. 377]).

6. *Отдать поклон* 'благодарить': *Благодарен премного за невесту драгу, поклон отдаю ти до земного прагу* (К л а н я е т ц а) [Акт о К., с. 232].

7. Значение именно *отдать* ('вернуть, возвратить') *поклон* отмечено у этого сочетания только в позднейшее время (не ранее 2-й пол. XIX в.): *Иезуит поклонился нам: «Don Basilio!» – протяжно пропел мой спутник, отдавая поклон* (1854 г. Гончаров И.А. «Фрегат «Паллада»); *Бабенка законфузилась и стала было отнекиваться, но, выказав все предписанное приличием, под конец встала, выпила учтиво, в три хлебка, как пьют женщины, и, изобразив чрезвычайное страдание в лице, отдала рюмку и поклонилась Степану Трофимовичу. Он с важностью отдал поклон и воротился за стол даже с гордым видом* (Достоевский Ф.М. «Бесы»).

В украинском и белорусском языках соответствующие русскому *поклон* лексемы, нередко меняющие приставку (*уклон*) широко известны и употребляются при описании этикетной ситуации просьбы или приветствия. Так, в староукраинской драме употребляется выражение *пресылати поклон* (о мужиках, которые захотели на пиру поплясать и просят у хозяина музыки):

С л у г а 3-й (До Евфимияна рнч говорит):

Велможности вашей свой поклон пресылають

Презацные мужеве, да цымбал желают (1673-1674 гг. «Драма про Олексія чоловіка Божого» [Давн. укр. л., с. 299]).

Обычно для украинского и белорусского фольклора и выражение *бить, отбить поклон*:

(укр.) *Перед ним [турком] девча поклон бье;*

Турчин, турчин, турчиночку,

Не губ мене молодежку:

Иде тато, одмен несе... [Кост. Сл. миф., с. 472];

У н и а т с к и й п о п .

Треба тобі до косциола ходыть,

Часты поклоны треба быць.
Запорожец.
Э! Бач! Я з віку в косціол не ходыв,
Поклонив не быв, хіба тебе побью («Киевский вертеп» [Маркевич, с. 97]).
(бел.) – *Я й за конікаў чырвонцамі адсыплю,*
Я й за дружыну паклонамі адаб'ю... [Вяс. 1, с. 217].

В белорусском фольклоре *нізкі паклон (уклон)* предстаєт как показатель подобающаго этакетнаго павадєня чєловака:

Палажыў галоўку за дзеўку,
За яє ціхія паходы,
За яє нізкія паклоны [БФ, с. 151];

Зваюю цєсцєнька
Бєз ружжєа, бєз шабєлькі:
Ціхімі ўходамі,
Нізкімі ўклонамі [Вяс. 1, с. 449];

– *Мамачка мая, родная мая,*
Чым я табє нє міла? <... >
Ці табє мілєй зятнїя коні,
Як має нїзкія ўклоны? [ЛБВ, с. 79].

Однако слєдуєт замєтїть, что вєрбализации, превращєния в рєчєэтакетную формулу подобную русской *Поклон тебе!* нє просходит ни в украинском, ни в белорусском языке, хотя список глаголов, образующих сочетания с этим словом, довольно значитєлен:

(укр.) *Будєм мы добрє дбати,*
*Отцєвє й матєрє в зємлю хрїстиянську **поклон передавати,***
Щоб нас отєц и мати добрє знали,
Вони-б до нас прибували,
Вони-б нас хорошєнько поховали [Кост. Сл. миф., с. 439];
Нє ясний сокіл квилить-проквїляє,
*То син до отця, до матусї в городи хрїстиянськїї **поклон посилає,***
Сокола ясного рїдним братом називає... <... >
– *Товаришу вїрнєнький, братє мїй рїднєнький,*
Нє трєба було б в городи хрїстиянськїї
Поклону подавати

Та отцёві-матусі великого жалю завдавати («Плач невольника» [Зоз., с. 124-125]);

У сiни ввiйшов – шличок iз себе скидав,

*У свiтлицю ввiйшов – низький **поклон** **послав...** («Хмельницький та Барабаш» [Зоз., с. 147]);*

*(бел.) Не кладзі **паклону**, калі цябе не вiншуюць [БППФ, с. 253];*

***Паци** гордага **паклонам**, уiмi сварлiвага трызвонам, падмаж скрып варот, заткнi сабаку хлебам рот – i ўсе чатыры замоўкнуць [Там же, с. 356]; **Бога** не гнявi, не гнявi тожса i чорта, а **палажы** за яго тры **паклоны** [ПРiП, 2, с. 158]; Скажы дурному **паклоны биць**, то ён i лоб разаб'е [ПРiП, 2, с. 248]; **Нясi** пану **паклон** з хахлом [ПРiП, 2, с. 298]; Пакуль чаркi сцябаў, патуль **паклон даваў** [ПРiП, 2, с. 356];*

– Напiшы, дзевачка, ды два пiсмяцы,

*Ды **паiшлi** брацетку тры **паклончыкi**:*

«Брацетка родненькi, прыедзь да мяне,

Блаславі мяне ў чужой старане» [ЛБВ, с. 490];

А прыданачкi, мае галачкi, едзьте дамоў,

***Завязiце** маёй мамачцы **нiзкi** **паклон**.*

Яна ж мяне маленькую гадала,

Сорак ночак цямнюсенькiх не спала [ЛБВ, с. 532].

Как уже отмечалось, в белорусском фольклоре поклон предстает менее раболепным, нежели в русском и по преимуществу связывается с головой и шапкой, а не со спиной: *З паклону галава не балiць (никому) [БППФ, с. 300]; Ад паклону галава не адпадзе [ПРiП, 2, с. 328];*

Сястрыца родная,

Да не будзь гордая,

Да не жалей галоўку, да кланяйся

Мамцы ў ножкi: няхай мамка знаець,

Да аб долю ўгадаець [Тышк., с. 190];

Карыся, Агатка, старому,

Кланяйся и малому,

З паклону галоўка не балiць,

Стары i малы благаславиць [Тышк., с. 204].

О настойчивом женихе в свадебной белорусской песне говорится:...*Збузаваў шапачку **кланяючы** [Вяс.1, с. 191].*

Шапка непосредственно объявляется необходимым аксессуаром поклона:

*Не ўлякайся, дзевачка,
Гэта ўсё бо патрэбнае:
Боцікі для танчыкаў,
А шубачка для гонару,
А шабелька для абарону,
А шапачка да для паклону* [Вяс. 4, с. 141].

(Ср. рус. **Поклоном** спины не надсадишь, шеи не свихнешь. **Поклоном** поясницы не переломишь [Д. II, с. 153]).

4.1.2. Церковнославянские синонимы лексемы **поклон**: *поклоние, поклонение, покланяние*

В качестве церковнославянского соответствия лексеме *поклон* выступают суффиксальные образования *поклоние, поклонени~*, *поклан* "ни~: Бл[а]гословлени~ ^ вл[а]д[ы]кы покла[н#ни]~. ^ посадн[и]ка михаила и ^ тыс#цьскаго кондрата. и ^ вс҃го новагорода и ^ вс҃хъ старшишихъ. и ^ вс҃хъ меньшихъ. къ кн[и]зю "рославоу (1264 или 1265 г. Договор Новгорода с в. кн. Ярославичем [Л. – С., с. 37]); Начахъ прил҃жно Б[ог]а молити и часто поклони~ кол҃номъ творити и тако втбеже отъ мене страхъ ть. [Усп. сб., л. 44 а]; *Старейшимъ себѣ честь воздавай и поклонение твори, среднихъ яко братию почитай, маломожныхъ и скорбныхъ любовию привечай, юнейшихъ яко чада люби...* [Дом., с. 76]. (Перевод В.В. Колесова: «Тем, кто старше тебя, честь воздавай и **кланяйся**, средних же как братьев почитай, немощных и скорбных утешь любовью, а младших как детей возлюби...» [Там же, с. 77]).

Существительное *поклонение* обычно употребляется с глаголами *творить, чинить, полагать* и подобными: *Препдбн҃шишеми втцу пречстн҃шишеми монахи Веніамини <... > многогр҃шныи пред бгомъ і недостойныи сего іменовани" убогии келарь чернец Пафнотии поклоненіе полагаю. і за вс" тво" ко мнѣ блгодѣ" ния паки челом бью (1694 г. Келарь Пафнутий – монаху Вениамину [Гр., № 474]); В нн҃шнем СВ м году въ ДІ день блговолил ты по своему блгонам҃ренію ко мнѣ убогоми блгосовѣтно писать і у вбцаго нашего втца Діивн҃сія с **поклоном** блгословенія іспроситъ тако ж старци Филарети і Герасими Васильевичю поклоненіе учинитъ (1694 г. [Гр., № 474]).*

В последнем случае *поклонение учинить* – передать поклон, приветствие 3-му лицу. Это значение тоже унаследовано церковнославянизмом.

См. также в старобелорусском: *Братъ вашъ, а мой возлюбленый въ духу сынъ, панъ Андрей Кузьминичъ Ребровичъ именовемъ всхъхъ васъ **поклонение** ми **отдалъ** и **привѣтъ**; а я вамъ черезъ тогожъ пресылаю благодареніе и всяческое цѣлованіе...* (1628 г. Письмо архиеп. Полоцкого М. Смотрицкого – Могилевскому братству [АЮЗ, с. 78]).

Интересно проследить за употреблением лексемы *поклонение* в разновременных редакциях «Повести о Петре и Февронии»: *По вся же дни ходя к брату своему и к сносе своей на **поклонение*** (Сер. XVI в. 1-я ред., авторская [Пов. о П. и Февр., с. 212-213]); *И бе ему обычей по вся дни ходяи к брату своему и к сносе своей на **поклонение*** (Сер. XVI в. Вар.1-й ред. [Там же, с. 243]).

Приход князя Петра «на поклонение» брату Павлу описан почти во всех редакциях «Повести», но характерно, что в 1-й редакции эта ситуация никак не комментируется, позднее же, когда формируется специальное значение у *поклонение*, отличное от *поклон*, появляется необходимость истолковать этот эпизод, потому что значения лексем *поклон* и *поклонение* уже разошлись в языковом сознании: *В некое же время приключися блаженному князю Петру прийти в полату **на поклонение** брату своему, понеже имяше обычай блаженный Петр всегда приходити к брату своему на поклонение, яко мний его леты* (XVI в. 2-я ред. [Пов. о П. и Февр., с. 253]); *И в некое время пришед Петр в полату к брату своему Павлу **на поклонение**, обычай бо Петров – всегда приходити на поклонение: он менишой брат* (Сп. XVIII в. 4-я ред. [Там же, с. 317]).

Заметно, что для редакторов позднейших вариантов *поклонение* Петра Павлу – уже не обычное ежедневное приветствие, а некий уважительный ритуал, совершаемый младшим братом по отношению к старшему.

Вновь сформированное значение *поклонение* «пиетет, высшая степень почтения, преклонения» обыгрывается в «Почте духов» И.А. Крылова (1789 г.), где проводится параллель между домом знатного барина и храмом: *Храмом можно назвать этот дом потому, что всякое утро бывает в нем **поклонение** живому, но глухому и слепому идолу <... > Итак, некоторые из сего народа, бродящего в комнатах и на крыльце, приехали сюда для того, чтобы сделать **поклонение** сему идолу и потом надуться гордостию, если он хотя нечаянно на них взглянет <... >* [РП-ХVIII, 2, с. 676-677].

Такого рода каламбурное столкновение смыслов встречаем в пушкинском письме: *Здравствуйте; поклонение мое Анне Петровне, дружеское рукожатие баронессе etc.* (1828 г. А.С. Пушкин – А.Н. Вульф [ДП II, с. 201]). Пушкин намеренно сталкивает значения *поклонение* 1) 'приветствие' и 2) 'отношение к кому-либо как к божеству' – в галантном лексиконе – к женщине (ср. *поклонник*).

В более позднее время эта многозначность в лексеме *поклонение* уже не просматривается: *Остается предположить одно, что ей [Ольге] нравилось, без всяких практических видов, это непрерывное, исполненное ума и страсти поклонение такого человека, как Штольц* (Гончаров И.А. «Обломов»).

В XIX в. слово *поклонение* окончательно утрачивает приветственный этикетный смысл, оставляя за собой сакральный:

*Услыша вести в отдаленье
О чудном храме, в той стране,
С востока облака одне*

Спешат толпой на поклоненье... (1829 – 1841 гг. М.Ю. Лермонтов «Демон»).

Жестовая семантика в этом слове редуцируется до нуля, что отражается на его возможности сочетаться с новыми глаголами, в частности, с глаголом *питать*: *С этого дня я стал чуть не ежедневно по утрам бывать у Тургенева, к которому питал фанатическое поклонение* [Фет, с. 262].

4.1.3. Семантическое своеобразие глаголов *поклониться, покланяться, поклоняться*

Употребление глагола *поклонити с* в древнерусском тексте вполне возможно и за пределами сферы этикета, в значении «наклониться, отклониться от вертикального положения». Так, в житии Февронии сильное землетрясение описывается следующим образом: *Троусь быс[ть] великъ " ко же мьнѣти с# въ пропасть поклонити с#. всеи земли [Усп. сб., л. 142 б-в].*

Такое значение иногда появляется в фольклоре восточных славян. Об изнемогающем путнике в украинской песне говорится:

Куды ветер повене, туды похилиться,

Куды траву поклонить, туды и поклониться [Кост. Сл. миф., с. 449].

См. также в белорусской песне: *Ваду чарпала, пакланилася...* [Лір. п., с. 141]. Однако обычно этот глагол обозначает именно этикетное действие, усиливая то жестовую, то вербальную сторону семантики.

Первоначально оба глагола (поклонити с " , поклоняти с ") способны появиться с одним и тем же лексическим значением в одном тексте: и вельможамъ ѡдущемъ ко кн " зю. и издалеча познавъше бл[а]женаго. и съсѣдше съ конь поклон " ахоу с " оубо бл[а]женоуоумоу о[тъ]цю нашему феудосию; вси же бол " ре сѣрѣтше поклон " хоу с " ~моу. таче дошьдъшю ~моу манастыр " и се ишедше вьс " брати " поклониша с# ~моу до земл " . тоже отрокъ больми оужасе с " помышл " # въ себе кто съ ~сть. ~же тако вьси поклон " ють с# ~моу... [Усп. сб., л. 42 б-в.]

В повести речь идет о том, что юноша, увидев, что и вельможи и монастырская братия кланяются при виде прп. Феодосия, ужаснулся, подумав: «Что же это за человек, которому все поклоняются?» (все приветствуют поклонами). При желании можно увидеть в этом тексте попытку видовой дифференциации: вельможи, сойдя с коней, *поклонялись* блаженному; монахи, выйдя из монастыря, *поклонились* ему.

Глагол поклоняти с " является орфографическим вариантом поклоняти с " , более поздним по времени. Первоначально удлинившийся корневым гласный в поклоняти с " (*о → *а) служил средством выражения итеративности (длительности, многократности действия). Этот глагол является омографичным современному *поклбняться*, о котором речь пойдет далее, и который словообразовательно связан с *кланяться*.

Насколько корректно разграничивать в таких случаях значения «поклоном приветствовать при встрече» и «поклоном воздавать честь, оказывать почести»? По существу, в данном случае мы имеем дело с довольно аморфным семантическим образованием. В «Слове о вере христианской» Феодосий Печерский, говоря об отношении к иноверцам, предписывает в числе прочего и не приветствовать их: і вс#кого учень# іхъ бѣгати і норова іхъ гнушати^{с[#]}. и блюсти своіхъ дочереі не давати за ни^х. ни у нихъ поімати. ни бра^тис# ни поклонити^{с[#]}. ни целовати его. ни с нимъ ізь единаго судна " сти ни пи^{т[и]}. ни брашна іхъ приимати [Л. – С., с. 162].

В свою очередь, «Изборник 1076 г.» содержит рекомендацию: Паче вьс#кого чьрно[ризь]ца не тьшти с# миноути бес поклонени " . [а]ште бо зна~мымъ тькъмо поклон#~ш[и] с# и чьстиши " . то по сьдружию то ~сть. а не по чьсти образа соуцаго на нихъ [Изб. 1076 г., л. 270].

Мы видим, что поклонени~, *поклон* предстает в языковом сознании XI века актом приветствия-почести по отношению и к знакому, и ко «всякому черноризцу», монаху.

Не случайно *поклон* и *честь* упоминаются в одном контексте. Обратившись к «Повести о Савве Грудцыне», памятнику XVII в., отмечаем, что приветствие при встрече одновременно предстает демонстрацией почитания, преклонения: *И приближився им ко вратом города, срѣтают их юноши темнообразни <... >, и тщанием покланяющесе, честь воздающе сыну цареву, паче же реци бесу, такожде ісавѣ покланяющесе* [Гудз., с. 363].

Если контекст не содержит указания на ситуацию встречи, то у глагола может активизироваться сема «оказывать почести, подобающие божеству»: С[в#]тыи еразмъ рече. кымъ богомъ велиши ми поклонити с# [Усп. сб., л. 122 а]; *Давид же добре повелеваше покланятися подножию ног божиих, еже есть церковь... <... > Поклоняше же ся Моиси и Давид скинии, еже есть церкви рукотвореной* [XVI в. Сл. об икон., с. 328-329]; (О царе Соломоне) *А се еще жены послушалъ, идоломъ поклонилсѣ, оставя Бога жива, и четьредесѣть лѣтъ работал еси имъ. А я, бражникъ, никому не поклонилсѣ, кромѣ Господа Бога своего* [Пов. о бражн., с. 223];

(В тексте украинского вертепного представления):

Х о р. Аз, шед, **поклонюся**,
Пред Христом смирюся,
Воздам честь обычну,
Цареви привычну [Маркевич, с. 76].

Жестовое своеобразие приветствия может быть подчеркнуто обстоятельством, например, указанием на священные предметы, при виде которых следует поклониться: *Посемъ приносять къ патріарху діядиму, сіирѣчь бармы, и патріархъ покланяетсѣ имъ трижды...* (1598 г. Чин венчания на царство царя Бориса Феодоровича [ДАИ, 1, с. 242]).

Значение 'оказать почести, подобающие божеству' сохранилось в фольклоре у глагола *поклонитсѣ* в качестве остаточного рефлекса:

*У тебя в высокѣх хороших теремах
Нету Спасова образа,
Некому у тя помолитсѣ,
Не за что стенам поклонитсѣ...* («Три года Добрынюшка стольничел» [К. Дан., с. 47]);
Адольфа.
Не вѣрую я вашимъ кумирческимъ богамъ

*И золотымъ истуканамъ.
Царь Максимьян.
Послушай, сынъ мой любезный!
Добра желаю, на сей тронъ сажая.
Съ себя карону снимаю, на тебя возлагаю.*

Повѣруй, сынъ, и поклонись («Царь Максимьян» [Онч., с. 16]).

В «Вестях-Курантах» упоминается «поклонный парусный спуск»: *И мы с обихъ сторон договорилис что <... > волно еи королевина величества вперед свои воинские кабли [так!] сквоз Синтъ и сквоз Белтъ посылат по Г [три] и по Д [четыре] и по пяти вмѣсте без **поклонного парусного спуска** [1645 г. В-К III, № 11, л. 22-23],*

– а также встречается выражение *парусом поклонитися*: *И с аглинского карабля стали говорить, чтоб на свеѣискомъ караблѣ **парисомъ** пред ними **поклонилися*** [1646 г. В-К III, № 56, л. 374].

Речь в обоих случаях идет о морском приветствии встречным судам. Тем не менее, видно, что этот акт одновременно выражает подчинение, покорность приветствующей стороны стороне, к которой обращено приветствие.

Характерно, что сознанию автора воспоминаний, относящихся к началу XX века, такое значение представляется необычным, констатирующим, о чем свидетельствует заключение выражения *поклониться* *мощам* в кавычки: *Сонных, нас повели в монастырь и кормили там постным. Потом нам пришлось «**поклониться** *мощам*», и затем нам сказали, что каждый из нас может делать, что хочет, до поезда* (1935 г. Добычин Л. «Город Эн»).

1. **Значение *поклониться* 'приветствовать поклоном при встрече или прощании'**. С угасанием семы «читать как высшее существо» в глаголе *поклониться*, а также с его фразеологизацией в этом значении, усилилась непосредственно приветственная семантика этого слова:

*Господин воеводу, Максимьян блиско,
Изволиш ли встретить, **поклоняся** ниско* («Венец Димитрию» [РРД-4, с. 75]);

***Поклонились** ему атаманы казачия:*

«Здравствуй, Василей Буслаевич!

Здорово ли съездил в Ерусалим-град?» («Василей Буслаев молиться ездил» [К. Дан., с. 96]);

*Взошел в хату, Богу помолился, хозяевам **поклонился**: «Здорово живете, хозяин с хозяйшкой!» – «Добро жаловать, господин!»* («Барин и мужик» [Азад., с. 171]);

*Где сойдемся – поклонимся,
Разойдемся – распростимся.
– Ты прости, моя милая,
Пращай, радость дорогая!* [П. Кир. 2-Я, с.117].

В белорусском и украинском языках приставка при этикетном глаголе часто варьируется: бел. *склانیца*, *ўкланіца*, укр. *вклони-тися*:

(старобел.) *А въ тымъ заслону отслонено, вышла панна ку отцу своему, **уклонившися** стала; а гды ее обачили послы разумли, же ангель въ тлѣ людскомъ...* [1494 г. Сват. Алекс., с. 112];

(бел.) *Паехаў Колечка жаніца,
Забыўся зораньцы **склانیца**.
– Пастой, дружына, вярнуся,
Яснай зораньцы **скланюся*** [Вяс. 1, с. 423-424];

*Ты стань, мая мамачка, у парозе.
А ўжо я ў цябе ў дарозе.
Стань, мая мамачка, блізенька,
Пакланюся табе нізенька* [ЛБВ, с. 419];

*А ў гародзічку-частаколічку
Анютка рожу поле.
А ля гароду, ля частаколу
Іванка канём едзе.
З коніка скакнуў,
Шапачкай махнуў
І нізенька **ўкланіўся**...* [Вяс.3, с. 450];

(укр.) *Як синок приїхав із путі – дороги,
Вклонився матусі низесенько в ноги* [Мірн., Біл., с. 97].

В старобелорусском, белорусском этот глагол способен выступать и с семантикой 'проститься': *А въ тымъ проважено пословъ отъ царя, гдѣ митрополитъ Московскій просилъ ихъ на кушане до себе; а тамъ соленитеръ ихъ частоваль. А по обѣдѣ **поклонившися** отъѣхали* [1494 г. Сват. Алекс., с. 111-112];

*Пахіліўся зялёны дубочак з гары да ў далочак, пахіліўся,
Пакланіўся малады малайчык ды роднай матулі, **пакланіўся**.
Паехаў ён долам-даліною, чужой дальняй стараною...* [БФ, с. 172];

– Ты не гневайся, Дунечка,
Што я, моладзец, спазніўся:
Пакуль у банюшкі памыўся,
Усёй радне пакланіўся,
Меньшай сястрыцы забыўся,
Паўдарожанькі вараціўся... [Вяс. 4, с. 146].

Глагол *поклониться* способен употребляться в значении 'приветствовать 3-е лицо'. В старорусских эпистолярных памятниках обычна формула *Поклонись от меня кому: Иван Петрович Григорию Тимофеевич многолетно здравствуйте на многие лета и всемь от меня друзьям поклонитесь по семь вамь челомь бью...* (1677 г. Б.А. Голицын – В.В. Голицыну [МДБП, №. 24]; *А Василью зятю и сестры Марфы и днтям их от меня поклонись* (1700 г. Ф.Т. Вындомский брату В.Т. Вындомскому [Гр., № 168]); *Поклонис от меня брату... i всему дому ево* (Ок. 1700 г. П. Окулов брату А.В. Окулову [Гр., № 399]); *Да пожалуи поклонис от меня Федору Антоновичю а о влстех биду вперед писат* (1702 г. Ф. Качанов – С.С. Лисовскому [Гр., № 308]). См. также в фольклоре: *Говорит она дядьке: «Поклонись от меня Василью-царевичу, да скажи ему, чтоб ложился спать с вечера, обо мне не печалился...» («Царь-девица» [Ск. – 2, с. 9]).*

В более позднее время отмечается речезыкетный стереотип *Поклонись кому* (без отсылки к инициатору приветствия): – *Михайло Михайлыч, постойте!* – *закричала Александра Павловна, – когда вы у нас будете?* – *Завтра; поклонитесь вашему брату* (Тургенев И.С. «Рудин»); – *Ну, а что прикажете сказать Евгении Петровне?* – *спросил он.* – *Ах, пожалуйста, поклонитесь ей, – отвечала неловко Лиза* (Лесков Н.С. «Некуда»);

(укр.) *Долив, долив, качурику, долив за водою,*

Поклонись мому роду, що я сиротою [Кост. Сл. миф., с. 291].

Как уже говорилось, глагол *поклан* " ти с " , *покланятися* также употреблялся в значении 'приветствовать': а мнст#та с# вамо поклан " . (40 – 50 гг XII в. Новг. гр. № 422 [Хрест. Ив., с. 30]). Судя по всему, *поклан* " (с#) – это форма аориста 3-го л. ед.ч. 'поклонился', 'передал привет'.

Приветственное значение у глагола *поклоняться* сохранилось в былинах:

*Пришли оне, стали во единой круг,
Тут Василей им **поклоняется**,
Сам говорит таковы слова:
«Вздравствуйте, атаманы казачия!»* («Василей Буслаев мо-
лится ездил» [К. Дан., с. 95]);
*И вышли целовальники на крут берег,
И тут Садко **поклоняется**:
«Здравствуйте, мои целовальники любимыя
И приказчики хорошия!»* («Садко богатый купец» [Новг. б.,
с. 217]).

См. также в украинском фольклоре:

***Поклоняется** бедный невольник,
Из земле турецькои из веры бусурманськои,
У города християнськи, до отця до матусе,
Що не можеть вин им поклонитися,
Тильки **поклоняється** голубоньком сивеньким...* [Кост. Сл.
миф., с. 372].

В поэзии XVIII в. находим, скорее, игру смыслов, связанную с галантным семантическим неологизмом *поклонение*:

*(Вздыхатели)... в Душеньку уж боле не влюблялись
И к ней не подходили вблизи,
А только издали ей низко **поклонялись*** (1778 г. И.Ф. Богданович «Душенька»).

Впоследствии приветственное значение закрепилось за глаголом *поклониться*: Можно заметить, что со временем происходит ослабление жестовой стороны семантики и усиление собственно этикетного значения этого глагола, что сказывается на характере употребляющихся при нем обстоятельств: *В это мгновение вошел в комнату Лемм и, **сухо поклонившись**, хотел удалиться...* (Тургенев И.С. «Дворянское гнездо»); – *А вы представьте меня, пожалуйста, вашей сестрице: я об ней много наслышан. Отец представил его обеим дамам, но те **поклонились** ему **через плечо**, не отрываясь от своего дела <... >* (1893 г. Лесков Н.С. «Юдоль»).

2. Значение *поклониться* 'покориться':

*За царя отдать – ей царицей слыть,
Панове все **поклонятся**,*

*Пановя и улановя,
А немецких языков с(че)ту нет* («Иван Гаденович» [К. Дан., с. 78]);

*Чем лаптю кланяться, так уж **поклонюсь** сапогу* [Д. I, с. 168].

В этом значении глагол нередко употребляется для характеристики вассальной зависимости и по существу является политическим термином феодального времени (см. далее *бить челом в службу*): *Еще же к тому приспѣша в той чинѣ разозны издавеча величши князи Олгердовичи **поклонитися** и послужити: князь Ондриѣ Полочкой и съ плесковици, брат его князь Дмитрий Брянский съ всеми своими мужи (Простран. летописн. пов. [Ск. и пов. о К. б., с. 17]); (староукр. – о борьбе двух претендентов на гетманство) Козаки сторони Сомковой, отступивши своей старшини, похапавши корогви каждая сотня, и до табору Бруховецкого прийшли и **поклонилися*** [Лит. Самов. под 1663 г., с. 91];

*(укр.) Що тепера наши запорозьце в великому жалю,
Що не знаютъ **поклонитись** которому царю.*

***Поклонимось** тому Туркове, а пид ним добре жити,*

Тилько одно те неприятно, що на свою братью бити [Кост. Сл. миф., с. 633].

В фольклоре нередко глаголы *покориться* и *поклониться* употребляются параллельно, создавая плеонастическую конструкцию *покориться – поклониться*:

Говорит Злочастье таково слово:

*«**Покорися** мне, Горю нечистому,*

***Поклонися** мне, Горю, до сыры земли...»* [Пов. о Г. – Зл., с. 14];

И затем у них мирова пошла,

А и мужики новгородския

Покорилися** и сами **поклонилися («[Про] Василья Буслаева» [К. Дан., с. 54]);

*Сестра брату **покорилася**,*

*Во резвы ноги **поклонилася*** [П. Кир. 1, с. 198];

Ни таво я роду,

Ни таво атца, матери дочь,

*Чтобы я варабью **пакарилась**,*

*Малодому **накланилась*** [П. Кир. 2-Я, с. 113].

То же отмечаем в украинском языке, где глаголы *коритися* и *поклонитися*, *кланятися* появляются в вариантах одного песенного сюжета:

*Ой корися, дитя мое, чужой стороні:
Нехай дає порадоньку бідной сироті.
– Корилася, моя матенко, не раз і не два –
Да не дає порадоньки чужа сторона!* [Максимович, с. 52];

*Поклонися, дитя мое, чужій чужині,
Нехай тобі дасть пораду бідній сироті!
– Кланялась же, мій батеньку, не раз і не три,
Ніхто не дасть порадоньки такі, як ти* [Мірн., Біл., с. 32].

В белорусском языке такое значение у глагола *накланіцца* зафиксировано в пословице: *Лепш разумным нагам накланіцца, як дурной галаве* [БППФ, с. 251].

Сходную семантику отмечаем в русском фольклоре у глагола *поклоняться*:

*Я твоя, да сударь, служечка.
Да я твоя послушмяная.
Я тебя буду слушати,
Да я тебе поклоняться,
Удалому добру молодцу,
Да Ефиму Васильевичу* [ЛРС, с. 142].

В староукраинском языке *поклонитися* – также и «признать поражение, сдаться»: [о польском короле] *И пришовши до Солтиковой Дівці, над Десною рікою, которая не хотіла ся здати и поклонити, приступом доставали...* [Літ. Самов. под 1664 г., с. 93]; *И полковник поклонился и Борзну місто здал. <... > Рушил король з силами под Короп, где оному поклонилися* [1664 г. Там же, с. 94].

3. Значение *поклониться* 'попросить'. Это значение тоже можно рассматривать как вторичное, метонимическое; просьба обычно сопровождалась поклоном: *Поклонисься и кошке в ножки* [МЖРФ, с. 102]; *Поклонись да облизнись (отказ)* [Д. I, с. 185]; *Теперича хоть бы я: миткалевая фабрика у меня есть, хлопок нужен; как приду я к немцу в своем природном, русском виде, мне и поклониться ему не стыдно* (1875 г. Салтыков-Щедрин М.Е. «Благонамеренные речи»); *Я знаю, попроси я, поклонись, и всякий поможет, но... не могу! Совестно мне!* (Чехов А.П. «Кошмар»);...*Он всплакнул горько и, несмотря на свое столичное образование и философию, униженно, беднячком-русачком поклонился своим родственникам в ноги и даже стукнул о пол лбом* (Тургенев И.С. «Дворянское гнездо»);

*Не знаю, как с милым мириться.
Самой **поклониться** – не годится,
Людей посылать – всё некстати [Ворон. п., с. 9];*

(староукр.)

М у ж и к.

Уже ся мы, паничу, напитком кунтуем,

А обѣду не хочем и не потребуем.

*Пойди ты от нас пану **поклонися** гречне, –*

Хочут мож выскочити мужеве конечно.

Нехай нам тута каже цымбалом заиграти.

По чом же будем его и веселе знати (1673-1674 гг. «Драма про Олексія чоловіка Божого» [Давн. укр. л., с. 299]);

(укр.) **Поклонися**, дитя мое, чужій чужині,

Нехай тобі дасть пораду бідній сироті! [Мірн. Біл., с. 32];

(бел.) *Ой, сваха свае **накланілася**,*

Каб з яе дочкі не глумілася... [П. нар. св., с. 385];

В народно-поэтическом языке глагол *поклоняться* также может принимать семантику 'просить':

Пошли-то к Васильевой матушки,

*Сами низко **поклоняюцца***

– Да ой еси, Васильёва матушка,

Чесна вдова Омельфа Тимофеевна,

Уйми ты своё да дорого цядо,

Да младого Василя Буславлевиця («Про Василя Буслаевича» [Новг. б., с. 129]);

Приезжал к нам на быстрой Урал

К нам небывалый гость,

Небывалый гость – царь-наследничек.

Старики, братцы, старожилые к нему собиралися,

*С лицом радушиным старики, братцы, ему **поклонялися**:*

«Ты заставь, заставь, царь-наследничек,

Нас жить по-старому...» [ИП-ХІХ, № 33].

Значение поклониться, поклоняться '(по)благодарить':

Такъ же прошу вшеи млсти пожалуи не остави людишекъ моих в належациеи их нужде за что работникъ твои і всегдашнеи

ислужникъ и за твою мсть чаю что прибреду в сентябрѣ мѣсе поклонитца... (Е. Конищев – Е.И. Суворову [Гр., № 32]); *Сие выслушав, Василей Богуслаевич поклоняется своей матушке, что ево надоумила, и идет на пир во Нов-город* (1738 г. «Пов. о сильном богатыре и старославенском князе Васильи Богуслаевиче» [Новг. б., с. 144]); – *У меня библиотека полная, старинная, что хотите найдете в ней; есть сочинения очень редкие. Пожалуйста, пользуйтесь ею. – Я поклонился князю. – Полноте; я вам говорю это не для того, чтобы вы благодарили меня. Мы с вами познакомились, так что церемонии можно в сторону* (Панаев И.И. «Белая горячка»);

(бел.) *Біла жонка мужыка, рукі закасаўшы, а ён ёй пакланіўся, шапачку зняўшы* [БППФ, с. 114];

*Калініца, малініца ломіцца,
Малада Ганулька за падарачкі клоніцца.*

– *А й падыдзі, мой татулька, блізенька,
Пакланюся за падарачак нізенька* [ЛБВ, с. 403];

*Я ойцу за тое пакланюся нізенька,
Што пасадзіў каля Яся блізенька* [Вяс.4, с. 279].

(укр.) *Взяла зилля, поклонилась.
– Спасыби, бабуся!* (Т.Г. Шевченко «Тополя»);

*Похилился дуб дубови;
Поклонился кумь кумови,
За любую гостинуюку,
За красную бесидойку!* [Кост. Сл. миф., с. 224];

*Иди, иди – дитя мое –
Не барися:
У снечки, за дверечки –
Да й вернися!
Увойшовши у свѣтлоньку
Поклонися:
Ой, спасибу, мой батеньку,
Погуляла,
У снечкахъ, на дверечкахъ
Постояла...* [Максимович, с. 172].

Значение поклониться 'с поклоном) вручить дар'. В этом случае глагол нередко имеет при себе дополнение в творительном падеже или же контекст содержит указание на материальное подкрепление поклона: – *Так вот что: возьми-ка полтину, а много-много две да и поклонись ниже колдуну, а уж он, наверняка можно сказать, познакомит тебя с чертом!* [П. Кир. 1-Я, с. 108];

*Как вскочил тут грозен Стенька Разин,
Подхватил персидскую царевну,
В волны бросил красную девицу,
Волге-матушке **ею поклонился*** (А.С. Пушкин «Песни о Стеньке Разине»);

*Говорили: «... Если вспомнить, кто был Ермак... так и надо потерпеть.. «. – Ну да, – возражали им: – но ведь Ермак **поклонился** Сибирью», а этот чем же будет **кланяться?** (1894 г. Лесков Н.С. «Вдохновенные бродяги»);*

*(бел.) Жыў-быў адзін пан і ў яго радззіўся сын. Уся дворня задумала, як найлепш **паклانیцца** пану* («Віншаванне» [БФ, с. 453]).

Значение поклониться 'выразить согласие' (редко): – *Мы опять завтра поедем, граф?– Граф **поклонился*** (Гончаров И.А. «Обыкновенная история»).

Развившаяся к XIX веку многозначность глагола *поклониться* ('наклониться', 'совершить этикетный жест', 'попросить', 'поблагодарить', 'вручить дар') делает возможным его каламбурное употребление: *Чем **поклонишься?** – Спиною. – Поди к святым* [Д. I, с.129]; *Не **поклоняясь** до земли, и гриба не подынешь* [Д. II, с.191].

В XIX веке возможен контекст, в котором глагол *поклониться* употребляется в довольно аморфном значении, включающем в себя элементы 'наклон спины', 'приниженность', 'возвеличивание адресата», и представляющем общую поведенческую характеристику человека:

Фамусов.

*Чуть низко **поклонись**, согнись-ка кто кольцом,*

Хоть пред монаршим лицом,

Так назовет он подлецом!.. (А.С. Грибоедов «Горе от ума»).

Наконец, в к. XVII – нач. XVIII в. входит в употребление специализированный глагол *поклбняться*, имеющий значение 'униженно попросить': *Да пожалуй **гсдрь Аньдрри Ильичь поговори** Юри Гавриловичю Ахотницому в наказе мнѣ написана воеводою а гра-*

мата прислана а в ней не написана что воеводе написана Никифору пожалуи **покланеися** чтоб писал пожаловал против наказу (Н. Тинков – А.И. Безобразову [Пам. Без., № 182]);

О ты гой еси, мой дядюшка,

Князь Никита-ста Романович!

Ты поди-ка попотчивай гостей,

*Ты поди-ка да **покланяйся!*** [П. Кир. 1, с. 69];

На чужой старонушки умеючи жить! <... >

*И старому и малому **покланяться;***

Малодым ли малодушкам – паниже таво,

А красным девушкам – до сырой земли! [П. Кир. 2-Я, с. 128].

В дальнейшем этот глагол приобретает уничижительный оттенок: – *Райнер не будет жить с нами. – Отчего же это? – осведомился баском Белоярцев. – Манерничает! Ну, я к нему схожу завтра. – Да, сходите теперь; **покланяйтесь** хорошенько: это и идет к вам, – ответила Лиза* (Лесков Н.С. «Некуда»).

4.1.4. Глагол *кланяться*

Глагол *кланяться* способен употребляться с семантикой 'наклоняться' (без этикетной коннотации), однако весьма нечасто. Пример такого рода из «Росписи травам» (XVII в.) содержится в [ДРС, 7, с. 152]: *Синеворотъ есть трава ... а потому ея познати что она ни на которую сторону не **кланяется** и въ великия бури и въ вѣтры толко **кланяется** на востокъ*. См. также: *Горкин уже сидит, подпирается кулаками сзади, – повеселел. – Ждет маленько, а боли такой нет... и пальцами владаю... – говорит он, и я с радостью вижу, как **кланяется** у него большой палец* (Шмелев И. «Богомолье»). Обычно же этот глагол тесно сопряжен с речэтикетной сферой и является обозначением этикетного действия.

С течением времени глагол *кланяться* начинает употребляться в качестве единственной параллели несовершенного вида к глаголу совершенного вида *поклониться*, вытесняя конкурирующие образования *покланятися*, *поклонятися* (первый глагол архаизируется, второй изменяет семантику). В результате этого видовая пара предстаёт более рельефно: приставка *по-* передает значение однократности, завершенности действия (*поклониться*), удлинённый корневой гласный (*о > а) в корне *клан-* выражает повторяемость, длительность действия (*кланяться*).

Лексема *кланяться* предстает полисемантической, и основные значения её таковы:

1. *Кланяться* 'поклоняться святыне'.

В таком значении находим этот глагол в «Слове о законе и благодати» митрополита Илариона: Прежде бо бѣ въ Іерусалимѣ единомъ мѣсто кланятися, нынѣ же по всеи земли [Л. – С., с. 127].

В этом значении глагол кланяться способен употребляться в литературном языке до XVIв. включительно: ц[е]ркви коумирьскы " втвьрьзоу. и ч[е]л[о]в[h]кы клан#ти с# имь приноужу (Жит. Епифана [Усп. сб., л. 170 а]); *Понеже царь Константинъ еллинъстей вѣре прилежаше тогда: идоломъ кланяишеся* [Пов. о новг. б. кл., с. 202];

(Староукр.) *Ужо воды вѣсих топят, Ноах в корабль вошел, знать, иж Богу кланялься, просто ласку знашол* (1581г. Хронологія Андрія Римші [Давн. укр. л., с. 182]).

В фольклоре эта семантика отмечается и в более позднее время: *Прошли те годы, когда богов были полны огороды, теперь чесноку и луку не кланяются* [ППЗ, с. 162]; (бел.) *У лясу жывѣм, пню кланяемся* [ПріП, 1, с. 115];

...Пад цэркаў святую,

Гдзе людзі збіраюцца,

Пану Богу кланяюцца... [Чачот, с. 71];

У лясу жывѣм, пню кланяемся [ПріП, 1, с. 115].

Варианты белорусской пословицы свидетельствуют о синонимичности в фольклоре глаголов *маліцца* и *кланяцца*: *Нечага таму Богу кланяцца, каторы на нас не глядзіць; Нечага таму Богу маліцца, які на нас не зважае* [ПріП, 2, с. 154].

С трансформацией комплексного значения 'обращаться к святыне с молитвой и поклонами' и стремлением к более четкой специализации глаголов *молиться* и *кланяться* эти глаголы могут появиться в одном контексте:

Одному богу молится, другому кланяется [Д. II, с. 137];

Ко Божьей церкви пойду.

Богу молюся,

Христу кланяюся.

Богу молюся за батюшку,

За Игнатия Савельича,

*Христу кланяюся за маменьку,
За Федосью Алексеевну... [ЛРС, с. 175];
Как во этой во светелочке,
Тама Марья Богу молится,
Низко кланяется [Град. ф-р Новг. обл., с. 156].*

2. Кланяться 'приветствовать при встрече и прощании'.

На письме этот глагол входит в начальное и конечное приветствие: ^ Творимира ко Гъмь. Клан#юс# брать прижаж#и во дворо... (XI – XII вв. Новг. грам. [Л. – С., с. 26]).

Не следует безоговорочно видеть в оборотах такого рода только семантику просьбы, как это определяется в Историческом словаре, и противопоставлять их выражениям типа «А язю тебе кланяюся» [XII-XIII вв. ДРС, 7, с. 152] (В историческом словаре первое *кланяюся* иллюстрирует семантику «просить, молить о чем-либо», второе – «посылать поклон кому-либо, приветствовать через кого-либо или в письме» [ДРС, 7, с. 152]. Очевидно, значение этого глагола в обоих случаях выступает как комплексное: не только просительное, но и приветственное (на наличие приветственной семантики указывает место оборота с *кланяюсь* в эпистолярном памятнике: начало или конец грамоты): А мы ти с# г[осподи]не кн[я]же клан#~мь (1264 или 1265 г. Дог. Новгорода с в.кн. Яросл. Ярославичем [Л. – С., с. 38]). Помещенный ближе к концу грамоты, этот оборот содержит и такой семантический элемент, как «признание подчинения».

Начиная со старорусского периода, приветственное значение проявляется более отчетливо: *А за посадомъ Якова всрѣтилъ отъ папина жь сынъ Марграфъ Павелъ Цезисъ, а съ намъ чаловѣкъ съ шестьдесятъ конныхъ, а кланились съ Яковомъ межъ себя на конѣхъ, а съ коней не сошли* (1583 г. Статейный список Якова Молвянинова [Л. – С., с. 202;])

*Супроть Варина окна
Останавливается;
С Варей кланяется,
Приуправливается [П. Кир. 2-Я, с. 164];*

*Тут молодец позадумлся,
Слезат молодец со добра коня,
Кланятца девице в резвы ножиньки:
«Не ты ли, девица, мне родна сестра?» [П. Кир.1, с. 8];*

Взад гостю не кланяются (не накланяешься) [Д. II, с. 156];

(бел.) – *Ой, злязай, дзевачка, з возу далоў,*

Кланяйся татку з мамкай разам са мной [ЛБВ, с. 467];

...Ужо твоей Цімошка блізесенька,

На двор з'язджае, на кані грае,

А ў сені ўходзіць, шапку зносіць,

А ў хату ўходзіць, кланяецца [Вяс. 3, с. 493];

(укр.) *Не здоровкайся, коли ніхто тобі не кланяється* [Номис, с. 55].

Русский глагол *кланяться* входит в состав речевых формул:

– **(Я) (тебе, вам) кланяюся** – в старорусском языке этот оборот равным образом возможен в качестве контактоустанавливающего и контакторазмыкающего: (Начало грамоты) *Поклонъ и бла[го]словлѣнне ^ #кова епискупа полотьского. бровстови. намѣстнику пискуплю и дѣтемъ моимъ ратманомъ. <... > а #зь вамъ клан#юс# дѣтемъ своимъ и бла[го]словл#ю. і б[ог]а молю* (1309 г. Грам. полоцк. еп. Якова рижск. епископу и Риге [Хрест. Ив., с. 86]); (Обрамление письма) *Гдѣрь маи батюшкѣ Ів[ан] Михаилович сын [т]вои Яков б[ла]гословления твоего к себе [про]шу і премного кланюся. < ... > При семъ писавы сын твои Яков Салтыков благословения твоего к себе п[р]ошу і премного кланюся* (1731 г. Я. Салтыков – отцу И.М. Салтыкову [Гр., № 103]);

– формула прощания **Кланяюсь (кому)**: (Всюду в окончании письма) *При семъ вшеми блгородию Евтифеи Сиворовъ кланяюся* (Е.И. Суворов – Ивану Павловичу и Петру Павловичу [Гр., № 36]); *С сею грамоткою вмѣсте по томъ тебѣ добротелю своему любително кланяюс Васка Брехов* (В. Брехов – Ф.В. Бородину [Гр., № 9]); *А по семъ гдѣрь [так!] батюшка здравствуй да въсеи челяди и крестьяномъ ниско кланяюся* (Г. Снарский отцу И. А. Снарскому [Гр., № 224]); *Посемъ азъ и съ товарищи... много кланяемся. Здравъ буди. Рѣтер* [1696 г. ПБП, I, с. 20].

Выражение *За сим (При сем) писавый кланяюсь* [Д. II, с. 212], «эпистолярный штамп», складывается в конце XVII в.: *При семъ писавы сын твои Яков Салтыков благословения твоего к себе прошу и премногъ кланюся июня А* [первого. – Н.Г.] *дня 1731 году* (Я. Салтыков – отцу И.М. Салтыкову [Гр., № 103]). (Ср. ранее до этого *За сим писавый челом бью: За семъ писавы сынишко вашъ*

Ивашко челомъ бью... (И.М. Голохвастов – отцу М.В. Голохвастову [Гр., № 128]).

В XIX в. этот оборот употребляется иронически или шутливо. Так Н.С. Лесков заканчивает небольшую заметку в газетной полемике: *За сим писаваый кланяюсь* (1885г. «Объяснение по трем пунктам» [Леск., XI, с. 4]);

– формула *Кланяюсь Вам (тебе)*, обращенная к собеседнику, адресату письма в начале контакта: Т р е с о т и н и у с. *Прекрасная красота, приятная приятность, попремногу кланяюсь вам.* К л а р и с а. *И я вам попремногу откланиваюсь, преученое учение* (1750 г. Сумароков А.П. «Тресотиниус»); *Прежде всего, почтеннейший Сергей Тимовеевич, низко кланяюсь Вам и рекомендую первых артистов нашей оперы Петровых: жену и мужа...* (1841 г. И.И. Панаев – С.Т. Аксакову [Пан., с. 519]; *Кланяюсь Вам, чтимый, уважаемый и преданно мною любимый Петр Карлович...* (1870 г. Н.С. Лесков – П.К. Щебальскому [Леск., X, с. 286]; (Открытка И. Бунина Н. Телешову) *Митрич, кланяюсь тебе, качаясь на волнах Каспийского моря! И всем твоим также.* Ив. Бунин [1904 г. ПБ, с. 557]; (Открытка из Константинополя И. Бунина и В. Муромцевой Н. Телешову) *Низко кланяемся.* И.Б. – В.М. [1907 г. ПБ, с. 560];

– формула прощания *Кто тебе кланяется* (о себе): *Прощай же, пантагрюэлист твой тебе кланяется* [о себе. – Н.Г.] (1847 г. Дружинин А.В. «Полинька Сакс»).

3. Кланяться 'передавать привет 3-му лицу и от 3-го лица':

– формула *Кланяюсь кому* (привет 3-му лицу): (В начальной части письма) *Да въси дворовеи челади и крестяном ниско кланююся* (Г.Снарский – отцу И.А. Снарскому [Гр., № 226]); (В окончании письма) *Кланяюсь княгине и сестре* – некогда более писать (1825 г. А.С. Пушкин – П.А. Вяземскому [ДП I, с. 27]);

– формула *Кланяйтесь кому (от меня)* – привет 3-му лицу: – *Довольно с Афанасием Ивановичем! Кланяйтесь ему от меня, а меня не поминайте лихом...* (Достоевский Ф.М. «Идиот»); (Шутливое) *Увидишь своих, так кланяйся нашим* [Д. I, с. 358]; *Кланяйтесь от меня богоспасаемому граду Воронежу, с которым у меня связано много светлых и темных воспоминаний отрочества и юношества* (1858 г. А.Н. Афанасьев – М.Ф. Де-Пуле [ИИРФ, с. 86]); *Мы прощаемся с Прониным. Он машет рукой: –Кланяйтесь Петербургу!* (Одоевцева И. «На берегах Невы»);

– формула **Кланяється тебе (вам) (кто)** – (привет от 3-го лица): *Обнимаю тебя. Матюшкин тебе кланяється...* (1824 г. А.А. Дельвиг – Пушкину [ДП I, с. 196]); – **Вам Егор Иванович кланяється**, – *сказал он [Череванин] Наде (Помяловский Н.Г. «Молотов»); Говорилось в этих письмах всегда, хоть вскользь, и о Марфиньке. Большею частью так: «Марфинька тоже тебе кланяється»* (1888 г. Терпигорев С.Н. «Марфинькино счастье»);

– формула **Кто велел (приказал) тебе кланяться; Кланяться тебе велели (приказали)** – привет от 3-го лица: – *Здоровенько ль поживаешь, Алексей Трифонович? – сказала Фленушка, поравнявшись с ним. – Слава богу, живем помаленьку, – отвечал он, снимая шапку. – Кланяться тебе велели, – сказала она (Мельников-Печерский П.И. «В лесах»);...Поклонился он гостю и, подавая Манефе письмо, сказал: – Патап Максимыч приказали кланяться (Мельников-Печерский П.И. «В лесах»); Князь Иван Михайлович велел тебе кланяться...* (1810 г. Ант. Погорельский – П.А. Вяземскому [Погор., с. 395]); – *Барышня приказали кланяться и благодарить; просят, нет ли другой такой же книжки – почитать?* (1880 г. Салтыков-Щедрин М.Е. «Игрушечного дела людешки»); *Авдотья Назаровна (кланяется) Велели кланяться и о здоровье спросить (Чехов А.П. «Иванов»).*

4. Кланяться 'выражать подчинение, покорность, унижение':

(староукр. – о поисках покровительства) *И там стоячи, сам цар послал под Умань, и доставали Уманя, що юже Уманьці, видячи немалую налогу и хотячи получитьи милосердія, послухавши Дорошенка и его посланцов, – полковник з старшиною и чолнійшими козаками поехал кланятися турчинові [турецкому султану], и там усіх козаков ув неволю узято [Літ. Самов. под 1674 г., с. 119]; (укр.) *Як мать ногам кланяється, так лучче голові [Номис, с. 191];**

(бел. – вместе с карытіся):

Карыся, Агатка, старому,

Кланяйся и малому;

З паклону галоўка не баліць,

Стары і малы благаславіць [БФ, с. 250];

Татулька, родны мой,

Я табе каруся.

У ножанькі кланюся... [Вяс. 5, с. 412].

Это значение активно проявляет себя в современном русском языке: *Изо всех, подобострастно выслушивавших суждения деда о разных делах и главное сельскохозяйственных, только один Петр Неофитович не стеснялся возражать старику, когда считал его речи неосновательными. На краткие замечания отца, что дядя может рассердиться, Петр Неофитович отвечал: «А какое мне дело! Я ничего не ишу и кланяться ему не стану»* [Фет, с. 71]; *Мать при мне отца поедом ела за то, что не умел низко кланяться...* (Лесков Н.С. «Некуда»);

Полно вам кланяться

Роже басурманов.

Пусть кричат вожжаки,

Плюньте им в зенки (В. Хлебников «Мы желаем звездам тыкать... «).

5. Кланяться 'просить'.

В духовном завещании Климента Новгородца содержится просьба, обращенная к игумену и всей монастырской братии, выдать его вдове часть наследства: *А жена мо" . пострижить с# вь чернице. ~сть ~и чимь с# пострици. и дворь городьский. ~и же даю. а про се клан#ю с# игоуменуу и всеи брать~. а жена мо" пострижить с#. вь чернице. то выдаите ~и четверть...* [Перед 1270 г. Л. – С., с. 39-40.]

В более позднее время это значение проявляется исключительно активно: *Яви надо [м]ною мсть свою слуга твою [милости] Борис Тварошковъ кланяюся до лица земли* [Гр., № 108]; *Кланяйтеса жене сей, она бы вас простила о вашем неразумии* («Пов. о Карпе Сутулове» [РДС, с. 94]);

Молодец молодцу крепко кланился:

«Ой ты гой еси, наш батюшка грозен палач!

Дай ты мне, молодец, звоньчаты гусли,

Перед смертью молодцу наигратися!» [П. Кир. 1, с. 174];

Не кланяюсь бабушке Варваре, своё есть в кармане [Д. I, с. 57]; *Не кланяюсь богачу, свою рожь молочу* [Д. I, с. 73];

(бел.) *Пайшоў Ігнаськ да суседачкі кланяцца:*

– Суседачка, будзь за родную матульку,

Пазыч жа мне на гэты дзянёк кашульку [Вяс. 3, с. 65];

Каму ты ся, малада Марысеньку, кланяеш,

Калі ты мацёнькі не маеш?

– *Маю ж я роданьку нямала,
Буду **ся кланяці**, жэб за матаньку мне стала* [Вяс. 3, с. 66].

Три следующих значения можно рассматривать как производные от значения *кланяться* 'просить':

5 а. *Кланяться* 'приглашать (= просить прийти)':

*Ой ты, гой еси, Володимер князь,
Илья Муромец!
Кланяюся я к себе на почестный пир:
У меня дело непасёное,
Зелено вино некурёное,
И пойлице невареное!... [П. Кир. 1, с. 11];*

5 б. *Кланяться* 'дарить (= просить принять подарок)': **Кланя-
емся вашей чести подарочками!** – заключил дружка, приглашая
поезжан к чарке и подаркам, которые состояли из платков, кус-
ков полотна, лент, ниток и прочего добра (1855 г. Максимов С.В.
«Дружка»);

5 в. *Кланяться* 'просить прощения': *Не виноват, да кланяй-
ся.* [ППЗ, с. 100].

6. *Кланяться* 'благодарить':

... Головок... *пожалуі ко мьне пришьлі а я за милость твою
биди кланятъца* (Аксинья Степановна – дяде Е.И. Суворову [Гр.,
№ 28]); *Наипаче ж за млсть твою что о здравіи своем возвѣщаешъ
писменне кланяюся* (Ферапонту Петровичу от Василия [Гр.,
№ 333]); *Выстал человек из воды, на корму сел. Переехал через
Онегу, ничего. **Кланяется**: – Спасибо, что перевез [Сев. пред., с.
133]; *Мы если с крестом обход делаем – настоятель у нас как пу-
пырышек, старенький, слабый – ну какое же причту уважение?
кланяйся, если корчик ржи тебе в мешок всыплют!* (1921 г. Мин-
цлов С. «За мертвыми душами»);
(бел.) *Кланялася* кума куму
Нізенька ў ножскі:
– *Дзякуй табе, мой кумочак,
Што прывёз з дарожкі* [БФ, с. 222].*

Под влиянием западноевропейского речевого этикета в официальном общении XIX века появляется приветственный стереотип *Честь имею кланяться*. Он унаследовал от формулы *кланяюсь* способность участвовать в ситуациях как встречи, так и прощания (ранее уже говорилось о том, что толковые словари признают за этим оборотом только прощальную семантику: «*Честь имею кланяться* – форма офиц. приветствия при прощании [из дореволюц. воен. быта]» [ТСУ, 1, с. 1364]; «*Честь имею кланяться* – приветствие при прощании; устар.» [Ож., с. 237]);

– *Честь имею кланяться* – приветствие при встрече: В о ж е в а т о в. *Мокий Парменыч, честь имею кланяться!* К н у р о в. *А! Василий Данилыч! (П о д а е т р у к у). Откуда?* (Островский А.Н. «Бесприданница»); – *Имею честь кланяться*, – ласково приветствовал её Куколка. – *Как ваше здоровье, дорогая Анна Матвеевна? – Здравствуй, здравствуй, голубчик!* – благосклонно кивнула ему головой нянька. – *Какое там наше старушечье здоровье. С ногами что-то нехорошо. Не то ревматизм, не то что другое* (1923 г. Аверченко А. «Шутка Мецената»).

– *Честь имею кланяться* – приветствие при прощании: К а р а н д ы ш е в <... >. (кланяюсь всем). *Я вас жду, господа. Честь имею кланяться* (Островский А.Н. «Бесприданница»); А с т р о в <... >. *Ну, честь имею, господа <... >. Однако... (пьет) мне пора <... >. Честь имею кланяться* (Чехов А.П. «Дядя Ваня»); – *Ну, а затем вот вам мой совет-с: первым делом очиститесь вы с солдатскими деньгами и отчетностью. Слышите? Это чтобы завтра же было сделано. Что? А мне то за дело? Хоть родите... Затем, капитан, я вас не держу. Имею честь кланяться. <... > Однако мари, мари, мари! К черту-с, к черту-с. Мое почтение-с!..* (Куприн А. «Поединок»); – *Панкрат!* – закричал профессор в бешенстве. – *Честь имею кланяться*, – сказал молодой человек и пропал (Булгаков М. «Роковые яйца»).

Такую же этикетную многозначность проявляют приставочные образования от *кланяться*, обозначающие приветствие, – *раскланяться* и *откланяться*.

*Раскланяться*¹ 'обратиться с приветствием при встрече': *Вошел Сахаров..., раскланялся Розанову и осведомился о его здоровье. Доктор отвечал казенною фразою* (Лесков Н.С. «Некуда»); *Панишин любезно раскланялся со всеми находившимися в комнате, пожал руку у Марьи Дмитриевны, у Лизаветы Михайловны, слегка потрел Гедеоновского по плечу и, повернувшись на каблучках, поймал Леночку за голову и поцеловал ее в лоб* (Тургенев И.С. «Дво-

рянское гнездо»); – *Прошу вас, познакомьтесь. < ... > Я раскланялся с молодым человеком, он оскалил зубы, страдание исказило его приятные черты* (Булгаков М. «Театральный роман»).

Раскланяться² 'обратиться с приветствием при прощании': Панишин взял шляпу, поцеловал у Марьи Дмитриевны руку <... >, холодно **раскланялся** с Лизой <... > – и удалился... (Тургенев И.С. «Дворянское гнездо»); (Пандалевский) – *Позвольте мне раскланяться* (И далее) – *До свидания, Александра Павловна!* (Тургенев И.С. «Рудин»); *Поковыряв немного обивку на кресле пальцем, я встал и раскланялся.* (Булгаков М. «Театральный роман»).

Глагол *раскланяться* приобретает и более широкое значение 'распрощаться, расстаться': *Я полагаю, что он и женитьбу задумал с тем, чтобы службу бросить, купить имение да оборотами заняться. Получит к Святой генерала и **раскланяется.*** (Салтыков-Щедрин М.Е. «Пошехонская старина»); *7-го сентября. Кажется, я **раскланялся** с верховой ездой. Вот уже другую станцию еду в телеге...* (1854 г. Гончаров И.А. «Фрегат «Паллада»).

В белорусском фольклоре глагол *раскланяцца* употребляется только в значении 'поприветствовать при расставании, попрощаться':

– Цёмна хмара,
Як табе разысціся?
– Малада дзевачка,
Як табе **раскланяцца**?
– Я разыйдуся, як рыба з лёдам,
Так я з вашым родам [Вяс. 5, с. 192];

Убірайся, дзеванька,
З хаты да мяцёлкаю,
А з двара – перапёлкаю,
За варота – зоркаю,
Раскланяйся з дзеўкамі,
Бо паедзеш з жонкамі [Вяс. 5, с. 398];

Маладая дзеванька,
Ці ты коней баішся,
Што на воз не садзішся?
– Я ж коней ды не баюся –
Са сваім родам **раскланяюся** [ЛБВ, с. 437].

Откланяться¹ 'обратиться с приветствием при встрече': Т р е с о т и н и у с. *Прекрасная красота, приятная приятность, попремногу кланяюсь вам. К л а р и с а. И я вам попремногу от-*

кланяваюсь, преученое учение (1750 г. Сумароков А. П. «Тресотиниус»); *У Авиловой, к несчастью, сидели в столовой гости. «А-а!» – сказала она. – Наш милый поэт! Вы не знакомы?» Я поздоровался с ней, откланялся гостям* (Бунин И. «Жизнь Арсеньева»).

Откланяться² 'обратиться с приветствием при прощании': С к л о з у б. *Но к батюшке зайти я обещался, / Откланяюсь* (Грибоедов А.С. «Горе от ума»); *Я извинился своими часами и, откланявась, спрашивал её, что за каприз к ней пришел обедать на поварне* (1777-1778 гг. Фонвизин Д.И. «Письма из Франции»); *Т еперь, господин Копейкин, позвольте откланяться и рекомендовать вам мою невесту* (1838г. Каратыгин П.А. «Дом на Петербургской стороне»); *Туганов рассмеялся и, протянув руку Туберовову, сказал Варнаве с легким пренебрежением: – Честь имею вам откланяться* (Лесков Н.С. «Соборяне»); *Ничего не нашли мы и в сараях. Около них к нам присоединился Тренк, надевший рыжие краги и белую жокейскую фуражку, и пригласил нас осматривать конюшни... – А я откланяюсь! – заявил, остановившись, Булкин. – Видел этих лошадей семь тысяч раз!* (1921 г. Минцлов С. «За мертвыми душами»).

Те факты, что речевые стереотипы *Поклон!*, *Кланяюсь!*, *Честь имею кланяться!* употребляются равным образом в начале и конце интеракции, а *кланяться* и производные от него глаголы (*откланяться, раскланяться*) имеют семантику 'обратиться с приветствием при встрече' и 'обратиться с приветствием при расставании', еще раз подтверждают гипотезу о первоначальном отсутствии единственно контактоустанавливающей функции у всех типов приветствия (вербальных и невербальных), за исключением приветственного вопроса.

4.2. Челобитие как этикетное действие

4.2.1.оборот *Челом бить*

Усилившееся влияние Византии на культурную жизнь Московской Руси XIV в. неоднократно отмечали историки [Тихомиров 1969, с. 23-26]. Появление своего рода метафорического описания поклона вместо *кланяться, творить поклоны* – несомненное следствие византизации русского этикета. Смысл этой замены – в усилении степени этикетности, семантики раболепия у приветственного оборота, нередко сопровождаемого очень многословным и

плеонастическим расширением: *Писавыи Матюшка Головин пад на землю рабски до лица земли премножестенно и з Гринкою челом бью* (М. Головин – В.В. Голицыну [Гр., № 246]); *И по семь тебѣ гсдрю премного приподая к стопамъ твоим челомъ бью* (И. Офросимов – В.В. Голицыну [Гр., № 267]).

Очевидно, актуализация семы «раболепность» связана именно с лексемой чело, наделенной символическим смыслом, уже в древности отграничивающим её от синонима лъбъ. По одной из этимологических версий, слово *человек* расшифровывается как *čelo 'лоб' + *vek 'сила', т.е. 'имеющий силу в челе, во лбу' (См. об этом [ЭССЯ, IV, с. 50]). О самом же слове *чело* «Этимологический словарь славянских языков» сообщает следующее: «Праслав. *čelo продолжает и. – е. *kelom, производное <...> от глагольной основы *kel- 'поднимать(ся), возвышаться, расти' <...>. Ср. лит. kilti 'поднимать', лат. cellere то же...» [ЭССЯ, IV, с. 46].

В церковнославянском языке русского извода прилагательное челеснь означало 'высший, главный'. Сербское *чело стола*, чеш. čele stolu означают почетное место за столом. Чеш. čelny имеет семантику 'видный, выдающийся' (ср. *глава, главный*), на čelnyh mнste – 'на видном месте'. Польское naczelnik – 'глава, начальник', stanąć na czele 'возглавить', прилагательное czołowy 'главный, основной'. Основной семантический момент, объединяющий этимонимы с *чел-* в славянских языках – 'видное, «престижное» положение'.

Итак, в этом выражении зафиксирована попытка ещё более принизить инициатора приветствия: *бить челом* – не просто наклоняться, но склонять до земли *чело*, возвышающееся, поднятое, предназначенное быть наверху.

Не случайно польский язык сохраняет прилагательное czołobitny именно с семантикой 'раболепный, униженный', а также существительное czołobitność 'раболепность'.

О специфике в XVI в. этого оборота (многозначность) и соответствующего этикетного жеста (полифункциональность) пишет С. Герберштейн, отмечая, что во время церемонии встречи с московским государем один из советников произносил: «Великий Государь, граф Леонард бьет челом...» и потом: «Великий Государь, граф Леонард бьет челом на великой твоей милости»: «Первое значит, что он как бы кланяется или выражает почтение, второе – что он приносит благодарность за полученную милость. Ибо *бить челом* они [московиты. – Н.Г.] принимают в качестве приветствия, принесения благодарности и другого тому подобного. Именно вся-

кий раз, как кто-нибудь просит чего-нибудь или приносит благодарность, он обычно наклоняет голову, если он старается сделать это усерднее, то он в таком случае опускается так низко, что касается рукой земли. Если они хотят воздать благодарность великому князю за какое-нибудь очень важное дело или попросить чего-нибудь у него же, то кланяются и опускаются до такой степени, что касаются челом земли» [Герб., с. 201].

С этого времени – по абсолютной однотипности ситуаций – это выражение почти полностью повторяет семантику *поклон, кланяться*.

«Словарь русского языка XI – XVII вв.» выделяет для этого оборота 3 значения: а) 'кланяться, приветствовать', б) 'жаловаться', в) 'благодарить' [ДРС, I, с. 188], – хотя в действительности их можно выделить больше:

1. *Бить челом* 'приветствовать':

а) «приветствовать при встрече». В эпистолярном жанре – начальное приветствие. Письмо бытового характера обычно начинается формулировкой *Кому кто челом бью (бьет)*: [Госпо]дину своему много целомъ бую [Новг. гр. XIV-XV вв. Л. – С., с. 140]; *Добродію моему Федору Василевичю Василеи Брехов челом бую* (1663 г. В. Брехов – Ф.В. Бородину [Гр., № 11]); *Гсдрю моеми млстивоми благодателю батюшки преподобными втци архимандрити Аврамию послднии въ челоуцех первыи во гршницех искател твоего благословения і милости чернец Анто-неи благословения просит і челом бьет* [Гр., № 508]; *Государю Лаврентию Михайловичю холоп твои Мартинка Фралов да староста Фетка Мотфневъ челом бьют* (1720-е гг. Письмо Лаврентию Михайловичу из его поместий [Обн., Барх., с. 181]).

Русский фольклор сохранил как приветственную семантику оборота *бить челом*:

*Пришел молодец на честен пир,
поклонился чудным образом,
бил челом он добрым людям
на все четыре стороны* [Пов. о Г. – Зл., с. 9];

*А приходит она во палатушки-то княженецкие <... >
Она бьет челом Владимиру во рученьку во правую...* («Князь Борис Романович» [Б-1, с. 473]),

– так и саму речезыкетную формулу *Бью челом*:

Адольф (все время на коленях)

О, всемилостивейший государь

И преславный Максимилиан царь,

Вселюбезнейший мой родитель-батюшка,

Бью тебе челом о матушку сыру землю.

Зачем любезного твоего сына Адольфа призываешь

Или что делать ему повелеваешь? («Царь Максимилиан» (I)

[ФТ, с. 142]).

Это выражение с приветственным смыслом сохраняется и вне «привязки» к народно-фольклорной стихии в русском поэтическом языке XIX в., например, у Фета:

Утесы. Зной и сон в пустыне,

Песок да звонкий хряц кругом,

И вдалеке земной твердыне

*Морские волны **бьют челом*** (1856 – 1857 гг. А.А. Фет «Прибой»).

См. также начало тургеневской поэмы:

*Читатель, **бью смиренно вам челом.***

Смотрите: перед вами луг просторный... (1843 г. И.С. Тургенев. «Параша»);

б) 'приветствовать при прощании' (в письме – прощальная приветственная формула *Писавый челомъ бьетъ, За симъ челомъ бью* и под.): ***Писавы Ивашка Шокуров стократно рабски челомъ бетъ до лица земли*** (И. Шокуров – деду Алексею Матвеевичу [Гр., № 68]); ***По сем тебѣ гсдрю своими рабски челомъ бью и милости проши*** (П. Ащерин – В.В. Голицыну [Гр., № 237]).

Трафаретность приветствия приводит к появлению аббревиального его сокращения: ***При семъ слуга твои Василеи Масловъ члмбю*** (В.Е. Маслов – Ф.В. Бородину [Гр., № 24]).

Иногда в окончании бытового письма XVII – нач. XVIII вв. находим сокращение в кружке (ч), которое можно расшифровать как *Челом* или *Челом бью*: ***Sa sem Ивашка (Д)ч*** (М.П. Салтыкову от племянника Ивана (предположительно, Дашкова) [Гр. № 85]); ***Писавы (А)Дч*** (М.П. Салтыкову от неустановл. лица [Гр., № 89]) (Предыдущие буквы предположительно являются инициалами).

В значении 'приветствовать при расставании' находим соответствующий оборот *Чолам біць* в белорусском фольклоре:

Шаўковая нітачка к сцяне льнець,

Агатка з мамкай чолам б'ець,

Дабранач мамцы аддаець... [Тышк., с. 208-209];

в) 'приветствовать в равной степени при начале или окончании контакта', (на письме этот оборот представляет собой обрамляющую формулу): *Яже о Христе божественаго полка наставнику и вожу и руководителю к пренебесному селению, преподобному игумену Козме яже о Христе с братиею царь и великий князь Иоанн Васильевичь всеа Руси челом бьет <... > А мы вам, господие мои и отцы, челом бием до лица земнаго* (1578 г. Посл. Ив. Гр. в Кир. – Бел. м-рь [Кож., с. 115]); *Гсдрю и дригу моему Офонасеи Лаврентьевичю Яган Иванов челом бьет писал я к тебе за десять дней всякие вѣсти и пвсли твою перемену не былъ оприч твою...* (далее следует текст письма. – Н.Г.) *А дал я твоему члвку кормъ на дорогу и лошадам по том тебе челом бью мая въ s де* [в 6-й день. – Н.Г.] (1646 г. Список с письма Я. Иванова А.Л. Нашокину [В-К III, № 40]).

По трансформации, которую претерпевает текст вымышленного письма рязанского князя Олега царю Мамаю в разновременных редакциях «Сказания о Мамаевом побоище» видно, что этикетной нормой приветствие *челом бью* становится в начале XVII в. Первоначально зачин этого письма выглядит традиционно для переписки государей:... *Посла сына своего к безбожному Мамаю с великою честью и съ многими дары и писа грамоты своя к нему сице: «Въсточному великому и волному, царемъ царю Мамаю – радоватися!»* (XVI в. Ск. о М. поб. Осн. ред. [Ск. и пов. о К.б., с. 26]).

Челобитие появляется в Киприановской редакции (3-я четверть XVI в.) в заключительной части письма, начинающегося следующим образом: *Восточному волному великому царю царем Мамаю, твой посаженник и присяжник Олег, князь резаньский, много тя молитъ...* (Окончание) *И о том о всем тебе, царю, молюся и челом бью, да накажеши его чюжих не восхицати* [Ск. и пов. о К.б., с. 50].

Как видно, приветственная семантика в *челом бью* выражена в этот период еще слабо и уступает семантике просьбы.

В позднейшем по времени печатном варианте Основной редакции (XVIII в.) приветственный смысл начальной формулы уже бесспорен: *Слышав же князь Олг Рязанский, яко царь Мамай кочует близ, а идет на Русь ратью, стоит на Воронеже, идет на великаго князя Димитрия Ивановича. Бысть же у Олга князя рязанскаго скудость ума в главе, и сатана ухищрение вложи в серд-*

це его, здумав себе и нача посылати посол свои к Мамаю царю со мноюю честию и дарами, ярлык свой писа к нему сицевым образом: «Восточному и великому царю Мамаю твой посаженный присяжник Олг Резанский **бью челом**. Слышах ты, господине, многочестна и грозна, и хоцещи идти на Русь <...>. Ныне же, господине, пришти время есть, злата же и богатства наполнися земля его...» [Ск. и пов. о К.б., с. 104].

С помощью оборота *Челом бью* в XVII в. оформляются письма вышестоящим духовным и светским лицам, родственникам, лицам равного ранга. Например, в переписке двух знатных сановников, думного дьяка Посольского приказа Е.И. Украинцева и боярина князя В.В. Голицына, судьи того же приказа, в окончаниях: *И, о сем объявив, Емелка Украинцев челом бьет* [Восст. 1682 г., № 42]; *Васка Голицын челом бьет* [Там же, № 43]. Это свидетельствует, во-первых, о том, что жестовая, кинематическая сторона этой формулы значительно редуцировалась со времен Герберштейна, а во-вторых – об универсальности и широком распространении этого приветствия, по крайней мере, в эпистолярной практике.

Таким же образом (хотя и не часто) выражается привет 3-му лицу и от 3-го лица: *Василю Ермилевичю Марфы Григоревны и деткам их и сятю их я Марка Вындонской челомъ бью* (М. Вындомский – брату В.Т. Вындомскому [Гр., № 165]); *Пожалуи братец сходи нарошно к матушке скажи от меня прошу благословения и челом бью* (П. Окулов – брату А.В. Окулову [Гр., № 399]). Пример такого рода – разумеется, уже с шутливой установкой на архаичность – находим в переписке Н.С. Лескова: (Окончание) *Мирре Александровне и всему приветливому семейству Вашему бью челом* (1874 г. Н.С. Лесков – П.К. Щебальскому [Леск., X, с. 361]).

2. *Бить челом* 'просить': *И каноун спсова дни приххалъ хоз#ишчи Махмет-хоросанецъ. И бил есми емоу челом. чтобы с# в мн# печаловал. И вн издил к хану в город. да мен# втпросил. чтобы м# в в#роу не поставили* (XV в. Хожд. Аф. Ник. [Л. – С., с. 185]); (В грамоте польского короля Сигизмунда III): [Князь Ф. Друцкий-Горский] *билъ намъ господару чоломъ, абы есмо то до в#домости нашей припустившы, до книгъ нашихъ канцелярийскихъ вписати розказали...* [1600 г. АЮЗ, 2, с. 6]; *И о том побе[и] челомъ боярину кнзъ Василю Василевичю чтоб он послал с вами слугу своево или ково он изволит* (А.И. Безобразов – М. Дмитриеву [Пам. Без., № 23]); *Бей челом в тюрьме да в богадельне* [Д. I, с. 186]; *Что было с нами, всё проели,*

А путь еще далек! и для того посмели

*Зайти к тебе и **бить челом***

Снабдить нас в крайности посильным подаяньем (1803 г. И.И. Дмитриев «Мышь, удалившаяся от света»).

Выражение *бить челом* 'просить' приобретает в феодальных отношениях политический смысл 'просить о принятии в вассальную зависимость': *А князь Олег Резанский сrete царя Тахтамыша прежде, даже не вниде в землю его, и би ему челом, и бысть помощник и поспешиник на пакость християном...* (Под 1382 г. «Пов. о Тохтамышевом разорении» особого состава) [Тих. Р. лет., с. 188]; *И се внезапно, приехаши к нему [кн. Дмитрию] бояре рязаньстии <... > и молиши его много о сем, дабы на них рати не слал, а сами биша ему челом и рядишася у него в ряд.*(XVI в. Ск. о М. поб. Простр. ред. [Ск. и пов. о К.б., с. 15]). Смысл этого выражения в летописном тексте объясняет М.Н. Тихомиров в работе «Феодальный порядок на Руси», описывая ситуацию 1379 г., когда «трубчевский князь Дмитрий Ольгердович не стал на бой против в. кн. Дмитрия, но приехал на Москву в ряд к князю великому Дмитрию Ивановичу, бил челом и рядился у него: «Слова бил челом указывают на ту обрядность, которой первоначально сопровождалось вступление в службу, вступающий делал перед своим господином низкий поклон, первоначально в полном смысле бил челом, т.е. лбом в землю» [Тихомиров 1973, с. 327].

Появляется также специальный оборот *бить челом в службу*:...*И поехал Уруслан во царьство к индейскому царю и прииол, где сам индейской царь царствует. И приехал, бьет челом индейскому царю в службу...* («Пов. о Еруслане Лазаревиче». Сп. XVII в. [Гудз., с. 447]).

В таком значении этот оборот – в виде *бить челом* или нострифицированном *вдарити чолом* (*в службу*) – известен и старобелорусскому языку: *А князи и бояре волынские били челом великому князю Кгиндимину, абы в них пановал и господарем у них был, а земли их не казил* (XVI в. Лет. Археологическ. о-ва [ЛБЛ, с. 95]); *И оттолх князь великий Витовт приступит к Витебску на князя Швитригаила, и князь Швитригаило затворися в городе, и почал князь великий Витовт города добывати, тут же придет князю великому на помоч князь [Юри] Святославович смоленский со всеми смоленскими силами, и вдарил чолом великому князю Витовту в службу. И почали твердо добывати города Витебска, и витезблане не могли утерпети и почали даватися князю великому Витовту. И князь Швитригаило выидеть вон з города и ударил*

чолом князю великому *Витовту* (XVI в. Лет. Красинского [ЛБЛ, с. 137]); (*Граждане киевские*) ... *встрѣтили великого князя Кгидимина честно, и ударили ему чолом служити ему, и присягу свою ему дали, и били чолом, чтобы вотчин их не отимал. И князь великий Кгидимин в том их пожаловал, и в город честно въѣхал* (Евреиновск. лет. [ЛБЛ, с. 221]).

Ряд значений у оборота *бить чолом* можно рассматривать как производные от *просить*:

2 а. *Бить чолом* 'приглашать' (= просить прийти):

Средил молодец честен пир,

Отчеством и вежеством,

Любовным своим гостем и другом бил чолом [Пов. о Г. – Зл., с. 11];

И тут ключники-ларешники

Пришли оне к каликам, поклонилися,

Бьют чолом к князю *пообедати* («Сорок калик со каликою» [К.Дан., с. 127]);

2 б. *Бить чолом* 'угощать' (= просить угоститься: съесть, выпить): *И какъ будетъ после честного стола пиръ на весело, и дѣволскимъ омраченіемъ злодѣянница та княгиня Марья, кума подкрестная, подносила чару питія куму подкрестному и била чоломъ, здоровала с крестникомъ Алексѣмъ Ивановичемъ* (Писание о прест. и погр. кн. М.В. Скопина-Шуйского [Л. – С., с. 274]); **Бью чолом**, *да солью, да третьей любовью (слово хозяина гостям)* [Д.П., с. 210]; *От туре-моревя [с турец. моря], от нашего перво-брачного бьем чолом [потчуют нюхательным табаком. Архан.]* [Д.П., с. 222];

2 в. *Бить чолом* (на кого) 'жаловаться' (= просить наказать обидчика): *Здѣсе мнѣ билъ чоломъ новгородецъ. на^м влександръ труфановъ снѣ. а жалу-тс# на вашу братью...* (XVI в. Грам. архиепископа Симеона в Ригу [Л. – С., с. 151]); *Ты гсдръ сказал что бьеш чолом ты Капишина мнстря на крес#н имреков в бѣсчестье своемъ і людеи своих...* (М. Дружинин – Е.И. Суворову [Гр., № 39]); *А тѣ анбары стояли на салдатукои земле и тѣ салдаты непрестанно били чолом полковнику и онъ полковникъ тѣ анбары с тѣхъ местъ велел снести* (А. Лукоянов – К.П. Калмыкову [Гр., № 335]); *А великого гсдря хлебные запасы, сухари и крупы и толокна, того служивым салдатом не даваши, и о том много ему бииа чолом, и он о сем ни во что положи* (1660 г. Новг. хронограф XVII в. [Тих.

Р. лет., с. 309]); П о д ъ я ч и й. *Я это заявлю, господин мой, и буду на вас **бить челом**, так ты мне заплатишь бесчестье* (1750 г. Сумароков А.П. «Тресотиниус»).

В этом значении находим оборот *бить челом* в староукраинском литературном языке:

Д і о к т и т. *Что он мнѣ «суд» говорит? вѣст он тоє знает, Что Діоктит на судѣ и сам засѣдает:*

*Начнет на мя **челом бит**, буду отрѣшенній* (1746 г. Г. Кониский «Воскресение мертвых» [Давн. укр. л., с. 452-453]).

Доказательством специализации этого значения в административной сфере может служить диалог из повести А.Е. Измайлова «Бедная Маша» (1801 г.): – *Тебя разведут с ним, коли ты на него **попросишь**... – Мне **просить** на моего мужа? [Рус. сент. пов., с. 227]. Подача *челобитья* сменилась подачей *прошения*, поэтому значение оборота *бить челом* было спроецировано на глагол *просить*: в нашем контексте он имеет значение 'жаловаться'.*

Впрочем, и выражение *бить челом* еще довольно долгое время после отмены процедуры челобития употребляется в значении 'подать жалобу в суд': *Бил ери челом на лихого леца* [Д. I, с. 146]; – *Запиши всех, кто только ходил **бить челом** на меня, и вот этих больше всех писак, писак, которые закручивали им просьбы* (Гоголь Н.В. «Ревизор»);

2г. *Бить челом* 'просить прощения': *Побьеш [жену] одинова, то пока жив не **добьеш челом*** [Рубеж XVII – XVIII вв. Златое иго супр., с. 327];

2д. *Бить челом* (чем, иногда что) 'дарить' (= просить принять подарок): *И он Акимъ тебѣ гсдрю **бьетъ челом** ис своего прида **триста корасеи полторасти линеи** извол гсдрѣ прислатъ по рыби* (К. Бахметев – А.И. Безобразову [Пам. Без., № 4]); *Да пожалии, против прежняго моего писма о пистошах и Бабкиных поради биде пожалиешъ кипишь млсти твоеи **челом бью камкою*** (Е. Конищев – Е.И. Суворову [Гр., № 31]); *Челом бью тебѣ гсдрю **домашним сталовым запасом** чтоб тебѣ гсдрю моему кишат на здарове прикожи принят малое сие приношение* (Ф. Хрущов – В.В. Голицыну [Гр., № 282]); *Челом бьем от дома спсва **белишкою свѣжею** да пол белушки соленои. I вам бы та рыба принят и кушать во здравие* (Архимандрит Иосиф келарю Пафнутию и другим [Гр., № 473]).

Это значение сохраняется у оборота *бить челом* очень долго. Так, журнал «Всякая всячина» (1769 г.) имеет предисловие к первому номеру, раздававшемуся бесплатно: *Сим листом бью челом;*

а следующие впредь изволь покупать [РЛ-ХVIII, с. 353]. Еще через столетие в письме А.Н. Афанасьева П.П. Пекарскому: <... > Сам я не писал к Вам по очень простой причине – все поджидал выхода своих сказок (3 и 4 вып.), которыми хотел бить Вам челом, но типография <... > [1857 г. ИИРФ, с. 68].

3. Бить челом 'благодарить': И Яковъ на Княжь Николаевъ жаловань, на ихъ встрѣчѣ, билъ челомъ (1582 г. Стат. список Я. Молвянинова [Л. – С., с. 202]); А Стефан Иванович с меня за провоз ничего не взял мнѣ де Петръ Иванович не велѣл взят и за то благодарные бѣи челомъ батюшкѣ Петри Ивановичю (1708 г. Г. Попов – отцу М.Е. Попову [Гр., № 207]).

Г. Лудольф отмечает соответствующую этикетную формулу именно с благодарственным значением, что следует из перевода (*Gratias ago* – лат. 'благодарю'): **Челомъ бью за любовь**. *Gratias ago pro benevolentia* [Л. – С., с. 230]; **Челомъ бью, длго мнѣ**. *Gratias ago, aliquid mihi agendum est* [на реплику *Изволишь с нами хлеба кушит.* – Н.Г.]; **Челомъ бью, я не усталъ**. *Gratias ago, non sum lassus* [на реплику *Пожалуй садися.* – Н.Г.] [1696 г. Л. – С., с. 228].

Некоторое время в старорусском речевом этикете существует фразеологизированная конструкция *Челом бить на...* (*приятстве, милости, жалованье*): **Челомъ гсдрь мои бью на приятстве твоём на тетеревах** что пожаловал меня любовью заочною не сабыл [Л. Иванов – А.И. Безобразову [Пам. Без., № 98]]; **Да что ты о своем здорове ко мнѣ писал і пожаловал рыбы с члвком своим прислал. и я на твоём приятстве и любви много челом бью** [Гр., № 12]); **Челом гсдрня бью на твоём любителном приятстве на орѣхахъ** (П. Семенова – А.В. Безобразовой [Пам. Без., № 173]); **Челом бью на млсти твоеи** что о своемъ здорове писалъ ко мнѣ... (Г. Тухачевский – брату О.Я. Тухачевскому [Гр., № 140]); **Челом гсдрь бью стьи архимандрит на твоём жаловане на гостинцах на рыбѣ** (А. Черкасская – архимандриту Авраамию [Гр., № 527]); **Челомъ бью на твоёмъ жалованье** что писал ко мне в своемъ здорове (А.И. Безобразов – Ф.И. Безобразову [Пам. Без., № 12]).

Употребляются в это время и конструкции, свойственные современному русскому языку: *Челом бить за...* *челом бить, что...* (Ср. *благодарю за...*, *благодарю, что...*): **Челомъ бьемъ Вавила Тихановичъ за ленокъ** (Л. Аничков – В.Т. Вындомскому [Гр., № 157]); **Челом гсдрь бью Федор Вилевичъ что пожаловал млстиво учинил в Галич выехав...** (Федору Васильевичу от неустановл. лица [Гр., № 194]); **Челом бью гсдрь что пожаловал ко мнѣ писал о своем здорове і всего своего благодатного дому и гостинцы по-**

жаловал прислал благодарствую (1700 г. А. Пустобородов – С.С. Лисовскому [Гр., № 313]); П а н т а л о н. *Вот, сын мой, возьми мою дочь! Дай Бог вам многое благополучие!* <... > Ш у т. *Батюшка, челом бью за твою милость!* («Шутовская комедия» [РРД-3, с. 391]); «*Пряатель дорогой, здорово!*» / «*Челом вам бьем за ласковое слово*» (И.А. Крылов «Откупщик и Сапожник»).

Этот оборот сохранял благодарственное значение в XVIII, XIX в., и даже позже: *Пожалуй, поклонь отдай светейшему i протчимъ, за которого благословение всѣ до лица земли челомъ колотимъ или б[ъ]жемъ* (1705 г. Петр I – Ф.А. Головину [ПБП, III, с. 411]); *Сидор пьет – чорт челом бьет* [ППЗ, с. 110]; *Иван пиво пьет, а черт со стороны челом бьет* [Д.1, с. 135]; (Лисица – Льву, который кается, что обижал пастухов) *А что до пастухов, мы все здесь бьем челом: / Их чаще так учить – им это поделом* (И.А. Крылов «Мор зверей»).

(Даже в 20-х годах XX в. это выражение с благодарственно-приветственной семантикой появляется в пионерской песне:

Здравствуй, милая картошка!

Низко бьем тебе челом!

Даже дальняя дорожка

Нам с тобою нипочем).

Любопытная формулировка *Не челом бью* в старорусских бытовых письмах выступает как вежливое пенянье за отсутствие письменных известий. Особый интерес в таком обороте представляет место отрицания (ожидалось бы *Не бью челом*, однако частица *не* именно перед частью *челом* свидетельствует о высоком уровне фразеологизации): *Челом гсдрь бью на гостинцах тебѣ и Агафье Василевнои а на писме на грамотке не челомъ бью* (С. Безобразов – А.И. Безобразову [Пам. Без., № 58]); *Федор Василевич гсдрь здравствуи о Хрсте не челомъ бью на твоём жаловане что не жалуеш не пишеш ко мнѣ о своем здорове а я х тебѣ братецъ писал многожды...* (Ф. Зыков – Ф.В. Бородину [Гр., № 22]).

Благодарственное значение имеет оборот *челом (чолом) бить* и в старобелорусском языке – в дипломатической практике общения с Московским государством: *А онъ [царь, согласившийся на брак дочери] заплакавши, рекль: поневажь такъ Богу подобалося, воля Господня да будет! За що били чоломъ до земли послы царе-вы [1494 г. Сват. Алекс., с. 111]; А ижь такожь дознали есьмо къ собѣ вашого царского величества великоѣ ласки и жалованья штожь ваше ц. в. первѣи столомъ своимъ обсылалъ насъ, а потомъ мнѣ Яну Оборскому, старостѣ Ливскому, и на каретѣ до*

себе (для того, што есми былъ боленъ) ххати позволилъ: въ чомъ ижъ ваше ц. в. яко великій и милостивый царь ласку свою показалъ мнѣ, и я особно на томъ вашому ц. в. **низко чоломъ бью**. Да и мнѣ князю Самуилу Друцкому-Соколинскому, подкоморому Смоленскому, ласку свою показалъ, што вязня моего выпуститъ велѣлъ; и я особно на томъ вашому ц. в. **низко чоломъ бью**. И на всемъ великомъ жалованью вашего ц. в. мы оба-два **низко чоломъ бьемъ**... (1637 г. Посольск. речи Литовско-Польских королевск. посланников Я. Оборского и кн. С. Друцкого-Соколинского царю Мих. Феодоровичу [АЗР, 5, с. 26-27]).

4. Челом бить 'чествовать, выражать почтение' (расширительное значение):

Орел бросает взоры

На Льва и на Луну,

Стокгольмы и Босфоры

*Все **бьют** челом ему* (1791;1801 г. Г.Р. Державин. «Заздравный орел». Лев, Луна – гербы Швеции и Турции);

Беда, кто в свет рожден с чувствительной душой!

Кто тайно мог пленить красавиц нежной лирой,

Кто смело просвистал шутиливою сатирой,

Кто выражается правдивым языком

*И русской глупости не хочет **бить челом!**...*

Он враг отечества, он сеятель разврата!

И речи сыплются дождем на супостата (1816 г. А.С. Пушкин «К Жуковскому»);

*Эта матушка евовна пошла на братчину, в складьню складываться, а ей там на братчине не принели, ей там и **челом не бьют**, как будто не почетна стала* («Василий Буслаевич» [Новг. б., с. 139]).

Нечто близкое такому значению можно наблюдать уже в староукраинском:

Ось я того

В небі ся там насмотрелем!

И Господа там відилем

Бога: та сидит за столом,

*А всі **бьют** пред ним **чолом**...* (1619 г. Интермедии Я. Гаватовича [Давн. укр. л., с. 218]).

См. также в белорусском свадебном фольклоре:

Пастаўлю каня з канямі,

А сам, млад, сяду з панамі.

Я тварыўся з панамі,

*Аж сеў з шваграмі.
Я тварыўся мёд-віно п'ю,
Аж я з шваграмі чаламі б'ю* [Вяс.5, с. 394].

В попытке выразить однократность или завершенность действия язык «пробует» приставочные образования – *добить, побить* челом: *А новосилские кнзи добьют челом тобѣ великому кнзю, и мнѣ с ними вз//////////ти любовь по томи ж. а жыти ми с ними без вбиды...* (1434 г. Дог. грам. в. кн. рязанск. Ив. Федоровича с в. кн. московск. Юр. Дмитриевичем [Пам. Ряз., № 55, л.1]; *В лето 7093-го. Добили челом государю <... > черемиса вековым миром* (1585 г. Солов. летописец 2-й пол. XVI в. [М.Н. Тихомиров. Р.лет., с. 200]); *И по тому мои блгодетель побей челомъ Ивану Михаиловичю о Михалѣ Козминскомъ* (Б. Творожков – Никифору Гавриловичу [Гр., № 108]); *А царевнѣ Татьянѣ Михаиловнѣ побить челомъ, чтобъ въ монастырь не изволила ходитъ, кромѣ Свѣтлова Воскресенія да на праздникъ іюля 28 д., или занемоуцетъ* (1698 г. Распоряжение относ. свиданий с царевной Софией Алексеевной [ПБП, 1, с. 269]); (старобел.) *И приеха из орды на Москву князь Семен, дабил чолом князю великому Василию, и взя мир поеха с Москвы князь Семен и с княгинею и з дѣтми на Вятку...* (Никифоровская лет. под 1405 г. [ЛБЛ, с. 31]).

Появляется, наконец, и супплетивное образование *челом ударить*. Не сыграла ли решающую роль в его утверждении народная этимология, сблизившая *ударить* и *дарить*? Значение *ударить* челом 'подарить' широко представлено в памятниках: *А владыка смоленской ударилъ челомъ великой княжнѣ, а принеслъ ей поминка икону золоту с чепечкою, воплощенье Пречистые во цѣклѣ, да камку бурскую зъ золотомъ* [1495 г. ПДПЛ, I, с. 183]; *А челом бы тебѣ ударил гостинца, да нечим* (XVII в. «Послание дворительное недругу» [РДС, с.188]).

Фольклорным памятникам знаком и глагол *ударѣть* в значении 'подарить': *Вместо лебедушки тебе он в подареньице / Ничего-то он привез, ничем ударѣт тебя* («Про богатыря Сохматия Сохматьевича» [Б-1, с. 412]).

См. также оборот в грамоте, посланной якутскому воеводе И. Голенищеву-Кутузову: [Василий] *учинил нам великому государю прибыль, ударил лисицою бѣлою; и за тое де прибыль дана ему Василью наша... грамота...* [1661 г. ДАИ, 4, с. 234].

Однако выражение *ударить челом*, не ограничиваясь значением 'подарить', повторяет весь спектр семантики *бить челом*, появляясь в различных этикетных ситуациях.

1. Ситуация встречи: *Тысецкой имярекъ и весь похздъ велхли челом ударити тестю и бояром* [XVI в. Чин свад., с. 180]; *Какъ государь царь... [титул] придетъ в переднюю избу сокольничья пути, и пришед, изволитъ сѣсть на своемъ государеве мѣсте, и старшей потсокольничей с начальными соколники, и с рядовыми старыми сокольниками и с поддатнями государю челом ударитъ* (1656 г. «Урядник сокольничья пути» [ПЛДР XVII в. 2, с. 289]).

2. Ситуация прощания: *Стоит молодец, не ворохнетче, / На головы его кудерцы не трехнутче, / Челом он ударил, сам и вон пошел...* («Василий Буслаев в Новгороде» [Новг. был., с. 66]); *А Уруслан ударил челом царю Киркоусу и отцу своему, князю Залазарю, и сам поехал в чистое поле козаковать* («Пов. о Еруслане Лазаревиче». Сп. XVII в. [Гудз., с. 447]).

3. Ситуация благодарности: *В Божью славу, в тук да в сало, в буйну голову; вам испить, а мне челом ударить* [Д.П, с. 211];

Спасибо, Варлам господин,

Спасибо, Федотьевич;

Твоего меду мы выпили

И челом тебе ударили,

Со поклоном, словом ласковым [РСФС, с. 80-81];

(старобел.) *То рекши, [царь, санкционировавший брак царевны с в. кн. литовским] благословилъ ее, а послы чоломъ ударивши до земли, цѣловали руку царскую и царичину и царевнину...* (1494 г. Сват. Алекс., с. 112).

Многотипность ситуаций, требующих по этикету челобития, приводит к его экспансии в эпистолярном жанре: *Гсдрю мвему Дементью Сергеевичю Любимка Никифоров рабски челом бью (1) <... > челом гсдрь бью (2) на твоём жаловане что жаловал писал про свое... здорове да челом гсдрь о землю бью (3) на гостинцах на вине... писал ты гсдрь ко мнѣ чтобъ дворовое ваше мѣсто в Ростове отдат внаимъ... Павлов снѣ Куропеквѣ дает... денгами сорокъ алтын... а oprичь ево никто не наимет для хлопот потому что Заявль стат (так!) бит челом (4) на того хто владѣлъ <... > по том тебѣ гсдрю моему о землю челом бью (5)* (Л. Никифоров – Дементию Сергеевичу [Гр., № 53]) ((1) – начальное приветствие, (2), (3) – благодарность, (4) – «жаловаться», (5) – конечное приветствие).

Читатель XVII века хорошо разбирался в смыслах повторяющегося выражения; надо сказать, что и современному читателю эти значения вполне понятны: *Кормилец мой гсдрь дядюшка Панфилеи Тимофневич челом бью на твоємъ гсдря моего жаловане что жалиешь меня поиш и кормишь пожалии гсдрь даи мнѣ очи свои видет облехчис ко мнѣ " рославль в сиботи искател млсти твоеи Тимошка Марков челом бьетъ* (Т. Марков – дяде П.Т. Салтыкову [Гр., № 75]); *Гсдрю моеи кнзю Василью Василевичю Васка Одоевскои челом бьет <... > Челом бью гсдрь на твоєм жаловане что жалуеш ко мнѣ о своем здорове пишеши и вперед о том же челом бью, по сем тебѣ гсдрю своему челом бью* (1677 г. В. Одоевский – В.В. Голицыну [Гр., № 266]).

Следует отметить, что этот оборот в начале и окончании письма не вполне адекватен современным *Здравствуй* и *До свидания*. Даже в начале XVIII в. значение оборота *челом бью* достаточно аморфно и, при формальном прикреплении к началу или окончанию письма, он способен выражать благодарность или просьбу: (Просьба и прощальное приветствие) *Что вперед ивѣдаешъ, пожалии, ко мнѣ пиши, о семъ тебѣ Василеи Голицын челом бьетъ* (1682 г. В.В. Голицын – Е.И. Украинцеву [МДБП, № 34]); (Благодарность и прощальное приветствие) *А са млсть твою тебѣ гсдрю своему пад на землю рабски челомъ бью* (1701 г. И. Земский – В.Т. Вындомскому [Гр., № 161]); (Прощальное приветствие и просьба) *А я тебѣ рабски с прошением челом бью* (М. Вындомский – Дмитрию Васильевичу [Гр., № 166]); (1 – начальное приветствие и благодарность, 2 – прощальное приветствие и просьба) *Яков Василевич здравствуй на веки са любов твою Марка Вымдонскои челом бью (1) пожалуи толко твое приятство ко мне будет да возмешь по кабале моеи днги пожалуи ихъ отдаи брату моему Вавиле а у него в техъ днгах возми росписку ему денги надоб нужно сему писму вер писал я Маркъ Вымдонскои своею рикою а я тебѣ приятелю челом бью (2)* (М. Вындомский – Якову Васильевичу [Гр., № 167]); (Благодарность и прощальное приветствие) *Писавы за любов твою Федка Качановъ челомъ бьетъ* (1702 г. Ф. Качанов – С.С. Лисовскому [Гр., № 308]); (Просьба и прощальное приветствие) *И тебѣ б пожаловат грамотка у него принят и рыбка лосос взят и взяв к Москвѣ оттослат не помешкав съ [и]здоками о семъ тебѣ челом бью СИ г [208 года. – Н.Г.] генваря ЕІ де. [15 день. – Н.Г.]* (1700 г. М. Конищев – П.В. Окулову [Гр., № 380]).

4.2.2. Лексема *челобитье*

Лексема *челобитье* генетически является отвлеченным наименованием действия по глагольному сочетанию *челом бить*, однако семантический репертуар её более узок.

1. *Челобитье* 'просьба'.

Скажи ему челобитие от меня. Luta eum teo potine (дословно: «Проси его моим именем». – Н.Г.) (Г. Лудольф «Рус. грамматика» [Кож., с. 160]);

Уж ты гой еси, дак дочи Красно-Чайная!

*Ты скажи же своей маменьки дак **цѣлом-битьицо**,*

*Щобы ехала она дак з деветью сынами, как с ясныма соколми,
Да со мной с Хотенушкой побрататьсе...* («Хотен Блудович»

[Новг. б., с. 298]).

Стереотипное выражение для нашего *челобитья*, *челобитьишка* является вежливым сопровождением просьбы в бытовой переписке: *Прошу гсдрь млсти твоеи буди млстив к свату ниему Варламу Андрѣвичю Лопихини для ниева челобитишка*. (П. Головин – В.В. Голицыну [Гр., № 244]); *Послалі мы велікий гсднъ на гсдрви службу софеіских і своих детеі боярских в перемнну и тобѣ б пожаловаті тѣх нишихъ детишекъ боярских для Софѣи премдрісті бжїи и для ниег **челобитя** доколе онѣ на гсдрве службе жаловати* (1618 г. Архиеп. Макарий – Дм. Матрюковичу [Гр., № 458]).

2. *Челобитье* 'жалоба'. По существу, это не вполне самостоятельное значение, а модификация предыдущего; жалоба представляет собой просьбу наказать обидчика:

Пришли охотники-рыбаловья,

Все избиты-изранены <... > ,

Бьют челом, жалобу творят <... > .

Владимер-князь стольной киевской

Пьет-ест, прохложается,

*Их **челобитья** не слушает...* («Чурило Пленкович» [К.Дан., с. 87-88]).

В деловом языке термин *челобитье* специализируется как обращение к властям с жалобой, просьбой: *А Олеше свѣт мои по его **челобитю** возле твоеи дачи семлю отмежевали* (1677 г. Т.И. Голицына – В.В. Голицыну [МДБП, № 20]).

От слова *челобитье* в двух этих значениях образовалось название *челобитная* (подразумевается: *грамота*). Под этим термином понимается письменное прошение, заявление, жалоба в Рус-

ском государстве XV– нач. XVIII вв.: *И о убоистве дядю[и]ки Ма[т]л# Никитича # бил челом гсдрю митрополиту рнчыю і челобитные* подавал (Тихону Андреевичу от внука [Гр., № 150]).

Стандартное начало челобитной в XVII веке *Кому бьет челом кто: Царю, государю и великому князю Алексею Михайловичю [титул] бьет челом раба твоя иноземка, карабельщика Гавриловская женишка Петрова вдова Аленица, Иванова дочеришка* [1673 г. Раз. д. IV, № 136].

Староукраинское *чоломбытьє*, старобелорусское *чоломбитьє* соответствуют русскому *челобитная*: *А при томъ были и того добри свдоми ихъ милости панъ Александръ Кзромецкій а панъ Дмитръ Васильевичъ, земляни господарскіе, а возный повшту Рнчицкого Савостьянь Даниловичъ, и которые за чоломбытьемъ и просьбою нашею очевистою печати свои къ сему листу нашему приложыти рачыли* (1586 г. Лист на купный приговор, состоявшийся в Речицк. повете по делу о заграблении кр-нами м-та киевского пчел у кр-н Хребтовича, села Озеран [АЮЗ, 2, с. 185]); *И просили насъ звышь помененые войт, бурмистры и радъцы мшта нашего Городеньского, абыхмо ихъ при той капъцизнн велугъ наданья продка нашего, короля его милости Жикгимонта зоставивши, листомъ нашимъ то имъ на вѣчность утвердили. А такъ мы, зъ ласки нашео господарское чинечи то на чоломбытьє их, а взгленувши въ тотъ привилей продка нашего видечи служный и ни въ чомъ не нарушый, во всемъ его моцы оставуемъ, и симъ листомъ нашимъ на вѣчность его подтверждаемъ* (1589 г. Жал. грам. польск. кор. Сигизм. III мещанам г. Городни, предост. им право курить вино [АЮЗ, 2, с. 186]).

В староукраинском языке лексемы *челобитная*, *челобитие*, конкурируют с латинизмом *суплика* 'жалоба, прошение' – иногда в одном и том же тексте: *Козаки же аще кролевѣ полскому Владиславу и плачевним челобитіємъ возвѣщаху, но той козаков и ляхов жалнѣя надолзѣ снисходяше, размишляя, не вѣди что творяти: понеже и прежде от всей Руси много челобитнихъ подаванно до королей полских, и князь Острозскій... будучи сам греческого закона до всего сенату за творимія Руси обиди суплѣковал, и кроль Владислав межи всѣм сенатом на трибуналѣ медіатором для облегченія Русѣ был; обаче тіє тако високих лиц улженя и русскія суплѣки нѣчто завязтости поляков не погамовали...* (Літопис Грабянки 1710 г. [Давн. укр. л., с. 365]).

3. *Челобитьє* 'привет (в том числе 3-му лицу, от 3-го лица)'.

В другой грамотке которую тот же Адамъ Алияриис к дохтири Гартмани из города Готорна ж в К дн [в 20-й день. – Н.Г.] писал, написано <... > и по том **челобите** к женѣ ево и къ своѣчине и к резиденти и к дохтири и к иным дризямъ своимъ [1645 г. В-К III, № 10, л. 57-58]; По томъ пишетъ поздравленье и **челобите** ко всѣм добрымъ дризямъ [1645 г. В-К III, № 10, л. 68]; Тетушке моеи Евдокие Евпсихиевне **челобите** і всѣм моим сродичам по великому **челобитю** здравствуите (1708 г. Г. Попов – родственникам [Гр., № 207]); Пожалуй Парасковюшка поживи береженно не ростеряи и досталного Даря Петровна послала тебѣ **челобите** с печали чют жива по сем сдравствуи (П.В. Окулов – жене [Гр., № 398]);

Говорят веселья молодцы:

«А и гой еси, молодая жена,

Авдотья Ивановна,

А и мы тебе **челобитье** несем

От гостя богатова

И по имени Терентишиша» («[Про] гостя Терентиша» [К. Дан., с. 17-18]).

Это значение реализуется за пределами административного языка и настолько специализируется, что теряет генетически заложенную сему сервильности. Речэтикетная формула *От меня тебе челобитье* и под. появляется даже в письмах от родителей детям:

*От Михаила Панфиловича снУ моему Ивану от мнѣя тебѣ с матерю **челобите*** (М.П. Салтыков – сыну Ивану [Гр., № 98]); *От Ивана Богданова сну моему Петру да дочери моеи Улянушке да невѣстушке Анисье Петровне по благословению а вт матери вашей и от сестр по **челобитью*** <... > *За сем вамъ от насъ по благословению а от сестр по **челобитю*** (1695 г. И. Богданов – родственникам [Гр., № 329]); –

– и от мужа жене: *Женѣ моеи Ирине Петровнѣ о гсдѣ радостис і многолѣтнѣмъ здравствоват при млсти гсдрѣя ншего батюшка Михаила Евпсихиевича сего желая муж твои Григорей и **челобите** посылаю. Днтямъ моим сну Дмитрею дочери Ульяне по блгословению и по **челобитю*** (1708 г. Г. Попов – родственникам [Гр., № 207]).

Со временем для названия этикетного действия появляется как бы «вторичная» расчлененная номинация *править челобитье* (Ср.: *челом битъ* → *челобитье* → *править челобитье*) – 'передавать привет от 3-го лица':... **Челобитье правиль** великому князю отъ королевичевъ, а имяны ихъ не помянуль не одного [1489 г. ПДПЛ, 1, с.

34]; *А как войдет [дружка] и кланяется на 4 стороны и правит челобитье от тестя к свекру и бояром от боярь, и свекрове от тещи, и боярыням от боярын, и тысяцкому...* [Чин свад., с. 182]; *Походили оне ко честной вдове Амелфе Тимофевне, / Правят челобитье от сына ея, гостя богатова, / От молода Соловья Будимеровича («[Про] Саловья Будимеровича» [К. Дан., с. 14]).*

О совершенном угасании жестовой семы свидетельствуют обороты с глаголом речи типа *скажи челобитье*: *Пожалуй нишимъ и своимъ от нас скажи по челобитью* (А. Гомоницкий – брату Г.Н. Гомоницкому [Гр., № 142]).

Можно заметить, что за лексемой *челобитье* закрепились семантика 'устное приветствие'. Иногда контекст непосредственно противопоставляет челобитье письму:

Где мой миленький гуляет, где, надежда, пребывает? <... >

Что он письмецов не пишет, челобитьев, вор, не шлет,

Что он сам в гости не едет, меня к себе не зовет? [П. Кир. 1, с. 112].

В фольклоре длительное отсутствие известий изображается трафаретной формулой *Ни весточки, ни грамотки, ни челобитьица*:

А у нашей матушки нету батюшки:

Двенадцать лет, как в гульбу ушел,

Нет ни весточки, ни грамотки,

Ни низкого челобитьица («Молодец и Королевична» [Б-2, с. 299]).

Вербальный характер челобитья (*челобитьица*) проявляется и в том, что нередко оно непосредственно называется *словесным*:

«Загнал ты, заслал, прущой король, в ину землю:

Нет ни весточки, ни грамотки,

Ни словесного от батюшки челобитьица!» [П. Кир. 1, с. 118];

Ах служили мы на границе три годочка;

Нам ни весточки, ни грамотки с Дону нету,

Ни словесного челобитьица нам не прислано [ИП-ХVIII, № 118].

В ряде случаев это слово получает семантику «материальный знак приветствия»:

А бежит-спешит скорый посол,

Скорый посол, молодой солдат,

*Молодой солдат, полковой сержант,
 На головушке он указ несет,
 Во правой руке челобитьеце... [П. Кир.1, с. 157];
 Да прислал же мне то милый друг
 Свое жалкое челобитьице,
 Свою белую рубашечку [П. Кир. 2-Я, с. 62].*

Тем не менее, значение 'просьба' в лексеме *челобитье* довлеет над всеми смысловыми оттенками; оно как бы наслаивается на семантику 'привет'. Так, в русской песне удачно выданная замуж дочь посылает матери известие о себе с просьбой не печалиться о её участи, а несчастная дочь просит матушку поплакать вместе с ней:

<i>Перва дочь просватана</i>	<i>На мое ли на тело белое,</i>
<i>В Москву за боярина <... ></i>	<i>На мое лицо румяное.</i>
<i>Перва дочь челобитье шлет,</i>	<i>Другая дочь челобитье шлет,</i>
<i>Чтобы матушка не плакала,</i>	<i>Ты бы матушка, не плакала,</i>
<i>Сударыня не тужила.</i>	<i>Сударыня, не тужила. <... ></i>
<i>У мово боярина</i>	<i>Третья дочь челобитье шлет,</i>
<i>Во всю ночь сальники горят,</i>	<i>Чтобы матушка поплакала,</i>
<i>Во всю ночь мастера сидят.</i>	<i>Сударыня потужила...</i>
<i>Они шьют платья цветные</i>	[П. Кир. 1, с. 207].

Можно заметить, что слово *челобитье* не унаследовало от производящего *бить челом* семантику 'дарить', 'благодарить'.

4.2.3.оборот Челом

Редуцированный оборот *Челом* из *Челом бью* воспринимался в языковом сознании как наделенный приветственной семантикой. Н.А. Мещерский отмечает концовку новгородской грамоты № 370, стратиграфически отнесенной к XIV-XV вв.: «*а на том тебе цолом*» [Мещерский 1981, с. 69]. О наличии приветственной семантики свидетельствуют и варианты шутливой поговорки о соблюдении этикета, «вежества»: *Где пень – тут челом, а где люди – тут мимо* [ППЗ, с. 74]; *Учися вежеству: где пень – тут челом; где люди – тут мимо; где собаки дерутся – говори: «Бог помощь!»* [Д. П., с. 153]. См. также старинные русские пословицы: *Трои челом лутче матернава слова* [XVII в. Дмитр., с. 48]; *Не всем на имя, а всем челом* [ППЗ, с. 143]; *Надоело лежанье, стоянью челом* [Снег., с. 242]; *Челом куме: сядь, почто пришла? так* [Снег., с. 451]; *Челом четырем, а пятому помогай Бог!* [Снег., с. 451].

Еще ярче адекватность *Здорово* и *Челом* прослеживается в паремиях, сопоставляющих две разновидности приветствия: *Ты мнѣ не здорово, а я тебѣ не челомъ*. [Сим. Посл. 143. XVII в. ДРС, 5, с. 364]; *Брат, здорово; брату челом; челом да об руку* [Д. II, с. 209].

Вместе с тем большинство контекстов не дает возможность установить, представляет ли собой этот оборот речезыкетную формулу или является описанием приветственного жеста: *Егда-ж приехал [Никон], с нами, яко лись: челомъ да здорово. Вѣдает, что быть ему в патриархах, и чтобы откуля помѣшка какова не училилась* [1673 г. Ав. Ж., с. 359].

Описание такого рода этикетной ситуации неоднократно встречается в сборнике Кириши Данилова (XVIII в.): *Челом, Об ручку челом* – уже не «битье челом», а вежливый способ приветствия:

Скоморохи – люди вежливыя,

Скоморохи очес(т)ливыя

Об ручку Терентью челом:

Ты здравствую, богатый гость... «([Про] гостя Терентиша» [К. Дан., с. 16]);

Два братца родимые,

По базару похаживают, <... >

Аб ручку-ту дядюшке челом:

«А и гой еси ты, дядюшка

Никита Романович,

Ково ты спрашиваешь?

Мы борцы в Москве похвалены,

Молодцы поучены, славные!» («Мастрюк Темрюкович»

[К. Дан., с. 29]);

Все боги теща прошла,

А зашод-та – Николе челом,

А Николе Месницкому.

Все люди теща прошла,

А зашод-та – она зятю челом

Да Денису Борисович («У Спаса к обедне звонят...» [К. Дан., с. 214]).

Одно из бытовых писем XVII в. содержит конечное *Челом*: ... *Изволь осмотритъ памети і ко мнѣ прикасат Дмитреи Качарскои челом. Кошелек с Офанасемъ посланъ* (Д. Качарский – А. Лазареву [Гр., № 59]). Составители сборника снабдили текст примечанием: «Далее, по-видимому, не дописано **бюю**». Тем не менее, нам представляется, есть основания видеть здесь не просто оплош-

ность пишушего, а самостоятельную формулу конечного приветствия.

Бесспорно приветственной речезтикетной формулой является *Челом* в староукраинском языке. Крестьянин, приглашенный на свадебный пир к господину («Драма про Олексія чоловіка Божого»), начинает с этого оборота приветственную речь:

М у ж и к 1-й (до Евфимияна рнчь говорить):

Челом, добродію наш, сенатору пане!

Нехай в твоєй домовцє все добре стане!

На прозбу твою отмовны быти не хтіли,

На веселе смо к твоєй милости поспіли,

Осе ж прийми и сию курачку, котрую

На господарство твоему сыну охвѣрую [1673 – 1674 гг. Давн.

укр. л., с. 296].

См. также украинский фольклор:

Кину пером, лыну орлом, конем поверну,

А до свого отамана таки прибуду.

Чолом, чолом, наш гетьмане, **чолом** батьку наш!

А вже нашого товариства багацько не маи! [Кост. Слав. миф., с. 533];

Кинулися Козаченьки Саву рабовати:

– Помогай Бфгъ, пане Саво, гараздъ намъ ся маєшь?

Седишь собі у свѣтлонці, вино попиваєшь?..

Чолом, чолом, пане Саво, гараздъ намъ ся маєшь?

Далекіи госто маєшь, чимъ же ихъ приймаєшь?.. [Головацкий, с. 19].

Следует отметить, что для украинцев и белорусов в XIX веке это приветствие уже не было связано с жестом-челобитием или даже жестом-поклоном. Об этом, например, сообщает фольклорист М.А. Максимович: «**Чоломъ** – бить челом, отдавать поклон; а теперь *дать чоломъ* значить дать руку в руку» [Максимович, с. 211].

С помощью выражения *дати чолом* (*чалом*) нередко описывается ситуация приветствия в украинском и в белорусском фольклоре:

(укр.) *Первого рицаря стречав, **чолом дав**: с плеч голову зняв,
Другого состречав – и тому такий ответ подаровав...* [Кост. Сл. миф., с. 420];

Тфльки-жъ тая челядонька

На порогъ ступає:

*Ажъ Микитка пану Савѣ
Чоломъ отдавае. –
Здоров, здоров, пане Саво!
Якъ ся собѣ маешъ?
Добрыхъ гостей собѣ маешъ:
Чѣмъ ихъ прывѣтаешъ?* [Максимович, с. 35];

*(бел.) Невялік Аўдзейкін пераезд,
Пераехаў поле-другое,
А на трэцяе – к цешчы на двор.
На двор уз'ехаў – двор заззяў,
З каня злез – конь зарзаў,
У сенкі вайшоў – шапку зняў,
У хатку вайшоў – чалом даў.
– Ай чалом, чалом, здароў, цешчанька,
Ці дома мая Кулінка?* [Вяс. 4, с. 48-49];

*На двор іду, лістамі сцялю,
Пад акном іду – чалом даю,
Чалом даю, пане гаспадар.
Ці спіш, ці ляжыш, ці не акажашся?
Ці да цэркаўкі сабіраешся?* [П. нар. св., с. 85-86];

*Ішла Купалка сялом, сялом,
Давала дзеўкам чалом, чалом...* [П. нар. св., с. 135].

Свидетельством широкого распространения приветственной формулы *Челом* в старобелорусское время являются сохранившиеся в польском языке *Czołem* 'Привет!', *Czołem, zohnierze* 'Здравствуйте, солдаты!' (приветствие командира в армейском лексиконе).

Как уже отмечалось в разделе, посвященном пожеланиям доброго времени суток, в белорусской поговорке зафиксирована произошедшая некогда смена речевого стереотипа: вместо связанного с общевосточнославянским этикетом приветствия *Чалом* появляется образованное по западноевропейской модели *Дабрыдзень* («Добрый день»): *Як казалі «чалом», была хлеба на стале і пад сталом, а як сталі гаварыць «дабрыдзень», сталі бегаць з торбачкаю абыдзень* [БППФ, с. 106].

Приветствие *Чалом* нередко встречается в белорусской песенной лирике:

Ишла Купалка сялом, сялом,
Казала мальцам: «**Чалом, чалом!**» [БФ, с. 141];

– **Чалом, чалом**, да Іванавіч,
Выведзь свату да Марысечку! <... >

– **Чалом, чалом**, да Марысечка/

Чалом, чалом, мая душачка,
Сядай са мной да на коніка [Чачот, с. 125];

(О женихе)

Ён вулкай едзець – людзі гаворуць аб яго.

К цесцюхне **чалом** – і я на двор,

К тваёй паненцы ў церам [Вяс.1, с. 427]

В словаре Носовича отмечено приветствие *Чаломъ*, с ударением, падающим на 2-й слог: «**Чалом**, межд. *Здравствуй. Чаломъ татусь!* – **Чаломъ, чаломъ, Ивановичь!**» [Насовіч, с. 695], однако в белорусском фольклоре XIX-XX вв. этот оборот способен также принимать облик с ударением на 1-м слоге, причем в корне появляется ударное **о**: *Чолам* (*табе, вам*). Можно предположить в таком произносительном варианте влияние польского языка:

Ой, суседачкі, да лябедачкі,

Чолам вам!

Ці не заляцела наша курачка

Учора к вам?

Ой, суседачкі, да лябедачкі,

Чолам вам!

Ці не прыблудзіла наша Ганначка

Учора к вам? [ЛБВ, с. 512].

Интересно, что обороты типа *отдать челом, отдать чело* встречаются в русском фольклоре – возможно, как контаминированные с *отдать поклон*: *И принимает Алешенька одной рукой, / И отдаёт чело на все четыре стороны, / И выпивал Алешенька чары досуха* («Алеша Попович и Илья Муромец» [Был., с. 222]); *Откуль взялся старый старичище, серый волчище, поднял хвостичище, свиные чело́м отдал*: – *Здравствуй, милая жена, супоросная свинья!* («Свинья и волк» [Ск. 2, с. 114]).

В русском языке оборот *Челом*, помимо приветственного значения, также может выражать семантику:

– просьбы: *В упрос прошу, да об руку чело́м* [Д. I, с. 184]; *Челом, а неведомо о чем* [Д. I, с. 355]; *Положа две денежки на шапочку, да дядюшке чело́м, а дядюшка сам знает о чем* [Снег., с. 328];

См. также в белорусской песне:

*...Дзевачка бель бяліла,
Бель бяліла, хустку мыла,
Золат персцень ураніла.
Прыйшла дамоў – к татульку чалом.*

«Едзь, татулька, па золат персцень» [П. нар. св., с. 108];

– угощения: *За ваше добро, да вам чалом. Вашим добром да вам же чалом* [Снег., с. 130];

– благодарности: *Спасибо за грибы, чалом за ананас, / За вина сладкие... (1753 г. М.В. Ломоносов «К И.И. Шувалову»); – Благодаритель вы наш, – отвечала плачущая и взволнованная Дарья Сергеевна... Чалом до земли за ваше неоставленье! (Мельников-Печерский П.И. «На горах»).*

4.2.4. Глагол *челомкаться*

От оборота *Чалом* произошел глагол *челомкаться*. А.Г. Преображенский отмечает «украинское *чоломкатися* 'здороваться', т.е. взаимно бить челом» [Преобр., с. 59]. См. также у Носовича: «**Челомкаць**, гл. ср. Челомъ бить, кланяться, здороваться. *Я тобн челомкаю, а ты и не кланяешся мнн*» [Насовіч, с. 751]; «**Челомкацьца**. сов. **Почеломкацьца**, гл. взаимный. 1) Здороваться. *Ці челомкалісь мы?* 2) однокр. **Челомкнуцьца**. Ударяться нечаянно лбами или лбомъ. < ... > *Челомкнувся об притолоку*» [Насовіч, с. 751].

Хотя М. Фасмер и указывает на наличие приветственной семантики у *челомкать*, называя этот глагол новообразованием «от выражения *бить челом* (см. *челобитная*)» [Фасмер, IV, с. 329], – следует заметить, что в русском языке в данном случае полностью победила народная этимология (произошло сближение *челомкаться*, *почеломкаться* с *целоваться*, *поцеловаться*), и во всех отмеченных случаях, начиная с Гоголя, значение 'поцелуй' преобладает в семном наборе этого слова.

Отмеченные у глагола *почеломкаться* разновидности значения таковы:

1. *Почеломкаться* 'поцеловаться при встрече': – *Ну, здорово, сынку! почеломкаемся!* – *И отец с сыном стали целоваться* (Гоголь Н.В. «Тарас Бульба»); – *Наконец, пожаловал, – проговорил отец Базарова <... > – Ну, вылезай, вылезай, почеломкаемся.... Он стал обнимать сына* (Тургенев И.С. «Отцы и дети»); – *Ну, здрав-*

ствуйте, здравствуйте! Может, **почеломкаемся**? Или пойдём прямо в закрома, в пещеру Лейхтвейса, где вы храните свои тугрики? (Ильф И., Петров Е. «Золотой теленок»); Ну, был я у И.Е. [Репина]. ... Как увидел я ноги (издали) И.Е. (он стоял в комнате внизу), я разревелся. Мы **почеломкались**. «Терпеть не могу сантиментов, – сказал он. – Вы что хотите, чай или кофе?» [1925 г. Дн. Чук., с. 305].

2. **Почеломкаться** 'поцеловаться при прощании' (редко): *А мы с вами давай лучше добром здесь расстанёмтесь; вот **почеломкаемтесь**, да и бывайте здоровы* [1871 г. Лесков Н.С. «Загадочный человек»].

3. **Почеломкаться** 'поцеловаться'. Наблюдаются случаи, когда приветственная сема совершенно не присутствует в глаголе: *И так как малороссияне, когда подгуляют, непременно начнут целоваться или плакать, то скоро вся изба наполнилась лобызаниями: «А ну, Спирид, **почеломкаемся!**» – «Иди сюда, Дорош, я обниму тебя!»* (Гоголь Н.В. «Вий»); – *А ты бы перестал дурака валять!* – сказал я робко. – *Ну вот, слова уж сказать нельзя! Экий ты, ей-богу! Ну, я зла на тебя не питаю. Давай **почеломкаемся**, старик!* – и я ощутил прикосновение щеки Ликоспастова, усеянной короткой проволокой (Булгаков М. «Театральный роман»).

В современном украинском языке *чоломкати* – «цілувати когонебудь при зустрічі, прощанні і т. ін.», *чоломкатися* – «1) вітатися, здоровкацца з ким-небудь, міцно тиснучи руку або схилиючи голову в поклони; 2) цілувати один одного при зустрічі» [СУМ, XI, с. 351]; *чоломкатися* (с пометой «разг») «здороватися с поцелуями» [РУКРС, с. 232]. «Украинско-белорусский словарь» (отмечая диалектное белорусское *чаломкацца*), переводит украинское *чоломкатися* белорусским *цмокацца*, а *чоломкнути* – *пацалаваць* [УБС, с. 662].

4.3. Конкуренция «челобития» и «поклона» в языковом сознании

Фольклорный сюжет об обмене приветствиями реки (ручья) и озера показывает, что *поклон* и *челобитье* воспринимаются как не вполне адекватные приветствия. По крайней мере, привет «славному Ильмень-озеру», занимающему почетное место в иерархии рек и озер, в былинных текстах принимает вид челобитья, тогда как само Ильмень-озеро посылает ручьям и речкам поклоны:

Проговорит ему matka Волга-река:
«А и гой еси, удалой доброй молодец!
Когда придешь ты во Нов-город,
А стань ты под башиню проезжую,
Поклонися от меня брату моему,
А славному озеру Ильменю». <... >
Подошел [Садко] ко Нову-городу
И будет у тоя башини проезжая,
Подле славнова озера Ильменя,
Правит **челобитья** великое

От тоя-та матки Волги-реки... («Садко-богатой гость»
[К. Дан., с. 143]);

«Дядюшка Ильмень-озеро! Тебе Черный ручей **челобитье** при-
слал и велел тебе сказать, что на нем построили мельницу». <... >
«Снеси Черному ручью, – отвечает незнакомец, – мой **поклон** и
скажи ему, что этого не бывало и не будет» («Предание о Черном
ручье» [Новг. б., с. 232]).

Нередко оба типа приветствия сталкиваются, причем трудно
бывает определить, с каким словом связана жестовая, а с каким –
вербальная приветственная семантика:

Садись, Добрыня, на добра коня,
Поезжай ты в земли святорусьские,
Вези Опраксию Микуличну,
Скажи поклоны челом-битьице,
Всему городу Киеву,
Ласкову князю Владимиру («Дунай» [Добр. и Ал., с. 125]).

Появляется также устойчивое народно-поэтическое выраже-
ние *бьет челом*, *поклоняется* или даже *челом поклоняется* – как
описание вежливого поведения при приветствии, просьбе, пригла-
шении:

Пришли тут стольники и чашиники,
Бьют челом, поклоняются
Молоду Касьяну Михайлову
Со своими его товарищами –
Хлеба есть во светлу грядню,
К молодой княгине Апраксевне («Сорок калик со каликою»

[К. Дан., с. 123]);

А приходит [Дунай] к королевскому величеству <... >,
Бьет челом, поклоняется:

– Здравствуй, батюшка, король хороброй Литвы! («Дунай»
[Добр. и Ал., с. 18]);

*Все оны **целом да поклонялисе:***

– Да уж ты, матушка да ты добротушка,

Да ты уйми-ка родна дитятка... («Вас. Буслаевич» [Новг. б., с. 54]);

Бьем челом, поклоняемся

На больших дарах, на Варламовых... [РСФС, с. 80].

В ряде случаев (например, в свадебной лирике) употребляется типичный для фольклора плеонастический оборот *побью (челом), поклоняюсь*, обычно начинающий причитание невесты:

Я побью челом, поклоняюсь

Я кругом да на околицу,

Птицам-пташицам да на особицу:

Вы слетайте, птицы-пташицы,

На престашино-то на кладбище,

На прекрасну ту могилочку... [ЛРС, с. 432];

*Уж я **побью** ли, низко **поклоняюсь***

Уж я своим-то да белым лебедям,

Я милым ласковым своим подружкам,

Назову вас да по имени,

Вознесу сполна да по отечеству:

Ты, Сусанна да свет Ивановна,

Ты, Иринья да свет Степановна [ЛРС, с. 458].

Данные старорусских эпистолярных памятникчиков показывают, что приветственная или благодарственная семантика по преимуществу связана с выражением *Челом бью*, тогда как *усердное, многократное, нижайшее поклонение* – это указание на униженный, раболепный характер исполнения приветствия:... *Из них выборные люди возвестиша, яко за вашу государскую к ним неизреченную милость Богу Спасителю всех вси зело суть благодарни и вам, государям, усердным поклонением бьют челом* (Грам. патр. Иоакима царям [Восст. 1682 г., № 195]); *Во Хрстѣ млстиво хранимоми а моему гсдрю млсрдоми Степани Самоиловичю с **нижайшимъ многократнымъ поклонениемъ** рабски **челомъ бью*** (Г. Тарлыков – С.С. Лисовскому [Гр., № 314]).

Именно с *поклоном* обычно в фольклорном тексте связана характеристика действия (*низко кланяться*):

Услыхали эти речи чумаки-целовальники,

Приходили ко князю Владимиру,

*Они **били челом, низко кланялись.***

«Да уж ты, наш свет-государь-де Владимир-князь!

Да мы не знаем, у нас вчера какое чудо сотворилось... («Илья Муромец и голи кабацкие» [Б-1, с. 145]);

И говорит Добрыня таково слово:

«Ты здравствуй, Дюкова же матушка!

*Тебе сын послал **челобитие**,*

*По **низку** велел **поклон** поставить» («Дюк» [Б-2, с. 226]);*

*Тут и **бьют челом** царю солдаты да **низко кланяются**.*

«Уж ты гой еси надежда да православной царь!

Уж ты дай нам суд на князя на Долгорукого» [ИП-ХVIII, № 164].

Большинство фольклорных контекстов XIX в. показывает, что в народном сознании *поклон* и *челобитье* уже не ассоциируются с разными типами приветствия, о чем свидетельствуют, например, пословицы: **Чело свербит – кому ни есть кланяется** (1741 г. Богданов [ППЗ, с. 116]); **Чело свербит, кланяться велит** [Снег., с. 450].

То же отмечаем в рассказе Б. Шергина «Старые старухи», где описывается быт старого Архангельска: *Бывало, заведут избомытье <... >. Мытницы подойдут с ведрами и мочалками, справят **челобитье**: – **Благослови-ко, хозяйюшка, полы шоркать!** – **Мать равным образом поклонится в пояс:** – **Мойте-ко, голубушки, благословясь!***

В песенном приветствии родителям *поклон* обычно адресован отцу, а *челобитье* – матери (не следует ли здесь усматривать глубокий смысл: внешнее, жестовое приветствие – главе семьи, а слово с актуализацией семьи 'устное приветствие' – матери, как знак сердечного привета, расположения):

Полети же, мой соловушко,

На родимую сторонушку,

Ты скажи, скажи, соловушко,

*Моему батюшке низкой **поклон**,*

*А матушке **челобитице**:*

То-то, матушка, неволюшка,

Да, сударыня, боярский дом! [П. Кир. 2-Я, с. 46];

Полетите, вороны,

На родиму сторону,

Скажите моему батюшке

*Нижайший **поклон**,*

Сударыне-матушке

***Челобитье** от меня [П. Кир.1, с. 138];*

– Полети же, мой соловьюшко,

*На родимую сторонушку,
Поклонись моему батюшке,*

*А матушке **челобитьице*** [П. Кир. 2-Я, с. 192].

Записанный в 1969 г. вариант песни, в котором вместо *челобитьица* появляются *обидушки*, позволяет усмотреть и семантику жалобы в этом обороте:

*Пташка вольная, слетать легкая,
Ты слетай-ка на свою сторону,
Снось-ко батюшке **низкий поклон,***

*Родной маменьке **обидушки*** [П. Карельск. кр., № 75].

В единственном примере *челобитьице* посылается отцу, а *поклон* – матери, причем, это особый песенный сюжет (не жалоба замужней женщины, как в предыдущих случаях, а рассказ о погибшем на войне солдате):

*На белой-то руки золот перстень,
На печатке было написано,
Написано, напечатано:*

*«Мому батюшке – **челобитьице,**
Родной матушке – **низкой поклон,**
Низкой поклон до сырой земли,*

*Малым детушкам – **благословленьице...**»* [П. Кир. 1, с. 137].

В сюжете исторической песни «Сынок Стеньки Разина» не просматривается логики выбора того или иного типа приветствия (точнее, его отсутствия). О герое, который ни с кем не здоровается, сообщается:

*Ва горади было в Астрахани
Прявился разудалый моладец
Астраханским купцам он ни **кланитца,***

*Афицерам-господам он **чолом, чолом ни бьеть...*** [П. Кир. 2-Я, с. 31];

*Он со штатами и с офицерами не **кланится...*** [П. Кир. 1, с. 93];

Никому этот детинушка не кланется,

*Ни штабам, ни офицерам **челом не бьет*** [П. Кир. 1, с. 94].

В XVIII в. в связи с петровскими новациями (в частности, с запрещением при общении с государем буквально «бить лбом», опустившись на колени) утверждается ироническое отношение к челобитию:

Бью челом тебе, Киев! Что еще?

*Бить челом теперь обычья нет,
Можно просто бы **поклон** отдать,*

*Поберечь столицу разума
 Для другого дела, лучшего.
 Люди грамотны, люди умные!
 Я пою ведь вам песню старую,
 И пою на строй тех времен простых.
 Когда были лбы сильно крепкие...* (1796 г. Н.А. Львов «Добрыня») [П. XVIII в., 2, с. 234-245].

Судя по литературным произведениям этого времени, возможна и семантическая дифференциация *поклон* – 'подарок, взятка'; *челобитье* – 'просьба':

*Блажен, кто сам собой доволен,
 Свободен в сердце, в духе волен,
 Кто не рожден в душе рабом,
 Кто под одним живет законом,
 Не должен никому поклоном,
 Ни перед кем не бьет челом* (1793 г. А.И. Клушин «Вечер») [П. XVIII в., 2, с. 337].

Новое отношение к челобитью как к процедуре, унижающей человека и причиняющей ему физический ущерб – в противоположность галантному поклону – отражено и в пословице: *Поклон с хохлом, челобитье с шишкой* [Д.І, с. 183].

4.4. Приветствие-целование

Древнерусское целовати обладало значениями 'приветствовать', 'здороваться', 'целовать', 'приносить присягу', 'преклоняться'.

Прилагательное *целый, цел*, восходящее к праславянскому *celъ, генетически связано с др.-прусским *kailustiskan* 'здоровье', греч. *κοίλυ*, то *κκлов*, гот. *hails*, д.-в.-н. *heil* 'здоровый', 'целый' [Фасмер, IV, с. 297; Преобр., с. 45]. А.Г. Преображенский также отмечает полабское приветствие *с'ол!* 'здорово!'

Унаследованное древнерусским языком, уже в XI-XII вв. слово *цль* многозначно: Над сима ногама кровоточивую, подолцл ризы прикоснувшис#, и цлхл ^ недуга (цлхл 'здоровы' – о израненных ногах) (Кир. Туровский «Слово в новию недхлю по пасцлх» [Л. – С., с. 134]);...Иже ~си вт " звъ ишва ицлхиль. сътвори тако же милость со о[ть]цъмь моимь. и приведоша и къ нему слхпа. и паде на колхноу с[ы]на сво~го гл[агол]а же

~моу с[ы]ноу створи м# цѣла (цѣла 'прозревшего' – о слепом) [Усп.сб., л. 126 в]; По НІ (14. – Н.Г.) лѣт пренесень... и всего цѣла вбрѣтъше... и неврѣжена (цѣла 'целого, неповрежденного' – о мощах святого) [Ж.Феод.Ст., л. 170 об.];..(О вернувшихся из похода воинах) И вси наши вои, русстїи полци, цѣли быша... (Рогож. л. под 1179 г.) Прилагательное цѣли в последнем примере имеет комплексное значение 'целы, здоровы, невредимы'.

Формуляр духовных грамот (завещаний) включает стереотипное выражение цѣлымъ своимъ оумомъ, где цѣлый означает 'здоровый, здравый': Се язъ грѣшныи худыи рабъ Б[о]жїи Иванъ пишу д[у]ш[е]вную грамоту и да въ ворду никимъ не нужень цѣлымъ св[о]имъ оумомъ въ свое~мъ здоровьи [Дух. 1336 г., с. 87]. См. также примеры более позднего времени: *Своимъ цѣлымъ оумом и въ своемъ смыслѣ...* [Дух. 1460 г., с. 187]; *Пиши грамоти д[у]шевную своимъ цѣлымъ смыслом...* [Дух. 1499 г., с. 199]; *Пишу собе д[у]х[о]вную грамоту своимъ цѣлымъ умом и разумом, кому ми что дати и на ком ми что взяти...* [Дух. 1505 – 1506 гг., с. 8]; *Се язъ рабъ божїи Иван Юрьевичъ Грязной пишу сію духовную своимъ цѣлымъ умом и разумом кому мнѣ что дати и на ком мнѣ что взяти* [Дух. 1579-1580 гг., с. 200].

Подкрепленное глаголами *целить, исцелить*, существительными *целитель, целѣба* и подобными образованиями, значение 'здоровый' проявляется у прилагательного *цѣлый* довольно долгое время: *Естли [жена] бесплодна, то мужъ в непрестанной скорби, чая, что Богъ на него прогневался... Опасен межъ людѣми, мня про себя, что не цѣлой человек* [Рубеж XVII – XVIII вв. Златое иго супр., с. 319].

Подобно старославянскому *здравъ*, это прилагательное может иметь значение 'крепкий, не разрушенный': *...Что битто онъ крестъ изломал... а тотъ крест(т) которымъ онъ ево поклепалъ еще и нне цѣл а стоить в храми Свѣго Степана* [1627 – 1628 гг. В-К I, № 22, л. 34-35]; *А какъ ти магили открыли і в неѣ нашли дев" ти арцыарцихъ в которые ижъ са триста лѣтъ переставилис... а волосы и нхъ на головахъ и на бородахъ еще были и платѣ золотное еще на нхъ цѣлѣмъ было* [1631 г. В-К I, № 30, л. 25].

В дальнейшем прилагательное *цѣлый* несколько расширяет семантику, включая в свой семный набор значение «благополучный»: *Мне и ножом, и ружьем, и краснымъ петухомъ грозили, а я и сію минуту цѣлехонек* (Салтыков-Щедрин М.Е. «Пошехонские рассказы»). Ср. также *уцелеть*.

В историческое время происходит также специализация значения «состоящий из должного количества частей»: *Семен Гаврилович Головастиков был тоже вдовец и вдобавок не имел одной руки, но сестрица уже не обращала вниманья на то, целый ли будет у неё муж или с изъяном* (Салтыков –Щедрин М.Е. «Пошехонская старина»).

Раздробление семантики (с одной стороны – *целый, целить, с другой целовать*) обусловлено тем фактом, что «и. – е. *koil, повидимому, существовало в двух вариантах – с основой на –и- и на о-» [ЭССЯ, 3, с.180]. Таким образом, семы 'здоровье', 'целый, весь' сохранились в основе *цел-//цел'*-, а основа *целу-//целов-* закрепила семантику 'поцелуй'.

Согласно теории итальянского психиатра и антрополога Чезаре Ломброзо, поцелуй генетически восходит к акту материнского кормления. Очевидно, эта гипотеза верна только отчасти, для поцелуя, который по классификации Ломброзо относится к любовным (точнее было бы назвать его эротическим). Что же касается выделяемых Ломброзо типов ритуального и этикетного поцелуев, то они имеют общий источник и связаны, как показывает этимология, с символическим наделением здоровьем. Этнографы неоднократно отмечали целование как обряд, наделенный символикой возвращения, передачи здоровья (о ломбровозской теории поцелуя и обряде целования см.: [Байбурин, Топорков, с. 50]). Судя по всему, отголоски представления о том, что способом «из уст в уста» можно передать свою силу, мощь, содержатся в эпизодах былин о старших богатырях, повествующих о смерти Святогора. Распространенный былинный сюжет сообщает о том, как Святогор из гроба наделяет Илью Муромца богатырской силой:

Наклонись-ко ты ко гробу ко дубовому,

Я здохну тебе да в личко белое,

У тя силушки да поприбавится («Святогор» [Б-1, с. 33]);

«Возьми, брат названный, мою саблю». Илья сабли и подынуть не мог. «Поди, брат названный, я тебе силы дам». Припал Илья к гробнице, и дунул Святогор духом богатырским («Святогор, его жена и Илья Муромец» [Б-2, с. 83]).

См. также замечание английского религиоведа и этнолога Дж. Фрэзера о первобытных верованиях: (В большинстве мифологий) «...как правило считается, что душа покидает тело через отверстие, чаще всего через рот или через ноздри» [Фрэзер, с. 176]. Не лишним будет напомнить, что *дух, душа, дыхание*, этимологически являясь родственными, на каком-то раннем этапе развития

мышления объединялись в сознании наших предков. В этом свете можно рассматривать поцелуй как обмен дыханием и как своего рода общение душ.

Таким образом, обряд целования предстает как наделение жизненной силой, здоровьем, а в христианской религии – ещё и целостно, целостностью души, святостью.

Нуждается в уточнении распространенное мнение, приводимое, в частности, Н.М. Шанским: «Между прочим, такое же «приветственное» значение имело когда-то и слово *целовать*. Обычная для нас семантика этого слова (= лобзать) возникла в нем позднее, в связи с обычаем при встрече не только приветствовать, но и целоваться. Буквально же *целовать* «желать быть целым, невредимым, здоровым» [Шанский, с. 188].

Если бы целование несло в себе первичную семантику 'желать здоровья', то, во-первых, это пожелание значительно раньше и шире вербализовалось бы в этикетных формулах (по крайней мере, у восточных славян), тогда как Шанский, вслед за Фасмером и Преображенским, отмечает только с'ол! «цел!» – соответствие русскому «Здравствуй!» у полабских славян – а также немецкое *хайль!* (< древневерхненем. 'целый, здоровый').

Кроме того, необъяснимым осталось бы сакральное приветствие (целование креста, мощей, икон), которое является приобщением к святости: «Посредством целования святыни человек приобщается к ней, причем на него переходит сила его святости» [Байбурин, Топорков, с. 60].

В церковнославянском языке у глагола цѣловати отчетливо выражено значение «приветствовать». Так, в Евангельском тексте: И аще цѣлюете други ваш# токма, что лишше творите **і** не " зычници ли такожде твор#ть [Мф. V, 47]. (В современном переводе о. Леонида Лутковского: *И если **приветствуете** только друзей своих, что такого особенного делаете? Не так ли поступают и язычники?* [Ев. Мф. пер., с. 104]); Вход#ше же въ домъ, цѣлуйте его, глаголюще: миръ дому сему [Мф. X, 13]. *А входя в дом, **приветствуйте** его: мир этому дому* [Ев. Мф. пер., с. 109]; Начаша цѣловати и, гл[агол]юще: радоуис#, ц[а]рю Июдейскъ [Мр. XV, 18]. *И стали **приветствовать** Его: да здравствует Царь Иудейский!* [Ев. Мр. пер., с. 165].

Из контекста ~же бо рещи, радоуис#, вбъще слово ~сть всьхъ цѣлоующихъ [Златоустр. XII в. Срезн., III, с. 1451] (в вольном переводе – «Говоря *Радуйся!* мы произносим общее для всех приветствующих друг друга слово». – Н.Г.) явствует, что русскими

книжниками *целование* воспринималось именно как приветственное действие (*Радуйся!* – византийский тип приветствия, широко распространенный в древнерусской гомилетической и агиографической литературе, в эпистолярной дипломатической практике и т. д.).

Это же значение отмечено И.И. Срезневским в летописных текстах: С[вя]тополкъ же приде в Печерьскый монастырь на заоутреню на оуспенъе С[вя]ты " Б[огороди]ца, и бра^т " цѣловаша и с радостью великою, " ко врази наша побѣжени быша (ПВЛ под 1107 г. [Срезн., III, с. 1451]); Кн#зь же, чѣловавъ всѣхъ, поклонивъс#, поиде (Новг. I л. под 1214 г. [Там же, с. 1451]).

Из других значений глагола *целовать* Срезневский отмечает 'целовать, лобызать' (абсолютное большинство примеров), 'благодарить, выражать благодарность' (с 1 примером): Послаша ему мечь и ино оружье...; внѣ же, приимъ, нача хвалити и любити и цѣлова ц[ьса]р# (ПВЛ под 971 г. [Срезн., III, с. 1452]) – пример явно не бесспорный, точнее было бы говорить в данном случае о приветствии в знак благодарности – в связи с отсутствием в древности вербальной и поведенческой специализации этикетной ситуации благодарности;

– а также 'целовать священные предметы, прикладываться'; 'целовать крест, икону в подтверждение клятвы, присягать', 'читать, поклоняться': влегъ же вбѣщас# се створити и на семь цѣловаша кр^{сть} (ПВЛ под 1096 г. [Срезн., III, с. 1452]); Цѣловаша с[вя]тоую Б[огороди]цю, " ко быті всемъ одинакымъ (Новг. I л. [Срезн., III, с. 1452]); Аще^и хто целуеть мѣс#ць..., да буде^т прокл#^т [Паис. сб. Апл. зап. 47. Срезн., III, с. 1453].

Уже в XII в. значение *целование* 'приветствие' фиксируют оригинальные древнерусские тексты, например, «Слово о законе и благодати» митрополита Илариона: Да еже цѣлованіе архангель дасть дѣвици, будеть и граду сему [Л. – С, с. 130].

То же в Успенском сборнике, где речь идет как о приветствии при встрече: А они оузърѣвшѣ и омрачаахоу с " и греб " ахоу къ нему. а съ цѣловани " ча " [ни] " ше отъ нихъ при " ти [Усп. сб., л. 13 г]; И се приидоша страньници въ градъ тѣ иже и видѣвѣ " б[о]жъствьными оуноша и радъ бывъ текъ поклони с " имъ и любьзно цѣлова «[Там же, л. 28 в]; И великому Геодосію поклоньшема с# " ко же ~ лѣпо кън#зю. и тому же цѣловавшю бл[а]женаго [Там же, л. 59 б];

– так и о прощальном приветствии:

Онъ... тако братии молоу събравъшю с " цѣлова вьс ". и сиче съ мирьмъ предасть въ роуцѣ д[у]шю пришедъшимъ по нь ан[г]л[а]мъ [Там же, л. 46 б]; Вьс# вы цѣлоую " ко втхожю къ вл[а]д[ы]цѣ Г[оспод]оу нашему I[ису]с[у] X[рист]оу [Там же, л. 63 б]; Агапии же постави имъ игоумена брата старшишаго. и оустроивъ " . и цѣловавъ н. изиде из манастир# [Там же, л. 288 б].

В большинстве случаев у древнерусских лексем цѣловати, цѣлованіе трудно разграничить семы 'прикосновение губами' и 'приветствие' (" ко ~гда сьр#чеши ближн#аго сво~го. почьсти и лише мѣры. вѣбими и и цѣлоуи съ много@ чьстью. и похвали и ~го же не имать. и ~гда разидеши с# отъ него рьци о немъ вьс# добра# [Изб. 1076 г., л. 99] – контекст допускает оба варианта перевода: «обними и целуй с почестями», «обними и приветствуй... »); и " рославъ изиде противоу ^ца сво~го и цѣлова и съ радо[ть]ю (Лавр. л. под 1185 г. [Л. – С., с. 93]): «радостно приветствовал его» и «целовал его с радостью»).

Однако находим и бесспорные случаи актуализации в этом слове именно семы 'приветствие': ...Коньч#ни~ ^ вась ^дадите цѣлованіе [Ж. Феод. Ст., с. 167]. (В соответствии с греческим текстом «последнее от нас... приветствие»); И сиче поучивъ братию и цѣловавъ всхъ по именамъ, и тако изыде изъ манастиря [Мос. лет. свод под 1478 г., л. 318 об.]; Все Юудеи и съ архіерев^м единог^лно его (Александра) искрѣно цѣловаша [Г. Ам. 27, Срезн., III, с. 1451]. То же в старинной пословице: **Целование Татарское, назад руки, да здрав буди!** [Снег., с. 446],

– а также у Кирши Данилова:

Тут оне съехались, послы, поздаровались,

Как послы послуются,

Оне ручки об ручку целуются («[Про] Ставра-боярина» [К. Дан., с. 72]).

В былине зафиксирована ситуация, представлявшаяся автору необычной: целование «ручка об ручку». Как известно, рукопожатие в качестве приветственного жеста было принято в Московской России только при общении с европейскими послами, с которыми *витались*, т.е. «здоровались, подавая друг другу руки» [Байбурин, Топорков, с. 40].

Следует отметить, что глаголы лобзати, лобызати, подобно цѣловати, могли употребляться в значении 'приветствовать, относиться с одобрением': *В чернечество входитъ и мнишество лобы-*

заеть [Ж. Серап. Новг. XVI в. ДРС, 8, с. 264]; *Царю благородный, даждь намъ судъ праведенъ; а мы, богомольцы твои, во святую церковь ничтоже вносимъ, или износимъ, вся преданная закономъ и пророки и евангелисти приемлемъ, и чествуемъ, и лобызаемъ, и ничтоже сихъ далъ ищемъ* [1668 г. (Чел. Лазаря) Суб. Мат. IV, 241. ДРС, 8, с. 264].

Можно предположить, что такое значение у глагола лобызати вторично (это легко доказывается с помощью этимологии: М. Фасмер считает этот глагол родственным латинскому *labio* – 'лижу, облизываю', да и связь с лат. *labium*, 'губа', которая для Фасмера «представляется сомнительной» [Фасмер, II, с. 508], возможно, все-таки существовала) – и развивается в XVI – XVII вв. под влиянием *цѣловати*. В Словаре древнерусского языка XI–XIV вв. для лобызати отмечается только одно значение «целовать», хотя некоторые из контекстов не вполне бесспорны, напр.: *вси ч[е]л[о]вци съ радостию при~млють и лобызають и хвал#тъ* [Пч. к. XIV, 50. СДР, IV, с. 420].

Несколько невнятно в сочинениях протопопы Аввакума дифференцируются *поцелуй* и *лобзание*: *Увы, увy, птенцы мои, вижу ваша уста безгласна! Целую вы, к себе приложивши, плачущи и обლობызающи!* [Ав. О трех исп. сл. плач., с. 215]. Судя по всему, в этом контексте и целование, и лобызание являются метафорическим изображением приветствия. По свидетельству хорошо изучившего старообрядческий быт П.И. Мельникова-Печерского, «у старообрядцев монахи и монахини, иногда даже христосуясь на Пасхе, не целуются ни между собой, ни с посторонними. Монахи с мужчинами, монахини с женщинами только «ликуются», то есть щеками прикладываются к щекам другого. Монахам также строго запрещено ликоваться с мальчиками и с молодыми людьми, у которых ещё ус не пробился» («В лесах»).

Комплексное значение «прикосновение губами в знак приветствия при расставании» отмечаем в устойчивом обороте *последнее (конечное) целование*, обозначающем прощальное приветствие-поцелуй: И дас[тъ] (в. кн. Юрий Игоревич) последнее целование великой кн[я]г[и]ни агрепѣне ростиславне... и поидоша против неч[ъ]стиваго цря Батыя (Нач. XIV в. «Пов. о разор. Батыем Рязани» [Л. – С., с. 168]); *И прочаа княгини и боярыни, и служниче жены тако же отдаша своим мужем **конечное цѣлование** и възвратишася с великою княгинею* (XVI в. Ск. о М. поб. Осн. ред. [Ск. и пов. о К.б., с. 33].; Россия. *Се уже последнее приношу гробу поклонение, тебе, моему отцу и государю, **последнее целование,***

ликуй, торжествуй в горнем Сионе с лики святых. Аминь (1725 г. «Слава печальная» [РРД-3, с. 310]).

Хоровое песнопение из содержащегося в православном Требнике «Чина погребения» включает призыв: *Приидите, последнее целование*. Интересно, что эта фраза, являющаяся сигналом прощального приветствия с усопшим, оказывается таким же образом способной к междометной трансформации, как другие приветственные формулы: *Здравствуйте! Моё почтение!* и под.): *Да мало ли их еще было, генералов этих, черт бы их драл! Но всё это, скажу вам, господа, запуха и мандрагория в сравнении с теперешним. Это уж, что называется – приидите, последнее целование* (Куприн А. «Поединок»).

Русские памятники XVII – XVIII вв. отмечают особенности дипломатического церемониала, связанного с этикетным поцелуем: *...А целовал де и папы ноги и дѣла свои папе вбъявил* [1600 г. В-К I, № 1, л. 72]; *Посоль московской июля въ ЕІ м* [15-м. – Н.Г.] *числѣ и королевы свѣиской в Стеколне на посолстве был добрѣ нарядно и и еѣ королевина величества трижды руки целовал* (1646 г. В-К III, № 45, л. 75); *Его Царское Величество изволиѣ встрѣтити Короля, сошедъ съ нѣжняго крыльца, и тутъ другъ друга поздравя ѡцловались <... > и при прощаніи изволили паки поцловатца* (1717 г. «Ведомости» [Обн., Барх., с. 117-118]).

В русском обиходе целование царской руки было милостью государя и одновременно признанием целующим царской власти как власти, данной Богом: *Касимовские и сибирские царевичи и бояря, и околничие, и думные и ближние люди, и генералы, и стольники, и полковники, и стряпчие, и дворяня, и дьяки, и жильцы, и городовые дворяне, и дети боярские, и гости, и дворовые люди... в его государевых хоромех, прося у него, государя, прощения, и целовали его государеву руку* (1683 г. Записи Разрядного приказа [Восст. 1682 г., № 204]). В данном случае речь идет о прощании с умершим царем. Обычно же, когда речь шла о целовании царской руки, в приказном языке употреблялось выражение *Государь жаловал к руке*. В том же документе далее: *А потом их же, царевичей, и бояр, и окольничих, и думных, и ближних, и вышеписанных всех чинов людей, в тех же хоромех жаловали к руке благовверные государи царевичи <... > Иоанн Алексеевич, <... > Петр Алексеевич*.

Сакральный смысл обряда целования руки несомненен: не случайно одной из причин, по которой боярыня-раскольница Феодора Прокопьевна Морозова отказалась явиться на царский брак

«сказующи себе болящу», послужила необходимость целовать царю Алексею Михайловичу руку: *Преподобная же сего ради не восхоте прияти, понеже тамо в титле царя благоверным нарицати и руку его целовати...* [Пов. о б. Мор., с. 132].

Древнерусское крестъ цѣловати означало 'клясться, присягать': *И в том писание было, чтоб они кесарскими. величества крестъ целовали* [1620 г. В-К I, № 4, л. 2]; ... *Для чего и вт кого рыцарской чинъ заведен и крпкою кл#твенною присягою то есть крестнымъ целованемъ итверженно и икрплено, и томи рыцарскими чини впередь не бывать и не именоватся по совѣту и по приговори всеѣ Речи Посполитой* [1638 г. В-К I, № 39, л. 117].

Крестное целование выступало в качестве ритуального действия, подтверждающего как международные договоры, так и мелкие гражданские сделки: *Которой договоръ... мы... и усты и руками и печатьми утвердили, и противъ того, Рускіе послы..., съ своей стороны, крестнымъ цѣлованьемъ, при насъ, все утвердили...* (1609 г. Догов. зап. послов шв. кор. Карла IX с стольником С. Головиным [АИ, II, с. 185]);...*До Василевские новины что Истома Ликьянов отцеловал* (1584 г. Выпись о меже [Пам. Ряз., № 84, л. 196] (*отцеловал* – то есть добился, получил в собственность, принеся присягу); *И в обыску сказали попы по священству а дворяне и дети боярские и крстьян сказали по гсдрви и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси кресному целованию Нестер Бирловъ изо Мценска на Орел жит шол о то свое меновное...* [1636 г. Южн. отк., № 7, л. 442].

С. Герберштейн отмечает: «...Когда клянутся (русские люди. – Н.Г.), то подтверждают слова или обещание целованием креста». [Герб., с. 62].

Описывая детские впечатления, А.А. Фет сообщает о том, что представлял собой обряд покумления в крестьянской среде в XIX веке: *Последнее совершалось следующим образом: на ветку березы подвешивался березовый венок, и желающая покумиться женщина вешала на шнурке в середину венка снятый с шеи тельник; затем кумящиеся становились по обе стороны венка и одновременно целовали крест с двух сторон, целуясь в то же время друг с другом. Покумившиеся оставались кумом и кумою на целый год* [Фет, с. 73].

Целование креста воспринималось как присяга в брачной верности:

*Мы дадим благословеньице,
Благословеньице великое,*

*Во Божью церковь ехати,
Да закон Божий принятьи,
Чуден крест поцеловать* [ЛРС, с. 241].

Присягали, целуя не только крест, но священные предметы вообще, например, иконы: Цѣлоуи ко мнѣ с[вя]тоую Б[огороди]цю, " ко мене не примеши, но пустиши м# къ ^цю своему [Ип. л. под 1150 г. Срезн., III, с. 1452]; I цѣловаша с[вя]тоую Б[огороди]цю меншии, како стати всѣмъ. любо животь любо см[е]рть. за правдоу новгородскоую. за свою о[ть]чиноу (Новг. I л. под 1255 г. [Л. – С., с. 9]).

Лексема *целованье* в старорусском языке приобретает значение 'клятва, присяга'. Так, договорная грамота великого князя рязанского Ивана Федоровича с великим князем московским Юрием Дмитриевичем содержит обязательство «сложить целованье», то есть нарушить, отменить присягу: *С твоим братыничем со кнзем Василем ни ссылатис#, ни в вотчини ми ег свою не примат, ни его бо" рь которые еми служат. А целоване ми к неми сложит, а быти ми с тобою на нег за вдинь* [1434 г. Пам. Ряз., № 55, л. 1].

Целование священных предметов, потом – руки у верховного владетеля (как священнодействие) привело к изменениям в языковом сознании: это действие стало восприниматься как знак покорности, смирения, что отчетливо прослеживается, например, в Ломоносовских одах:

*Целуйте ногу ту в слезах,
Что вас, Агаряне, попраля,
Целуйте руку, что вам страх
Мечем кровавым показала (1739 г. «Ода на взятие Хотина»);
Стокгольм, глубоким сном покрытый,
Проснись, познай Петрову кровь,
Не жди льстецов своих защиты,
Отринь коварну их любовь;
Ты всуе Солнце почитаешь
И пред Луной себя склоняешь;
Целуй Елисаветин меч,*

Что ты принудил сам извлечь... («Ода на прибытие... Елисаветы Петровны из Москвы в Санкт-Петербург 1742 г. по коронации»).

Выражение *о Христе целование* имеет первоначальную семантику 'христианское приветствие-поцелуй'. Исполнять его следовало по особым правилам, описанным в «Домострое»: *Аще с кѣмъ о Христѣ цѣлование сотворити, такоже духъ в себѣ удержавъ поцѣловатися, а губами не плюскати...* [Дом., с. 72].

В таком значении глагол *целовать* (*поцеловать*) отмечен в старобелорусском языке. Летописец сообщает об аллегорическом ответе, который был дан в. кн. Альгирдом послу в. кн. Московского Дмитрия Ивановича: *И князь великий Олкгирд вынял из огнива губку да камень, и запалил губку, дав послу и рек: «Дай то господарю своему и скажи ему, что у нас в Литвѣ огонь ест <... >. А яз у него буду на Велик день и поцелуя его красным яицом, щитом и с сулицею...*» (Евреиновская лет. под 1368 г. [ЛБЛ, с. 223]).

Обычай *сотворять целование о Христе* (о Господе), взаимно приветствовать друг друга поцелуем в знак радости по поводу важного события (прежде всего в день Воскресения Христова), привел к появлению глагола *христосоваться* (*христоскаться*): *Как тут выходил Михайло из матушки сырой земли, / Тут с братами христоскался.* («Михайло Потык» [Б-2, с. 338]) (текст былины содержит указание на то, что действие происходит в пасхальное воскресенье: *«Выходит что народ тут от заутрени христоскии...»*); *Впрочем, в Светлый праздник, у заутрени, он честь чеством похристосовался со всеми* (1888 г. Салтыков-Щедрин М.Е. «Пошехонская старина»); (Шутливое): *Будь здрав и пиши почаще. Наталии Александровне низко кланяюсь и христосуясь с ней* (1893 г. А.П. Чехов – Ал. П. Чехову [ПЧ, с. 22]).

Современники свидетельствуют о широком распространении поцелуя в русском этикете XIX века: *«Теперь я хочу рассказать, каким образом приветствуют друг друга мужчина и женщина. Дама подает вошедшему джентльмену руку, которую тот, наклонясь, целует, в то же самое время дама запечатлеывает поцелуй на его лбу, и не имеет значения, знаком ли ей мужчина или нет. Такой тут обычай здороваться, вместо наших поклонов и реверансов»* (1803 г. М. Вильмот – матери [Вильмот, с. 234]); *«В России еще много варварских обычаев, но вот гостеприимство – одна из наиболее приятных национальных особенностей. Говоря о других национальных чертах, должна заметить, что они проявляются лишь среди низших сословий; к сожалению, высший свет во всем пытается подражать французам. И хотя французские манеры сами по себе не плохи, всё это похоже на обезьянничанье. Вместо бывшего ранее в употреблении приветствия – величавого взаимного поклона – вас с восторженным видом целуют в обе щеки, механически бормочут, как рады с вами познакомиться, etc.»* (1805 г. К. Вильмот – Анне Четвуд [Там же, с. 292]); *Мать стояла обычно или на верхней, или на второй ступеньке крыльца и старалась поймать руку дедушки, чтобы поцеловать её; но каждый раз*

со словами: «Что это ты, мать моя!» он обнимал и целовал её в щеку. Нечего прибавлять, что мы считали за великое счастье поцеловать руку дедушки [Фет, с. 70]; (О прощании на ночь) Мы простились по-старинному. Тетенька сперва подавала ручку для поцелуя, потом целовала в губы и наконец опять подавала ручку. В заключение крестила и отпускала <... >; Но дедушка был утомлен; он грузно вылез из экипажа, наскоро поздоровался с отцом, на ходу подал матушке и внучатам руку для целования и молча прошел в отведенную ему комнату... (Салтыков-Щедрин М.Е. «Пошехонская старина»); Был Андреев типичный москвич, радушный и гостеприимный, мало разборчивый на знакомства, масса приятелей, со всеми на «ты», при встречах, хотя бы вчера виделись, целуются (Вересаев В. «Непридуманные рассказы»).

Мы видим, что в XIX веке этикетный поцелуй многопланов: это и облеченное европейской галантностью христианское приветствие, и закрепленное в ритуале целования детей символическое наделение здоровьем, сопровождаемое оберегом – крестным знаменем, и аналог целования царской руки – поцелуй руки семейному патриарху как признание его высшей власти и как знак подчинения ему.

Уже в 20-е – 30-е годы XIX века обычай приветственного целования даме руки архаизуется. Вспомним, что провинциальные дворяне-помещики осуждали прибывшего из столицы соседа за то, что он...*дамам к ручке не подходит* (А.С. Пушкин «Евгений Онегин»).

Во второй половине столетия этот обычай безоговорочно признается старинным и патриархальным: *Всем одинаково она, по старинной московской привычке, подавала руку горбиком, как для поцелуя* (1874 г. Салтыков-Щедрин М.Е. «Господа Молчалины»); – *Вот теплая простота и фамильярность!* – смеясь, заметила Лиза, – *патриархальное лобызание ручек!* – Да; у нас по-деревенски, – ответил доктор (Лесков Н.С. «Некуда»).

Своеобразие приветствия-поцелуя, однако, долгое время не находило отражения в речезыкетных формулах, и только в конце XVIII в. появляется *Целую!* – как прощальная формула эпистолярного жанра, вне связи с церковнославянской традицией русской письменности, но под тем самым влиянием «французских манер», о котором с таким неодобрением пишет Кэтрин Вильмот.

Прощальное *Целую* появляется в завершающей части писем к друзьям и родственникам. Интересно, что это приветствие лишено «дамской» специфики, как в настоящее время и активно использу-

ется в XVIII – XIX в. в эпистолярной практике мужчин: *Прости, любезный милый мой друг, тысячу раз тебя целую. Преданный брат Иван Дмитриев* (1798 г. И.И. Дмитриев – П.П. Бекетову [Дм., с. 377]); *Сестру целую очень. Друзей моих также – тебя в особенности* (1824 г. А.С. Пушкин – Л.С. Пушкину [ДП I, с. 90]); *Буду работать сколько хочешь и охотно. Целую. Вячеслав* (1907 г. Вяч. Иванов – В. Брюсову [ПБр., с. 56]); *Люблю вас обоих по-прежнему. А «Стихи о Прекрасной Даме» снова взволновали меня. Крепко целую. Ваш Вс. Мейерхольд* (1911 г. В. Мейерхольд – А. Блоку [ПМ, с. 179]); *Целую Вас и Ольге Михайловне кланяюсь и всем Вашим. Ваш М. Гнесин* (1914 г. М. Гнесин – В. Мейерхольду [ПМ, с. 250]).

В XIX – нач. XX вв. широко употребляются эпистолярные формулы *Целую Вашу руку! Целую ручку (ручки)!* – в качестве приветствия при прощании (в письме к женщине): *Простите. Целую ручки у матушки; кланяюсь в пояс сестрицам* (1830 г. А.С. Пушкин – Н.Н. Гончаровой [ДП II, с. 467]); *Ваша похвала всегда бодрит, как крепкое вино. Целую Вашу руку. Уважающий Вас...* (1909 г. В. Мейерхольд – Л. Гуревич [ПМ, с. 171]);

Надеюсь, что вы и все ваши «в добром здравии» – да? Целую вашу руку. Ваш Валерий (1913 г. В. Брюсов – А. Шестеркиной [ПБр., с. 656]).

В устной речевой практике начала XX века выражение *Целую ручку (ручки)* выступает в качестве заместителя реального жеста и приобретает оттенок фамильярности: *А л л а (в х о д и т). Здравствуйте, Зоя Денисовна. Зоя. Очень рада, Алла Владимировна. А м е т и с т о в. Целую ручку, обожаемая Алла Владимировна!* (Булгаков М. «Зойкина квартира»).

Глава 5.

ПРИВЕТСТВЕННАЯ ФОРМУЛА *МОЁ ПОЧТЕНИЕ*

Слово *почтение* с семантикой 'глубокое уважение, основанное на признании старшинства по социальному положению, по возрасту и т.п.' появляется в речевом этикете XVIII века – для передачи соответствующего галантного понятия, существовавшего в западноевропейском этикете. Следует отметить, что в XVIII и даже в XIX веке явившееся исходным французское *решипект, респект* (*respect* 'почтение, уважение') довольно часто употребляется непеведенным. Сфера его функционирования достаточно широка: стихотворные и прозаические драматические произведения, беллетристика:

Аз мнение свое полагаю

И тако рассуждаю:

Надлежит его шелмовати

*И без **решипекту** из града изгнати...* («Ком. о графе Фарсоне» [РРД-4, с. 401]);

*Тетушка подошла величественным шагом, с большою ловкостью отставила одну ногу вперед и сказала громко: «Очень рада, государыня моя, что имею честь лично доложить вам мое почтение. А вместе с **решипектом** позвольте поблагодарить за хлебосольство ваше к племяннику моему Ивану Федоровичу, который много им хвалится»* (Гоголь Н.В. «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»);

*Едва только они [почетные гости. – Н.Г.] сели, является сам трактирщик для засвидетельствования им **решипектов*** (1846 г. Бутков Я.П. «Битка»).

Иногда соответствующее понятие представлено синонимичным галлицизмом: *Горностаевая муфта моя прибавила мне много **консидерации***. (1777-1778 г. Фонвизин Д.И. «Письма из Франции» [РП-ХVIII, 1, с. 503]) (фр. *consideration* 'уважение'); *Отчего же это в наше время молодые люди были вытянутые, как струночки, сидели прямо, говорили, обращаясь к каждому с **аттенсицей**, перед старшими показывали особенное уважение и свое мнение произносили после всех, скромно, с приличием, с боязнью не проговориться, не сказать что-нибудь лишнее?..* (1840 г. Панаев И.И. «Белая горячка») (фр. *attention* 'почтительность').

Можно сделать вывод, что сначала в языковом сознании утверждается соответствующее понятие, а потом подыскивается форма его воплощения в языке: наполненный новым содержанием славянизм *почтение*.

С вариантами *почитание*, *высокопочитание* и в сопровождении этикетного прилагательного лексема *почтение* употребляется в произведениях «высокой» разновидности эпистолярного жанра, обычно входя в завершающую часть послания: *Между тем, поздравляя вас с пресветлым праздником тезоименитства Всемилощивейшей Государыни, с беспрестанным высокопочитанием пребываю вашего сиятельства всепокорнейший и усерднейший слуга...* (1753 г. М.В. Ломоносов – М.И. Воронцову [Лом., с. 108]); *Мое истинное желание в том состоит, чтобы мне Бог судил с вашим превосходительством во всяком благополучии видеться и засвидетельствовать, что я с глубоким почтением беспрестанно пребываю...* (1754 г. М.В. Ломоносов – И.И. Шувалову [Лом., с. 111]); *Моя же благодарность к вам равняться будет тому душевному почтению, с которым навсегда пребываю, и проч...* (1788 г. Фонвизин Д.И. «Друг честных людей или Стародум»).

В такой позиции слово *почтение* становится знаком приветствия и в составе формулы *Моё к вам почтение* попадает в устную этикетную практику образованных людей: Правдин [Стародуму]: *Лишь только из-за стола встали, и я, подошед к окну, увидел вашу карету, то, не сказав никому, выбежал к вам навстречу обнять вас от всего сердца. Моё к вам душевное почтение...* (Фонвизин Д.И. «Недоросль»).

Традиционно русские приветствия-поздравления универсальны (употребляются равным образом при встрече и прощании, подобно поклону, рукопожатию, поцелую и т. д.); этим объясняется экстраполяция формулы *Моё почтение* на начальный момент контакта. Специфическим для этого выражения, однако, является отсутствие семы благопожелания, что нехарактерно для русских приветственных формул (ср. *Здравствуй! Будь здоров!*). Возможно, именно по этой причине в XIX веке выражение *Моё почтение* воспринимается носителями языка как новомодное, формальное и отношение к нему не всегда одобрительное: *Правду сказать, что в старину не красна была Москва углами, а красна пирогами; ни ворота, ни сердце не были на заперти; но по латинской пословице «Что время, то нравы», теперь и покорно просим устарело, и покорно благодарю не в моде, только мое почтение разъезжает в праздники по улицам само или рассылает на извозчике свое имя, отчество и фамилию: его угощают теперь стулом да красным словом* (1838 г. Вельтман А.Ф. «Сердце и Думка»).

Формула *Моё почтение* допускает различные расширения: *Почтение (к) кому; Почтение какое...* и т. п.

Являясь приметой высокопарного слога, приветствие такого типа бытует в XIX веке: – *Ах, Виктор Иванович... насилу, насилу-*

то распознал я вас. **Моё вам низжайшее почтение.** Здорова ли супруга ваша, голубушка? (1856 г. Соллогуб В.А. «Чиновник»); Увидав протопопа, молодая дама приветливо ему поклонилась и дружественно приветствовала. – Александра Ивановна, **примите дань моего наизлучочайшего почтения!** – отвечал протопоп (Лесков Н.С. «Соборяне»).

«Облегченный» вариант **Моё почтение** употребляется в качестве полуофициального приветствия, обращенного к коллеге, сослуживцу, старшим по возрасту знакомым, дамам: *Сергею Львовичу, Надежде Осиповне и Ольге Сергеевне моё почтение* (1824 г. А.А. Дельвиг – А.С. Пушкину [ДП, I, с. 196]); – **Мое почтение, давно не имел удовольствия вас видеть!** – сказал, останавливая его, *Кинаревич* (1843 г. Панаев И.И. «Литературная тля»); *Кто-то, в собольем бекеше, вооруженный чудовищными усами, преследовал двух дам, шедших из театра, обычною в таких случаях фразой: «Мое почтение, сударыня! Позвольте вас проводить»* (1846 г. Бутков Я.П. «Партикулярная пара»); – **Ах, мое вам почтение!** – сказал он [майор Ижица], увидев *Вывертова*. – **Очень рад вас видеть** (Чехов А.П. «Упразднили!»).

Спускаясь в сферу общения купечества, городского, а затем и сельского простонародья, оборот преобразуется в *Наше почтение*.

Мы-этикетная форма в просторечии является показателем особо уважительного отношения к собеседнику. Логика здесь, очевидно, в том, что для говорящего употребление местоимения мы для обозначения 1-го лица – сигнал книжной, торжественной речи. И, наконец, благовоспитанный купец, отнеся шляпу от головы настолько, сколько могла рука, и весь подавший вперед, произнес: – Афанасию Васильевичу наше низжайшее почтенье! (Гоголь Н.В. «Мертвые души»); А г н и я. <... > *Еще здравствуйте!* И п п о л и т. **Наше почтение-с!** (Островский А.Н. «Не всё коту масленица»); *Фигура приподняла было ко лбу руку с сложенными перстами, но, не находя по углам ни одного образа, опустила её снова и, слегка поклонившись, проговорила: Наше почтенье-с. <.... > Я, господа, к вашей милости...* (Лесков Н.С. «Некуда»).

Трансформация этого приветствия идет разными путями. Некоторое время бытует вариант, представляющий собой адресат в дательном падеже:

1) Имя и отчество в Д. п.:

– **Аристиду Фемистоклычу!** – восклицает *Прокоп* <... >, – **Как поживаете?** (Салтыков-Щедрин М.Е. «Дневник провинциала в Петербурге»); – **Петру Петровичу!** – встретил его хозяин. – **Как живете-можете?** (Чехов А.П. «Жених и папенька»).

2) Оборот *Господину* + фамилия или наименование должности в Д. п.:

Павлин (подавая руку подрядчику). *Господину Стропилину!* (Островский А.Н. «Волки и овцы»); – *Господину доктору*, – произнес Нестеров, кланяясь во второй раз Розанову (Лесков Н.С. «Некуда»).

Фразеологизированное приветствие такого рода приводит В.И. Даль: *Солнышку моему сиятелю, свету моему совету, сахару белому* [Д.П., с. 209].

Из вариантов сокращенного приветствия этого типа можно отметить также следующие:

1. *Почтение кому*: – *Митрию Ивановичу почтение!* – раздался вдруг голос Антона Петровича, хозяина дома (Каронин-Петропавловский Н.Е. «Борская колония»); – *Марья Константиновна, доброе утро!* – крикнул ей Самойленко, приятно улыбаясь. – *Купаться ходили? Ха-ха-ха...* *Почтение Никодиму Александрычу!* (Чехов А.П. «Дуэль»);

2. *Наше (нижайшее, наиглубочайшее) (кому)*: – *Наше вам наиглубочайшее!* – молвил Алексей, напрасно протягивая руку (Мельников-Печерский П.И. «В лесах»); *Марья Дмитриевна встала; Сергей Петрович тоже встал и поклонился. «Елене Михайловне наше низжайшее»,* – проговорил он... (Тургенев И.С. «Дворянское гнездо»); Лебедев: *Эскулапии наше низжайшее...* (Подает Львову руку...) (Чехов А.П. «Иванов»);

3. *Наше вам (вам-с)*: – *Наше вам, Лука Данилыч!* – лениво приподняв картуз, молвил Корней Евстигнеев и протянул здоровенную лапшу царицынскому трактирищику (Мельников-Печерский П.И. «На горах»); Виктор Иванович. – *А, Викентий Александрович! Наше вам-с. Как Господь грешкам терпит?* (1840-1867 гг. Драматический отрывок [Некр., с. 209]); Иван Иванович. *Привет! Наше вам и вашим и нашим достижениям* (1929 г. Маяковский В. «Баня»).

В XX веке появляется шутивно-фамильярный вариант этого приветствия *Наше вам с кисточкой!* (видимо, каламбурно преобразованное из подобострастного *Наше вам-с!*): *Из-за больших камней, лежащих на берегу, где они проходили, выскочил Пашка-хитрик и закричал: – Это только я-с, не какой злой дух, наше вам с кисточкой!* (О. Форш. «Современники» [ФСМ, с. 271]); *М.А. не преминул поделиться с друзьями: «Иду я как-то по улице с моей элегантной женой и вдруг с проносящейся мимо грузовой пятитонки раздается крик: Наше вам с кисточкой! Это так шоферы*

приветствуют мою супругу...» (Белозерская-Булгакова Л. «Воспоминания»).

Распространенность приветствия *Мое почтение* привела к появлению его ёрнического варианта *Мои подиштанники!* (Его отмечает М. Фасмер, сопровождая комментарием: «ученичesk. жаргон, петерб. шуточное приветствие, искажение слов *Моё почтение!* (на основании созвучия)» [Фасмер, IV, с. 301]).

Помимо семантики приветствия, оборот *Моё почтение* содержит сему одобрения (комплиментарную): развернутый смысл этой формулы – *Вы человек, заслуживающий почтения*. О наличии комплиментарной семантики, в частности, косвенным образом свидетельствует приведенный Н.С. Лесковым в повести «На краю света» семинарский анекдот: *Семинария была до того распущена, воспитанники пьянствовали и до того бесчинствовали, что, например, один философ при инспекторе, кончая вечерние молитвы, прочел: «Упование мое – Отец, прибежище мое – Сын, покров мой – Дух Святой: Троица Святая, – мое вам почтение...»* (Должно быть:...*Троица Святая, слава тебе. – Н.Г.*)

В деловых письмах упоминание о почтении вплоть до начала XX века включается в завершающую часть: *Честъ имѣю быть съ истиннымъ почтеніемъ и преданностію Вашего Превосходительства Покорнѣйшій слуга...* (1832 г. Гродненск. гражд. губернатор – Виленск. воен. губернатору [НИАБ, ф. 1, оп. 10, д. 73]); *С чувством истинного почтения честь имею пребыть Вашего Сиятельства покорнейшим слугою* (1839 г. С.А. Соболевский – Г.А. Строганову [ДП II, с. 304]); *Съ Высоко Почитаніемъ и совершенною преданностію на всегда честь имею быть Вашего Высокопревосходительства всѣпокорнейшій слуга (подпись)* (1848 г. Помещик Кашуба – Гродненск. губернатору [НИАБ, ф. 1, оп. 5, д. 822]).

Во 2-й половине XIX в. происходит архаизация лексемы *почтение* и замена её более демократичной лексемой *уважение*, предполагающей элемент пиетета при равенстве социальных статусов общающихся. Некоторое время оба слова употребляются параллельно. Так, в письмах Н.С. Лескова к издателю С.А. Юрьеву находим обе формулы (*С почтением, С уважением*): *С должным к Вам уваженіем и безмернымъ желаніемъ успехов Вашему делу имею честь быть Вашимъ покорнейшимъ слугою* [5 декабря 1870 г. Леск., X, с. 209]; *С глубочайшимъ сочувствіемъ к Вашему делу и с почтениемъ к Вамъ имею честь быть Вашимъ покорнейшимъ слугою* [6 января 1871 г. Леск., X, с. 289].

В речевом обиходе приветствие *Моё почтение* равным образом употребляется как в начале, так и в конце контакта:

Г р я з о в с к а я. <... > *Здравствуйте.*

С ч а с т н е в. *Моё почтение, Марья Петровна. Извините, я вас не заметил.*

<... >

С ч а с т н е в (в с т а в а я). *Моё почтение.*

Г р я з о в с к а я. *Куда вы?* (1858 г. Чернышев И.Е. «Жених из долгового отделения»).

Это приветствие некоторое время употребимо в XX веке, хотя оно приобретает все более формальный характер, лишаясь семантики подчеркнутого уважения и функционируя в качестве полуофициального приветствия, например, сослуживцев: – *А! Мое почтение! Пожалуйста, пожалуйста, вас только и не хватает!* – закричал Гулин, едва Останкин вошел в комнату и вкось через очки посмотрел на собравшихся (1926 г. Романов П. «Право на жизнь, или Проблемы беспартийности»).

В прощальном приветствии стирается сема 'одобрение', оно при этом выступает только как сигнал окончания контакта и может быть направлено от вышестоящего к нижестоящим, что ранее было невозможно: (корпусный командир – ротным) – *А теперь, господа, моё почтение-с. Вы свободны, рад буду видеть вас в другой раз, но в другом порядке* (Куприн А. «Поединок»); (директор – подчиненному) – *Для поправления вашего здоровья вам дается четырехмесячный отпуск. В департамент прошу вас более не являться. Необходимые для вас бумаги будут вам присланы на дом. Мое почтение!* (1907 г. Сологуб Ф. «Маленький человек»).

Как уже отмечалось, русские речезыкетные формулы способны к междоментной семантической трансформации и могут, проявляя энантиосемичность, функционировать в качестве средств выражения несогласия, отпора, удивления, недоумения и т. д. Обычно таким оборотам присуща неодобрительная коннотация. Иногда в таком употреблении находим и обороты *Мое почтение, Наше (вам) почтение:*

Д о к т о р. *Теперь плати за лечение!*

П е т р у ш к а. *Наше почтение! За что?* [ФТ, с. 264];

– *И, прямо сказать, никакого труда не нужно: пахать не пахнут, а так поскребут, поскребут еловыми сучьями и ладно, лежи всю зиму на печке. – Вот это места, – сказала несколько голосов. – Да. А потом пожил года три, а она – мое почтение – уж заартачилась, родить перестала. Лес отчего-то, пишут, погорел* (1919 г. Романов П. «Хорошие места»).

Однако значительно чаще эта приветственная формула обнаруживает способность к переходу в сферу положительных эмоций и употребляется для высокой оценки каких-либо качеств: *Впрочем, эти азиатские курки часто осекаются < ... >. Зато уж шапки у них – просто **моё почтение!*** (Лермонтов М.Ю. «Фаталист»);

– *А ты не знаешь, братец, – возразил актер, – какие я куплеты сочинил к её ножкам; послушай-ка:*

В ней всё восторг, всё восхищенье,

Она блистает красотой,

Умом и сердца добротой,

*А ножки – так **моё почтение!*** (1843 г. Панаев И.И. «Литературная тля»);

*Насчет лаковых сапог не извольте сомневаться: я сказал, что их сошью – и сошью-с. Такие удеру, – **мое почтение*** (1861 г. Никитин И.С. «Дневник семинариста»).

Можно заметить, что в данных случаях гиперболизируется сема одобрения, генетически заложенная в приветственной формуле.

С помощью этого оборота может подчеркиваться большое количество или высокая степень проявления чего-либо: *Прежде минуты свободной не было, я и Соня работали – **моё почтение**, а теперь работает одна Соня, а я сплю, ем, пью... Нехорошо!* (Чехов А.П. «Дядя Ваня»); *Вы не смотрите, что на вид вся лавчонка трех рублей не стоит: вон на этих мешках да на ларях такие куши рвут, что **мое почтение**.* (Мамин-Сибиряк Д. «Приваловские миллионы»); *Давеча я сырой рукой за выключатель схватился, так меня так дернуло – **мое почтение*** (Зошенко М. «Научное явление»).

Выражение *Мое почтение* способно и к фразеологизации, причем, подобно другой фразеологизированной приветственной формуле *Здорово живешь*, употребляется с семантикой 'просто так, ни за что ни про что', 'ничего, кроме': *Старику нельзя было и думать отдать свою дочь за меня, потому что у меня ничего не было за душой, кроме **моего почтения*** (Вельтман А.Ф. «Эротида»); – *Мысейкины братья вот где у меня сидят! За **моё почтение** засажу в титовку!* (1890 г. Каронин-Петропавловский Н.Е. «Борская колония»).

Итак, бытование в русском речевом этикете формулы *Мое почтение* было относительно недолгим: в первой трети XIX в. это приветствие еще воспринималось как чужеродное, а в начале XX в. уже вышло из употребления – главным образом, по причине изменений в обществе, вызванных революцией 1917 г.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Современное вербальное приветствие явилось результатом эволюции, осуществляющейся и в настоящее время.

Обратившись к современному состоянию языка, можно заключить, что под влиянием тенденции к специализации речезыкетного значения, а также к сужению семантического объема (стремление к освобождению от контактора замыкающей семантики – несмотря на обороты типа *последний привет*, *прощальный привет*) лексема *приветствие* находится в состоянии некоторой семантической неопределенности, что (вольно или невольно) получает отражение в лингвистических исследованиях.

Приветствие (акт) первоначально представляло собой обмен когнитивной информацией о физическом состоянии коммуникантов и наличии-отсутствии у них агрессивных намерений (взаимное «обнюхивание» и «помахивание хвостом»). На очень ранней ступени человеческого развития произошла ритуализация, сопряженная с усложнением способов выражения доброго отношения ко встречному: заклинание, затем благопожелание и – в новейшие времена – за этим актом закрепились чисто этикетное содержание. Эти явления можно характеризовать как интенциональные изменения второго порядка, поскольку коммуникативным намерением приветствующего (интенцией первого уровня) всегда была и оставалась манифестация расположения к адресату. Таким образом, историю приветствия можно рассматривать как историю специализации в контактоустанавливающей функции оборотов с общей семантикой благорасположения к собеседнику или третьему лицу, манифестируемого по случаю какого-либо события.

Понимая приветствие в его широком, этимологическом смысле, как выражение приветствия, то есть расположения, адресату по поводу какого-либо события (встречи, расставания, праздника и др.), отмечаем, что обнаруженные при этимологическом и этнокультурном исследовании глубинные смыслы восточнославянской этикетной лексики позволяют сделать вывод о системе духовных ценностей и приоритетов предков нынешних русских, украинцев и белорусов, включающей концепты «здоровье», «спасение (души)», «помощь и присутствие Бога», «благоденствие», «долголетие», «радость», «мир» (как состояние всеобщего спокойствия). Эти концепты реализовались в большом количестве речезыкетных стереотипов, характерными для которых были аморфность, полифункциональность, отсутствие вербальной и поведенческой

специализации: каждая речевая формула допускала многочисленные варианты с точки зрения лексического состава и структуры, выступала в качестве оформляющей ситуации разного характера, могла начинать и завершать контакт (это не касается только приветственного вопроса, который всегда начинал общение), сопровождалась одними и теми же жестами.

Основная модель восточнославянского приветствия – это здорование (упоминание о здоровье в связи со встречаей и прощанием). В ретроспективе это *Ты здоров?* – осведомление при встрече – и *Будь Здоров!* – заклинание (пожелание) при расставании.

Инициальная модель *Ты здоров?* реализовалась в оборотах *гои ~си (?)*, *здоров ~си?* С архаизацией основы *гои* и редукцией глагольной связки *~си* (её нуллизацией или заменой другой временной формой бытийного глагола или другим глаголом) эта модель трансформировалась в русское просторечное *Здоров!*, укр. *Здоров був(?)*, бел. *Здароў!*; рус. *Здорово (живешь) (?)* → *Здорово!*, бел. *Здарова!*

Приветствие-заклинание типа *Пусть Бог тебе даст...!*, *Пусть Бог тебе поможет!* после исчезновения форм 3-го лица повелительного наклонения из восточнославянской глагольной парадигмы и переосмысления форм *Дай*, *Помози (Помоги)* превратились в благопожелания с двойным адресатом *Дай тебе (вам) Бог здоровья!*, укр. *Помогай Боже*, бел. *Памажы, Божа!*

Трансформация заклинания в благопожелание вызвало к жизни модель *Желаю (доброго) здоровья!* (современное воинское приветствие *Здравия желаю!*, рус. *Доброго здоровья!*, укр. ответное *Доброго здоров'я!*).

В русском этикетном тезаурусе с особой силой проявились особенности православной культуры. В частности, самое распространенное русское приветствие *Здравствуй!* трижды доказывает свое церковнославянское происхождение (неполногласие, суффикс –*ств-*, сама императивная форма, восходящая к *Хайрэ!* «Радуйся!»). В церковнославянском языке русского извода и в высоком слого современного русского языка функционируют приветствия широкой семантики *Мир тебе (вам)!*, *Радуйся!*, *Многая лета!*, *Спаси (тебя, вас) Бог!*

Что касается вербализованных приветственных жестов, то они особенно широко развернулись в русском языке, являясь, в первую очередь, результатом эпистолярного перекодирования: *Поклон (тебе)!*, *Кланяюсь (тебе)!* и под. Украинский и белорусский фольклор их почти не использует.

В свою очередь, находясь под влиянием европейской – не только христианской, но и светской культуры, украинский и белорусский языки развили общеевропейскую модель приветствия – пожелания доброго времени суток: укр. *Добри день!* бел. *Добрай раўняцы! Добры дзень!* и др. Эта модель оказалась удобной для современного вежливого общения, поскольку не только обнаруживает тенденцию «развести» начало и конец коммуникации, но и содержит идею вертикального равноправия коммуникантов.

В русский речевой этикет попали и другие приветствия-европеизмы: это прежде всего оборот *Привет!*, получивший необычайно широкое распространение в последнее время именно в качестве контактоустанавливающего; другое приветствие европейского происхождения *Моё почтение!* в наши дни устарело и утратилось.

В украинском и белорусском речевом этикете значительно ранее, нежели в русском, обнаружилось стремление к вертикальному равноправию коммуникантов. Это подтверждается заменой приветственных жестов (вместо поклонов, битья челом – рукопожатие: укр. *рукання*, бел. *ручканне*), а также переосмыслением приветственных формул: укр. *чоломкатися* – не бить взаимно челом, а «вітатися, здоровкатися з кім-небудь, міцно тиснучи руку або схіляючи голову в поклоні», *чоломкати* – «цілувати кого-небудь при зустрічі, прощанні і т. ін.» [СУМ, XI, с. 351-352].

Среди изменений в восточнославянском приветствии можно отметить:

- вытеснение первоначально свойственного восточным славянам приветственного вопроса (*Гой еси? Здоров ли?*) приветствием-благопожеланием;

- переход вопроса в постпозицию основной приветственной формулы;

- редукцию вопроса в приветствии рус. *Здорово*, укр. *Здоров був*, бел. *Здароў*;

- распределение приветственных оборотов на формулы, используемые с целью установления контакта, формулы, используемые с целью замыкания контакта, одобрительные (комплиментарные) формулы, благодарственные формулы, формулы просьбы и т. д.;

- переход некоторых оборотов из этикетной сферы в эмоциональную: *Здорово живешь! Здравствуйте! Мое почтение!*;

- взаимное обогащение стереотипами: русское *Здравствуй!* входит в речевой этикет украинцев и белорусов; в свою очередь приветствия типа укр. *День добрий!*, бел. *Добры дзень!* повлияли

на утверждение распространенного приветственного оборота модели *Доброе время суток!* в современном русском этикете.

Следует также отметить появившиеся у некоторых исконно восточнославянских оборотов стилистические ограничения: напр., рус. *Здорово!* (просторечное), укр. *Здоров*, бел. *Здароў!* (разговорные).

История приветствия может быть интерпретирована и как конкуренция древнерусских (древневосточнославянских), церковнославянских, инославянских и вообще иноязычных стереотипов, обусловленная экстралингвистическими причинами. Социально-культурные изменения помешали функционированию одних оборотов и ввели в культурный обиход другие.¹

---

¹ Главы «Приветственные жесты и их вербализация», «Приветствия-благопожелания» (частично) создавались в русле финансируемой Белорусским республиканским фондом фундаментальных исследований темы Г 97-402 «Прагматика общения: русские и белорусские языковые стереотипы (история и современность» (науч. рук. проф. М.И. Колюшкевич; 1998-1999 гг.)

СОКРАЩЕНИЯ И ИСТОЧНИКИ

1. **Ав. Ж.** – Житие протопopa Аввакума. – ПЛДР XVII в. 2.
2. **Ав. о тр. исп. сл. плач.** – Протопopa Аввакума о трех исповедни-цах слово плачевное. Пов. о б. Мор.
3. **Агапкина, Виноградова** – Агапкина Т.А., Виноградова Л.Н. Благо-пожелание: ритуал и текст // Славянский и балканский фольклор: Ве-рования. Текст. Ритуал. – М.: Наука, 1994.
4. **Азад.** – Русская сказка. Избранные мастера / Ред. и ком. М.Аза-довского. – Л.: Academia, 1930. – Т. 1.
5. **Азб. 1643 г.** – Азбука-пропись времен царя Михаила Феодорови-ча. – М.: Издание Моск. Археологического института, 1911.
6. **АЗР** – Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографической комиссией. 1544 – 1587 гг. – СПб, 1848. – Т. 3.
7. **АИ** – Акты исторические, собранные и изданные Археографи-ческой комиссией. – СПб., 1841 – 1842. – Т. 1 – 5.
8. **Акишина, Формановская** – Акишина А.А., Формановская Н.И. Русский речевой этикет. – М., 1974.
9. **Акт о К.** – Акт комедияльный о Калеандре. – РРД-5.
10. **Анон. п.** – Анонімні пісні XVIII в. – Давн. укр. л.
11. **Апресян** – Апресян Ю.Д. Избранные труды, том 1. Лексическая семантика. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Школа «Языки русской культу-ры», издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
12. **АРГ** – Акты Русского государства 1505 – 1526 гг. / Сост. акад. С.Б. Веселовский. – М.: Наука, 1975.
13. **АСЗР, 2** – Археографический сборник документов, относящихся к истории Северозападной Руси. – Вильна, 1867. – Т. 2.
14. **АЮЗ, 2** – Акты, относящиеся к истории Юго-Западной России, собранные и изданные Археографическою Комиссией. 1599 – 1637 гг. – СПб, 1865. – Т. 2.
15. **Байбурин, Топорков** – Байбурин А.К., Топорков А.Л. У исто-ков этикета: Этнографические очерки. – Л.: Наука, 1990.
16. **Барроу** – Барроу, Т. Санскрит / Пер. с англ. Н.Лариной. – М.: Прогресс, 1976.
17. **Б-2** – Былины в двух томах. – М., 1958.
18. **Белл** – Белл, Роджер Т. Социоллингвистика. Цели, методы и про-блемы. – М.: Междунар. отношения, 1980.
19. **Богданов** – Сборник пословиц А.И. Богданова. – ППЗ.
20. **Болг.-р. сл.** – Бернштейн С.Б. Българско-руски речник = Бол-гарско-русский словарь. – Изд. 3-е, стереотип. – М.: Рус. яз., 1986.
21. **БППФ** – Беларускія прыказкі, прымаўкі, фразеалагізмы / Склаў Ф.Янкоўскі. – 3-е выд., дапрац., дап. – Мінск: Навука і тэхніка, 1992.
22. **БПРС** – Гессен Д., Стыпула Р. Большой польско-русский словарь = Wielki słownik polsko-rosyjski. – Москва–Варшава, 1967.

23. **Булаховский** – Булаховский Л.А. Деэтимологизация в русском языке // Труды Ин-та рус. языка. – М. – Л., 1949.
24. **Буслаев** – Буслаев Ф.И. Историческая грамматика. – М., 1959.
25. **Был.** – Былины / Сост. В.И.Калугин. – М., 1987.
26. **Былины** – Былины / Сост. Ф.М.Селиванов (Серия «Библиотека русского фольклора»). – М.: Сов. Россия, 1988. – Т. 1.
27. **БФ** – Беларускі фальклор. Хрэстаматыя / Склад.: К.П.Кабашнікаў, А.С.Ліс, А.С.Фядосік, І.К.Цішчанка. – Мінск: Выш. шк., 1985.
28. **Верещагин, Вомперский** – Верещагин Е.М., Вомперский В.П. Как началось искусство книжного слова на Руси // Русская речь. – 1988. – № 6.
29. **Вильмот** – Письма сестер М. и К. Вильмот из России / Пер. с англ. – М., 1987.
30. **В-К I** – Вести-Куранты 1600 – 1639 гг. / Подгот. Н.И.Тарабасова, В.Г.Демьянов, А.И.Сумкина. – М.: Наука, 1972.
31. **В-К II** – Вести-Куранты 1642 – 1644 гг. / Подгот. Н. И.Тарабасова, В.Г.Демьянов, А.И.Сумкина. – М.: Наука, 1976.
32. **В-К III** – Вести-Куранты 1645 – 1646, 1648 гг. / Подгот. Н.И.Тарабасова, В.Г.Демьянов; Под ред. С.И.Коткова. – М.: Наука, 1980.
33. **В-К IV** – Вести-Куранты 1648 – 1650 гг. / Подгот. В.Г.Демьянов, Р.В.Бахтурина; Под ред. С.И.Коткова. – М.: Наука, 1983.
34. **Ворон. п.** – Народные песни Воронежской области / Под ред. С.Г.Лазутина. – Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1974.
35. **Восточнослав. ф-р** – Восточнославянский фольклор: Слов. науч. и нар. терминологии / Ред. кол.: К.П.Кабашников и др. – Мінск, 1993.
36. **Восст. 1682 г.** – Восстание в Москве 1682 года: Сб. документов / Сост. Н.Г.Савич. – М.: Наука, 1976.
37. **Выг. сб.** – Выголексинский сборник / Подгот. В.Ф. Дубровина, Р.В. Бахтурина, В.С. Гольщенко; Под ред. С.И.Коткова. – М.: Наука, 1977.
38. **Вяс. 1.** – Вяселле. Песні: У 6 кн. Кн. 1 / Склад. Л.А.Малаш; Муз. дадат. З.Я.Мажэйка; Рэд. М.Я.Грынблат, А.С.Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980.
39. **Вяс. 2.** – Вяселле. Песні: У 6 кн. Кн. 2 / Склад. Л.А.Малаш; Муз. дадат. З.Я.Мажэйка; Рэд. М.Я.Грынблат, А.С.Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1980.
40. **Вяс. 3.** – Вяселле. Песні: У 6 кн. Кн. 3 / Склад. Л.А.Малаш; Муз. дадат. З.Я.Мажэйка; Рэд. М.Я.Грынблат, А.С.Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1983.
41. **Вяс. 4.** – Вяселле. Песні: У 6 кн. Кн. 4 / Склад. Л.А.Малаш; Муз. дадат. З.Я.Мажэйка; Рэд. А.С.Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1985.
42. **Вяс. 5.** – Вяселле. Песні: У 6 кн. Кн. 5 / Склад. Л.А.Малаш; Муз. дадат. З.Я.Мажэйка; Рэд. А.С.Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1986.

43. **Вяс.** 6. – Вяселле. Песні. У 6 кн. Кн. 6 / Склад. Л.А.Малаш; - Муз. дадат. З.Я.Мажэйка; Рэд. А.С.Фядосік. – Мінск: Навука і тэхніка, 1988.
42. **Гак** – Гак В.Г. Языковые преобразования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1998.
44. **Ге** – Ге Н.Н. Мир художника. – М., 1978.
45. **Герб.** – Герберштейн, Сигизмунд. Записки о Московитских делах. – СПб, 1908.
46. **Герм.** – Пословицы народные, собранные по алфавиту (XVIII в.) / Публикация А.И.Германовича. – ИИРФ.
47. **Головацкий** – Народные песни Галицкой и Угорской Руси: Собрание, составленное Я.Ф. Головацким. – М., 1863.
48. **Гр.** – Грамотки XVII – начала XVIII века / Подгот. Н.И.Тарабасова и Н.П.Панкратова; Под ред. С.И.Коткова. – М.: Наука, 1969.
49. **Гребенщикова, 1996** – Гребенщикова Н.С. Семантическое движение в глаголе *прозябать* // Актуальные проблемы современной филологии: Материалы междунар. науч. конф. – Симферополь, 1996.
50. **Гребенщикова, 1998** – Гребенщикова Н.С. Понятие Воля в русском языкевом сознании // Вопросы функциональной грамматики: Сб. науч. тр. – Гродно: ГрГУ, 1998.
51. **Гудз.** – Хрестоматія по древній рускій літературе XI – XVII веков / Сост. Н.Гудзий. – М., 1947.
52. **Д. I, Д. II** – Даль В.И. Пословицы русского народа. Т. I – II. – М., 1984.
53. **Давн. укр. л.** – Хрестоматія давньої української літератури (до кінця XVIII ст.) / Упорядкував акад. О.І.Білецький. – Вид. 3, доп. – Київ: Радянська школа, 1967.
54. **ДАИ** – Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – СПб., 1846–1875. – Т. 1 – 12.
55. **Даль** – Владимир Даль. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М., 1955.
56. **Дм.** – Дмитриев И.И. Сочинения. – М.: Правда, 1986.
57. **Дмитр.** – Дмитриев Л.А. Отрывок сборника пословиц XVII в. / Рукописное наследие Древней Руси (по материалам Пушкинского дома). – Л.: Наука, 1972.
58. **Дн. Чук.** – Чуковский К. Дневник 1901–1929. – М.: Сов. писатель, 1991.
59. **Добр. и Ал.** – Добрыня Никитич и Алеша Попович / Подгот. Ю.И.Смирнов и В.Г.Смолицкий. – М.: Наука, 1974.
60. **Дом.** – Домострой. – ПЛДР с. XVI в.
61. **ДП I, II** – Друзья Пушкина. Переписка. Воспоминания. Дневники. В 2 т. – М.: Правда, 1984.
62. **Драгоманов** – Драгоманов М.П. Вибране. – Київ: Либідь, 1991.
63. **ДРЛ** – Древняя русская литература: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов пед. ин-тов / Сост. Н.И.Прокофьев. – 2-е изд., доп. – М.: Просвещение, 1988.

64. **ДРС** – Словарь русского языка XI – XVII вв. Вып. 1 – 11. – М., 1975–1986.
65. **Друж.** – Дружинин А.В. Полинька Сакс. Дневник. – М.: Правда, 1989.
66. **ДСП** – Документы ставки Е.И. Пугачева, повстанческих властей и учреждений 1773–1774 гг. – М.: Наука, 1975.
67. **Дух. 1336 г.** – Духовная грамота великого князя Ивана Даниловича Калиты, 1366 г. – Хрест. Ив.
68. **Дух. 1460 г.** – Духовная грамота старца Симонова монастыря Андриана Ярлыка, 1640 г. – Хрест. Ив.
69. **Дух. 1499 г.** – Духовная грамота кн. Ивана Юрьевича Патрикеева. – Хрест. Ив.
70. **Дух. 1505/1506 г.** – Духовная грамота Игнатия Афанасьева сына Талызина. – АРГ.
71. **Дух. 1579/1580** – Духовная грамота Ивана Юрьевича Грязного 1579-1580 г. – Л-С.
72. **Ев. Мр. пер.** – Евангелие от Марка / В пер. о. Леонида Лутковского // Лит. учеба. – Кн. 2. – 1990.
73. **Ев. Мф. пер.** – Евангелие от Матфея / В пер. о. Леонида Лутковского // Лит. учеба. – Кн. 1. – 1990.
74. **Ж.Феод. Ст.** – Житие Феодора Студита. – Выг. сб.
75. **Зелен.** – Великорусские сказки Пермской губернии: Сборник Д.К.Зеленина // Сокровищница отечественного собирательства. – М.: Правда, 1998.
76. **Златое иго супр.** – Панченко А.М. «Златое иго супружества» и его источник // ТОДРЛ, т. XVII. – М. – Л., 1961.
77. **Земская** – Земская Е.А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. – М.: Русский язык, 1979.
78. **Зоз.** – Закувала зозуленька / Антологія української народної творчості. Пісні, прислів'я, загадки, скоромовки. – Київ: Веселка, 1989.
79. **Изборник** – Изборник. Повести Древней Руси. – М.: Худож. литература, 1987.
80. **Изб. 1076** – Изборник 1076 года / Подгот. В. С. Гольшенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г.П. Нефедов. – М.: Наука, 1965.
81. **Изв. о патр. Чин пост.** – Известия о начале патриаршества в России и о возведении на патриаршеский престол ростовского митрополита Филарета Никитича, и чин поставления его. – ДАИ. II.
82. **ИИРФ** – Из истории русской фольклористики / Под ред. А.А.Горелова. – Л.: Наука, 1978.
83. **Илькевич** – Галицкії приповідки и загадки, зібрані Григорим Илькевичом. У Відни. Напечатано черенками о.о. мехитаристф. 1841.
84. **Ист. о Алекс.** – История о французском шляхтиче Александре / ТОДРЛ, т. XVII. – М. – Л., 1961.

85. **ИП-ХVIII** – Исторические песни XVIII века / Подгот. О.Б.Алексеева и Л.И.Емельянов. – Л.: Наука, 1971.
86. **ИП-ХIХ** – Исторические песни XIX века / Подгот. Л.В.Романовский, О.Б.Алексеева, Э.С.Литвин. – Л.: Наука, 1973.
87. **Каз. ист.** – Казанская история. – ПЛДР с. XVI в.
88. **Карский** – Карский Е.Ф. Западнорусский сборник XV в. // Карский Е.Ф. Труды по белорусскому и другим славянским языкам. – М.: Изд-во АН СССР, 1962.
89. **К. Дан.** – Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым. – М.: Наука, 1977.
90. **Кож.** – Хрестоматия по истории русского литературного языка / Сост. А.Н.Кожин. – М., 1974.
91. **Колесов** – Колесов В.В. Мир человека в слове Древней Руси. – Л., 1986.
92. **Конюшкевич** – Конюшкевич М. Белорусский речевой этикет в сопоставлении с русским: ситуация приветствия // Вопросы функциональной грамматики: Дополнительные материалы Шестых Карских чтений 25-26 января 1996 г./ Отв. ред. М.И.Конюшкевич. – Гродно, 1996.
93. **Костомаров** – Костомаров Н.И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. – М.: Экономика, 1993.
94. **Кост. Сл. миф.** – Костомаров Н.И. Славянская мифология. Исторические монографии и исследования. – М.: Чарли, 1995.
95. **Красноженова** – Пословицы и поговорки Красноярского края (собрание М.В.Красноженовой) – ППЗ.
96. **Кручинина** – Кручинина И.Н. Междометия // Русская грамматика. – Т.1. – М.: Наука, 1980.
97. **Кр. в восп. совр.** – И.А.Крылов в воспоминаниях современников / Вступ. статья, сост., подгот. текста и коммент. А.М.Гордина, М.А.-Гордина. – М.: Худож. лит., 1982.
98. **Лавр. Зиз. грам.** – «Граматыка славенска» Лаўрэ́нція Зіза́ня 1596 г. // Яскевіч А.А. Старабеларускія граматыкі: да праблемы агульнафіл. пэласнасці. – Мінск: Бел. навука, 1996.
99. **Лайонз** – Лайонз, Джон. Введение в теоретическую лингвистику / Пер. с англ. яз. – М.: Прогресс, 1978.
100. **Ларин 1975** – Ларин Б.А. Лекции по истории русского литературного языка (X – середина XVIII в.). – М., 1975.
101. **ЛБВ** – Лірыка беларускага вяселля / Уклад. і рэд. Н.С.Гілевіча. – Мінск: Выш. шк., 1979.
102. **ЛБЛ** – Летописи белорусско-литовские / ПСРЛ, т. 35. – М.: Наука, 1980.
103. **Левитан** – Левитан И.И. Письма. Документы. Воспоминания / Под ред. А.Федорова-Давыдова. – М.: Искусство, 1956.
104. **Лепшаў** – Лепшаў І.Я. Фразеалагічны слоўнік беларускай мовы. У 2 т. (Каля 6 тысяч фразеалагізмаў). Т. I, II. – Мінск: Бел. Энцыкл., 1993.
105. **Леск.** – Лесков Н.С. Собрание сочинений в 11 т. – М., 1958.

106. **Лір.п.** – Ліричнія песні / Уклад. і рэд. Н.С.Гілевіча. – Мінск: БДУ, 1976.
107. **Літ. Самов.** – Літопис Самовидця / Видання підготував Я.І.Дзира. – 2, випр. стереотип. вид. – Київ: Наукова думка, 1971.
108. **Лихачев, 1973** – Лихачев Д.С. Развитие русской литературы X–XVII вв. – Л., 1973.
109. **Лом.** – Михайло Ломоносов. Избранная проза. – М.: Сов. Россия, 1986.
110. **ЛРС** – Лирика русской свадьбы / Подгот. Н.П.Колпакова. – Л.: Наука, 1973.
111. **Л. – С.** – Lehr-Splawinski T. i Witkowski W. Wybór tekstów do historii języka rosyjskiego. – Warszawa, 1981.
112. **Максимович** – Малороссийския пісни, изданныя М.Максимовичем. – М., 1827.
113. **Малор. ск.** – Малорусские сказки // Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край. – Пб., 1878. – Т. 2.
114. **Маркевич** – Маркевич Н.А. Обычай, поверья, кухня и напитки малороссиян // Українці, с. 52-169.
115. **Махабх. Удьйогапарва** – Махабхарата. Книга пятая. Удьйогапарва, или Книга о старании / Пер. с санскрита и ком. В.И.Кальянова. – Л.: Наука, 1976.
116. **Маяк.** – Владимир Маяковский. Собрание сочинений. В 12 т. – М.: Правда, 1978.
117. **МДБП** – Московская деловая и бытовая письменность XVII века / Подгот. С.И.Котков, А.С.Орешников, И.С.Филиппова. – М.: Наука, 1968.
118. **Мещерский** – Мещерский Н.А. История русского литературного языка. – Л., 1981.
119. **МЖРФ** – Малые жанры русского фольклора. Пословицы. Поговорки. Загадки: Хрестоматия / Сост. В.Н.Морохин. – М., 1979.
120. **Милорадович, «Житье...»** – Милорадович В.П. Житье-бытьё лубенского крестьянина // Українці, с. 170-341.
121. **Милорадович, «Заметки...»** – Милорадович В.П. Заметки о малорусской демонологии // Українці, с. 407-409.
122. **Мірн., Біл.** – Народні пісні в записах Панаса Мірного та Івана Білыка. – Київ, 1977.
123. **Мос. лет. свод** – Московский летописный свод по Уваровскому списку // ПСРЛ, т. 25. – М., 1949.
124. **Нарав.** – Сомадева. Необычайные происхождения царевича Нараванадатты / Пер. с санскр. И.Д.Серебрякова. – М.: Наука, 1972.
125. **Нарав. дальн.** – Сомадева. Дальнейшие происхождения царевича Нараванадатты / Пер. с санскр. И.Д.Серебрякова. – М.: Наука, 1976.
126. **Насовіч** – Насовіч І.І. Слоўнік беларускай мовы. – Мінск: БелСЭн, 1983.
127. **Нац-культ. специф. реч. общ.** – Национально-культурная специфика речевого общения народов СССР. – М.: Наука, 1982.

128. **Некр.** – Некрасов Н.А. Полное собр. соч. и писем. – М., 1950. – Т. IV.
129. **НИАБ** – Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно.
130. **Новг. был.** – Новгородские былины / Изд. подгот. Ю.И.Смирнов и В.Г.Смолицкий. – М.: Наука, 1978.
131. **Номис** – Українські приказки, прислів'я та інше. Збірники О.В.Марковича и других: Спорудив М.Номис. – СПб., 1864.
132. **Ож.** – Ожегов С.И. Словарь русского языка. – Изд. 16-е, испр. – М.: Рус. язык, 1984.
133. **Обн., Барх.** – Обнорский С.П., Бархударов С.Г. Хрестоматия по истории русского языка. Ч. 2, вып. 1. – М., 1949.
134. **Онч.** – Северные народные драмы: Сборник Н.Е.Ончукова. – СПб., 1911.
135. **Пам. Без.** – Памятники русского народно-разговорного языка XVII столетия (из фонда И.А.Безобразова) / Изд. подгот. С.И.Котков и Н.И.Тарабасова. – М., 1965.
136. **Пам. К.К.** – Памятники российской словесности XII в., изданные К. Калайдовичем. – М., 1821.
137. **Пам. Ряз.** – Памятники русской письменности XV – XVI вв. Рязанский край. – М.: Наука, 1978.
138. **Пан.** – Панаев И.И. Сочинения. – Л.: Худож. лит., 1987.
139. **Панчат.** – Панчатантра / Пер. с санскр. А.Сыркина. – М.: Худож. лит. 1972.
140. **Паус** – Собрание пословиц И.В.Пауса. Нач. XVIII в. – ППЗ.
141. **ПБ 1, 2** – Письма И.А.Бунина // Иван Бунин. Книга I – II // Лит. наследство. – М.: Наука, 1973./ – Т. 84.
142. **ПБП** – Письма и бумаги императора Петра Великого. Т. 1–7. – СПб. – Пг., 1887–1918; Т. 11. Вып. 1. – М.: Наука, 1962; Вып. 2. – М.: Наука, 1964.
143. **ПБР** – Брюсов В.Я. Письма // Лит. наследство. Т. 85. – М.: Наука, 1976.
144. **П. XVIII в.** – Поэты XVIII века // Б-ка поэта. Большая серия. – 2-е изд. – Т. 1–2. – Л.: Сов. писатель, 1972.
145. **ПД** – Достоевский Ф.М., Достоевская А.Г. Переписка. – Л.: Наука. 1976.
146. **ПДПЛ, I** – Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-Литовским государством. Т. I: 1487 – 1533 гг. // Памятники дипломатических сношений Древней России с державами иностранными: Сб. Импер. Рос. Истор. общ-ва. – СПб., 1892. – Т. 35.
147. **Піваварчык** – Піваварчык Т. А. Да класіфікацыі этыкетных адзінак: беларускія развітальныя формулы / Антропацэнтрычны падыход у дослідаванні мовы: Матэрыялы VII міжнародных Карскіх чытань. 13-14 травня 1998 р. – Ніжін–Гродно: НДП, 1998.
148. **Пинежск. лет.** – А.И.Копанев. Пинежский летописец XVII в. / Рукописное наследие Древней Руси: По материалам Пушкинского дома. – Л.: Наука, 1972. – С. 57–91.

149. **П. и ск. Пушк. мест** – Песни и сказки Пушкинских мест. Фольклор Горьковской области. – Вып. 1 / Подгот. В.И. Еремина, М.А. Лобанов, В.Н. Морохин. – Л.: Наука, 1979.

150. **П. Карельск. кр.** – Песни Карельского края / Сост. Т. Краснопольская. – Петрозаводск: Карелия, 1977.

151. **П. Кир. 1** – Собрание народных песен П.В. Киреевского: Записи Языковых в Симбирской и Оренбургской губерниях. – Л.: Наука, 1977. – Т. I.

152. **П. Кир. 1-Я** – Собрание народных песен П.В. Киреевского. Записи П.И. Якушкина / Подгот. текстов, вступит. статья и ком. З.И. Власовой. – Л.: Наука, 1983. – Т. 1.

153. **П. Кир. 2-Я** – Собрание народных песен П.В. Киреевского. Т. 2. Записи П.И. Якушкина. – Л.: Наука, 1986.

154. **ПЛДР с. XVI в.** – Памятники литературы Древней Руси. Середина XVI века. – М.: Худож. лит., 1985.

155. **ПЛДР XVII в. 2** – Памятники литературы Древней Руси. XVII в. Кн. 2. – М., 1989.

156. **Плешакова** – Плешакова В.В. Русские благопожелания (опыт типологии и истории): Автореф. дис.... канд. филол. наук. – М., 1997.

157. **ПМ** – Мейерхольд В.Э. Переписка. 1896 – 1939. – М.: Искусство, 1976.

158. **П. нар. св.** – Песні народных свят і абрадаў / Укладанне і рэд. Н.С. Гілевіча. – Мінск: БДУ, 1974.

159. **ППЗ** – Пословицы, поговорки, загадки в рукописных сборниках XVIII – XX веков / Изд. подготовили М.Я. Мельц, В.В. Митрофанова, Г.Г. Шаповалова. – М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1961.

160. **Пов. о б. М.** – Повесть о боярыне Морозовой / Подгот. текстов и исследование А.И. Мазунина. – Л., 1979.

161. **Пов. о бол. и см. Вас. III** – Повесть о болезни и смерти Василия III. – ПЛДР с. XVI в.

162. **Пов. о Г. – Зл.** – Повесть о Горе-Злочастии. / Подгот. Д.С. Лихачев, Е.И. Валеева – Л.: Наука, 1985.

163. **Пов. о жен. Ив. Гр.** – Повесть о женитьбе Ивана Грозного на Марии Темрюковне. – ПЛДР XVII в., кн. 2.

164. **Пов. о новг. б. кл.** – Повесть о новгородском белом клобуке. – ПЛДР с. XVI в.

165. **Пов. о П. и Февр.** – Повесть о Петре и Февронии / Подгот. текстов и исследование Р.П. Дмитриевой. – Л.: Наука, 1979.

166. **Погор.** – Антоний Погорельский. Избранное. – М.: Сов. Россия, 1985.

167. **Попов** – Попов Р.Н. Фразеологизмы современного русского языка с архаичными значениями и формами слов. – М.: Наука, 1976.

168. **Посл. Львовск. правосл. бр. патр. Иер.** – Послание Львовского православного братства патриарху Иеремии // АЗР. – Т. IV. С. 33.

169. **Посл. о хмеле** – Повесть о хмеле. Послание к некоему иноку о хмелю. По сп. XVII в. – ПЛДР XVII в. 2.

170. **ПріП** – Прыказкі і прымаўкі: Зб. У 2 т. / Рэд. А.С.Фядосік – Мінск, 1976.
171. **Преобр.** – Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. Вып. последний (тело – ящур) // Труды Ин-та русского языка. – М. – Л., 1949.
172. **Преобр. 1** – Преображенский А.Г. Этимологический словарь русского языка. – М., 1958. – Т. I.
173. **Прок.** – Древняя русская литература: Хрестоматия / Сост. Н.И.-Прокофьев. – Изд. 2-е, доп. – М.: Просвещение, 1988.
174. **ПРП** – Путешествия русских послов XVI–XVIII вв.: Статейные списки. – М. – Л., 1954.
175. **ПСРЛ** – Полное собрание русских летописей.
176. **Пушк. в жизни** – Вересаев В.В. Пушкин в жизни: Сист. свод подлинных свидетельств современников. – Мінск: Маст. літ., 1987.
177. **ПТ** – Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем. Т.4: Письма 1859–1861. – М.: Наука, 1987.
178. **ПЧ** – Чехов А.П. Собрание сочинений в 12 т. Т.12. Письма 1893 – 1903 гг. – М., 1957.
179. **Разд. IV** – Крестьянская война под предводительством Степана Разина. Т. IV, доп. / Сост. Е.А.Швецова. – М.: Наука, 1976.
180. **Разр. кн.** – Разрядная книга 1475 – 1598 гг. – М.: Наука, 1996.
181. **РБС 1, 2** – Руска-беларускі слоўнік = Русско-белорусский словарь. В 2 т. / Ред. К.К.Атрахович (Кондрат Крапива). – 2-е изд., доп. и перераб. – Мінск: Бел СЭн, 1982.
182. **РДС** – Русская демократическая сатира XVII века / Подгот. текста, статья и ком. В.П.Адриановой-Перетц. – Изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 1977.
183. **Рерих** – Рерих Н.К. Из литературного наследия / Под ред. М.Т.Кузьминой. – М.: Изобр. искусство, 1974.
184. **РЛ XVIII в.** – Русская литература XVIII века. 1700 – 1775 гг. / Сост. В.А.Западов. – М., 1979.
185. **Рогож. л.** – Рогожский летописец. Сп. сер. XV в. ПСРЛ. Т. 15. – Вып. 1. – Изд. 2-е. – Пг., 1922.
186. **РП-XVIII** – Русская проза XVIII в. Т. 1-2. – М. – Л., 1950.
187. **РРД-3** – Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII в.). Пьесы школьных театров Москвы. – М.: Наука, 1974.
188. **РРД-4** – Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII в.): Пьесы столичных и провинциальных театров первой половины XVIII в. – М.: Наука, 1975.
189. **РРД-5** – Ранняя русская драматургия (XVII – первая половина XVIII в.): Пьесы любительских театров. – М.: Наука, 1976.
190. **РСПС** – Русские свадебные песни Сибири / Сост. Р.Н.Потанина. – Новосибирск, 1979.
191. **РСС** – Русские сатирические сказки / Сост. Дм. Молдавский. – Л., 1979.

192. **РУКРС** – Русско-украинский словарь = Російсько-український словник / Сост. Д.И.Ганич, И.С.Олейник. – Изд. 4-е. – Киев: Главн. ред. Укр. сов. энциклопедии, 1979.
193. **Рус. сказочн.** – Русские сказочники / Сост. Э.В.Померанцева. – М.: Просвещение, 1976.
194. **Рус. разг. речь** – Русская разговорная речь: Тексты. – М.: Наука, 1978.
195. **Рыбн.** – Рыбникова М.А. Русские пословицы и поговорки – МЖРФ.
196. **Савчук** – Савчук Т.Н. Речевой этикет в русских и белорусских народных сказках: Дис. канд. филол. наук. – Минск: 1995.
197. **Сапунов** – Сапунов Б.В. Книга в России в XI–XIII вв. – Л.: Наука, 1978.
198. **Свят. Алекс.** – Описание заключения мира между в. кн. Литовским Витовтом-Александром и в. кн. Московским Иваном III, сватовства Витовта на дочери Ивановой Елене. 1495 г. – АЮЗР. 2.
199. **СДР** – Словарь древнерусского языка (XI – XIV вв.). В 10 т. – М.: Русский язык, 1988.
200. **Сев. пред.** – Северные предания. Беломорско-Онежский регион. – Л.: Наука, 1978.
201. **Селиванов** – Селиванов Ф. М. Словарь. – Былины.
202. **Селищев** – Селищев А.М. Старославянский язык. – М.: Учпедгиз, 1951. – Ч. II.
203. **Сержп.** – Сержпотовский, А.. Сказки и рассказы бнлорусовъ-полшукоевъ. – СПб, 1910.
204. **Сибир. ск.** – Сибирские сказки / Записаны И.С.Коровкиным от А.С.Кожемякиной. – Изд. 2-е, доп. – Новосибирск, 1973.
205. **Слав. яз.** – Славянские языки (Очерки грамматики западнославянских и южнославянских языков) / Под ред. А.Г.Широковой и В.П.Гудкова. – М.: Изд-во МГУ, 1977.
206. **Ск. 1** – Сказки: Кн.1 / Сост., вступ. ст., подгот. текстов и коммент. Ю.Г.Круглова. – М.: Сов. Россия, 1988 (Б-ка русского фольклора; т. 2).
207. **Ск. 2** – Сказки: Кн.2 / Сост., подгот. текстов и коммент. Ю.Г.Круглова. – М.: Сов. Россия, 1989 (Б-ка русского фольклора; т. 2).
208. **Ск. и пов. о К. б.** – Сказания и повести о Куликовской битве / Подгот. Л.А.Дмитриев и О.П.Лихачева. – Л.: Наука, 1982.
209. **Ск. о богат.** – Русские народные сказки Сибири о богатырях / Сост. Р.П.Матвеева. – Новосибирск, 1979.
210. **Ск. о М. поб.** – Сказание о Мамаевом побоище. – Ск. и пов. о К. б.
211. **Сл. каб.** – Служба кабаку // Рус. дем. сатира XVII века // Подгот. текстов, статья и ком. В.П.Адриановой-Перетц. – Изд. 2-е, доп. – М.: Наука, 1977.
212. **Ск. о роск. жит.** – Сказ. о роскошном житии и веселии. – ПЛДР XVII в. 2.

213. **Сл. об икон.** – Послание иконописцу и «слова» о почитании икон / Казакова Н.А. и Лурье Я.С. Антифеодалные еретические движения на Руси XIV – нач. XVI в. Приложение. Источники по истории еретических движений XIV – нач. XVI в. – М. – Л., 1955.

214. **СлРЯ** – Словарь русского языка. В 4 т. – Изд. 3, стереотип. – М.: Рус. язык, 1987. – Т. 3.

215. **Снег.** – Русские народные пословицы и притчи / Сост. И.М. Снегирев. – М.: Русская книга, 1995.

216. **Соловьев, VII** – Соловьев С.М. История России с древнейших времен. – М., 1962. – Книга VII.

217. **Сомов** – Сомов К.С. Письма и дневники. – М.: Искусство, 1979.

218. **Срезн.** – Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. 1–3. – М., 1958.

219. **ССМ** – Словник староукраїнської мови XIV–XV ст. У 2 т. Т. 1. – Київ: Наукова думка, 1977; Т. 2. – Київ: Наукова думка, 1978.

220. **ССРЛЯ** – Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. – М. – Л., 1950 – 1965.

221. **Стернин 1996** – Стернин И.А. Русский речевой этикет. – Воронеж, 1996.

222. **Стеф. и Ихн.** – Стефанит и Ихнилат. Средневековая книга ба сен по русским рукописям XV–XVII веков / Подгот. О.П.Лихачева и Я.С.Лурье / Пер. греческого текста Е.Э.Гранстрем и В.С.Шандровской. – Л.: Наука, 1969.

223. **Стрільц. п.** – Пісні українських січових стрільців / Збережено правопіс і оформленне від видання 1932 року. – Львів: Вільна Україна, 1990.

224. **СУМ** – Словник української мови. Т. 1–12. – Київ: Наукова думка, 1970 – 1975.

225. **Сутра о мудр. и гл.** – Сутра о мудрости и глупости (Дзанлудзо) / Пер. с тибет., введ. и ком. Ю.М.Парфионовича / Памятники письменности Востока. VII. – М.: Наука, 1978.

226. **СЭС** – Советский энциклопедический словарь. – М., 1980.

227. **Тинберген** – Тинберген, Н. Поведение животных / Пер. с англ. О.Орлова и Е.Панова. – М.: Мир, 1978.

228. **Тихомиров, 1969** – Тихомиров М.Н. Исторические связи России со славянскими странами и Византией. – М.: Наука, 1969.

229. **Тихомиров, 1973** – Тихомиров М.Н. Феодальный порядок на Руси // Тихомиров М.Н. Российское государство XV – XVII веков. – М.: Наука, 1973.

230. **Тихомиров, 1975** – Тихомиров М.Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI – XIII вв // Тихомиров М.Н. Древняя Русь. – М.: Наука, 1975.

231. **Тихомиров, 1979** – Тихомиров М.Н. Русское летописание. – М.: Наука, 1979.

232. **ТОДРЛ** – Труды отдела древнерусской литературы АН СССР.

233. **Токарева** – Токарева И.И. Этнолингвистика и этнография общения: Монография / Минск. гос. лингв. ун-т; Под ред. Ф.Л.Литвина. – Минск, 2001.
234. **Толстой** – Толстой И.И. Сербскохорватско-русский словарь. – Изд. 4-е, стереотип. – М.: Рус. язык, 1976.
235. **Трад. ф-р Новг. обл.** – Традиционный фольклор Новгородской области (По записям 1963–1976 гг.). Песни, причитания / Подгот. В.И. Жекулин, В.В. Коргузалов, М. М. Лобанов, В.В. Митрофанова. – Л.: Наука, 1979.
236. **ТСБМ** – Глумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. / Минск: Бел СЭн, 1977–1984.
237. **ТСУ** – Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н.Ушакова. Т. 1–3. – М.: Сов. энцикл., 1934 – 1939.
238. **Тышк.** – Фальклор у записях Яна Чачота і братоў Тышкевічаў / Уклад., сістэм. тэкстаў і камент. В.І.Скідана і А.М.Хрушчовай. – Минск: Беларуская навука, 1997.
239. **УБС** – Лемцюгова В.П. Українська-біларускі слоўнік. – Минск: Выш. шк., 1980.
240. **Українці** – Українці: народні вірування, повір'я, демонологія / Упор., прим. та біогр. нариси А.А.Пономарьова, Т.В. Косминої, О.О.Боряк; Вст. ст. А.А.Пономарьова; Іл. В.І. Гордієнка. – Київ: Лібідь, 1991.
241. **Укр. п.** – Українські народні пісні. – Київ: Музична Україна, 1976.
242. **УРС** – Українсько-російський словник = Украинско-русский словарь / За ред. В.С. Ільїна. – Київ: Наукова думка, 1964.
243. **Успенский** – Успенский Б.А. Языковая ситуация Древней Руси и её эволюции // Успенский Б.А. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI – XIX вв.). – М., 1994.
244. **Усп. сб.** – Успенский сборник XII – XIII вв. / Подгот. О.А.Князевская, В. Г. Демьянов, М. В. Ляпон; Под ред. С. И. Коткова. – М.: Наука, 1971.
245. **Устав ВОЗ** – Устав (конституция) Всемирной организации здравоохранения // Всемирная организация здравоохранения. Основные документы. – 39-е изд. – Женева, 1993.
246. **Фасмер** – Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 1964 – 1973. – Т. I– IV.
247. **Фет** – Фет, Афанасий. Воспоминания. – М.: Правда, 1983.
248. **Формановская 1987** – Формановская Н.И. Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты. – 2-е изд. – М., 1987.
249. **Формановская 1989.** – Формановская Н.И. Речевой этикет и культура общения. – М.: Высш. шк., 1989.
250. **Формановская 1998** – Формановская Н.И. Коммуникативно-прагматические аспекты единиц общения. – М.: Ин-т русского языка им. А.С. Пушкина, 1998.

251. **Формановская, Шевцова** – Формановская Н.И., Шевцова С.В. Речевой этикет. Русско-английские соответствия: Справочник. – М.: Высш. шк., 1990.
252. **ФТ** – Фольклорный театр /Сост. А.Ф.Некрылова и Н.И.Савушкина. – М.: Современник, 1988.
253. **Фрээр** – Фрээр, Дж. Дж. Золотая ветвь. Исследование магии и религии / Пер. с англ. – М., 1986.
254. **ФСМ** – Фразеологический словарь русского языка / Под ред. А.И.Молоткова. – М.: Русский язык, 1978.
255. **Хрест. Ив.** – Хрестоматия по истории русского языка / Авт. – сост. В.В.Иванов, Т.А.Сумкина, Н.П.Панкратова. – М., 1990.
256. **Чачот** – Фальклор у запісах Яна Чачота і братоў Тышкевічаў / Уклад, сістэм. тэкстаў і камент. В.І.Скідана і А.М.Хрушчовай. – Мінск: Беларускае навукa, 1997.
257. **Церк. устав Всеволода** – Устав новгородского князя Всеволода Мстиславовича о церковных судах // Древнерусские княжеские уставы. XI – XV вв. / Подгот. Я.Н.Щапов. – М.: Наука, 1976.
258. **Чин свад.** – Чин свадебный. – ПЛДР с. XVI в.
259. **Шанский** – Шанский Н.М. В мире слов. Книга для учителя. – Изд. 3-е. – М.: Просвещение, 1985.
260. **ЭССЯ** – Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – Вып. 3 / Под ред. О.Н.Трубачева. – М.: Наука, 1976.
261. **Южн. отк.** – Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги / Подгот. С.И.Котков, Н.С.Коткова. – М.: Наука, 1977.
262. **Якобсон** – Якобсон, Р. Избранные работы. – М.: Прогресс, 1985.

Содержание

Введение. Коммуникативная специфика приветствия.....	3
Глава 1. «Привет» как ключевое понятие восточнославянского этикета	27
1.1. Понятие «привет» в языковом сознании восточных славян	27
1.2. оборот <i>Приветствую!</i>	38
1.3. оборот <i>Привет!</i>	42
Глава 2. Речэтикетные формулы здоровья у восточных славян	49
2.1. Вопрос о здоровье как основной тип приветствия	51
2.1.1. Индоевропейские истоки	51
2.1.2. Этикетные функции вопроса о здоровье	54
2.1.3. оборот <i>Гой еси</i> – древнейшее восточнославянское приветствие	62
2.1.4. оборот <i>Здоров ли?</i>	70
2.1.5. обороты укр. <i>Здоров був</i> , бел. <i>Здароў (быў)</i>	73
2.1.6. оборот <i>Здорово живешь</i>	79
2.1.7. оборот типа <i>Здорово пришел</i>	83
2.1.8. оборот <i>Здорово</i>	85
2.1.9. оборот <i>Здравствуешь</i>	87
2.2. Приветствия – пожелания здоровья	90
2.2.1. Стереотип <i>Будь здоров</i> , его аналоги и варианты	90
2.2.2. оборот <i>Здравствуй</i>	105
2.2.3. Стереотип <i>Желаю (доброго) здоровья</i> и его модификации: <i>Желаю здравствовать</i> , <i>Здравия желаю</i> и подобные	116
2.2.4. Приветствие – апелляция к Богу <i>Дай Бог здоровья</i> .	121
Глава 3. Приветствия-благопожелания	131
3.1. Приветствия – пожелания Божьей помощи	131
3.2. Приветствия-миропожелания	144
3.2.1. оборот <i>Мир вам</i>	144
3.2.2. оборот <i>С миром</i>	151

3.2.3. оборот <i>Мира и... желаю (N желает)</i>	153
3.2.4. обороты <i>Дай Бог мир, Пошли Бог мир на душу..., Бог мира да будет с вами</i>	154
3.3. Приветственные формулы и клише с семантиками 'спасение', 'сохранение'	155
3.4. Приветствия-хайретизмы в русской книжной традиции ...	162
3.5. Пожелание многолетия (приветственные формулы <i>Исполать и Многая лета</i>)	175
3.5.1. Семантическая трансформация грецизма <i>Исполать</i> в русском языковом сознании	175
3.5.2. оборот <i>Многая лета</i> и этикетные функции пожелания многолетия	183
3.5.3. оборот <i>Многолетствуй</i>	187
3.6. Приветствия – пожелания доброго времени суток	191
Глава 4. Приветственные жесты и их вербализация	198
4.1. <i>Поклон</i> и этимонимы этого слова в речевых этикетных системах восточных славян	198
4.1.1. <i>Поклон</i>	198
4.1.2. Церковнославянские синонимы лексемы <i>поклон</i> : <i>поклоние, поклонение, покланяние</i>	214
4.1.3. Семантическое своеобразие глаголов <i>поклониться, покланяться, поклоняться</i>	216
4.1.4. Глагол <i>кланяться</i>	228
4.2. Челобитие как этикетное действие	238
4.2.1. оборот <i>Челом бить</i>	238
4.2.2. Лексема <i>челобитье</i>	253
4.2.3. оборот <i>Челом</i>	257
4.2.4. Глагол <i>челомкаться</i>	262
4.3. Конкуренция «челобития» и «поклона» в языковом сознании	263
4.4. Приветствие-целование	268
Глава 5. Приветственная формула <i>Моё почтение</i>	281
Заключение	288
Сокращения и источники	292

Научное издание

Гребенщикова Надежда Семеновна

ИСТОРИЯ РУССКОГО ПРИВЕТСТВИЯ

(НА ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКОМ ФОНЕ)

Монография

Редактор Е.А.Смирнова

Компьютерная верстка: В.И.Карасик

Дизайн обложки: О.В.Канчуга

Сдано в набор 07.04.2004. Подписано в печать 03.08.2004.
Формат 60x84/16. Бумага офсетная № 1.
Печать RISO. Гарнитура Таймс, Ижица.
Усл. печ. л. 18,13. Уч.-изд. л. 19,68. Тираж 110 экз. Заказ .

Учреждение образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы».
ЛВ № 02330/01633257 от 30.04.2004. Ул. Пушкина, 39, 230012, Гродно.

Отпечатано на технике издательского отдела
Учреждения образования «Гродненский государственный
университет имени Янки Купалы».
ЛВ № 02330/0056882 от 30.04.2004. Ул. Пушкина, 39, 230012, Гродно.

